

Министерство образования и науки
Кыргызской Республики
Ошский государственный университет
Кафедра русского и сопоставительного языкознания

На правах рукописи
УДК: 41:494.3:415.412

Амиралиев Семетей Манасович

**МОРФОНОЛОГИЯ ФИНАЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ КОРНЕВЫХ МОРФЕМ В
КИТАЙСКО-КЫРГЫЗСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ
(в контексте алтаистики и ностратики)**

**10.02.20–сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание**

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

**Научный консультант – доктор филологических наук,
профессор К.З. Зулпукаров**

Ош – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
---------------	---

ГЛАВА I. ОБЗОР ИДЕЙ И ПРИНЦИПОВ ЛИНГВОТИПОЛОГИИ И ЛИНГВОГЕНЕТИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СИНОЛОГИИ, АЛТАИСТИКИ И НОСТРАТИКИ

1.1. Принципы лингвогенетики и глоттогенеза	11
1.2. Ностратика как отрасль компаративистики	17
1.3. К дискуссии по вопросу об алтаистике	21
1.4. Китаизмы в кыргызском и других тюркских языках	23
Выводы по I главе	27

ГЛАВА II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ТЮРКСКИХ И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

2.1. Материалы, объект и предмет исследования.....	29
2.2. Методы исследования этимологически тождественных морфем китайского и кыргызского языков	35
2.3.1. Диереза и ее разновидности.....	41
2.3.1.1. Апокопа.....	41
2.3.1.2. Синкопа.....	47
2.3.1.3. Афереза.....	49
2.3.2. Метатеза как один из путей возникновения звуковых расхождений в китайском и кыргызском языках.....	50
2.3.3. Эпитеза.....	58
2.4. Влияние сингармонизма на звуковой облик современных рефлексов общих пракорней китайского и кыргызского языков.....	59
2.4.1. О гармонии звуков в слове.....	60
2.4.2. О межкультурных словах кыргызского языка, построенных по формуле САСА.....	81
2.4.3. Модель САСО.....	102
2.4.4. Действие фонетической формулы САСЫ и ее вариантов в межкультурных лексических единицах кыргызского языка.....	105
2.4.5. Модель СЕСА.....	115
2.4.6. Модель СЕСИ/СЕСИС.....	116
Выводы по II главе.....	121

ГЛАВА III. РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКО-КЫРГЫЗСКИХ ОБЩИХ КОРНЕЙ В КОНТЕКСТЕ АЛТАИСТИКИ И НОСТРАТИКИ

3.1. Пракорень <i>*kes/*sek</i> и его рефлексы	
--	--

в ностратических языках.....	124
3.2. Рефлексы пракорня *er «самец» в языках Евразии.....	126
3.3. Пракорень *deng «равный» в языках Евразии.....	142
3.4. Пракорень *kor/*rok «много, собирать» и его трансформы в ностратических языках.....	151
3.4.1. Рефлексы пракорня *kor- «вместе» в Евразийском лингвоэтнокультурном пространстве.....	152
3.4.2. Трансформы пракорня *kor «вместе» в ханью.....	164
3.4.3. Трансформы протокорня *rok «вместе» в современных языках. Репрезентативы значений «совместность и координированность действий, прочность вещей и качеств».....	167
3.4.4. К дополнительному обоснованию правомерности метатезы *kor/rok в протоязыке.....	192
3.4.5. О происхождении слова <i>калтак</i> в языках Евразии.....	195
3.4.6. Евразийский корень *rok «вместе» с точки зрения синологии.....	198
3.4.7. Некоторые выводы.....	202
3.5. Пракорень *put/*tup «нога» в языках Евразии.....	207
3.6. Термины родства и свойства в ностратических языках.....	231
3.6.1. О происхождении названия жены старшего брата.....	231
3.6.2. Об этимологии номинанта невестки.....	234
3.6.3. К вопросу о происхождении названия платы за невесту.....	240
3.7. Рефлексы названий семьи и жилища в языках Евразии.....	244
3.8. О кыргызских словах «иранского» происхождения.....	254
3.9. Этимология названий автомойки и авторемонтной мастерской в кыргызском языке.....	263
3.10. Китайско-кыргызское <i>zhèr/жер</i> и его семантико-звуковое варьирование.....	276
3.11. Истоки семантического строения некоторых слов, словосочетаний и предложений кыргызского языка.....	283
Выводы по III главе.....	300
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	302
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	309
ПРИЛОЖЕНИЯ	340

ВВЕДЕНИЕ

Основанием для выбора темы работы послужил целый ряд факторов. Во-первых, в настоящее время активно развивается сотрудничество между КНР и Кыргызской Республикой на политическом, экономическом, производственно-техническом, культурно-образовательном, научно-познавательном, гуманитарном и других уровнях. Во-вторых, среди кыргызской молодежи оживляется интерес к истории, языку, литературе, культуре, экономике, медицине соседнего государства, к освоению великого культурного наследия ханзу и их опыта в области торговли и сервиса, транспорта и градостроительства, философии и науковедения, спорта и технологии. В-третьих, в республике повсеместно открываются и продуктивно функционируют курсы обучения китайскому языку, в вузах открываются факультеты китайского языка и институты Конфуция. В-четвертых, в нашей республике интенсивно разрабатываются вопросы, связанные с лингвоэтногенетическим единством алтайских и сино-тибетских народов, выдвигаются и обосновываются соответствующие идеи по данным их языков. В-пятых, в условиях глобализации освоение многовекового и масштабного опыта и знаний китайского суперэтноса весьма полезно для интеллектуального развития нашего народа. Наличие многочисленных общих корней в кыргызском и китайском языках и их неизученность обусловили выбор темы и направление работы.

Актуальность темы данного исследования, следовательно, состоит

1) в необходимости рассмотрения корневых морфем кыргызского и китайского языков с точки зрения происхождения и отдаленного вероятного генетического родства их носителей;

2) в важности изучения корней и аффиксов ограниченного числа языков для начального этапа накопления, систематизация и описания фактов с целью дальнейшего перехода на более широкую ступень сравнения – на алтаистику и ностраттику;

3) в значимости финального трансформирования корнеслогов ханью в преобразовании звукового облика межъязыковых слов, в увеличении фонологических расхождений в генетически тождественных лексемах отдаленно-родственных языков и в приобретении китайскими словами тоновых дифференциальных признаков после падения конечных согласных;

4) в весомости доказательства ностратической принадлежности языка китайского суперэтноса для компаративистики и сравнительно-исторического языкознания;

5) в невозможности надежного и фонологически обоснованного восстановления пракорней ханью с иероглифическим характером письма, передающего не звучание слов, а символические образы номинируемых предметов, процессов и признаков;

6) в важности привлечения внимания сиологов к сравнительному языкознанию и ностратике, недостаточно развитым лингвистическим направлениям в КНР, и убеждения их в том, что тюркские и другие евразийские языки сохранили древнейший звуковой облик прототипов современных слов;

7) в привлекательности ностратики и широкого взгляда на происхождение языка в аспекте глоттогенеза.

Связь темы диссертации с программами, основными научно-исследовательскими работами, проводимыми научными учреждениями. Работа является инициативной.

Цель работы – сравнительно-историческое и сопоставительно-типологическое исследование финального трансформирования лексико-грамматических единиц китайского и кыргызского языков в контексте алтаистики и ностратики.

Достижение этой цели предполагает решение следующих **задач**:

1) ознакомиться с процедурами и приемами сравнительно-исторического языкознания, выработанными и апробированными в

индоевропеистике, алтаистике, кавказоведении, семитологии, уралистике и других отраслях компаративистики;

2) внести в технологию сравнительно-исторического метода необходимые коррективы с учетом специфики ханью и киргизского языка; привлечь факты киргизского языка для сравнения с данными ханью на фоне других близкородственных языков, прежде всего – тюркских;

3) выписать из словарей китайского языка лексические единицы, имеющие материально-семантические аналоги в киргизском языке; проанализировать их с точки зрения билингвальных и полилингвальных звуковых и смысловых соответствий;

4) произвести двуязычное и многоязычное сравнение лексем языков евразийского лингвоэтногенетического и культурно-языкового пространства с точки зрения алтаистики и ностратики;

5) провести четкую грань между генетически общими и заимствованными из ханью корнями в словарном фонде киргизского и тюркских языков;

6) описать факты двух языков с учетом логики эволюции китайского языка и достижений сравнительно-исторического языкознания;

7) рассмотреть происхождение отдельных слов, свободных словосочетаний и фразеологизмов киргизского языка в сравнительно-историческом аспекте;

8) выделить часть базовой лексики ряда языковых семей Евразии и рассмотреть ее в плане ностратического единства языков;

9) произвести реконструкцию архетипов некоторых продуктивных корней ностратических языков и описать пути их семантической модификации, трансформирования и распространения в языках Евразии;

10) уточнить этимологию некоторых слов тюркских языков в контексте синологии; продемонстрировать роль китайских корневых морфем в образовании сложных слов в тюркских языках;

11) разработать новую методику реконструкции ностратических пракорней в свете достижений современной компаративистики; внедрить ее в процесс сравнительного анализа рефлексов восстанавливаемых пракорней;

12) определить пути и направления дальнейших исследований лингвоэтногенетического и социокультурного единства алтайских и сино-тибетских языков.

Научная новизна результатов исследования. В процессе работы над проблемой получены некоторые результаты, важные для кыргызско-китайского сравнительного языкознания, алтаистики и ностратики:

1) на конкретном фактическом материале обосновано положение о принадлежности китайского языка к ностратической семье языков;

2) выявлены и охарактеризованы активно действующие фонетические процессы трансформирования рефлексов протокорней в конкретных языках;

3) определена роль фонетических изменений в финальных частях китайских слогов в увеличении расхождений в тюркско-китайских рефлексах пракорней и в потере ими исходных общих черт;

4) на материале двух языков продемонстрированы последствия падения конечных неносовых согласных в китайском слове (I тыс. до н.э. – V в.н.э.), приведшего китайские корни к потере прежнего звукового облика, к лишению сходства с алтайскими соответствиями, к сокращению в объеме и приобретению тональных различий;

5) обоснована необходимость пересмотра распространенного и устоявшегося мнения тюркологов об иранском происхождении некоторых слов в тюркских языках;

6) доказано китайское происхождение ряда односложных кыргызских и межтюркских слов и фразеологизмов;

7) осуществлено сравнительное описание рефлексов пракорня **kes/sek* «резать» в языках Евразии;

8) обоснована необходимость комплексного рассмотрения рефлексов праформы **kop/pok* «вместе» в ностратических языках;

9) продемонстрирована координирующая роль протокорня **put/tup* «нога, низ» в установлении этимологии многочисленных производных слов в евразийском лингвоэтногенетическом пространстве;

10) предложена и обстоятельно аргументирована новая версия происхождения кыргызских слов *уй* «жилище», *уй-бүлө* «семья», *бүлө* «семья, член семьи» и *бөлө* «дети двух сестер»;

11) среди евразийских корней выделены широко-, средне- и ограниченно-распространенные лексические единицы;

12) доказана производность, сложность строения целого ряда считавшихся первичными корнями кыргызского языка.

Теоретическая значимость исследования. Результаты, полученные в процессе работы, служат базой для установления лингвоэтногенетического единства сино-тибетской и алтайской языковых семей, а также для реконструкции их праязыкового состояния. Некоторые факты, установленные в работе, расширяют наши представления о составе ностратических языков и позволяют внести ряд уточнений в корпус аргументаций гипотез по алтаистике. Материалы исследования могут быть полезными для уточнения источников заимствованной лексики в тюркских языках, в том числе – в кыргызском, а также для демонстрации путей и способов появления формально-семантических расхождений в этимологически идентичных словах отдаленно-родственных языков.

Практическая ценность исследования состоит в возможности использования его результатов в трудах по этимологии, по истории языков, в учебно-научной литературе по теории языка, сравнительной грамматике тюркских, монгольских и других языков, в учебных курсах “Введение в языкознание”, “Общее языкознание”, “Типологическое языкознание”, “Тюркология”, “Теория и история языкознания” и т.д., которые преподаются на филологических факультетах вузов республики. Считаем, что материалы исследования могут быть полезными для исполнителей квалификационных (дипломных) работ, магистерских, кандидатских и докторских диссертаций

по проблематике этимологии, глоттогенеза и сравнительно-исторического языкознания.

Положения, выносимые на защиту. Сравнивая кыргызско-китайские общие слова в контексте алтаистики и ностратики, мы выдвигаем и обосновываем некоторые важные для компаративистики положения:

1. Ханью вместе с другими сино-тибетскими языками относится к ностратической макросемье языков.

2. В трансформации исходных китайских слогов участвовали разные фонетические процессы, тенденции и закономерности. Среди них основными являются метатеза, диереза (апокопа, синкопа, афереза), эпитеза, эпентеза, протеза, дифтонгизация, чередование, сингармонизм и др.

3. Фонологические изменения в финальных частях китайских слогов привели к увеличению звуковых расхождений в рефлексах ностратических пракорней и к потере и «разрушению» первоначального звукового облика общих корней на китайской почве.

4. Падение конечных согласных *-p*, *-m*, *-n*, *-k* и т.д. в китайских слогах и их сохранение в других отдаленно родственных языках (например, в кыргызском и прочих тюркских языках) – одно из доказательств принадлежности ханью к евразийскому лингвоэтногенетическому единству.

5. Кыргызские слова *соода* «торговля», *арзан* «дешевый», *баа* «цена», *чекене* «розничный», *дүң* «оптовый», *пайда* «выгода, прибыль», *маң* «гашиш», *меңдубана* «белена», *майин* (диал.) «мягкий, деликатный (о характере)», *алоо* «пламя» и многие другие, вопреки общепринятому мнению, заимствованы не из иранских и арабского языков, а из ханью.

6. Общетюркские слова *жыл/йил* «год», *жол/йол* «дорога», *кул* «раб, работник», *чал/шал* «старик», *мала* «борона» и др. мотивируются фактами ханью. Фольклорные идиомы *Жээренче чечен*, *Баян сулуу* и др. – китаизмы.

7. В языках Евразии широко представлены рефлексы пракорня **kes/sek* «резать».

8. Пракорень **kor/pok* «вместе» имеет множество взаимодополняющих трансформ в евразийском лингвоэтногенетическом пространстве.

9. Рефлексы пракорня **put/tup* «нога, низ» встречаются во многих языковых семьях Евразии.

10. Кыргызские названия жилища, семьи и родства по матери имеют восточно-ностратические корни.

11. Однокорневые слова в языках Евразии обладают различной степенью распространенности. Среди них есть широко-, средне- и ограниченно-распространенные слова.

12. Факты ханью подтверждают сложное строение кыргызских слов, всегда считавшихся исходными, простыми.

Личный вклад соискателя. Материалы исследования взяты автором из различных источников – словарей, научных статей, монографий и т.д. и проанализированы самостоятельно. В сборе и интерпретации фактов частично принимали участие коллеги из КНР. Фонетико-семантическая идентификация общих корней двух языков осуществлена соискателем лично. В опубликовании результатов исследования участвовали соавторы и сотрудники Института лингвистики Ошского государственного университета.

Апробация результатов исследования. Работа прошла необходимую апробацию. Ее теоретические основы и практические выводы содержались в докладах автора, которые читались им на различных республиканских, межвузовских и университетских научно-практических конференциях (21 доклад). Принципы и методы исследования могут быть учтены в вузовских курсах общей и сравнительной лингвистики, тюркологии и синологии, в спецкурсах по китайско-тюркской сравнительной лексикологии, по этимологии и ностратике. Часть фактического материала может быть полезной при обучении кыргызов китайскому языку, китайцев кыргызскому языку, при изучении на факультетах иностранных языков теоретических курсов по истории, фонетике и лексикологии китайского языка.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях.

Основное содержание и основные положения диссертации отражены в 56 публикациях: Web of Science – 2 публикации; Scopus – 3 публикации; зарубежный и отечественный РИНЦ – 33 статей (Россия, Казахстан, Узбекистан, Голландия, Соединенные Штаты Америки, Индия); входящих в перечень рецензируемых научных периодических изданий НАК КР – 4 статей; а также 16 статей в рецензируемых изданиях и сборниках научных трудов Кыргызстана. Диссертационная работа по частям 3 раза обсуждалась на заседаниях кафедры русского и сопоставительного языкознания Ошского государственного университета.

Структура и объем диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

В первой главе содержится обзор литературы, в котором рассматриваются материалы взаимодействия китайского и кыргызского языков, и излагаются принципы китайско-кыргызской сравнительной фонетики и лексикологии.

Во второй главе излагаются методологические основы и методы исследования, приводятся и анализируются языковые факты и соответствующие теоретические положения, доказывающие общность лингвоэтногенетических корней двух народов. В ней подробно характеризуются фонетические процессы, обуславливающие увеличение расхождений в сравниваемых языках.

Третья глава содержит результаты собственных исследований автора китайско-кыргызских лексических параллелей, обладающих общностью звучания и значения. В ней в той или иной мере приводятся факты из различных лексико-семантических и тематических классов лексем двух языков с общим звуковым обликом и смыслом.

В заключении подводятся итоги, формулируются общие выводы и перспективы исследования.

Объем работы – 308 страниц.

ГЛАВА I. ОБЗОР ИДЕЙ И ПРИНЦИПОВ ЛИНГВОТИПОЛОГИИ И ЛИНГВОГЕНЕТИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СИНОЛОГИИ, АЛТАИСТИКИ И НОСТРАТИКИ

Глава посвящена изложению основных положений компаративистики. В ней характеризуются принципы и теоретическая база исследования, выполняемого в рамках лингвогенетики и ностратики.

1.1. Принципы лингвогенетики и глоттогенеза

Лингвогенетика занимается изучением происхождения и развития языков. В ней доминирующее положение занимают четыре приема исследования: 1) генетическое отождествление фактов, 2) реконструкция соответствующих архетипов, 3) хронологизация, периодизация языкового материала и 4) локализация явлений и их системно связанных совокупностей. Все они вместе составляют содержание сравнительно-исторического метода.

Основоположниками сравнительно-исторического языкознания обычно считают Франца Боппа, Расмуса-Кристиана Раска, Якова Гримма и А.Х. Востокова [Общее языкознание: 11; Принципы описания языков мира: 24; Якобсон, 1963: 93; Макаев, 1964: 8-10].

Датский лингвист Р. Раск (1787-1832) выпустил несколько книг по сравнительной грамматике: «Исследование происхождения древнесеверного, или исландского, языка» (1818), «О фракийской группе языков» (1822) и др., в которых факты исландского языка сравниваются с фактами языков «готского языкового класса» и фракийской группы (т.е. греческого и латинского языков) и устанавливается родство этих двух языковых семей. Он показал, что дело сравнительной грамматики не предписывать, как образовывать слова, но описывать, как они образуются и изменяются [Кодухов: 21; Дербишева, 2003: 19].

Немецкий ученый Я. Гримм был автором четырехтомной «Немецкой грамматики» (1837), в которой исследуются готско-германские языки и

показывается соотношение звуков и форм этих родственных языков в различные времена и в разных наречиях, диалектах и говорах. Он обосновал положение о трех ступенях развития языка: 1) на первой ступени происходит рост корней и слов, обозначающих вещественные представления; 2) на второй ступени появляются флексии и суффиксы; 3) на третьей создается гармония целого [Кодухов: 21; Буранов, 1983: 87; Леонтьев, 1963: 6-7; Мечковская, 2009: 148; Мельников, 1969: 34-35].

Возникновение германистики является началом сравнительно-исторического языкознания.

Параллельно с германистикой формируется и развивается славистика. Основы теории о лингвоэтногенетическом единстве славян были заложены в трудах трех выдающихся ученых – И. Добровского (1753-1829), А.Х. Востокова (1781-1864) и Ф. Миклошича (1813-1891). Работы И. Добровского содержали в себе основы сравнительной грамматики славянских языков, демонстрируют степени их общности и их связь с древнеславянским. Труды А.Х. Востокова опирались на большой фактический материал и оказали основополагающее влияние на развитие славянского языкознания и способствовали утверждению сравнительно-исторического метода. Если И. Добровский различал только северную и южную группы славянских языков, А.Х. Востоков доказал необходимость выделения среди них еще и восточной группы. Ф. Миклошич опубликовал четырехтомный труд по славистике (1852-1875) и способствовал выделению славянского языкознания как отрасли науки [Кодухов: 22-23; Кондрашов: 43-45; Ярцева, Шведова, 1969: 326; Поливанов, 1968: 14-15].

Немецкий языковед Ф. Бопп (1791-1867) заложил основы компаративистики – сравнительной грамматики индоевропейских языков. Он взял за основу санскрит и обнаружил сходство морфологии (корней и аффиксов) и регулярность фонетических соответствий в большой группе языков. На материале санскрита (древнеиндийского), зенда (древнеиранского или авестийского), армянского, древнегреческого,

латинского, старославянского и литовского он создал сравнительную грамматику индоевропейских языков в трех томах. Им был разработан и внедрен в науку о языке сравнительно-исторический метод [Кодухов: 24; Кондрашов: 41; Реформатский, 1960: 390].

Известно, что Ф. Бопп сравнивал факты индоевропейских языков с материалами других языковых семей. Эта его идея поддерживается ныне представителями современной компаративистики, особенно – ностратики. Но есть языковеды, которые критически оценивают подход Ф. Боппа. По мнению Н.А. Кондрашова, «Бопп ошибался, стремясь указать родство с индоевропейскими языками также индонезийских и кавказских языков» [Forchheimer: 142; Кондрашов: 41; Скаличка В.К., 1996, 25].

Лингвогенетикой занимался и В. фон Гумбольдт (1767-1835) – основатель философии языка. Он пытался установить генетическую связь между всеми языками – китайским и санскритом, составляющими «две твердые конечные точки», санскритом и семитскими, санскритом и баскским, кави и санскритом, считая малайско-полинезийские языки промежуточным звеном между индийскими и американскими языками [Кондрашов: 28; Рамишвили: 5-33; Гранде, 1972: 359].

Сравнительно-историческое языкознание в XIX в. стало наиболее разработанной отраслью науки о языке. Ученые делят его историю на три периода: первый – 1816-1870 гг. (Ф. Бопп), второй – 1871-1916 гг. (А. Шлейхер, К. Бругман, Б. Дельбрюк, Ф.Ф. Фортунатов и др.), третий – языкознание XX в. (А. Мейе, Г. Хирт, Е. Курилович, Э. Бенвенист, А. фон Габен, Ф. Шпехт, В. Пизани, В. Порциг, В. Георгиев, В.М. Жирмунский, М.М. Гухман и др.).

С именем А. Шлейхера (1821-1868) связано оформление индоевропеистики в особую науку. Он создал генеологическую систематику и родословное дерево языковой семьи. А. Шлейхер ввел понятие праязыка (Ursprache). По его предположению, индоевропейский праязык сначала распался на североевропейскую (славяно-германскую) и южноевропейскую

(арио-греко-итало-кельтскую). Древнеиндийский язык ближе к праязыку и сохранил его основные черты. Он впервые последовательно применил метод реконструкций, восстанавливая прототипические формы доисторических корней в индоевропейском праязыке [Кодухов: 31-32] на основе регулярных звуковых соответствий в современных этимологически идентичных словах.

Под влиянием индоевропейского сравнительно-исторического языкознания формируются и развиваются сравнительная семитология, уралоистика, кавказистика, алтаистика и другие направления в компаративистике [Ахманова, 1966: 116, 241, 483].

К проблематике нашей работы определенное отношение имеют достижения урало-алтайской теории в компаративистике, идеи и принципы которой наиболее полно освещены в обобщающих трудах многих ученых – Х. Винклера (1884), С.М. Широкогорова (1931), Б. Коллиндера (1946), М. Рясенена (1953), Д. Шинора (1948), а также в многочисленных частных исследованиях, зафиксированных в библиографических работах Й. Бенцига (1953), Д. Шинора (1963), А. Дильачара (1964) и других [Баскаков, 1981: 6].

Обширная урало-алтайская общность языков в процессе дивергенции и конвергенции племен, народностей и их союзов дифференцировалась на две семьи – уральскую и алтайскую. Уральская семья, вероятно, сначала консолидировалась в две группы – финно-угорскую и самодийскую. Первая из них позднее распалась на финскую и угорскую, а вторая – на самодийскую и, предположительно, юкагиро-эскимосско-алеутскую группу языков [Баскаков, 1981: 6]. Алтайская семья, вероятно, распалась на три ветви: а) тюрко-монгольскую с группами тюркской и монгольской; б) тунгусо-маньчжурскую с тунгусской и маньчжурской группами и, предположительно, в) японо-корейскую с соответствующими двумя группами [Баскаков, 1981: 7; Рамстедт, 1957: 29-30]. В нашем исследовании последовательно учитывается общность тюрко-монгольских языков. Этимология многих кыргызских корнеслов рассматривается в контексте именно тюркологии и монголоведения.

Конечно, гипотезы об урало-алтайской, алтайской или тюрко-монгольской генетических общностях языков не являются общепринятыми, вызывают споры, имеют много противников. Даже вопрос о принадлежности корейского языка к алтайским языкам является предметом больших лингвоэтногенетических дискуссий. Одни ученые называют его совершенно изолированным по происхождению языком, другие связывают с японским, третьи считают его разновидностью китайского языка. Есть языковеды, которые относят его к дравидийским (Южная Индия) или к алтайским языкам. Отдельные лингвисты объединяют корейский язык с нивхским или с тунгусо-маньчжурскими [Пашков: 5-15]. Мы иногда обращаемся к фактам из этого языка.

Мы рассматриваем кыргызско-китайские общие корни с позиции тюркологии, алтаистики и ностратики.

Конечно, изучение происхождения слов в родственных языках необходимо предполагает обращаться к положениям теории глоттогенеза – учения о происхождении языка и его исходном состоянии. Теория глоттогенеза – многоплановое и полиаспектное лингвистическое направление. В языкознании утвердилось множество теорий происхождения языка: 1) креационистическая теория; 2) биолого-социальная теория; 3) междометная теория; 4) звукоподражательная теория; 5) сенсомоторная теория; 6) ономапоэтическая теория; 7) теория социального договора и т.д. [Элчиев: 81-87].

При определении этимологии слов нам иногда приходится говорить об исходном первобытно-общинном состоянии словарного состава языка, в элементарной форме отражающего первичные представления о предметах окружающего мира и служившего архетипом современных высокоразвитых словесных знаков со сложным строением и многообразной семантикой.

Исследуя проблемы лингвогенетики и сравнительно-исторического языкознания, мы опирались на труды целого ряда компаративистов:

1) по индоевропейстике (А. Мейе 1938, Э. Прокош 1954, В.М. Жирмунский 1965; К. Бюлер 2000, В.Я. Мыркин 1964, О. Есперсен 1958; Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов 1984, Ж. Одри 1988 и др.);

2) по иранским языкам (И.М. Оранский 1979, Т.Н. Пахалина 1969, Д.И. Эдельман 1971, В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман 2000, 2003, 2007, Д.И. Эдельман 2015);

3) по индийским языкам (В.С. Воробьев-Десятовский 1956, В.Д. Бабакаев 1961, В.В. Вертроградова 1978, Т.Е. Катенина 1963, Б.Я. Захарьин 1971 и др.);

4) по романским и германским языкам (М.И. Стеблин-Каменский 1953, Э. Бурсье 1952, В.М. Жирмунский 1965, Б.А. Ильиш 1948, В.Г. Гак 1977 и др.);

5) по славянским языкам (С.Ф. Самойленко 1959, А.Н. Савченко 1962, В.В. Колесов 2006, Фасмер I-IV 1986, Б.А. Успенский 1970 и др.);

6) по дравидийским языкам (М.С. Андронов 1965, 1978);

7) по тюркским языкам (Э.В. Севортян 1974, 1978, 1980 и др.; В. Котвич 1936, 1962, Г.Ф. Благова 1982, Л.С. Левитская 1976, А.М. Щербак 1977, 1981, Б.М. Юнусалиев 1959, Х.К. Карасаев 1986, Б.А. Серебреников, Н.З. Гаджиева 1986; Э.Р. Тенишев, 1988, А.В. Дыбо, И.Г. Добродомов и др. 2006; К. Токтоналиев, Ж. Жумалиев 2017 и др.);

8) по монгольским, тунгусо-маньчжурским и японскому языкам (В. Котвич 1962, Г.Д. Санжеев, М.Н. Орловская, З.В. Шевернина 2015, 2016; В.И. Цинциус 1975, 1977; П.Я. Скорик 1967, Н.Н. Сыромятников 1980, С.А. Старостин 1991, 2007);

9) по иберийско-кавказским языкам (Ю.Д. Дешериев 1963, Е.А. Бокарев 1959, 1981, С.М. Хайдаков 1973, А.Г. Мартиросов 1968, Г.А. Климов 1981);

10) по уральским языкам (Б.А. Серебреников 1974, К.Е. Майтинская 1966);

11) по китайско-тибетским языкам и сравнительной синологии (С.Е. Яхонтов 1965, К.З.Зулпукаров 2016);

12) по ностратике (А.Б. Долгопольский 1964, 1967, В.М.Иллич-Свитыч 1968, 1976; Г.С. Старостин, Е.Я. Сатановский, А.В. Дыбо, А.Ю. Милитарев, И.И. Пейрос 2016). В работе использованы также материалы пятитомника «Языки народов СССР» и книги «Тюркские языки».

1.2. Ностратика как отрасль компаративистики

Сравнительно-историческое языкознание стремительно развивается, расширяя объекты своего исследования, углубляя и детализируя частные аспекты лингвистики как в диахроническом, так и синхроническом рассмотрении. Одной из ведущих тенденций в нем является попытка расширить круг родственных языков, провести связующие звенья от одной семьи языков к другой, доказывая их генетическое родство в далеком доисторическом прошлом. Нам хорошо известны попытки компаративистов сблизить индоевропейские языки с семитскими (Ф. Делич, Х. Мёллер, Л. Хельманн), угро-финские – с алтайскими (А. Саувагет, М. Рясенен и др.), индоевропейские – с тюркскими (Е.А. Севат) и с урало-алтайскими (А.П. Дульзон), а также тюркские – с уральскими (Н. Гюла, Д.К. Фокош-Фуш) и монгольскими (Г.И. Рамстедт, Н. Поппе, Н.А. Баскаков), угро-финские – с дравидскими (Ф.О. Шрадер, А.Ф. Тягараю, А.П. Андреев), угро-финские – с индоевропейскими (К.Б. Виклунд, Х. Педерсен, Х. Паасонен, Б. Колиндер), уральские – с юкагирским (Ж. Ангер, Б. Колиндер, Е.А. Крейнович) и т.д. [Общее яз., 1973: 98; Принципы описания языков мира, 1976: 112; Лайонз, 1978: 56-57].

Во второй половине XX в. в мировой лингвистике появилось новое направление, стремящееся устанавливать группы родственных языков, включающие в себя очень большое количество членов. Это направление интенсивно развивалось компаративистами Советского Союза. Так, например, в трудах А.Б. Долгопольского доказывается высокая вероятность сходства между морфемами алтайских, индоевропейских, картвельских, семито-хамитских и чукотско-камчатских языков, неслучайный характер

этого сходства и невозможность отнесения формально и семантически идентичных единиц языков к заимствованиям. На этом основании он считает эти языковые семьи родственными, называя их сибироевропейскими или борейскими [Общее яз., 1973: 99; Принципы описания языков мира, 1973: 113; Крейнович, 1976: 97; Ульманн, 1970: 267].

Параллельно с А.Б. Долгопольским проблематикой прасемьи сибироевропейских языков занимался другой советский компаративист – В.М. Иллич-Свитыч, который называл ее ностратической (от латинского слова *noster* «наш») и не включал в ее состав чукотско-камчатские языки [Иллич-Свитыч, 1967: 321-373; Он же. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (b-k). – М.: Наука, 1971. – 369 с.; Он же. Опыт... (e-з)]. Указатели. – М.: Наука, 1976. – 155 с.; Он же. Опыт... (p-q). – М.: Наука, 1984. – 136 с.].

Под влиянием идей ностратики сравнительно-историческое языкознание значительно расширяет объект своего изучения. Важной вехой в развитии ностратики становится установление родства северокавказских (абхазо-адыгских, чечено-ингушских и дагестанских), хуррито-урартских и, возможно, хаттского языков, установление родства северокавказских языков с сино-тибетскими, енисейскими языками (С.А. Старостин), с баскским (Дж. Бенгтсон), с языками на-дене (С.Л. Николаев) [Яковлев, Ашхамаф, 1941: 17-18; Иллич-Свитыч В.М. ... (p-q). с. 5 в статье «От редакторов»; Старостин Г.С. и др., 2016: 572; Кацнельсон, 1972: 183].

Отто фон Бётлингк (1815-1904) – компаративист, исследователь индоевропейских языков, санскрита и якутского языка. Он в своей книге «О языке якутов» (1849-1851) реконструирует пратюркский с позиции якутского языка, высказывает мнение об отсутствии «пропасти» между урало-алтайскими и индоевропейскими языками, опираясь в основном на общность местоименных корней [Старостин Г.С. и др., 2016: 255-256; Грам. сов. якут. лит. яз., 1982: 17; Соколовская, 1980: 91].

Гипотеза о генетическом родстве индоевропейских и семитских языков высказывалась датским лингвистом Германом Мёллером (1850-1923), который приводил некоторые этимологические сопоставления фактов двух языковых семей и считается провозвестником наступления эпохи макрокомпаративистики [Старостин Г.С. и др., 2016: 259; Diakonoff, Kogan, 2001: 147-159; Militarev, 2005: 13].

В этом отношении значительная исследовательская работа проведена британским епископом Робертом Колдуэллом, опубликовавшим сравнительную-грамматику дравидийских языков (1856) в сравнении с индоевропейскими, семитскими и скифскими («урало-алтайскими») языками [Старостин Г.С. и др., 2016: 259; Бурлак, Старостин, 2005: 314].

Подобные локальные «вспышки» в компаративистике послужили основанием формулирования гипотезы, постулирующей отдаленное генетическое родство ряда языковых семей Евразии и Северной Африки [Зулпукаров, 1994 а: 120-121]. В 1924 году датский лингвист Хольгер Педерсен, суммируя разные мнения языковедов по этому вопросу, предположил, что все эти гипотезы в той или иной мере верны, поэтому можно говорить о некоей всеобъемлющей макросемье языков и называть ее «ностратической» (от латинского *noster* «наш»). Под ностратической семьей языков подразумевалось генетическое родство «наших» языков, находящихся в эпицентре изучения европейской традиции – индоевропейских, семитских, а также грузинской (картвельской), финской и венгерской (уральских), тюркской (алтайской) и т.д. [Pedersen: 535-561; Böhtlingk: 223; Czermak: 33-38; Wundt: 316; Старостин Г.С. и др., 2016: 261; Дьяконов, 1967: 81].

Термин «ностратика» был принят и американским лингвистом Алланом Бомхардом. Он совместно с Джоном Кернсом выпустил книгу [Bomhard: 1994], которая познакомила западного любителя компаративистики с положениями учения о макросемье отдаленно родственных языков Старого Света, объединяющих в своих пределах праалтайский, праиндоевропейский,

пракартвельский и другие протоязыки. Но эта теория не получила широкого развития в силу недостаточной убедительности семантических сближений и нерегулярности звуковых соответствий в сравниваемых корнях слов [Старостин Г.С. и др., 2016: 300-308].

Американский лингвист М. Сводеш генетически связывает языки Америки и Евразии, называя их предок дене-финским протоязыком и включая в это единство кетский, урало-алтайские, чукотско-камчатские, эскимосо-алеутские, вакашские, на-дене, японские, китенай, айнско-нивхский, корейский, китайские и тибето-бирманские [Сводеш: 272; Общее яз.: 94; Принципы описания языков мира: 101].

Учеными установлены строгие правила фонологических и семантических закономерностей, обеспечивающие убедительность и единство сравниваемых морфем языков. Например, в статье В.М. Иллича-Свитыча «Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения» на материале индоевропейских, уральских и алтайских языков выявляются закономерности регулярных звуковых соответствий в этимологически идентичных корневым морфемах, которые сводятся к трем пунктам:

1. Индоевропейским лабиализованным гуттуральным соответствуют в уральских и алтайских языках гуттуральные перед лабиализованными гласными: индоевр. *peku-* «печь» – др.-инд. *paktis* «варка, жареное кушанье», греч. *petis* «варка, жарение», слав. *pekti* – нан. *päku* «горячий».

2. Индоевропейским палатализованным гуттуральным (*k', g', g'h*) соответствуют в уральских и алтайских языках гуттуральные в позиции перед нелабиализованными гласными переднего ряда: инд.-евр. *kes-* «резать, расщеплять» - алт., тур. *kes-* «резать» - калм. *kesg* «кусок, часть».

3. Индоевропейским велярным гуттуральным *k, g, gh* соответствуют в уральских и алтайских языках гуттуральные в позиции перед нелабиализованными гласными заднего ряда: литов. *vingis* «изгиб», алб. *vank*

«обод колеса» – фин. *vinka*, саам. *vagge* «крюк» – бур. *бугыбша* «браслет, аркан с петлей».

В.М. Иллич-Свитыч считает, что тембр гуттурального в индоевропейском связан с тембром гласного, следующего за гуттуральным в уральском и алтайском. Ранней индоевропейской системе с минимальным количеством гласных фонем предшествовала разветвленная система вокализма с гласными трех рядов, перед которыми гуттуральные фонемы *k*, *g*, *gh* развивали по три аллофона каждая. Падение старой системы вокализма вызывало фонемизацию этих аллофонов и утроение ряда гуттуральных [Иллич-Свитыч, 1964: 26; 1967: 98; Солнцев, 1977: 34-36]. Конечно, трудно согласиться с предположением ученого о многообразии гласных в праязыке. Их, вероятно, было меньше, чем в современных языках.

Ясно, что сравнение фактов отдаленно родственных языков должно основываться на тех фонологических и семантических закономерностях, которые отражают систему регулярных соответствий звуков в языках и мотивированы близостью и тождественностью смысловой стороны сравниваемых морфем.

1.3. К дискуссии по вопросу об алтаистике

Одним из спорных вопросов сравнительно-исторического языкознания является проблема алтаистики.

Алтаистика – отрасль гуманитарных наук, занимающаяся изучением истории, географии, этнографии, языка и культуры народов, населявших когда-то или в настоящее время центральную часть Сибири.

Применительно к языкознанию термин алтаистика имеет несколько значений, разграничиваемых относительно объема объекта. Во-первых, это наука, занимающаяся историей, этнографией, фольклором, литературой, искусством и языком алтайцев – народности, составляющей основное (коренное) население Горно-Алтайской автономной области Алтайского края Российской Федерации, а также лиц, относящихся к этой народности [Дыбо,

2017: 752]. Во-вторых, алтаистика – научное направление в гуманитарных науках, ставящее своей целью исследование различных аспектов природы, населения и культуры этого края. В-третьих, алтаистика содержит сугубо лингвистический смысл. Она объединяет в своих пределах две концепции – учение о лингвогенетическом единстве народов региона и теорию об ареально-культурной общности ряда этносов, возникшей в результате их контактов и взаимодействия [Ахманова, 1966: 27].

Сторонниками первой точки зрения являются компаративисты Р. Раск, В. Шотт, М.А. Кастрен, Ю. Немет, Г.И. Рамстедт, И. Бенциг, А. Дилачар, Ш. Хаттори, Б.Я. Владимирцов, В.И. Цинциус, Н. Поппе, А.Н. Баскаков и др. [Щербак, 1970: 9-10; Баскаков, 1981: 13]. Вторая точка зрения развивается в сравнительных исследованиях Е.Д. Поливанова (который писал об «алтайских» языках, заключая определение в кавычки), В.Л. Котвича, Д. Шинора, Г. Дёрфера, Дж. Клосома, Г.Д. Санжеева, А. Рона-Таша, Г. Кара, А.М. Щербака, А. Кафероглы и др. [Котвич: 345, 350, 352; Баскаков, 1981: 29; Щербак, 1970:11].

Мы совмещаем оба взгляда на этногенетические связи алтайских языков, поскольку для ностратики не существует вопрос об их раздельном или едином происхождении, но больше склоняемся к первой точке зрения, пока не имея собственной аргументации.

Многие компаративисты связывают алтаистику с ностратикой через урало-алтайскую общность родственных языков (Х. Винклер, С.М. Широкогоров, Б. Коллиндер, М. Рясенен, Д. Шинор, И. Бенциг, А. Дилачар и др.) [Баскаков, 1981: 6; Мещанинов, 1967: 51].

В современной компаративистике общепринятым является широкий взгляд на алтайскую семью языков, согласно которому в ней дифференцируются 1) тюрко-монгольская ветвь, 2) тунгусо-маньчжурская ветвь и 3) японо-корейская ветвь [Баскаков, 1981: 14-16; Гухман, 1981: 164]. В своей работе мы руководствуемся положениями именно такого понимания состава алтайских языков.

1.4. Китаизмы в кыргызском и других тюркских языках

В кыргызской лексикологии существует три подхода к словам китайского происхождения.

1. Лексикологи умалчивают наличие китаизмов в кыргызском языке или не считают возможным говорить о них [Азыр. кырг. адаб. тили, 2009: 154-165].

2. Некоторые кыргызоведы-лексикографы дают перечень слов китайского происхождения, не показывая при этом их формы и значения в первоисточнике (К.К. Юдахин, Х. Карасаев, И. Абдувалиев и др.).

3. У нас есть ученые, которые пишут возможным говорить об этногенетических связях кыргызов и других тюркских народов с ханзу. Чоюн Омуралиев пишет о том, что кыргызы являются исходом китайского народа, создателями цивилизации Инь [Өмүралиев: 151, 156]. По его мнению, кыргызские слова *айкын* «ясный, четкий, определенный» (*ай* «луна» + *күн* «солнце»), *эртең* «завтра» (*ар* «чистый» + *таң* «день»), *бүк-бүктө* «согнуть, сгибать», *байла-/боола-* «связывать» (кит. *бао* «обматывать, завертывать»), *жет-* «доходить»; *жетекте-* «руководить», *жетик-* «достигать» (кит. *чжи* «доходить, достигать; крайняя степень, высшая точка»), *эк-/эг-* «сеять», *эгин* «хлеб на корню» (кит. *хэ*) и т.д. имеют китайские корни [Өмүралиев: 157-162], *эрен/жан* «человек, душа» (кит. *рен* [жэнь] то же), *ата* «отец» (кит. *да*), *бүк* «изгиб» (кит. *фу*), *жет-* «догнать» (кит. *жи*), *бир* «один» (кит. *би*), *тоо/таг/так* «гора» (кит. *ту*), *суу* «вода» (*шуй*), *от* «огонь» (*хо*), *чин* «ранга, должность» (*цзинь*), *улуу* «старший, великий», *улук* «почтенный, старший», *илгери* «давний» (*лао*), *төбө* «темя», *дөбө* «холм» (*тоу*), *бей-/бе-* «без» → *-ба/-бе/-бо/-бө/-на/-не/-но/-нө/-бай/-бей...* «не» (*фоу, фэй, пей, би* – то же), *-дай, -дей...* «как» (*дай*) и т.д. [Өмүралиев: 159-246].

Наблюдения и находки Ч. Омуралиева нашли решительную поддержку со стороны некоторых историков языка. В частности, К. Токтоналиев и Ж. Жумалиев писали об открытии им факта, подтверждающего как бы исход

китайского народа и его письменности, происхождение китайской цивилизации из кыргызско-тюркской [Токтоналиев, Жумалиев: 352][Өмүралиев: 68-71]. По мнению Ч. Омуралиева, кыргызы были истоком и базой китайской лингвоэтнокультуры [Өмүралиев: 158-160]. Но эти ученые отрицают генетическую связь тюркских и синских этносов [Токтоналиев, Жумалиев: 73].

По данному вопросу существует и другая точка зрения, признающая их генетическое единство с позиции ностратики [Введ.: 12]. Мы, например, поддерживаем этимологию кырг. *от* «огонь» и кит. *хо* «огонь», предложенную Ч. Омуралиевым, несмотря на отсутствие полного материального сходства. Мы считаем, что пракорень *хот «огонь» дошел до нашего времени в виде а) англ. (герм. гр.) *hot* «горячий», ассам. (енис. гр.) *hot/hott/hët* «огонь», халадж. (тюрк. гр.) *huot* «огонь»; б) кырг. *от*, як. *уот* «огонь» (с выпадением начального звука); в) кит. *хо/хоу* «огонь» (с выпадением конечного согласного под действием закона открытого слога, см. §2.1.).

Теперь перейдем к изложению китайских заимствований в других тюркских языках. В «Древнетюркском словаре» (М.: Наука, 1974. – 738 с.) отмечается китайское происхождение ряда древнетюркских слов: *ан* «судебное дело» (кит. *ань*), *ақ* «дурной, злой» (кит. э, с. 48), *бань* «доска для письма» (кит. *бань* «доска, лист, плита; темп, такт», с. 81), *ван* «десять тысяч» (с. 81), *бандаң* «скамейка» (*bandeng* «скамейка, лавка», с. 81), *баочао* «бумажные деньги» (кит. *бао* «драгоценный», *чао* «бумажные деньги», с. 81), *баожэнь* «поручитель» (*baoren* – то же, с. 81), *баошэнь/paasin* «воздаяние» (*baosin* «доносить, сообщать, газета» + *shen* «тело», с. 81), *бошу/bag-si* «учитель, наставник» (кит. *boshi* «доктор наук», с. 103), *бити/bi* «кисть, ручка, карандаш» (кит. *би, pir* < *pjet'* «кисть для письма», с. 103), *бусуң* «расписка» (кит. *бучуң/po-chuң* «восполнять», с. 119), *buda* «виноград» (кит. *bo-ddu/putao* – то же, с. 120), *булаң* «веранда, галерея» (кит. *wu* + *la*, с. 121), *bursaң* «религиозная буддийская община» (кит. *foseng/boyr-saң* <

санскр. *bodnasongha*, с. 126), *busi* «пожертвование, подаяние, милостыня» (кит. *ваши/ро-si*, с. 128), *ĉam* «тяжба, иск, спор» (кит. *чань/sam* «наговор, клевета», с. 137), *camqui* «покаяние» (кит. *чаньху/chanhai* «раскаиваться», с. 138), *ĉay* «разряд, степень, звание, чин» (кит. *чжан/cioŋ* «старший, глава, начальник; расти, развивать, увеличивать», с. 139), ср. рус. *чин*, кырг. *чоң* и др.; *ĉao* «бумажные деньги» (кит. *чао/cha*, с. 139), *ĉey* «мера веса для чая, около 1,5 фута» (кит. *шэн/siŋ* «мера емкости, около литра»; *sheng* «подниматься; повышаться, поднимать, литр», с. 144) и т.д. Всего зафиксировано 91 слово. Последнее *zim* «крапива» (кит. *сюнь/sim/ziam* – то же, с. 639).

Китаизмы представлены и в словаре Махмуда Кашкари. Они также зафиксированы в «Древнетюркском словаре». В нем отмечается наличие 23 китайских слов. Приведем некоторые примеры: др.-тюрк. *ĉin* «правдивый, честный, нелживый» (кит. *чжень/ĉin* – то же, с. 148), *kög* «мелодия» (кит. *цуй* – то же, с. 312), *mäkkä* «чернила» (кит. *мо/mbeg* «тушь, чернила; черный, шумный; кляска; автограф, почерк», с. 339), ср. рус. *макать* «опускать, погружать во что-либо жидкое или сыпучее»; *toq* «лысый, безрогий» (кит. *ту/ту* – то же, с. 576), ср. кырг. *токол* «безрогий».

К.К. Юдахин в своем «Кыргызско-русском словаре» (I и II тома) называет 78 слов с пометой кит., т.е. китайского происхождения. Среди них *чоң* «большой, огромный, великий» (II, 368), *лагман* (II: 5), *илий* «закон» (I: 300), *жамбы* «слиток серебра (различной формы и веса)» (I: 225), *маё* «нет» (II: 10), *дуңчу* «переводчик» (I: 201) и др.

Х.К. Карасаев в книге «Өздөштүрүлгөн сөздөр» [Карасаев, 1986: 424] приводит 78 слов-китаизмов. В словаре дано всего 5100 лексем из разных языков – иранских, арабского, русского и других. К китаизмам отнесены *жужан* «начальник, управляющий», *жусай* «зеленый лук», *жаңжүң* «генерал-губернатор, полководец», *жармак* «копейка (с дырочкой в серебре)», *жамбы* (*юань* «слиток серебра», *бао* «ценный») «слиток серебра», *жады* (*чжа* «резать», *дао* «ножь») «сенорезка, соломорезка», *дүң* «оптом,

оптовый», *дубан* «район», *даңк* «слава, звание», *каң* «сваривать (металл)» и др.

К китаизмам в кыргызском языке обращается и И. Абдувалиев в книге «Лексикология современного кыргызского языка» [Абдувалиев, 2016: 140]. Он делит их на три группы:

1) названия предметов, орудий труда и инструментов: *даңкан* «котелок на трех ножках», *жады* «сенорезка, соломорезка», *жози* «столлик на нижних ножках», *самбур* «штаны» (ср. *шым*), *кокозо* «посуда для сбора сока опийного мака», *найза* «копье, пика», *тиңсе* «шишечка, шарик на шапке» (знак отличия у кит. чиновников), *чаңзы/чаңжы* «тляпка с короткой рукояткой для прополки», *чот* «топорик с лезвием, насаженным поперек топорщица», *шуушаң* «ножницы для стрижки овец», *канжа* «трубка (курительная)»;

2) названия социально-политического персонала: *жаңжуң* «начальник провинции», *щаңья/шоной* «старшина», *дотай* «начальник округа», *дуңчу* «человек (обычно старик), хорошо осведомленный о делах и людях своей округи» (ср. *тыңчы*), *луңтуң* «старшина китайского селения», *зуңтуң* «один из чинов (в Китае)», *кечил* «монах», *чыйтай* «один из младших военных чинов» (многие из этих слов встречаются в эпосе);

3) слова разных групп: *бөк* «силач, борец», *бөк* «ограда, забор», *дуң* «оптовый», *инжу* «жемчуг», *калың* «калым», *көг* «мелодия», *лагман*, *манты*, *мытан* «мучная пресная похлебка», *даңаза* «великолепие; шумная молва», *даңса* «родословная книга», *туу* «знамя», *чын* «правда, истина», *шаң* «величие, важность; восхваление» и др. [Абдувалиев, 2016: 71-72; 2017: 380]. Некоторые из этих корней мы относим к ностратическим (см. параграф о рефлексах пракорня **kor/rok* в III главе).

С.С. Джумалиев в диссертации «“Манас” эпосунун лексикасынын хронотипологиялык стратификациясы» [Жумалиев: 156-162] приводит 39 слов китайского происхождения, встречающихся в эпосе «Манас», и 39 слов из списка китаизмов в тюркских языках, составленного Н.А. Баскаковым. В этом перечне особенно интересны примеры: *жай* «дом, место», *ши/ши*

«работа, дело», *чан* «сосуд, стакан», *туу* «знамя», *күү* «мелодия», *чын* «истинный, правдивый», *куу* «сухой», *тың-да-* «слушать», *суу* «вода» (пекин. диал. *шуй*, шанх. диал. *си*), *бек* «правитель», *хан* «царь», *чоң* «большой», *таң* «утро» и др.

Таким образом, в кыргызской лексикографии господствует мнение о китаизмах как заимствованных из ханью словах. Только немногие пишут о вероятных этногенетических связях древних китайцев и тюрков (К.З. Зулпукаров, С.С. Сейитбекова, Г.Ж. Кожоева, С.М. Амралиев, А.К. Зулпукарова, Н. Караева).

В нашей работе учтены наблюдения наших компаративистов по проблематике китайских заимствований в кыргызском языке.

У нас выполнено и защищено несколько кандидатских диссертаций, в которых в сопоставительном плане рассматриваются синтаксические особенности русской и китайской речи [Апаева: 2015], специфика кыргызского и китайского речевого этикета [Бийгелдиева: 2017] и грамматические категории китайского и русского глагола [Рыскулова: 2018].

Выводы по I главе

1. Сравнительное изучение китайской и кыргызской лексики – многоаспектная сложная проблема. Оно может быть осуществлено как в лингвогенетическом, так и в лингвотипологическом планах. Сложность состоит прежде всего в отсутствии алфавита в китайском языке и иероглифическом характере письма.

2. Лингвогенетика рассматривает факты двух языков с точки зрения диахронии, становления и развития словарного состава, устанавливает этимологические связи базовых корневых и аффиксальных морфем в них в контексте других родственных языков.

3. Лингвотипология занимается исследованием общих и отличительных свойств строения, путей образования и семантического обогащения слов двух языков.

4. Ханью и кыргызский языки в составе родственных языков (сино-тибетских и тюркских соответственно) обнаруживают немало общих морфем и открывают позицию для разысканий в аспекте ностратики.

5. Родство языков и диахронические их связи устанавливаются многоступенчато, по принципу «что входит во что». Кыргызский язык входит в кыргызо-кипчакскую группу и через нее в восточно-хуннскую ветвь языков, а через эту группу и совместно с западно-хуннскими языками входит в тюркскую семью языков, которая вместе с монгольскими составляет подсемью тюрко-монгольских языков. Последние две группы объединяются с тунгусо-маньчжурскими и корейско-японскими, образуя алтайскую семью языков. Алтайские языки являются одной из ветвей ностратических языков.

6. Китайский язык, обнаруживая немало общих морфем с другими отдаленно родственными (дагестанскими, уральскими, индоевропейскими и другими), может стать предметом компаративистики более широкого профиля, чем учение о сино-тибетском единстве языков.

7. Этимологическое единство отдаленно-родственных корней в ностратических языках базируется на строго закономерных фонетических и семантических связях сравниваемых морфем соответствующих языков.

8. Многие лексикологи-тюркологи уверены в том, что сравниваемые два языка не являются родственными, а обнаруживаемые в них общие лексемы возникли в результате взаимодействия языков длительных межкультурных контактов их носителей.

9. Мы имеем все основания считать, что в ханью и кыргызском языке сохранены реликты, остатки отдаленного праязыка в видоизмененной, во многом трансформированной и все еще отдаляющейся формах.

ГЛАВА II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ТЮРКСКИХ И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Настоящая глава посвящена сравнительному исследованию этимологически тождественных фактов в языках Евразии под углом зрения алтаистики и ностратики. Во всех случаях в качестве метаязыка используется кыргызский язык. Факты этого языка кладутся в основу всех сравнений, сопоставлений и реконструкций. Кроме того, ключевыми единицами сравнительного анализа выступают корневые морфемы китайского языка. Поэтому сравнительно-сопоставительный материал рассматривается с позиций кыргызско-китайских соответствий, которые выступают в качестве лейтмотивов и основополагающих идей алтаистических и ностратических штудий. Следовательно, наша работа по своему характеру примыкает к серии исследований по сравнительно-историческому языкознанию, в которых последовательно изучаются факты отдельных языков в тесной и разносторонней связи с фактами других близко- и отдаленно-родственных языков и языковых семей.

2.1. Материалы, объект и предмет исследования

Материалами работы выступают лексические единицы языков Евразии. В ней подвергаются этимологическому описанию такие слова, которые относятся к базовому фонду лексики сравниваемых языков. Базовыми словами принято считать номинанты таких предметов, действий и свойств, без которых невозможно представлять жизнь древних людей.

Объектом исследования являются общие слова ряда языковых семей, относящихся к ностратической макросемье языков. Поэтому в нем с единой лингвогенетической позиции сравниваются корневые морфемы и производные слова алтайских (тюркских, монгольских, тунгусо-

маньчжурских, корейского и частично японского), китайского, кавказских (картвельских, дагестанских и др.), уральских, индоевропейских, афразийских и частично дравидийских языков. На ограниченном материале обсуждается вопрос об их этногенетическом единстве.

Предмет исследования – фонетико-семантические закономерности и процессы, позволяющие реконструировать древнейшее состояние этимологически идентичных единиц в китайском и кыргызском языках с точки зрения алтаистики и сино-тибетской компаративистики. В рамках работы рассматриваются те фонетические закономерности, которые являются едиными, регулярными и устойчивыми для сравниваемых фактов разных языков и служат основанием для идентификации их происхождения, и те фонетические процессы, которые привели к увеличению звуковых расхождений в этимологически тождественных словах бывших родственных языков. Иногда встречаются такие звуковые расхождения в однокорневых морфемах, которые даже невообразимы для простого наблюдателя и не уместаются в сознании представителя традиционной компаративистики. Приведем предварительно несколько примеров.

Например, мы имеем все основания считать, что английское слово *hot* «горячий», кыргызское *от* «огонь» и китайское *huǒ* «огонь, пожар, жар; красный; вспылить, вспыльчивость, рассердиться, вскипеть, взорваться» этимологически идентичны и возводятся к одному пракорню. Этот прототип мы изображаем в виде **hot* «огонь». Такая реконструкция пракорня на первый взгляд покажется несуразным, нелогичным, мотивированным только с точки зрения семантики. А более широкий подход к происхождению приведенных трех слов убедительно доказывает, что их формально-фонетические отличия вторичны и возникли под действием разных фонологических процессов и закономерностей. В исторической фонетике ханью существовал известный закон открытого слога, который предполагал, чтобы финальные части китайских слогов были открытыми, рифмованными и могли иметь только согласные *-н, -ң, -й*, не нарушающие гармонию

звучания слов [Яхонтов, 1965: 26; Алексахин, 2013: 12]. В результате пракорень **hot* «огонь» подвергается апокопе – падению конечного *-m* и преобразованию звуко сочетания *-om* в дифтонг *-иѵ*. Аналогичных фактов в китайском и кыргызском языках очень много [Введ.: 458-469; Зулпукаров, Амиралиев, 2018 д: 70]. Реконструируемая праформа находит подтверждение в самых разных языках. Например, она имеет трансформы в енисейских языках: арин. *got, gott, köt* «огонь», ассам. *hat* «огонь», кот. *xott, хот* «огонь» и т.д. [Топоров: 293, 326]. Эти языки ныне мертвые, а примеры сохранены, дошли до нашего времени и не являются исключительными. Приведем сходные факты из индоевропейских языков: гол. *heet*, исланд. *heitt*, швед. *het*, нем. *heiß*, англ. *hot* «горячий» [<https://www.indifferentlanguages.com/ru/>], а также из семито-хамитских языков: геез *htw* «загораться, гореть», др.-евр. *htw/htj* «(при)носить огонь» [Иллич-Свитыч, 1976: 103, 156; Hofstijzer, Jongeling, 1995; Jungrathmayr, Holubova, 2016: 45-46], которые тоже свидетельствуют о правомерности реконструируемого нами прототипа. А как же связан с ним кыргызский номинант огня? Связь прямая – произошла афереза, т.е. выкидка начального заднеязычного согласного. Известно, что кыргыз не может артикулировать звук *x* в любой позиции, поэтому многие иноязычные слова с этим звуком были подвергнуты диерезе: араб. антропоним *Хасан* – кырг. *Асан*, араб. *харам* – кырг. *арам* «запрещенное». Пракорень **hot* «огонь» лишился начального согласного и в других тюркских языках: 1) *om* – алт., др.-тюрк., каз., караг., к.калп., к.балк., койб., ног., узб., уйг., тув.; 2) *ut* – баш., с.-юг., тат., тоб.; 3) *od* – аз., тур. диал.; 4) *oot* – др.-тюрк., с.-юг., турк.; 5) *ood* – уз. диал.; 6) *od* – тур. диал.; 7) *yom* – як.; 8) *вуд* – уйг., чув. (в последних двух примерах появились протетические звуки); 9) *хуот* – халадж. (где сохранилось начальное *x*-). В этих примерах отмечается чередование гласных *o/ə/y/oo/yo* и согласных *m/d*.

Данные рефлексy пракорня передают значения: 1) «огонь» – во всех языках; 2) «пламя» – кырг., уйг., чув., як.; «пожар» – каз., к.калп., кум., ног., тат., чув.; «военный огонь» – тат., тув., узб.; 3) «жар» – алт., к.балк., кырг.,

кум., як.; 4) «пыл, отчаянность, отчаянный, сорви-голова (перен.), стрельба» – узб.; «выстрел» – тув.; «порох» – кум.; 5) «свет» – тат., тув.; «(солнечный/лунный) свет» – як.; «искра» – чув.; 6) «дым» – др.-тюрк.; «состав, удаляющий волосы» – тур. Все эти значения так или иначе связаны между собой. В них обозначаются разные стороны огня как процесса, образующего тепло, излучающего свет и образующего дым при горении, и передаются явления, аналогичные какой-либо из сторон огня – излучение, молния и искра. Только в одном халаджском языке (огузская группа) мы обнаруживаем трансформу пракорня с начальным *х*-: *хуот* «огонь», *хуотун* «дрова». Считаем, что этот язык сохранил древнейшее звучание слова.

Необходимо отметить, что рефлексy без начального *х*- представлены и в индоевропейских языках – древних и современных: др.-инд. *atharvā* «жрец огня», авест. *atar* «огонь», перс. *ādar*, рушан. *adēr* «зола, пепел», ирл. *aith* «печь», валл. *odyn* «печь» и др., в слав. яз.: укр. *ватра* «огонь», с.-хор. *ватра* «огонь», польск. *watra* «очаг, огонь, тлеющая зола» [Фасмер, I: 279; Иллич-Свитыч, 1976: 103]. Как видим, в славянских примерах отмечается наличие протетического лабиализованного согласного, а в индоиранских губной гласный корня преобразован в *а*- [Опыт ист.-тип. исслед. иран. яз., 1975, II: 11]. В дравидийских языках слогаобразующим является губной гласный: курух *od-* «разжигать огонь соломой или стружками», малто *od-* «гореть (о топливе)» [Иллич-Свитыч, 1976: 104]. Таким образом, путем сравнения слов разных языковых семей, не имеющих общих звуковых признаков, мы установили их генетическое тождество.

Соотношение пракорня и его рефлексов можем представить в виде схемы:

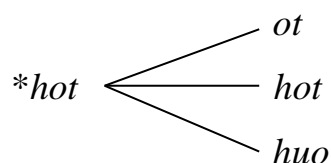
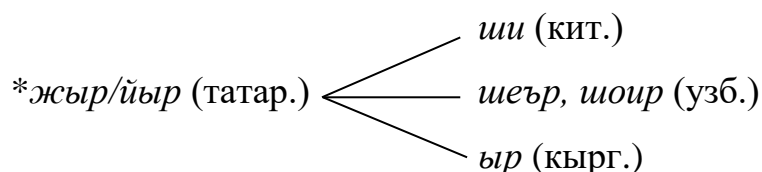

Схема моделирует ход развития пракорня по трем линиям – тюркской и иранской (афереза, иногда – протеза), германской и халаджской, китайской

(апокопа + дифтонгизация). Данная схема может быть перенесена на другие аналогичные случаи.

Мы можем возвести к одному пракорню кыргызское слово *ыр* «песня, стихотворение, стихи» (*ыр ырдоо* «петь песню», где мы имеем дело с типологически сходным повтором в кыргызском и русском языках) и китайские *shī* «стих, стихотворение, стихи, поэзия; стихотворный, поэтический, поэма», *yī* «песня, наслаждение» с чередующимися инициальными звуками (*sh/y*, т.е. *ш/й*). На первый взгляд в кыргызском и китайских примерах отсутствуют общие звуки, имеется только общий смысл. Обращение к фактам других тюркских языков позволяет заключить, что в кыргызском слове *ыр* выпал начальный звук, соответствующий китайской инициали *sh-/y*: казах. *жыр*, татар. *жыр/йыр* «песня» (*ж/й*), узб. *шеър* «стихотворение», *шоир* «стихотворец, поэт», казах. *жырау* «певец», кит. *shīrén* «поэт, стихотворец». Примеры других тюркских языков служат основанием для реконструкции архетипа **жыр/йыр*, сохраненного в татарском языке, лишившегося инициального консонантного звука в кыргызском языке и финального дрожащего звука в китайском. Факты языков подтверждают распространенность чередования *ш/ж/й* в тюркских и сино-тибетских языках. Схематически происхождение кыргызского слова *ыр* в следующем виде:

Как видим, примеры четырех сравниваемых языков соотносятся друг с другом по-разному. По нашему предположению, в татарском примере сохранена праформа, в узбекском межконсонантный гласный преобразован в сочетание двух гласных, в китайском выпал конечный *-р*, в кыргызском – начальный согласный. Сравнивая данные факты с примерами из других тюркских языков, видим, что трансформы общетюркского *йыр* более разнообразны, чем те, которые приводились: 1) *йыр* – аз., бар., баш., кар.

л., т., г., куман., кумык., ног., с.-юг., тат. диал., тур., турк. диал., уйг. диал.; 2) *жыр* – к.балк., тат., тур.; 3) *ж'ыр* – бал., каз., к.калп.; 4) *жир* – узб.; 5) *йир* – кум. диал., чаг.; 6) *йер* – с.-юг.; 7) *ир* – кар.т.; 8) *ыр* – качин., кырг., койб., саг., тат. диал., тоф., тув., тур. диал., турк. диал., хак.; 9) *йүр/хүр* – сал.; 10) *дер* – бал.; 11) *зыр* – бал.; 12) *ырыа* – як.; 13) *йура* – чув. Эти примеры выражают следующие значения: 1) «песня» - во всех языках, кроме тур. диал., кум. диал., к.калп; «скорбная песня, причитание, импровизация без разделения на куплеты» - каз., тат. диал.; «пение с музыкой» - др.-тюрк.; «пение» - баш., сал., с.-юг., тур. диал.; «мелодия» - к.бал., кум., тур.; 2) «эпическая поэма» - к.калп.; «поэма» - кар. т.; «былина» - к.калп., кум. диал.; «сказание в стихах» - каз.; 3) «стихи» - кар. т.г., к.бал., кырг., кум., тур. диал.; «форма стихотворения с парными рифмами» - др.-тюрк. [ЭСТЯ, 1989: 285]. Ясно, что многообразные рефлексy общетюркского корня *йыр* «песня» объединяются между собою общностью семантики и звуковых преобразований и подчиняются построенной нами модели фонетических трансформаций.

Таким образом, глубинно-действующие фонетические закономерности, выявляемые на основе сравнения фактов отдаленно-родственных языков, позволяют сблизить между собою совершенно разнохарактерные по звучанию слова и установить их этимологическое тождество. В связи с приведенными выше примерами мы можем говорить о путях компрессии объема языковых знаков.

В естественных языках существует общая тенденция к экономии времени и артикуляционных усилий. Компрессия предполагает передачу большого объема информации при меньшем числе языковых знаков. Именно на ней базируется появление в языке разнообразных аббревиатур и эллиптических синтаксических образований [Мусаев, 1987: 55; 2010: 265-267]. Эта тенденция широко действует в китайском дискурсе. Вместо того, чтобы сказать *Русь, Россия, русский, российский* и т.д., китаец употребляет односложную лексему *лу*, заключая в ней семантику всех названных слов и

дифференцируя их различия в контексте. Он вместо труднопроизносимого дрожащего *p*- использует *л*-, а остальные части слов заменяются гласным звуком *-у*, подвергаясь сильному «сжатию». Односложное *лу* соответствует природе китайского языка, где действует закон открытого слога и звук *p* встречается крайне редко [Фролова, 2017: 125; Шутова, 1984: 10-11].

В древнекитайском языке звук *p* был продуктивным в инициальной части слога. Вместо него в этой позиции появляется звук *ж* [Введ.: 313-320; Зулпукаров, Амиралиев, 2017 в: 99]. Звук *p* в финальной позиции сохранился в отдельных южных диалектах китайского языка и в родственных ему языках Евразии, в том числе в тюркских.

2.2. Методы исследования этимологически тождественных морфем китайского и кыргызского языков

Эмпирическая часть работы выполнена посредством таких процедур и приемов исследования, как наблюдение, сбор, каталогизация, систематизация и интерпретация фактов, перевод, комментирование, лингвистический эксперимент, подсчет, опрос (работа с респондентами) и т.д.

Теоретические аспекты проблемы необходимо требовали от нас обратиться к приемам, операциям и правилам **сравнительно-исторического метода** (СИМ), а также методов реконструкций, сопоставления, описания, моделирования, аналогии, обобщения, анализа, синтеза и т.д., которые способствовали достижению сформулированных в целеустановке и задачах работы конечных результатов.

Объектом СИМ являются лексические единицы родственных языков, идентичные или близкие в формально-смысловом отношении и рассматриваемые как в диахроническом, так и в синхроническом планах. Этот метод помогает исследователям проникнуть в суть предыстории языка, реконструировать исходное состояние, становление, развитие общечеловеческого языка, восстановить пути его дивергенции, расщепления

и распространения в контексте эволюции сознания, общества и культуры в мире.

Именно благодаря достижениям сравнительно-исторического языкознания стало возможным говорить о теориях глоттогенеза, о праязыке и праязыках, о генетическом родстве двух или множества языков, об индоевропейской, афразийской, уральской, алтайской, сино-тибетской и других языковых семьях, о ностратике.

СИМ – это совокупность приемов, операций и процедур этногенетического исследования родственных языков, языковых групп и семей, используемая для установления закономерностей и общих тенденций в их развитии. СИМ является важнейшим средством познания эволюции и истории языков, выделения и описания основных этапов их развития, доказательства общности происхождения и путей дальнейшего разветвления родственных языков.

С помощью СИМ мы пытаемся воссоздать отдельные фрагменты праязыковых состояний и моделей алтайских и ностратических языков под углом зрения синологии, изложить соответствующие факты в виде краткого очерка по кыргызско-китайской сравнительной лексикологии на фоне других родственных языков.

СИМ – система разнородных приемов исследования. К его приемам и процедурам мы относим:

- 1) выявление формально-смыслового тождества или близости сравниваемых морфем – корневых и аффиксальных;
- 2) определение генетической принадлежности языковых данных в противовес заимствованиям;
- 3) установление системы звуковых и семантических соответствий, регулярности и единства означаемого и означающего в сравниваемых фактах;
- 4) выявление факторов, приводивших а) к увеличению звуковых расхождений в генетически тождественных морфемах (чередование,

метатеза, протеза, эпитеза, диереза, апокопа, синкопа, афереза, ассимиляция и т.д.) и б) к появлению семантических различий (сужение значения, смысловое расширение, т.е. возникновение полисемии, метафорическое употребление, энантиосемия, т.е. приобретение словом противоположного смысла и т.д.);

5) учет особенностей переименования знаков и значений;

6) реконструирование исходных праязыковых форм (т.е. архетипов, прототипов);

7) моделирование и формализацию современных форм языковых знаков как результатов эволюционных изменений в языках;

8) хронологическую и пространственную локализацию генетически идентичных морфем;

9) внесение корректив в традиционную генеалогическую классификацию языков Евразии;

10) использование сравнения как универсального приема СИМ;

11) учет ретрогностики, опирающийся на накопленных в предшествующем опыте знаниях о сравниваемых языках и их фактах;

12) реконструкцию первоначальных и промежуточных состояний в эволюции языковых единиц родственных языков;

13) взвешенное сочетание двух: а) ретроспективных и б) проспективных направлений описания, когда сравнение фактов родственных языков в диахронии может идти как по пути от исторически засвидетельствованного состояния к первоначальному (а), так и по пути от первоначального состояния к более позднему (б) [Гринберг, Осгуд и др., 1970: 35].

Конечно, СИМ не используется автономно. Он не может быть универсальным методом сравнительно-исторического языкознания. Его поддерживают и дополняют другие методы. Например, посредством **реконструкции** воссоздаются незасвидетельствованные языковые формы на основе сравнения соответствующих единиц отдельного языка, группы или семьи языков и устанавливаются праязыковые их модели.

Восстанавливаемые праформы признаются достоверными, если они не противоречат фонологическим и семасиологическим законам сравниваемых языков [Алексахин, 2015: 146].

СИМ опирается на **метод аналогии** и тесно связан с ним. Аналогия – сходство корня, аффиксов, слов, их форм, значений и сочетаний. Родство корней и аффиксов устанавливается по сходству. Покажем, какую роль играет аналогия при установлении генетического тождества морфем. Значение модальности (желательности, возможности и т.д.) объединяет и связывает между собой два корня - русский корень *мог-/мок-/мож-/моч-/мощ-* и китайский корень *néng* «мочь, быть в состоянии, уметь; можно, быть искусным к, быть способным к, предпочесть; доходить, достигать; способность, деловитость, умение, энергия, сила; способный, деловитый, сильный» [Введ.: 705-706], которые обладают несомненной семантической общностью. Однако между этими двумя корнями отсутствует фонетическая общность. На этом основании мы отказались бы от их сближения в этимологическом плане. Правила аналогии заставили нас смотреть шире на происхождение этих корней. Русский корень с его чередованием в финальной части частично аналогичен с корнями в германских (англ. *may*, швед. *mei* «можно», гот. *mag* «я могу, в состоянии»), латышском (*megt* «мочь, иметь обыкновение»), греческом (*megas* «большой, огромный» и др.) [Фасмер, II: 635-636] языках. В последних примерах обнаруживаем финальное чередование *-й/-к*, которое аналогично кыргызскому *-й/-к* в модально-инфинитивном аффиксе *-май/-мей/-мой/-мөй // -мак/-мек/-мок/-мөк* [Введ.: 706], ср. слово *моок* «желание» [Юдахин, I: 33].

Как же можно связать с данными фактами происхождение китайского модального слова *néng* «мочь...»? С помощью аналогии. Китайское конечное *-ң* часто соответствует кыргызскому *-к*: кит. *xīōng/xiōng* [сён] «спорить, шуметь, галдеть, свирепствовать, зверствовать» - кырг. *сөк-* «бранить, ругать, обвинять».

Чередование в финальных частях сравниваемых слов (рус. *м-*, герм. *м-*, кырг. *м-* – кит. *н-*) тоже имеет аналоги. Китайское *н-* тождественно с русским *н-* в модальном корне *нуж-*(*нужно*, *нужный*), во-первых, и, во-вторых, чередование *м-/н-* встречается широко во всех языках Евразии. Ср. рус. *м-/н-* в парадигме личного местоимения *мы* – *нас/нам/наш* и прилагательных *мяг(кий)* – *неж(ный)*, рус. *не*, англ. *no* «не» - узб. *-ма* «не» (*бор-ма* «не-ходи», *кет-ма* «не уходи»), кит. *méi/mà* «не (перед глаголом), не иметь, нет, не бывает», *mǐ* «не иметь, не имеется, не бывает, нет, без», *mìè* «не, нет, не иметь, быть без» и т.д. [Введ.: 304]; ср. кит. *ní* «я, мой» (вост. диал.), *ǎn* «я, мы, мой», *nóng* «я» (вост. диал.) – *mī* «мы»; албан. *unë* «я» - *tua* «мне, меня», фин. *-ni* «мой» – *-mme* «наш» [Введ.: 555; Зулпукаров, Амиралиев и др., 2016: 46], в которых последовательно реализовано чередование *н/м*. Эти факты позволяют этимологически сблизить русское *нуж-* (*мож-*) с китайским *néng*, с некоторым сомнением сближаемым с корнем *mài* (со значением направленности) «ступать, шагать, идти; уходить, удаляться, отдаляться, быть в отделении; приходить, миновать, бежать (о времени); делать (шаг), переступать, перескакивать; совершать объезд, превосходить, перегонять, переходить (меру); старательно следовать (чему-либо), твердо руководствоваться, преклонный (в возрасте)» [Введ.: 705].

Что касается русского конечного *-к*, чередующегося с *-ж/-ч/-щ/-г*, и китайского *-ң* [нг], то это тоже имеет аналог: рус. *лег-* в слове *легкий* и кит. *ling* «легкий, легко; парящий, воздушный; нежный, нежно; мелодичный, мелодично», кырг. *өлөң* «пух от коры плода осоки; пушистый; песня» (*-г/-н*), рус. *мяг-* в слове *мягкий* и кит. *mīǎn* «мягкий, слабый», *míǎn* «хлопок, вата; хлопковый, ватный, на вате», кырг. *маин/майин* (диал.) «мягкий, тонкий, нежный, деликатный» (*-г/-н*) [Введ.: 310]. Все это свидетельствует о значимости аналогий для установления генетических связей слов в отдаленно-родственных языках.

Кроме метода аналогии, мы часто обращаемся к процедурам **методов моделирования и формализации**. При сравнении генетически

тождественных слов мы использовали приемы абстракции и идеализации конкретных фактов, выделяя их общие свойства и представляя в виде конструктивных словесно-фонологических формул. Эти формулы и их составляющие обозначаются с помощью условных знаков. Многие межъязыковые и заимствованные слова в кыргызском языке, подчиняясь закону сингармонизма, приобретают новый фонологический облик, который мы передаем при помощи абстрактно-обобщенных моделей [Щерба, 1974: 136; Трубецкой, 1987: 23].

Нередко мы пользуемся процедурами **сопоставления** как метода компаративистики, которые были необходимы при определении общих и отличительных признаков отдельных слов, словосочетаний и предложений двух языков – кыргызского и китайского. Такое параллельное изучение единиц языков опирается на приемы **описательного метода**. В работе по мере необходимости выделяются те или иные языковые единицы, характеризуются их свойства с точки зрения сравниваемых языков, определяются их тождественные и специфичные черты и приводятся аргументы в пользу того, почему сравниваемые факты рассматриваются как генетически идентичные. В процессе описания мы обращались к процедурам компонентного, контекстного, дискретного, оппозитивного, категориального **анализа**, а также **парадигматико-синтагматического подхода**.

Реконструкция корневых архетипов в языках Евразии предполагает суммарное представление их рефлексов, координированную подачу репрезентативов константных значений пракорней, что настойчиво требовало использования приемов **синтеза** как метода исследования [БЭС, 2000: 521].

Результаты межъязыкового сравнения, сопоставления и описания суммируются, формулируются в виде общих положений и выводов. В этом важную роль играли приемы **метода обобщения**.

2.3.1. Диереза и ее разновидности

Диерезой, как известно, называется выкидка звука из состава слова. Она выполняет важную функцию в сокращении объема означающих и экономии артикуляционно-акустических усилий участников речевого общения. Выпадение звука происходит в различных частях фонетической структуры слова. В тюркских языках КНР, т.е. в уйгурском, лобнорском, саларском, сарыг-югурском и других, находящихся под непосредственным влиянием ханью, сильно развито стремление к сокращению объема языкового знака. Например, в самых употребительных словах саларского языка встречаются все позиционные виды диерезы: 1) апокопа, проявляющаяся в выкидке конечных согласных и преобразующая закрытый слог в открытый: *me/mi/mē/mī* < *men* «я», *ha* < *har* «каждый»; 2) синкопа, т.е. выпадение срединного звука: *töt* < *tört* «четыре», *emek/emik* < *egimek* «хлеб»; 3) афереза, состоящая в опущении начального звука: *ixit* < *jihit* «юноша», *uĉol* < *uĉjol* «три дороги» [Тенишев, 1975: 82-83]. Все эти разновидности диерезы встречаются в китайско-кыргызских лексических соответствиях.

В китайском языке минимальной единицей является не звук, а слог, который имеет в целом единообразное строение. Основными элементами слога являются инициаль, финаль и тон. Инициаль представляет собой начальный согласный звук, финаль – слогаобразующий гласный, дифтонг или же сочетание гласного и конечного согласного. В качестве конечного согласного финали выступают только два звука: *-n* и *-ng*, а также *-ŋ*. Тоном называется мелодическая характеристика слога, точнее – финали. Тон является такой же неотъемлемой частью фонетического облика слова, как и входящие в его состав звуки.

2.3.1.1. Апокопа. В древнекитайском языке фонетический облик финальной части слога был более разнообразным, чем в современном. В нем было много корневых морфем с конечными согласными на *-n*, *-ng*, *-p*, *-s*, *-t*, *-k*, *-r*, *-p*, *-l* и др., из которых до настоящего времени дошли только корни на -

n, *-ng*, а остальные, подвергаясь сокращению, были лишены конечных согласных. Слоги с конечными согласными сохранились в южнокитайском диалекте [Иванов, Поливанов, 2003: 16-18; Яхонтов, 1965: 27] и в их лексических соответствиях в тюркских языках, например, в кыргызском.

Известно, что в древнем ханью конечный звук «*-r* до начала новой эры исчез или перешел в *-i*». Этот звук был распространенным в конечной части слога. В этой позиции он выпал под действием закона благозвучия, рифмовки и открытого слога. Например, древний слог *lur* «гром» в современном языке звучит просто и почти открыто в виде *lei* [Яхонтов, 1965: 27]. См. параграф 2.1.

В древнекитайском языке было немало закрытых слогов с конечным *-c/-z*. Например, С.Е. Яхонтов отмечает, что в целом ряде древних лексем «появляется дифтонг *ai* из бывшего сочетания *as*» [Яхонтов, 1965: 29]. Среди примеров, приводимых этим синологом-историком, обращает внимание возникновение слога *ko*, который стал произноситься так, начиная с V в.н.э., а в I тысячелетии до н.э. и в период до V в.н.э. выглядел в виде *kah*, до I тысячелетия до н.э. – *kas* «оглянуться» [Яхонтов, 1965: 28]. Исходное *kas* «оглянуться» очень напоминает славянское *каз-/каж-* (*казалось, кажется*) и тюркское *көз/гөз/көс* «глаз, глаза» как по значению, так и по звучанию.

Действительно, тюркские слоги на *-c/-z* соответствуют часто китайским слогам с финалью на *-i*.

1) кит. *kiī* «смотреть, наблюдать, подглядывать, подсматривать, высматривать, подстергать, следить» – кырг. *көз* «глаз, глаза», *көзөмөл* «наблюдение, надзор; наблюдательный, проницательный, зоркий», *көзөмөлдө-/көзөмөлдөө* «наблюдать, присматривать; наблюдение».

2) кит. *gui* «девушка, дочь, незамужняя женщина, женщина» – кырг. *кыз* «девушка, дочь, женщина»;

Кыргызское *бас-* «наступать (ногами); давить (ногами, телом), ходить, наброситься, нападать, попирать, оккупировать, сидеть (на яйцах), быть с

женщиной (в постели)», на наш взгляд, представляет древнее состояние китайского *bá* «наступать (ногами), задевать ногами, ходить повсюду, гнать, отгонять; корень, основание, пята, пятка, низ». Точно также кыргызский глагол *буз-* «нарушать, разрушать, губить, портить, вредить, отговорить, разлагать, развращать, подстрекать, разъяриться, разволноваться; нарушение, разрушение, развращение» соотносится с китайскими слогами *bào* «грубить, портить, вредить; жестокий, лютый, бесчеловечный, грубый, насильственный, вспыльчивый, раздражительный, нервный, легко возбудимый», *bèi/bó* «нарушать, противодействовать, препятствовать, действовать наперекор, противиться, противоречить, нарушать порядок, ошибаться, заблуждаться», сохранив возможную их закрытую праформу.

Кыргызское атрибутивное и адвербиальное слово *нас/бас* «низкий, низко, невысокий, невысоко, неумный, неумно, подлый, подло, скромный, скромно» находится в этимологической связи с глаголом *бас-* (см. выше) и, вероятно, сохранило древнейшее состояние современного китайского слога *bēi/bī* «низкий, низинный, невысокий, скудный, небольшой, скромный, мелкий, слабый, младший, подлый, вульгарный, легко понятный, доступный, простой, уступчивый; низина; низко ставить, унижать, презирать, низко падать, приходить в упадок, хиреть». В данном случае не приходится сомневаться в этимологической тождественности сравниваемых лексем двух языков.

Такие же совпадения обнаруживаются в сфере субстантивных слов. Например, каз., к.калп., койб., ног., узб. диал., як. *бас*, алт. диал., с.-юг., хак. *нас*, чув. *пус*, аз., алт. диал., балк., баш., кырг., тат., тур. и др. *баш* «голова, изголовье, головка; штука; вершина, верхняя часть, верхушка, вершина, колос; начало, конец, кончик; глава, начальник, предводитель, старший, первый, высший ...» могут быть возведены к пракорню **бас/баш*. Одним из рефлексов этого прототипа, сохранившимся в виде открытого слога, является китайское *bīāo* «вершина дерева, верхние ветви, верхушка, конец; видимая часть, внешность, внешнее проявление; внешнее, поверхностное; верх, лицо,

верхний, показной, снаружи, внешний вид, внешность, поза» (два иероглифа), в котором получило развитие и разветвление значение вершины и не сохранилось значение головы как названия части тела.

С этой точки зрения интересным представляется китайское соответствие кыргызского глагола движения *бас*- «шагать, ходить, идти пешком, ступать, прогуливаться, наступать на; ходьба, прогулка, наступление» – *bù* «шагать, идти пешком, ступать, пешком; идти не торопясь, прогуливаться, пускаться в дорогу, ходить, искать; шаг, походка, поступь, пехота, пехотинец, пеший, пехотный; ступень, этап, ход (в игре), судьба». В нашей картотеке имеется 54 кыргызских слова с конечным *-с/-з*, этимологически тождественных с китайскими открытыми слогами.

В кыргызском языке мы нашли 95 корней с конечным *-к*, которые являются эквивалентами соответствующих китайских слогов открытого типа.

Приведем несколько кыргызских слов с начальным *жс-*, имеющих эквиваленты в ханью с финалями на гласные: 1) кыргызское *жак* (в говорах) «масло, жир, крем, мазь», *бетжак* «мазь для лица» (*бет* «лицо») – китайское *zhī* «жир, сало (животных); смазывать жиром; жирный, сальный; крем, помада; сок (растений), роскошь, довольство»; 2) кыргызское *жык*- «свалить, побороть, победить» – китайское *zhì* «падать, спотыкаться, наткаться, задевать; неудачи, испытывать затруднения, страдать, мучиться»; 3) кыргызское *жаак* «челюсть, скула» – китайское *jiá* «щека, скула, челюсть»; 4) кыргызское *жак*- «жечь, зажигать, зажигание, сжигание» – китайское *jiāo* «поджигать, сжигать, опалить; гореть, обгореть, обгорелый; печь, жарить, поджаривать»; 5) кыргызское *жик* «шов, стык, место соединения, трещина, щель, межа», *жөөк* «гряда, полоса, гребень борозды» – китайское *jì* «межа, граница, предел, промежуток, стык, линия, смыкание, соединение, между, между-, меж-».

В примерах *бак*- «кормить, накармливать, вырастить, взять на воспитание, усыновить, удочерить», *бак* «сад» и *bào* «вскормить, вырастить,

выходить, взять на воспитание, усыновить, удочерить» мы обнаруживаем соответствие $ak = \dot{a}o$, подчиняющееся общему правилу.

Под формулу «слово с конечным $-n$ = слог с гласной финалью» подводятся следующие примеры: 1) *шап* «ладонь, пальцы, рука» – *shōi* «рука, кисть руки, ладонь, рабочие руки, рука помощи, подмога, умение; жест руки, удар рукой, почерк, своя рука, собственноручный, своей рукой, от руки, ручной, для руки; держать в руке, схватывать рукой, ловить, бить, отбирать»; 2) *шып*- в словах: *шыба*- «мазать, штукатурить, покрывать тонким слоем», *шыбак* «штукатурка» – *shuā* «щетка, кисть; чистить, скрести, тереть (щеткой), мыть, удалять; красить, класть краску, накладывать мазки, мазать, натирать краской»; 3) *чөп* «трава, сено, никудышный (человек), послед (животных), прокладка в заднике обуви», *чөп чабуу* «косить траву» – *chū* «сено, кормовая трава, солома; косарь, давать корм, кормить, косить сено (траву)»; 4) *кооп* «страх, боязнь, подозрение, сомнение», *кооптон*- «беспокоиться, тревожиться, подозревать, сомневаться, страшиться, опасаться; страх, беспокойство, тревога, подозрение, сомнение», *кооптуу* «опасный, страшный, подозрительный, сомнительный, вызывающий опасение, беспокойство, тревожный», *кабатыр* «страх, беспокойство», *кабатырлан*- «беспокоиться, тревожиться, сомневаться» – *hiō* «сомневаться, предаваться сомнениями, подозревать, тревожиться, предаваться заботам (тревогам), вводить в заблуждение, вызывать сомнения; сомнение, подозрение, смута, беспорядок, путаница, хаос»; 5) *теп*- «лягать, пинать, толкать ногой, бить ногой, отталкивать ногой; лягание, пинок, отталкивание ногой», *тепки* «удар ногой, пинок», *тепселе*- «попирать ногами, топтать, давить (ногой), угнетать», *теп-тепке алды* (повтор) «нещадно топтали, избивали ногами» – *tī* «лягать, брыкать, лягаться, брыкаться; ударять (бить) ногой, поддавать ногой, пинать, давать пинка»; *diē/dié* «топать, пинать», *tā* «топать (ногой), притопывать, отбивать ногой ритм, ступать, наступать, давить, ступать по, наступать на, попирать, растаптывать, скамеечка для ног, приступка, подножка, педаль; ножный, обувь», *tuī* «нога, ножка (мебели)»; 6)

тап- «находить, открывать (неизвестное), доставать (спрятанное), отыскивать, родить (ребенка), отгадывать (загадку)» – *tāo* «вынимать, вытаскивать, извлекать, доставать (из чего-либо закрытого), шарить, отыскивать, выкладывать, доставать деньги (из кармана), выкапывать, капать, вырывать, проковыривать, рыть»; *tāo* «искать, найти, разыскать, раздобыть, обзавестись, завести»; 7) *топ* «мяч; группа, коллектив, стая, табун, часть, кусок, штука (материи), община, число, количество, множество, совокупность, масса» – *tuá* «дружина, отряд, ополчение, полк; коллектив, организация, бригада, группа, делегация, труппа; групповой, коллективный; комок, клубок, масса, клубы, облако, круглый, брикет; круглый, округло, в кружок, кругом»; 8) *жооп* «ответ, отклик, реакция на стимул» – *у́* «отвечать, откликаться»; 9) *кәп* «много, множество, во множестве, массы (народные)», *кәбәй-* «умножаться, увеличиваться количественно, делаться многочисленным, расширяться» – *киò* «широкий, обширный, вместительный, просторный, пустой; великодушный, щедрый; расширять, раздвигаться, расстегивать, увеличивать». Как видно, в данную группу примеров входят самые употребительные слова двух языков, которые, на наш взгляд, не являются заимствованиями и свидетельствуют об очевидном генетическом родстве тюркских и сино-тибетских языков. А привлечение аналогичных фактов из других алтайских языков еще более убедительно продемонстрировало бы выдвигаемую нами гипотезу.

Формула «слово с конечным *-т* = слог с гласной финалью» реализуется в следующих лексических единицах: 1) *бүт-* «кончать, заканчивать(ся), завершать(ся)», *бүткүчө* «до конца, до завершения» – *bì* «заканчивать, завершать(ся); до конца, до завершения»; 2) *бүт* «все, полностью», *бүткүл* «все, все вместе», *бүтүн* «все, полностью, целиком» – *bì* «все, полностью, целиком, сполна, очень, весьма, совершенно»; 3) *чет* «край, окрестность, окраина, заграница, сторона», *четте-* «ходить стороной, сторониться, уклоняться, устраняться, чуждаться», *четтет-* «отстранять, устранять, удалять; отстранение, устранение» – *chui* «край, окраина, граница,

пограничные области», *yì* «кайма, кромка (одежды), край, окрестность, далекая окраина, пограничная зона, отдаленные земли, окраинные инородцы, некитайские племена пограничных земель, отдаленные потомки, отпрыски, потомство»; 4) *чат* «место соединения ног (с внутренней стороны), пространство между двумя реками перед их слиянием, место соединения двух ложбин», *чаткал* «впадина между двух гор» – *chā* «раздвигать, разводить»; 5) *бет* «щеки, лицо, поверхность, склон (горы)» – *fǔ* «щеки, скулы, верхняя часть»; 6) *жет-* «достигать, добиваться, доходить, доехать, догонять, нагонять, преследовать» – *zhūī* «догонять, нагонять, достигать, гнать за, преследовать, гнать, следовать за, равняться на; искать, допытываться, домогаться (любви, благосклонности), добиваться, искать, дополнять, наполнять, дополнительно, вдогонку», *zhì* «доходить до, достигать, доходить до предела (апогея), достигать высшей точки, развиваться до высшего предела, доводить до совершенства, прибывать в, приходить к; превосходный, наивысший, предельный, что касается, до, к», *zhú* «гнаться за, преследовать, догонять, нагонять, домогаться, добиваться, следовать за, перегонять друг друга, бежать на перегонки, последовательно, один за другим, друг за другом, следуя за».

Конечно, число примеров, демонстрирующих выпадение конечных согласных в китайских слогах в рамках правил апокопы под влиянием закона компрессии и открытого слога, можно легко увеличить. Считаем, что приведенных выше немногих двуязычных соответствий достаточно для утверждения о том, что **тюркские языки, в том числе кыргызский, сохранили древнейший фонетический прототип общих китайско-тюркских слов.**

2.3.1.2. Синкопа. Стремление ханью к экономии усилий говорящего проявляется и в виде синкопы, когда выпадает звук из состава слова. Например, сравнение кырг. *азоо* «строгий, норовистый, необъезженный (о коне)» с кит. *áo* «норовистый (конь), скакун, быстроногий (конь)» показывает, что последнее является вторичным относительно первого, более

рациональным и возводимым к форме с дентальным согласным в середине. Видно, что в кыргызском слове произошло удлинение финального гласного.

Аналогично соотношение кыргызско-китайского корня в словах: кырг. *жобо* «положение, принцип, согласованное суждение, установленное правило, план, проект» и кит. *zhào* «уведомлять, ставить в известность, ознакомиться, принять изложенное к сведению; согласоваться с, согласование с, в соответствии с; в установленном порядке, согласно документов; уведомление, извещение» [Введ.: 216-217]. Первая часть кыргызской идиомы *чоо жай* «положение, состояние, замыслы, обстоятельства», сравниваемая с кит. *zhào* + *zhái*, тоже, по-видимому, представляет собой сокращенный вариант первичного слова. Сингармонизм способствовал единообразию гласных в кыргызских словах в противовес фонетической структуре китайского финального дифтонга: в обоих случаях происходит регрессивная ассимиляция, т.е. *zhào*= *жобо/чоо*. Первичный корень *жабо подвергается ассимиляции на кыргызской почве (>*жобо/чоо*) и, лишаясь межвокального губно-губного согласного, открывает позицию для синкопы (>*zhào/чоо*). А инициальное чередование *zh-/ж-/ч-* весьма распространено в языках Евразии [Амиралиев, Кожоева, 2018: 294].

Выпадение срединного губного согласного мы обнаруживаем и в кит. *shuāng* «вдова, вдовый» относительно кырг. *жубан/жуван* «вдова; молодая женщина, молодка, красотка». А соответствие инициальных *ж-* и *sh-* мы находим и в других однокорневых словах: кит. *sheng* «племянник, сын сестры» и кырг. *жээн* «племянник, сын или дочь сестры» [Введ.: 731]. В обоих примерах мы имеем дело с финальным чередованием *-ng/-н*.

Синкопу можно усмотреть и в некоторых других примерах. Сравнивая кырг. *албан* «высокий, выдающийся, великий», *алп* «великан, исполин, силач» и кит. *luán* «высокий пик, островерхая гора, горы, отроги гор», мы приходим к выводу о том, что в китайской трансформе выпали лабиализованные звуки *б* и *п*, а во втором кыргызском слове произошла апокопа – падение слога *-ан*, а также оглушение конечного звонкого *-б*

(албан минус *-ан* = алб- > алп). С данными примерами коррелируют кырг. *кубан-/куван-* «радоваться, испытывать радость, веселиться», антропоним *Кубан* и кит. *hūān* «радоваться, испытывать радость, веселиться, быть довольным, наслаждаться; любить, обожать; радость, веселье». В китайском слове отмечается выкидка срединного лабиализованного согласного как проявление диерезы. Аналогично соотношение синонимов предыдущих слов в двух языках: кырг. корень в словах: *сүйүн-* «радоваться, испытывать радость» сходен с кит. *xīn* [син] «радоваться, быть довольным; радостный, обрадованный, счастливый, веселый, довольный; радостно, весело». И здесь мы обнаруживаем проявление синкопы: древнее двусложное слово на китайской почве упростилось, лишившись второго слога.

2.3.1.3. Аффераза. В китайском языке много слов с начальным согласным *h-*, произношение которых представляло определенную трудность для древних носителей тюркских языков, в том числе кыргызского. Поэтому кыргызы произносили эти слова, опустив труднопроизносимый начальный звук. Например, слог *hén* «знак, шрам, рубец, рана, след, отпечаток, пятно» кыргызы произносят в виде *эн* «метка на ухе (у всего скота, за исключением верблюда), знак на ухе или морде овцы, на ляжке лошади, знак, буква», слог *hēng/héng* «поклоняться, угождать» - в виде *эң-* в словах: *эңкей* «поклонись, наклонись, склонись», *эңүү* (о всаднике или некоторых хищных птицах) «наклонившись/опустившись, коснуться земли»; *эңиш/эңкейиш* «спуск, склон (горы)», *эңиш* «состязание всадников, состоящее в столкновении друг друга с коня, выбивании из седла», *эңиштөө* «спускаться по склону (горы), опускаться (о птице) по наклонной линии» и т.д. [Тагаев, 2017: 131]

Диереза имеет место и в следующих примерах: китайское *hǒng* «присматривать, ухаживать (за больным), заниматься (с детьми), тешить, восхищать, очаровать, обольщать, умилять, приводить в восторг» соответствует кыргызскому *өң-/оң-* в словах: *өңүт* «подкрадывание, выслеживание; место засады, место, откуда удобно нападать; удобный момент, подходящий случай»; *өңүттөө* «подкрадываться, выслеживать»,

оңуттуу «удобный для присмотра, слежки, выслеживания»; *оң* «правый, подходящий, соответствующий, удачный, благоприятный, благотворный, положительный»; *оңуу* «быть удачным, удачливым, наладиться; начать жить зажиточно, с достатком; добиться достатка, состоятельности, хорошей зажиточной жизни, процветать»; *оңдоо* «исправлять, налаживать; делать так, как нужно; чинить, делать что-либо с правой стороны, делать правой рукой»; *оңдуруу* «быть причиной удачи, хорошего состояния дел; приводить в радостное состояние духа, обеспечивать, налаживать, направлять» [Зулпукаров, Амиралиев, 2020 б: 144].

Приведенный выше материал позволяет заключить, что диереза начального звука *x* на кыргызской почве произошла после потери этим языком прежнего соответствующего звука. Если считать приведенные кыргызские слова заимствованиями, то можно объяснить эти факты как явление интерференции, в результате которого опускается труднопроизносимый звук.

2.3.2. Метатеза как один из путей возникновения звуковых расхождений в китайском и кыргызском языках

Метатезой называют перестановку звуков и слогов в слове в процессе развития и функционирования языка. Транспозиция звуков и слогов в составе слова проявляется по-разному. Она может быть монолингвальной и билингвальной, ассимилятивной и диссимилятивной, непосредственной (контактной) и опосредованной (дистанктной), простой и смежной (смешанной), качественной и количественной. В кыргызском *сык* → *кыс* «сжимай» мы имеем дело с монолингвальной, дистанктной, простой метатезой, в греческом *tēos* → *teōs* «бог» проявляется метатеза звуков по признаку краткости-долготы, контактности и монолингвальности. Перестановка звуков в общеславянском *tort* и польском *trot*, в древнетюркском *йик* и современном кыргызском *ийги* «достойный, хороший, правильный, культурный, благородный, гибкий» характеризуется

признаками диахроничности, непосредственности, простоты и качественности. Соотношение немецкого *futteral* и русского *футляр* свидетельствует о наличии смешанной, межъязыковой, дистантной метатезы в языке [Тенишев, 1975: 82; Побидько: 7-9, 12-18]. Сравнение древнеяпонского *pori* «канавы», древнетюркского *opri/oru* (с утратой начального *p-*) «яма, впадина» и индонезийского *parit* «канавы» подтверждает существование метатезы в ностратических языках. В данном случае мы обнаруживаем ее в примерах из древнеяпонского и древнетюркского языков [Сыромятников: 178-176]. Аналогичные процессы не чужды и китайско-кыргызским соответствиям. Мы часто обнаруживаем взаимное перемещение звуков в составе слогов-слов в сравниваемых языках, что является одним из способов возникновения фонетических расхождений в родственных языках. Метатеза перестраивает звуковой облик слова, превращая инициаль в финаль и, наоборот, финаль в инициаль.

В китайском языке имеется целый ряд слогов с идентичным фонологическим обликом в виде [йи], но произносимых с дифференцируемыми ударениями. Им соответствуют кыргызские корневые морфемы, которые звучат в виде [ий] и служат началом агглютинативных морфокомплексов. Например, китайское *уї* «приветствовать (сложением рук), кланяться, раскланиваться, держаться вежливо, из скромности уступать, быть уступчивым (вежливым), поклон (сложением рук)» допускает сравнение с кыргызским корнем *ий* «согни, сгибай», употребленным в производных словах: *ий-/ийүү/ийиши* «сгибать, загибать, сгибание, загибание, сгиб, загиб» *ийил-/ийилүү* «гнутья, сгибаться, склоняться; вежливо приветствовать, раскланиваясь; приветствовать с поклоном», *ийгиз-/ийдир-//ийгизүү/ийдирүү* «заставить склонить голову» и др. К данной группе соответствий примыкают и следующие примеры: 1) кыргызские слова, являющиеся эквивалентами китайских вариантных слогов *уй/уї* «клониться к, наклоняться, склоняться к, отклоняться, иметь склонность к, питать пристрастие к, опираться на, прислониться к, примкнуть к, зависеть от, в зависимости от»: *баши ийет*

«склоняет голову, подчиняется, зависит от, находится в зависимости от», *ичкиликке баш ийип* «имея пристрастие к алкоголю, к спиртному», *законго баш ийип* «подчиняясь закону, соблюдая закон, опираясь на закон»; 2) китайское *уі* «давить на, нажимать на, прижиматься, подавлять, обуздывать, принуждать к, притеснять, в принудительном порядке, нагибать, склонять» соответствует кыргызскому *ий* «выделка, дубление (кожи)», *ийле-/ийлөө* «выделывать кожу, дубить, мять кожу, месить (тесто, глину), тереть, растирать (табак, изговляя насвай)»; 3) китайское *уі* «одежда, платье, костюм, кофта, куртка, внешний покров, кожица; одевать, одеваться» - кыргызское *ий-* в слове *ийин* (устаревшее) «одежда», *ийини бүтүн* «одежда нормальная (нерваная)»; 4) китайское *уй* «крыша, дом, здание, жилище...» - кыргызское *уй* «юрта, дом, жилище, кров» и т.д.

Перестановка звуков в начале и в конце китайских и кыргызских слов привела к тому, что рефлексy одного и того же слова стали звучать в двух языках совершенно по-разному.

В контексте приведенных выше китайско-кыргызских аналогов определенного внимания заслуживают двуязычные номинанты морально-этических норм поведения. Китайский слог *уі* обладает плотным семантическим содержанием, выражая значения «достойные манеры, благоприличное поведение, достоинство (человека), культурный обиход; правила поведения, этикет, ритуал; закон, норма, эталон, образец ...». Ему соответствует кыргызский корень, употребляемый в вариантах *ий-*, *ый-* в словах: *ыйман/ийман/ыман/иман* (в последних двух трансформах допущена диереза) «совесть, честность, вера», *ыймандуу* «совестливый, честный, верный, праведный»; *ийбарат* «пример, образец, эталон»; *ийбаа/ыйбаа* «стыд, стыдливость, скромность, культурное поведение». Вторая часть последнего слова (*-баа*) допускает сравнение с китайским слогом *бао* «драгоценность, ценный, высоко ценить». Эти примеры позволяют нам возразить против идеи об арабском происхождении слова *ийбаа/ыйбаа* в кыргызском языке [Юдахин, 1965: 252, 296].

Факты древнетюркского языка свидетельствуют о том, что в XI веке корень *йи*- употреблялся, не подвергаясь метатезе. М. Кашгари приводит пословицу *Көл үргүнчө, көз үрсө йиг* «Не трать времени на непосильное дело» (букв. «Чем дуть на озеро, полезнее дуть на глаз»), которую переводят на современный кыргызский язык так: *Көлдү үйлөгүчө, көздү үйлөгөн ийги* [Султаналиев: 226]. Наличие двух диахронических вариантов одного слова в виде *йиг/ийги* служит основанием для предположения о том, что в кыргызском языке корень *ий*- получил свой фонетический облик позднее под влиянием правил пермутации.

Метатеза *ши/шш* встречается в целом ряде в китайско-кыргызских соответствиях. Приведем отдельные примеры. Китайское *shì* «дело, деяние, предприятие, занятие; дело, событие, случай, обстоятельство; происшествие, инцидент, неприятный случай, конфликт; работа, занятие, промысел, служба; делать, заниматься, управлять, ведать, служить, прислуживать, ухаживать за; осуществлять, постоянно практиковать; заставлять, понуждать; втыкать» (ср. *shìshì* «каждое дело, все дела, все; вести дело, заниматься делом») имеет прямой эквивалент в кыргызском языке, где *шш* «дело, работа, деяние, предприятие, место работы, происшествие, беда, случай, инцидент»; ср. также *шште-/шштөө* «работать, работа; служить, служба, заниматься, занятие», *башына шш түштү* «с ним стряслась беда, с ним произошел неприятный инцидент/случай, он попал в затруднительное положение», *мушкул шш* «неприятный случай, беда, несчастье» и т.д. Такую же перестановку звуков мы обнаруживаем и в следующих примерах: семантика китайского слога *shì* «доверяться, полагаться, опираться на, зависеть от; опора, поддержка (нередко о родителях)» имеет аналог в употреблении кыргызского корня *шш*- в словах: *шшен-/шшенүү* «верить, доверять, доверяться, полагаться на, опираться на, вера, доверие».

В данных примерах метатеза звуков выступает как отличительный признак современных корней сравниваемых языков, восходящих к одному пракорню.

Несколько иную картину мы имеем в названиях приема пищи в китайском и кыргызском языках. В первом языке слоги *chī* «есть, кушать, вкушать; пить, глотать, кормиться, питаться» и *shī* «есть, кушать, принимать пищу, питаться, поедать, пожирать, поглощать, проедать, пища, еда, питание, корм, кормление грудью» открытые, построены по формуле С+Г. Их эквиваленты в тюркских языках имеют иное строение и могут быть подведены к формуле Г+С: 1) кырг. *ич* «пей, ешь, кушай», *ичүү/ичиш* «пить, есть, принимать пищу», *ичируу* «заставлять пить, поить; заставлять есть, кушать», 2) казах., кара-калп. *иш* «пей, ешь». В тюркских языках корень *ич/иш* используется при приеме жидкой пищи или напитка, имея более узкое значение, чем его китайский эквивалент. А общетюркское название в виде *же-/йе-* и по составу значения («есть, кушать, вкушать, принимать пищу»), и по формуле обозначения (С+Г) сходно с китайскими номинантами. Необходимо отметить наличие внутриязыковой метатезы в кыргызском языке. Соотношение корней *же-* «есть (густое)» и *ич-* «пить, есть (жидкое)» подчиняется формуле С+Г/Г+С, а их употребление в составе сложных слов – требованиям варьируемой перестановки корневых морфем (ср. сложные слова: *жеп-ич/жеп-ичиш/ичип-жеп/ичип-жеш* «взятка, подношение»).

Сравнивая китайское сочетание слогов *fēilǐ* «неприличный, неприличие, непозволительный», состоящее из отрицания *fēi* «не» и *lǐ* «простой, деревенский, вульгарный», с кыргызским словом *пейил/бейил/бейл* «нрав, характер», мы обнаруживаем метатезу во втором слоге – *lǐ* в китайском и *ил* в кыргызском языке. На этом основании мы считаем кыргызское слово *пейил* китайским, а не иранским по происхождению [Юдахин, 1965: 123-124, 608].

В результате метатезы появилось соответствие: китайское *zì* «сам, лично, самолично, по собственному желанию, сознательно; сам из себя, самостоятельно, своими силами; сами себя, себя; само собою, особо, отдельно» и кыргызское *өз-* «сам, лично, сам себя», *өзүнчө* «по-своему, самолично, самостоятельно», *өзүм* «я сам», *өзүң* «ты сам», *өзү* «он/она

сам/сама», *өзүлөрү* «они сами» и т.д. Перестановка звуков привела к тому, что открытому слогу ханью в кыргызском соответствует закрытый слог.

Теперь переходим к сравнению метатетических отношений между гласными звуками в двух языках. Китайские слоги *mīǎn* «мягкий, слабый» и *míǎn* «хлопчатник, хлопок, вата, хлопковый, ватный, на вате» имеют близкий фонетический облик. В кыргызском слове *майин/маин* (южн.) «мягкий, нежный» (*маин жүн* «мягкая шерсть») звукосочетания *айи* и *аи* соответствуют китайскому дифтонгу *ia*. В этих примерах, обрамленных идентичными согласными звуками, происходит перестановка переднеязычных и непреднеязычных компонентов межконсонантных сочетаний гласных.

В словах *жай* «лето, летний» и *jiǎ* «лето, летний» дифференцирующую функцию выполняют начальные согласные и звукосочетания *ай* и *iǎ*, находящиеся между собою в отношении пермутации.

Сравнивая кыргызский послелог *сайын* «по мере, во время, с интервалом, в промежутке, еже-, по прошествии» (*ай сайын* «ежемесячно, по прошествии каждого месяца, в течение каждого месяца, с интервалом в месяц», *уткан сайын* «по мере выигрывания, после каждого выигрыша», *күлүк чапкан сайын арбытат* «скакун чем больше скачет, тем больше усиливает ход») [Камбаралиева, 2013: 289] и китайские слоги *jiàn* [дзиань] «последовательно, один за другим, подряд, раз за разом, снова и снова, то и дело, еще и еще, следовать подряд, наступать чередой, непрерывно, повторяться» и *jiān/jiàn* «в промежутке, между, внутрь, в середину, посреди, на, в; на протяжении, в течение, во время, в момент, через, по прошествии, с интервалом в; промежуток (отрезок) времени, время, в удобное время, удобный случай, интервал, промежуток», можем отметить общность обрамляющих их согласных звуков и наличие пермутации в межконсонантных гласных: *айы = iā/ià*.

В китайско-кыргызских лексических соответствиях нередко встречаются случаи перестановки слогов и слов. Например, слоги в китайском *hàma*

«лягушка, жаба» и кыргызском *бака* «лягушка, жаба» находятся в отношениях пермутации. Мы думаем, что слово *бака* состоит из сочетания двух наименований, которые восходят к китайским слогам *wā* «лягушка, лягушачий; непристойный, вульгарный (о музыке)» и *há* «лягушка». Кыргызский пример как бы связывает последние два слога: *бака* из *wā + há*. Иначе говоря, мы склоняемся к выводу о том, что кыргызское слово *бака* и его эквивалент в ханью представляют собою плеоназм, т.е. семантическое удвоение, и возникло в результате сочетания двух синонимичных слогов.

В тюркологии существуют другие мнения по данному вопросу. Лингвисты сравнивают факты: *бака* в туркм., крымско-тат., караим, кумык., каз., ног., кара-калп., тат., узб., уйг., алт. языках, *пага* в диал. уйг., тат. диал., сарыг-югур., *бага* в тур. диал., аз., койб., карагас., якут., тофалар., хакас., алт. диал., *мака* в балк., тат. диал., *мага* в тат. диал. и т.д.; последние два примера сближает слово *бака* с китайским *hama* (из **maha*) в звуковом отношении и подтверждает дополнительно наше сближение [Дыренкова, 1941: 138; 1963: 10; Уринбаев, 1960: 5-7].

Во всех тюркских языках эта лексема выступает как общее наименование земноводных из породы лягушек и черепах (в тур., аз.), общее название земноводных из породы лягушек (во всех прочих языках). Происхождение слова объясняется в русле звукоподражательной теории (А.М. Щербак, Э.В. Севортян и др.). Ср. кыргызское *бак-бак этүү, бакылдоо* «горланить», *бакыруу* «орать, реветь, громко кричать, горланить» [Турганбаев, 2008: 15].

Исследователи сравнивают общетюркское *бака* с монг. *бака*, бурят. *баха*, эвенк. *бага*, венг. *beka*, румын. *bagă*, греч. *tragas*, серб. *bagă*, перс. *bak* «лягушка», *bāxa* «черепаха» и др. (М. Рясенен). Наименование лягушки в разных языковых семьях имеет звуковую и семантическую общность, поэтому можно отнести его к общеностратическим словам [Введ.: 38-39].

Как хорошо известно, в китайском языке отрицание занимает препозицию относительно отрицаемого наименования, а в кыргызском языке

оно всегда постпозитивно. Например, китайское *bù* имеет значение «не, не-, без, без-/бес-, а-, нет». Ему соответствуют в кыргызском языке отрицания 1) -*ба, -бе, -бо, -бо*; -*па, -пе, -по, -пө*; 2) *эмес* с теми же значениями. Например, китайское *bùděng* «неодинаковые, разные, разнородные» этимологически сходно с кыргызскими сочетаниями *тең эмес* «неравные, неодинаковые, разные, не равесники», *теңдебе* «не уравнивай, не отождествляй, не считай одинаковыми», *теңелбе* «не равняйся, не следуй за, не считай себя за равного». Как видим, русский и китайский языки в отрицательных образованиях обнаруживают типологическое сходство: в них формы отрицания употребляются перед названиями отрицаемых качеств и предметов. В кыргызских примерах частица *эмес*, суффикс *-бе* (в двух глаголах – переходном и страдательном) стоят после корня *тең* непосредственно (в первом случае) и через посредство суффиксов *-де* и *-ел*. Из этих суффиксов первый является признаком переходности и объектности, а второй – страдательности и субъектности. Приведем еще несколько примеров:

1. Китайское *bùrèi* «несоразмерный, неподходящий по величине, не подходит по размеру, негармоничный» – кыргызское *пай эмес* «неподходящий по размеру, не подходит по величине, не подходит по происхождению, воспитанию и характеру».

2. Китайское *bùduàn* «непрерывно, беспрерывно, непрестанно, беспрестанно» – кыргызское *тынбай* (-*й* деепричастный суффикс) «непрерывно, беспрерывно, непрестанно, беспрестанно, не останавливаясь», *тынба* «не останавливайся, не отдыхай, не прерывай (действие)»; здесь китайские *bù* и *duàn*, кыргызские *тын* и *-ба* обнаруживают материальное и смысловое сходство, однако номинанты отрицания и отрицаемого качества занимают противоположные позиции.

3. Китайское *feixiào* «насмехаться над, насмешка» – кыргызское *сүйбөйт* «не любит» (*сүй-бө-й-т*, где *сүй* «люби», *-бө* «не», *-й* признак процессуальности, т.е. *сүйбөй* «не любя», *-т* «он, она»), *сыйлабайт* «не

уважает, не почитает, пренебрегает» (где отрицание передается интерфиксом *-ба*).

Как видим, явление метатезы позволяет объединить целую группу фонетико-номинативных единиц двух языков на основе их семантической общности и звуковой близости.

Перестановка звуков и слогов в рамках лексической единицы языка существенно меняет фонетический облик слова, увеличивая расхождения между его рефlekсами в двух современных языках.

Таким образом, метатеза является своеобразным способом фонетического видоизменения слова в языке. Она служит для дивергенции праязыка и появления значительного числа звуковых расхождений в тех языках, которые считаются отдаленно родственными и возводятся к общему прототипу.

2.3.3. Эпитеза. Эпитезой в европейской лингвистике называют появление в конце слова звука, отсутствовавшего в первоначальной форме слова. Такие звуки возникают под влиянием определенных фонетических и морфологических условий.

В китайско-кыргызских соответствиях мы встречаем случаи, когда в конце одного из эквивалентов имеет место звук, отсутствующий в составе другого эквивалента. Эпитетические звуки очень часты в кыргызских словах и проявляются относительно их китайских соответствий.

1. Кит. *ai* «скорбеть, горевать, жалеть, любить, сочувствовать, сожалеть, соболезновать, сострадать; скорбь, горе, страдание, печаль, траур, сострадание» – кырг. *ая* [айа] «пожалей, сочувствуй», *аёо* «жалость, сострадание». В кыргызском слове конечный звук *-а* появился в результате действий эпитезы.

2. Кит. *liú* «улитка» – кырг. *үлүл* «улитка». В кыргызском примере совмещено два способа звуковых изменений – протеза и эпитеза. Протеза привела к увеличению объема знака спереди, эпитеза – сзади.

3. Сравнивая кит. *guiā* «дыня, тыква, арбуз, тыквенные растения, бахчевые культуры» и кырг. *кабак* «тыква, тыквянка, горлянка», можно отметить появление эпитетического звука -к во втором примере.

4. Кыргызское название председателя, встречающееся в различных стилях речи в вариантах *раис/ираис/ирайши/ырайыс/ырайши*, сравнивается с кит. *ruì* «мудрый, просвещенный, проницательный, императорский, высочайший (об императоре)» с учетом наличия в них эпитетического компонента (-с/-ис/-ыс/-иш).

5. Появление эпитезы в кырг. *жунан* «тонкий шерстяной головной платок» подтверждается кит. *ruǎn* «мягкий, эластичный, ласковый, нежный, добрый, слабый, мягкотелый, размягченный». Здесь мы обнаруживаем метатезу гласных между двумя примерами и наращивание основы с конца в слове *жунан*.

Как видим, более компактные эквиваленты в данных соответствиях выступают как первичные, а развернутые – как вторичные.

Необходимо отметить, что по отношению к подобным фактам можно предложить и другую гипотезу: первичными являются более развернутые номинанты, вторичными или производными – менее объемные номинанты. Компактные номинанты, возможно, возникают в результате совместного действия законов компрессии, рифмовки и открытого слога.

2.4. Влияние сингармонизма на звуковой облик современных рефлексов общих пракорней китайского и кыргызского языков

Термин сингармонизм, как известно, имеет греческое происхождение. Он состоит из префикса *syn* «вместе» и слова *harmonia* «созвучие». С его помощью обозначается морфонологическое явление, состоящее в единообразном вокалическом (иногда консонантном) оформлении слова как морфологической единицы.

В языках, где действует закон сингармонизма, в структуре слова особую значимость приобретает корень как независимый доминирующий

компонент, который предопределяет фонетический облик последующих аффиксов как зависимых компонентов слова. Сингармонизм приводит к единообразию звучания слов в языке. По тому, какой фонологический признак является основой сингармонизма, различаются 1) тембровый сингармонизм (по признаку ряда); 2) лабиальный сингармонизм (по огубленности); 3) компактный сингармонизм (по подъему или раствору). Иногда встречаются случаи совмещения двух типов сингармонизма – тембрового и лабиального [Садыков, 1992: 103].

Сингармонизм присущ главным образом агглютинативным языкам, где он обеспечивает целостность и отдельность словоформы, действуя как «цементирующее» средство (И.А. Бодуэн де Куртенэ), и в этой функции он соотносится с ударением в индоевропейских языках [Успенский, 1965: 118].

В кыргызском языке в употреблении гласных в соседних слогах и в составе слова в целом существует строгое ограничение по признаку их палатальности (ряда) и лабиальности. Эти ограничения носят последовательный, твердый характер и представляют собой специфический закон, обеспечивающий созвучие любого кыргызского слова. Палатальная (небная) гармония гласных универсальна, не терпит исключений, оказывая влияние на произношение соседних согласных звуков, приспособляя их к своему звучанию. Например, сравнивая примеры *келгендерге* «тем, которые пришли» и *көргөндөргө* «тем, которые увидели», можем сказать, что корневые морфемы *кел-* «прийти» и *көр-* «увидеть» уподобляют себе звучание всех трех аффиксов по признакам переднерядности, лабиальности/нелабиальности, в отличие от примеров *калгандарга* «тем, которые остались» и *болгондорго* «тем, которые были/присутствовали», где аффиксальные морфемы обладают признаками непереднерядности и лабиальности/нелабиальности.

2.4.1. О гармонии звуков в слове. В кыргызском языке сингармонизм представляет собой полную прогрессивную ассимиляцию и обуславливает созвучие гласных и согласных по всей длине состава слова. На этом

основании можем считать, что этот закон носит комбинированный характер и определяет фонетический облик кыргызского слова в целом.

Своеобразие кыргызского сингармонизма проявляется в каждой морфологической категории. В качестве примера сошлемся на признак множественного числа в этом языке. Есть все основания считать, что соответствующая аффиксальная морфема как абстрактная единица обобщает употребления следующего множества алломорфов: *-дар, -дер, -дор, -дөр; -тар, -тер, -тор, -төр; -лар, -лер, -лор, -лөр*. Ни один из этих вариантов морфемы не является продуктивным, распространенным и поэтому доминирующим. Все они равноправны и равнозначны. Выбор того или иного варианта в каждом конкретном случае прямо зависит от качества конечного звука основы и от качества гласного конечного слога основы. Если конечный слог основы имеет гласные *e* и *и*, то морфема реализуется в вариантах *-дер, -тер, -лер*, если конечный слог имеет гласные *a* и *ы*, то морфема множественного числа необходимо приобретает разновидности *-дар, -тар, -лар*. Соответственно гласные *o* и *ө* в конечном слоге предполагают выбор алломорфов 1) *-дор, -тор, -лор* и 2) *-дөр, -төр, -лөр*.

Чтобы быть отнесенными к одной морфеме, члены данного множества аффиксов должны обладать функциональной общностью. Такой общностью выступает значение не-единственности, т.е. множественности. Все узбекские эквиваленты приведенных кыргызских примеров имеют морфему *-лар*, реализуемую в одном варианте и тождественную самой себе: *одам-лар, киз-лар, из-лар, от-лар* и т.д. В кыргызском языке алломорф *-лар* выступает как эталон, как инвариант по отношению к другим вариантам. Повторяем: все варианты одной морфемы равнозначны. Ни один из них не обладает свойством доминировать над другими. Только алломорф *-лар* принят в качестве эталона, выполняя функцию инварианта. Как видим, **двенадцати алломорфам кыргызской морфемы в узбекском языке соответствует одна неварьируемая морфема.** Именно этим своеобразием узбекского

языка можно объяснить его легкую усвояемость представителями других этносов.

В приведенных выше примерах из двенадцати алломорфов аффикса множественности в соответствии с требованиями гармонии звуков мы использовали только четыре единицы: *келген-дер-ге* «тем, которые пришли», *көргөн-дөр-гө* «тем, которые увидели», *калган-дар-га* «тем, которые остались», *болгон-дор-го* «тем, которые были/присутствовали». Каждый из этих алломорфов занимает интерпозицию относительно препозитивного причастного аффикса и постпозитивного аффикса дательного падежа, фонетически уподобляется гласным звукам предшествующей части словоформ и конечному сонорному согласному и уподобляет себе звучание конечной падежной морфемы. Данная особенность созвучия кыргызских слов оказывает влияние на фонетическую структуру заимствованных слов (ср. например, русское *купец* – кыргызское *көпөс*, русское *почта* – кыргызское *почто*, где губные гласные первого слога в русских словах передаются губными в кыргызских заимствованиях, уподобляющими себе негубные гласные второго слога) [Чонбашев, 1980: 157]. Во всех случаях кыргызские примеры имеют созвучные гласные и согласные в рамках сингармонизма.

Аналогичное соответствие мы находим и в кыргызско-китайских общих словах. В китайском языке имеются продуктивно употребляемые слоги с модальным значением 1) *gāi* «быть должным, надлежать, быть необходимым (нужным); необходимо, нужно, должно, следует; должно быть, по-видимому, возможно, вероятно, наверное, надо полагать, не иначе как; заслуживать, стоить, требовать, быть достойным, годиться, подходить для (к), соответствовать; заслуживающий, достойный; брать в долг, задолжать, быть должным; подлежащий, заинтересованный, соответствующий, данный, вышеупомянутый»; 2) *gài* «(перед глагольным сказуемым) вероятно, по-видимому, должно быть», которые соответствуют в кыргызском языке 1) двум частицам *гой/кой* «ты (-ка), тебе нужно, ты должен» и *гойгула/койгула*

(мн.ч.) «вы (-ка), вам нужно, вы должны»: *бара гой* «сходи-ка», *барып кой* «посети обязательно, ты должен сходить/посетить», *бара гойгула* «сходите-ка», *барып койгула* «сходите/посетите обязательно»; 2) глагольным модальным суффиксом с варьируемыми начальными согласными и интерконсонантными гласными *-гай, -гей, -гой, -гөй, -кай, -кей, -кой, -көй*. Выбор того или иного алломорфа данного суффикса зависит от качества конечных гласных и согласных звуков корня. Этот суффикс, присоединяемый к глагольной основе, встречается почти во всех тюркских языках. Ср. один из алломорфов этого аффикса в тувинском языке, имеющего согласительное (позволительное) значение: *көргей мен* «ладно, я посмотрю», *көргей сен* «ладно, ты посмотришь», *көргей* «ладно, пусть посмотрит», *көргей бис* «ладно, мы посмотрим», *көргей силер* «ладно, вы посмотрите», *көргей(лер)* «ладно, посмотрят».

В этих примерах суффикс *-гей* передает модально-согласительный смысл и входит в парадигму суффикса как ее элемент (*-гай, -гөй* и т.д.). Ср. также хакас. *алгаймын* «ладно, возьму», *полгайбын* «ладно, буду», кара-калп. *көргеймин* «увиджу», *көргейсиз* «увидите», уйг. *ба(р)гайман* «пойду», *ба(р)гайсан* «пойдешь». В последних двух языках отмеченный суффикс имеет значение будущего времени с желательным оттенком. В кыргызском же языке данная суффиксальная парадигма имеет явно выраженное значение желательности ожидаемого действия: *баргай эле* «желательно, что бы он посетил/сходил», *жеткей эле* «желательно, чтобы он догнал/дошел/доехал», *өткөй эле* «желательно, чтобы он прошел/проехал/перешел/переехал» и т.д. Как видим, в тюркских языках модальный суффикс занимает постпозицию относительно глагола. В ханью *gāi* располагается перед глагольным слогом со значением желательного действия: *gāisǐ* «чтобы ты сдох! чтобы тебе (ему, ей) пусто было! черт тебя (его, ее) побери/возьми! проклятие!» [КРС, 2008: 278], где *sǐ* обозначает «смерть, умереть, помереть, погибнуть, гибель, пасть, издохнуть, околеть» [КРС, 2008: 855]. Это не означает, что во всех случаях китайские слова имеют в кыргызском языке варьируемые эквиваленты.

Когда китайским словам соответствуют кыргызские неаффиксальные, корневые морфемы, чередование в них не происходит. Например, китайское слово *gǎi* «изменяться, переменяться к, исправляться; изменять, переменять, исправлять; улучшать, править; переделывать; пере-, ре-; реформа, преобразование» (*gǎizào* «перестраивать, реконструировать, преобразовывать, перековывать; реконструкция, перестройка, перековка, переустройство, преобразование», *gǎigé* «реформировать, обновлять, преобразовывать, исправлять, изменять; реформа, обновление, преобразование, исправление, изменение», *gǎimíng* «переименовать, переименование») имеет в кыргызском языке эквивалент в виде корня *кай-*, встречающегося в словах: 1) *кайта/кайтадан/кайра* «опять, снова, повторно, обратно», *кайра тарт* «возвращайся», *кайра басылыш* «переиздание», *кайра кароо* «пересмотр, пересмотреть», *кайра уюштуруу* «реорганизация, реорганизовать; преобразование, преобразовывать»; *кайра куруу* «перестраивать, перестройка»; 2) *кайтала-/кайталоо* «повторять, делать повторно, повтор, повторение», *кайтар-/кайтаруу* «возвращать, отправлять назад, делать повторно; возвращение, отправка назад», *кайтыш* «возвращение, возврат, смерть (т.е. возвращение в иной мир)»; *кайыр-/кайтар//кайруу/кайтаруу* «отворачивать, поворачивать, возвращать, вернуть; отворот, поворот, возврат, возвращение». Как видим, в начальной позиции кыргызская морфема самостоятельна, не подвергается чередованию и диктует свои условия фонетическому оформлению последующих аффиксальных морфем.

Соотношение межъязыковых инварианта и вариантов наглядно демонстрируется и на других примерах. Китайское слово с модальным значением *gǎn* «смечь, осмеливаться, решаться, дерзать; мочь, уметь (ср.-кит.), дерзкий, дерзновенный, безрассудно-отважный; конечно, непременно, точно, наверняка; видимо, вероятно, наверное, не иначе как; оказывается, в общем; ну! ну-ка!» по значению и звуковому облику обобщенно коррелируется с кыргызским суффиксом *-ган, -ген, -гон, -гөн, -кан, -кен, -кон,*

-көн со значением результативности и осуществленности действия в прошлом, выражаемого глагольной основой. Как известно, прошедшее результативное время на *-ган, -ген* ... «характерно для кыпчакских и карлуко-уйгурских языков, а также для всех языков Сибири и Алтая, кроме якутского» [Щербак, 1981: 92]. Это очень распространенная форма глагола. Ср. употребление рассматриваемого суффикса в кыргызских лично-глагольных парадигмах результативности в форме только первого лица единственного числа: *алганмын* «я получил», *бергенмин* «я отдал», *көргөнмүн* «я увидел», *болгонмун* «я был», *айтканмын* «я сказал», *өткөнмүн* «я прошел, перешел», *кеткенмин* «я ушел», *коркконмун* «я побоялся» и т.д. В этих примерах алломорфы рассматриваемого суффикса занимают интерпозицию относительно корня и лично-глагольного аффикса первого лица единственного числа и имеют тождественный смысл, выступая в качестве признака уже осуществленного действия. Качество начальных согласных суффикса зависит от звонкости и глухости конечных согласных основы, качество гласных суффикса – от требований гласных звуков основы [Зулпукаров, Зулпукарова, 1996: 316; 2016 б: 23].

Во всех случаях рассматриваемый суффикс передает значение прошедшего времени. А результативность действия в прошедшем времени, известная говорящему, соотносительна с семами «конечно, непременно, точно, наверняка; видимо, вероятно, наверное, не иначе как; оказывается, в общем ...» в системе значений китайского слова *gǎn*. На этом основании мы можем говорить об этимологической идентичности китайского слова *gǎn* и кыргызского суффикса, реализуемого в алломорфах *-ган, -ген, -гон, -гөн, -кан, -кен, -кон, -көн*. В связи с этим необходимо отметить фонетическую аналогию между китайским словом и узбекским суффиксом *-ган/-кан*, которые имеют одинаковый гласный звук и отличаются друг от друга только по начальному консонантному элементу. Узбекский суффикс имеет два алломорфа, зависящих от качества конечного звука основы: алломорф *-ган* присоединяется к основе с конечным гласным или звонким согласным,

алломорф *-кан* – к основе с конечным глухим согласным. Например, *ишлаганман* «я работал», *билганман* «я знал», *экканман* «я сеял», *сотканман* «я продавал» и т.д. Как видим, факты узбекского языка служат как бы мостом, связывающим фонетически не варьируемую лексическую единицу ханью и восьмивариантную алломорфную систему кыргызского языка.

Китайский слог *dài* «похоже, как будто, как будто бы, словно, вероятно, пожалуй, почти, приближаться» этимологически идентичен с кыргызским сравнительным суффиксом *-дай, -дей, -дой, -дөй, -тай, -тей, -той, -төй*.

Рассматриваемая морфема имеет значения «как, подобно, наподобие, такой же как, вроде; словно, будто (бы), как будто, как бы; подобный, сходный, идентичный, одинаковый». В кыргызском языке она варьируется в зависимости от качества конечного звука слова и слога:

1) вариант *-дай* присоединяется к основе с конечным звонким согласным и слогом на гласные *а, у* и *ы*: *кардай* «как снег», *баладай* «как ребенок», *аарыдай* «как пчела»;

2) вариант *-тай* присоединяется к основе с конечным глухим согласным и слогом на гласные *а, у* и *ы*: *аттай* «подобно лошади», *жаттай* «как чужой», *мыктай* «как гвоздь, лучший»;

3) вариант *-дей* присоединяется к основе с конечным звонким согласным и слогом на гласные *э* и *и*: *сендей* «как ты», *бээдей* «подобно кабыле»;

4) вариант *-тей* присоединяется к основе с конечным глухим согласным и слогом на гласные *е* и *и*: *иттей* «как собака», *чептей* «подобно крепости, как крепость»;

5) вариант *-дөй* присоединяется к основе с конечным звонким согласным и слогом на гласные *ө* и *ү*: *көөдөй* «как сажа», *үйдөй* «как дом, вроде дома»;

6) вариант *-төй* присоединяется к основе с конечным глухим согласным и слогом на гласные *ө* и *ү*: *чөптөй* «как трава», *көктөй* «подобно небу», *көбүктөй* «подобно пене»;

7) вариант *-дой* присоединяется к основе с конечным звонким согласным и слогом на гласный *о*: *койдой* «как баран», *ороодой* «как яма»;

8) вариант *-той* присоединяется к основе с конечным глухим согласным и слогом на гласный *о*: *октой* «стрелой, как стрела», *оттой* «как огонь, подобно огню».

Эти примеры мы приводим не только для демонстрации продуктивности аффикса сравнения в языке, зависимости его варьирования от типичных условий и роли вариантов суффикса в определении границ между словами, но и для показа того, что эта частотная аффиксальная морфема имеет аналог-слог в ханью.

Следует отметить, что данный суффикс соотносится с послелогоми и суффиксами в других тюркских языках: в виде *дек* в туркм., уйг., *дег* в карагас., тув., *дей* в алт., туркм., *тег* в сарыг-югур., др.-тюрк., *тей* в туркм. диал., *тый/дый/дий/дыг/диг* в алт. диал., *тейин/дейин* в туркм. диал., *дайын* в крым.-татар., *teki* в тур. диал. и т.д. В кыргызском языке она выполняет функцию словоизменительного аффикса. Мы называем ее формой сравнительного падежа, следуя традиции, которая восходит к морфологической концепции В.В. Радлова, развиваемой в трудах целого ряда тюркологов (Е.Д. Поливанов, В.М. Насилов, Н.П. Дыренкова, К.К. Сартбаев, Г.И. Рамстедт, В.Л. Котвич, М.З. Закиев, Э.Р. Тенишев, Е.И. Убрятова, Г.Г. Фисакова, К.С. Кадыраджиева, А.М. Щербак и др.). [Зулпукаров, 1994 б: 183-184, 247-248]. И здесь мы имеем дело с инвариантом китайского языка, обобщающим алломорфы тюркских признаков сравнительного значения.

Китайское слово *shè* «язык, речь» по форме и значению напоминает кыргызский суффикс с алломорфами *-ча, -че, -чо, -чө*, употребляемый в значении «язык, способ передачи сообщений». Ср. *кыргызча-орусча сөздүк* «кыргызско-русский словарь», где значение аффикса *-ча* прозрачно, но в русском наименовании оно специально не выражается, передается в общем контексте; *түркмөнчө* «по-туркменски», *өзбекче* «по-узбекски», *монголчо* «по-монгольски». А казахский суффикс *-ша/-ше* фонетически связывает неварьлируемое китайское слово с четырехалломорфным кыргызским суффиксом.

Китайские слоги *chā/chà* «сравнительно, более или менее, довольно, относительно, в некоторой мере, до известной степени, в общем, примерно, как будто, может быть, почти, чуть не, вот-вот» и *zhé* «равняться, соответствовать, по цене, по паритету (курсу), сообразно, соразмерно, соответственно» этимологически, вероятно, тоже связан с кыргызским суффиксом *-ча, -че, -чо, -чө* «равный, равняться, соответствующий, соответствует, как», употребленным в уравнительном значении в примерах: *бою менче* «ростом равняется со мной, ростом как я» (*мен* «я»), *менче* «как я»), *кирешеси бизче эмес* «(его) доход не равняется с нашим, (его) доход не такой, как наш; (его) доход не соответствует нашему» (*биз* «мы»), *бизче* «как мы, как у нас»), *айлыгым кеткен мээнетимче эмес* «моя зарплата не соразмерна вложенному труду». Мы не считаем данные словоформы наречными образованиями вопреки традиционной точке зрения, а формами уравнительного падежа [Зулпукаров, 1994 б: 183-184, 247-248].

Значение уравнительности свойственно и другим китайским слогам: 1) *zhé* «равняться, соответствовать, по цене, по паритету (курсу), сообразно, соразмерно, соответственно»; 2) *chā/chà* «сравнительно, более или менее, примерно, как будто, может быть, почти»; 3) *rú* [жу] «походить на, быть похожим на, быть схожим с, уподобляться; быть таким же, как; соответствовать, отвечать, сообразоваться с; равняться, равно; похоже, кажется, как будто, будто, словно, наподобие; подобно тому, как; соответственно, согласно, по, или, либо»; 4) *rě/ruò* [же/жуо] «быть схожим с, уподобляться; похоже, как будто, кажется, пожалуй, приблизительно, примерно, наподобие; подобно тому, как; как если бы, будто, или, либо, или-или, либо-либо», которые тоже формально и семантически очень похожи на приведенный выше кыргызский уравнительно-сравнительный суффикс. Ср.: *бою менче* «ростом с меня, как я» (*мен* «я»), *корозчо кыйкырат* «кричит как петух» (*короз* «петух»), *жыйырмача адам* «человек двадцать, примерно двадцать человек» (*жыйырма* «двадцать»). Разделительное значение китайских слогов позволяет нам сравнивать их с кыргызским

разделительным союзом *же*. В этом же значении употребляются и другие китайские слоги *zhī* и *shì*, занимая место впереди глагола и соответствуя по значению кыргызскому союзу *же*. Ср. примеры: *Nǐ shì hē chá háishì ai hē kāfēi?* – *Сен чайды жакшы көрөсүңбү же кофениби?* «Ты любишь чай **или** кофе?». Здесь *shì* = *zhī/rú/ruò* [жу/жуо] «или, либо».

В контексте приведенных китайско-кыргызских этимологически общих морфем заслуживает внимания кыргызские соответствия китайских слогов 1) *zhì* «желание, стремление, воля, надежда, ожидания; личные стремления, честолюбивые помыслы; чувства; стремиться к, иметь склонность к; увековечивать, подсчитывать, запечатлеть (о сердце)»; 2) *zhì* вежл. «дать (мне), вернуть (мне)», которые семантически и формально отдаленно напоминают кыргызский суффикс с алломорфами *-чы, -чи, -чу, -чү*, который передает волеизъявление и помыслы говорящего, его желание, направленное на осуществление субъектом определенного действия. В качестве субъекта выступают говорящее, собеседник или третье лицо. Ср., например: *кел-чи* «иди-ка (сюда)», *бар-чы* «иди-ка (туда, подальше от говорящего)», *кой-чу* «оставь-ка, перестань-ка, прекрати-ка»; *көр-чү* «посмотри-ка» и т.д.; казах., кара-калп. *ал-шы* «возьми-ка», карач.-балк., крым.-тат., кум. *ал-чы* «возьми-ка», кырг., карач.-балк. *келсин-чи* «пусть-ка придет», казах., кара-калп. *алсын-шы* «пусть-ка возьмет»; каз., кара-калп. *алайын-шы* «возьму-ка», *алайык-шы* «возьмем-ка», узб. *берса-чи* «а если (он/она) отдаст», *берсак-чи* «а если (мы) отдадим» и т.д. Данный суффикс в тюркских языках выступает в качестве носителя важного прагматического смысла: он участвует в установлении тесного контакта между говорящим и слушающим, между слушающим и неучастником общения, между говорящим и третьим лицом. С данными примерами перекликаются значения и других китайско-кыргызских морфем. Китайское *rǐ/ruò* [жу/жуо] «ты, твой (в обращении к равному или низшему по положению)» очень напоминает кыргызский глагольный суффикс *-чы, -чи, -чу, -чү*: *койчу* «оставь, не трогай» (*кой-* «оставить»), *келчи*

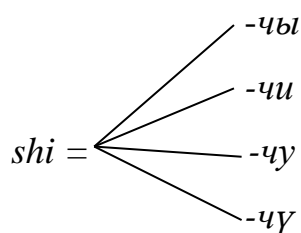
«иди-ка сюда» (*кел-* «прийти»), *алчы* «возьми-ка» (*ал-* «взять»), *корчу* «смотри-ка» (*кор-* «смотреть»).

В китайском языке есть суффикс, реализуемый в двух вариантах – ударном и безударном. Ударный вариант произносится в нисходящем тоне, а безударный – в нейтральном: *-zhù/-zhu*. Этот суффикс выражает глагольное значение, подчеркивающее переход действия в устойчивое состояние (со значением «накрепко, намертво, прочно»), в гуанчжоуском диалекте при глаголе указывает на длительный характер действия. Данному суффиксу в кыргызском языке соответствует суффикс, реализуемый в алломорфах *-чы, -чи, -чу, -чү* и передающий повторяющееся и длительное действие в прошедшем времени: *ойноочу* «играл (постоянно)», *келчү* «приходил, приезжал (всегда)», *дечү* «говорил (постоянно)», *жуучу* «мыл, стирал (всегда)». В этих примерах конечный слог-суффикс соответствует китайскому *-zhù/-zhu*, участвуя в передаче постоянного и длительного действия в прошедшем времени. Следует отметить, что основы приведенных кыргызских глаголов имеют этимологически идентичные корни в китайском языке: 1) кыргызское *оюн* «игра, танец (в говорах), любовник, любовница (в говорах), спортивные состязания, шутки», *ойно-/ойноо* «играть, игра, танцевать, участвовать в спортивных состязаниях» соответствует китайскому *yǐn* «сменяться, сменять друг друга, чередоваться, совершать кругооборот, вращаться, кружиться, поворачиваться, перемещать, двигать, вращать, вертеть, поворачивать; кругооборот, чередование, смена»; 2) кыргызское *кел* соответствует китайскому слогу *ke* «направление, направляться» + слог *leo* «в сторону говорящего»; 3) кыргызский корень *де-* «говорить» соотносительен с китайским слогом *dào* «говорить, молвить, рассказывать, трактовать, выражать»; 4) кыргызское *жуу-* «мыть, смывать, стирать (белье)» соответствует китайским слогам а) *yǐ* «мыть, купать, совершать омовение, купаться, купание»; ср. узбекские *юв-* «мыть», *ювиш-* «совместно стирать», которые своей инициальной очень напоминает китайский слог; б) *zhúo* «мыть, полоскать, омываться», фонетически очень сходное с кыргызским *жуу*, т.е.

кырг. *ж* = кит. *y/zh*. Как видим, кыргызские глагольные корни имеют этимологически тождественные соответствия в ханью.

Кыргызский суффикс с вариантами *-чы*, *-чи*, *-чу*, *-чү*, употребляемый для передачи значения субъекта действия и обладателя признака. Он имеет аналог в ханью в виде суффикса *shi* со значением субъекта, который как служебное слово не имеет ударение и произносится в нейтральном тоне. Ср., например, китайские слова *dòu* «бороться, биться, сражаться, драться; состязаться, соперничать, играть; сходиться, соединяться, сливаться, дразнить, вызывать, завлекать, свергать; борьба, драка, битва, сражение, бой; боевой, бойцовый» и *dòushi* «боец, воин, борец», соответствующие кыргызским словам *доо* «тяжба, иск, вражда», *доочу* «истец, заявитель иска».

Китайское *zhàn* «война, бой, сражение, схватка; военный, полевой, боевой; соревнование, борьба; состязание, игра, полемика, пари, заклад; вести войну (бой, сражение), воевать, сражаться, биться» имеет дериватыс названным субъектным суффиксом, употребляемым в ударном и безударном вариантах: *zhànshì/zhànshi* «солдат (рядовой) действующей армии, боец, борец»; *zhàng* «оружие; бой, сражение, военные действия, война». Х.К. Карасаев считает кыргызское слово *жаң* китайско-иранским: *жаң* «война, сражение, бой», *Кылым бою мындай жаң жер жүзүндө болбоду* (Барпы). – В течение века такого сражения не было на земле [Карасаев, 1986: 105]. В кыргызских говорах Узбекистана и сопредельных территорий встречается производное слово *жаңчы* «боец, солдат». Мы считаем слово *жаң* восточно-ностратическим корнем. Китайский суффикс *-shì/-shi* в силу своей целостности и звуковой устойчивости выступает в качестве инварианта по отношению к алломорфам кыргызского суффикса. Их соотношение можно продемонстрировать схематически в следующем виде:

Кит. *yù* «совершать омовение, купаться; очищаться в; летать зигзагами, порхать вверх и вниз; мыть, обмывать, купать, содержать в чистоте; купание, ванны», *yùshì* «ванная»

Важную лингвопрагматическую функцию выполняют китайские полисемантические прономинативы: а) *sī* «этот, тот, такой, здесь, тут; его, их (со значением принадлежности и объектности)»; б) кит. *qí* «его, ее, их; того, той, тех; свой», которые, вероятно, имеют этимологическую связь с кыргызским посессивно-местоименным суффиксом с вариантами *-сы, -си, -су, -сү* «его, её, их»; *баласы* «его/её сын» (*балам* «мой сын»), *эжеси* «его/её старшая сестра» (*эжем* «моя старшая сестра»), *күйөөсү* «ее муж/супруг» (*күйөөң* «твой муж/супруг»), *короосу* «его/ее/их двор» (*короом* «мой двор») [Зулпукарова, 2018: 211].

Китайский слог *sì* «быть похожим, походить на, казаться, уподобляться; продолжать, наследовать, идти по стопам; по-видимому, похоже, как будто; -видный, -подобный, псевдо-», выражающий стремление человека походить на другого, выступает в качестве материального и смыслового эквивалента кыргызского суффикса с идентичным значением, имеющего фонетические варианты в виде *-сы, -си, -су, -сү* «будто, как будто, словно». Например, *кыйынсыйт* «старается казаться/показаться сильным, достойным» (где *кыйын-* «сильный, достойный», *сы-* «будто, как будто, казаться», *-й* знак процессуальности и *-т* признак III лица в значении «он, она»), *билгенсийсиң* «старается казаться/показаться знающим» (*билген* «знал, познал», *-си* «будто, как будто, казаться», *-й* знак процессуальности и *-сиң* признак II лица в значении «ты»), *көргөнсүйт* «делает вид как будто бы увидел» (*көргөн* «увидел», *-сү* «будто, как будто, казаться», *-й* знак процессуальности и *-т* признак III лица в значении «он, она»), *ойногонсуйт* «старается показаться как будто играет, шутит» (*ойногон* «играл», *-су* «будто, как будто, казаться», *-й* знак процессуальности и *-т* признак III лица в значении «он, она»).

Китайское *ěr* «близкий, ближний, ближайший, недалекий, недавний, неглубокий» сравнивается с кыргызским глагольным суффиксом *-ар, -ер, -ор,*

-өр со значением сомнительного будущего времени: *кел-ер-мин* «наверное, я приду/приеду» (где *кел-* «придти/приехать», *-ер* признак будущего сомнительного, *-мин* «я»), *бар-ар-сың* «ты, наверное, пойдешь/поедешь» (где *бар-* «пойти/поехать», *-ар* признак сомнительного будущего, *-сың* «ты»). С этим суффиксом сходен корень *эр* в слове *эртең* «завтра». Вполне можно допустить, что оно сложное и состоит из *эр* «будущее, ближайшее» и *таң* «утро, рассвет». Гласный звук второго слова подвергся прогрессивной ассимиляции, в результате чего произошел переход *эр + таң* в *эртең*. Теперь обратимся к фактам китайского языка. В этом языке есть слова *èr* «близкий, ближний, ближайший» и *dàn* «утро, рассвет, на рассвете, рано утром, утренний, день, дневная пора, днем, рассветать». Их сочетание могло образовать слово *er + tan*, к которому восходит кыргызское наречие *эртең/эртеге* «завтра». А чередование *-н/-ң/-г* – распространенное явление в финальной части тюркских слов. Ср. в других языках: *эртен* в тур. диал., кумык., карачаево-балк., ног., алт., тув., *эртан* в узб. диал., *иртен* в хак., шор., бар., *иртан* в тат., башк., *эртең* в кырг., каз., ног., кара-калп., алт. языках в значении «утро, утром, наутро, поутру, рано утром; завтра, завтра утром» [Введ.: 305-306; Зулпукаров, Амиралиев, 2017 д: 330; ЭСТЯ, 1974: 318]. Тот же корень *эр* мы обнаруживаем в слове *арзан* «дешевый, недорогой», где компонент *-зан* допускает сравнение со словом *зыян* «ущерб, вред, урон, убыток». Кыргызское *зыян/зан* очень напоминает китайские лексемы 1) *xiàn/xiàn* (диал.) [сян/суан] «нести ущерб, наносить ущерб, вредить, губить, запутывать, вовлекать в, ловить в (ловушку); яма, впадина, провал, западня, ловушка; проступок, ошибка, промах»; 2) *xiǎn* [сян] «вредить, портить, пресекать путь, воздвигать преграды, создавать препятствия»; 3) *jiǎn/jiàn* [дзян] «экономить, экономный, бережливый, скудный, бедный, недостаточный; недостаток, неурожай, экономия, умеренность, бережливость»; 4) *jiǎn/xiàn* [дзян/сян] «уменьшать(ся), убавлять(ся), снижать(ся), сокращать(ся); уменьшенный, сокращенный, вычитать, отнимать, минус; портить, вредить, убивать, выводить из строя»; 5)

qiān [цянь/тсянь] «терпеть урон (ущерб), быть притесненным, подпруга» (ср. кырг. *чыгым* «расход, ущерб, убыль, отход»). В китайском языке отмечается инициальное чередование *x-/j-/q-*, передаваемое кыргызским звуком *з-*. Таким образом, есть основание считать, что в древнем языке архиформа слова *арзан* могла иметь значение «близкий к ущербу, к убытку» [Амиралиев, 2017 а: 34-38].

В китайско-кыргызских соответствиях обнаруживаются и случаи, когда китайский инвариант-слог соотносится с чередованием корневых гласных в кыргызском языке. Например, слог *dūn* «варить на пару, тушить» имеет в кыргызском языке аналог с чередующимися межконсонантными гласными: *дем-/дым-/дум-/дүм-* в словах: *дем* «дух, духота, вдох, выдох», *демде-/демдөө* «парить», *демдеме/дымдама/дүмдөмө* (разг.) «пареный», *думугуу* «страдать от духоты, чувствовать удушье; страдание от духоты, чувство удушья», *дымы-/дымуу* «медленно кипеть, медленное кипение», *дымытуу/дымыктыруу* «заккрыть, наглухо закрыть (котел или кастрюлю, чтобы пар не выходил)». Ср. рус. *дым*. Необходимо отметить, что морфонологическую инвариантность мы обнаруживаем и кыргызско-китайских соответствиях, когда кыргызскому слогу в китайском языке соответствуют чередующиеся слоги. Чередование происходит также в его эквивалентах в других тюркских языках [Зулпукаров, Атакулова и др., 2016: 138].

Кыргызский слог *жы-*, представленный в слове *жылан/жылаан*, произносимом в двух вариантах, имеет соответствия во всех тюркских языках в виде различных фонетических рефлексов:

- 1) *йылан* в тур., азерб., гагауз., караим., кумык., ног., тат., башк., уйг. (диал.), сарыг-югур., крымчак., алт. и др. языках;
- 2) *йылаан/ылаан/ылан/илаан* в туркм. языке;
- 3) *йилан* в азерб. (диал.), кумык., уйг. (диал.), салар., сарыг-югур. языках;
- 4) *илан/илаан* в диалектах тур., азерб., караим., узб. и уйг. языков;
- 5) *йилаан* в халадж. языке;

б) *жылан* в башк., кырг., узб. (диал.), уйг. (диал.), казах., кара-калп. языках;

7) *жылаан* в кырг. языке;

8) *жилан* в уйг. диалектах;

9) *зылан* в башк. диалектах;

10) *дылан* в алт. языке;

11) *чылан* в хакас., тув., шор. языках;

12) *чулан* в тув. диалектах;

13) *шылан* в хак. диалектах;

14) *сёлен* в чув. языке и т.д.

Эти примеры свидетельствуют о многообразии фонетических вариантов обозначения змеи в тюркских языках. Наибольшей устойчивостью обладает в них второй слог: во всех случаях использованы согласные *л* и *н* и межконсонантные три гласных *а*, *аа* и *е*. Первый слог подвержен большему числу фонетических трансформаций: он состоит из чередующихся согласных *й/ж/ч/ш/с/з/д/θ* (нулевой звук) и слогаобразующих гласных *ы/и/у/ё*. В ряде диалектов утрачен начальный согласный, в некоторых из них произошло опереднение гласного, если считать проформой всех вариантов слово *йылан*. Долгота гласного во втором слоге появилась в туркм., халадж. и кырг. языках и ряде диалектов других языков [Амиралиев, 2017 б: 187].

Как же объясняют тюркологи и алтаисты происхождение слова *йылан*?

Многие ученые (Х. Вамбери, Л.З. Будагов, Г. Рамстедт, Н. Поппе, М. Рясенен, К. Менгес, Э.В. Севортян и др.) связывают слово *йылан* с корнем *йыл-* «гладкий, ползти, двигаться, катиться» и относят его к именному производному с суффиксом *-ан* [ЭСТЯ, 1978: 277]. Ср. кырг. *жылма* «гладкий», *жылып барат* «ползает» и т.д. Такое представление этимологии названия змеи не объясняет происхождения компонента *-ан* в слове.

Мы по-другому представляем происхождение общетюркского *йылан*, связывая его этимологию с китайским языком. Кыргызское *жылан/жылаан* «змея, змеиный, коварный человек, год змеи» сравнивается им с китайским

словом, произносимым в трех вариантах в виде *shé/yí/chī* «змея, змеиный, змеевидный, год змеи». Сочетание названия змеи со словом *làn/lǎn* «канат, трос, кабель», вероятно, привело к образованию общетюркского слова *йылан/жылан*. А в узбекском слове *илон* «змея, змеиный, коварный, опасный человек, год змеи», по-видимому, произошло выпадение начального согласного звука [Введ.: 201-202, 721]. Инициальное чередование в китайском архетипе в виде *sh-/y-/ch-* хорошо мотивирует неустойчивость начальных звуков в тюркских номинантах змеи.

Сравнение однокорневых слов двух языков показывает, что этимологически идентичное слово в одном из них полисеманлично, а в другом моносеманлично. Например, китайская лексема *qīng* «сановник, вельможа, цин, министр, канцлер; сударь, вы (обращение к собеседнику, государя к подданному), ты, дорогой (фамильярное обращение в разговоре)», встречающаяся преимущественно в диалогической речи для обозначения собеседника, имеет в кыргызском языке эквивалент с собственно местоименным значением, представленный в инвариантной и варьируемой формах. В качестве инвариантной формы выступает прономинатив второго лица единственного числа *сен* «ты», а в качестве ее алломорфов *-сиң, -сың, -суң, -сүң* в значении «ты»: *баласың* «ты ещё ребенок», *энесиң* «ты мать», *улуусуң* «ты старший», *кичүүсүң* «ты младший». При этом необходимо отметить, что прономинатив употребляется как консонантная единица, не подвергающаяся изменениям в различных контекстах. Выбор же того или иного алломорфа диктуется качеством конечных гласных основы спрягаемых слов. Наличие в конечной части основы гласных *-e, -и* требует употребления алломорфа *-сиң*, гласных *-a, -ы* – алломорфа *-сың*, гласных *-o, -у* – алломорфа *-суң*, гласных *-ө, -ү* – алломорфа *-сүң* [Зулпукаров, 2003: 61]. Корреляцию китайских и кыргызских элементов идентичного происхождения можно продемонстрировать схематически следующим образом:

1) *qīng* «сановник, вельможа, цин, министр, канцлер; сударь, дорогой (фамильярное обращение в разговоре)» – отсутствие эквивалента в

кыргызском языке; ср. русские слова *чин, чиновник*, которые, на наш взгляд, являются заимствованиями из китайского языка;

2) *qīng* «вы (обращение к собеседнику, государя к подданному), ты(фамильярное обращение в разговоре)» - наличие эквивалентов в кыргызском языке в виде отдельного слова и алломорфов лично-предикативного словоизменения: *сен* «ты» и *-сиң, -сың, -суң, -суң* в значении «ты», которые совмещают в себе значения «вы» и «ты» китайского языка подобно тому, как английское *you* [йу] соответствует русским *ты* и *вы* и кыргызским *сен* «ты» (неуважит.), *силер* «вы» (неуважит.), *сиз* «вы» (уважит., ед.ч.), *сиздер* «вы» (уважит., мн.ч.).

В китайско-кыргызских лексико-фонетических соответствиях представляют определенный интерес случаи, когда многозначному слову в одном языке соответствует слово в другом с ограниченным числом значений. Например, кыргызское слово *суй* передает смысл «сильно утомленный», употребляясь в составе идиом *суй жыгылып* «сильно утомившись, выбившись из сил, измотавшись», *суй жыгын* «доведя до изнеможения, вздёргавши». С ним этимологически связано китайское слово *си* «болеть, страдать, истомиться, изнемогать в тяжелом труде, горевать, убиваться, утомлять, изнурять; выбиваться из сил, изнемогать, изможденный, усталый; вянуть, чахнуть; вялый, чахлый, захудалый», которое, как видим, является многозначным. Только некоторые из данных значений содержатся в семантике первого компонента кыргызской идиомы, а остальные не имеют соответствий в этом языке. Соотношение семантики кыргызского *суй* и китайского *си* можно представить следующим образом:

Рисунок №2.1

№	Семы	Китайский язык	Кыргызский язык
1	<i>болеть</i>	+	-
2	<i>страдать</i>	+	-

3	<i>истомиться</i>	+	+
4	<i>изнемочь в тяжелом труде</i>	+	+
5	<i>горевать</i>	+	-
6	<i>убиваться</i>	+	-
7	<i>утомлять</i>	+	+
8	<i>изнурять</i>	+	+
9	<i>выбиваться из сил</i>	+	+
10	<i>изнемогать</i>	+	+
11	<i>изможденный</i>	+	+
12	<i>усталый</i>	+	+
13	<i>вянуть</i>	+	-
14	<i>чахнуть</i>	+	-
15	<i>вялый</i>	+	-
16	<i>чахлый</i>	+	-
17	<i>захудалый</i>	+	-

Как видим из таблицы, китайское слово содержит в себе 17 значений, а его кыргызский эквивалент – только 8. Следовательно, состав значений кыргызского слова в два раза меньше, чем семантическая структура китайской лексемы.

Правда, встречаются факты, имеющие в своем составе одинаковые гласные звуки в обоих языках. Кыргызское *чечен* «мудрец, оратор, красноречивый человек» и *чеченсийт* «изображает из себя красноречивого, мудрого человека» (*чечен* «мудрец, оратор», *-си* «как бы, будто бы, как будто бы», *-й* признак процессуальности, *-т* «признак III лица со значением «он, она») соответствует китайскому *zhérén* «мудрец, мыслитель», где *zhé* «мудрец, мудрый, прозорливый, проницательный, совершенный; мудро, глубоко; прекрасно разбираться, хорошо понимать, быть сведущим в» и *rén* «человек, гражданин» (ср. кыргызское *эрен* «человек, гражданин» с протетическим звуком). А слово *чечен* «красноречивый человек, мудрец»

дублирует слово *жээрэн* и отражает состояние китайского языка, когда звук *p* в нем исчез и стал произноситься в виде *ж*. Аффикс *-че* в слове *Жээрэнче* соответствует китайским двум сравнительным формам: 1) *zhé* «равняться, соответствовать, по цене, по паритету (курсу), сообразно, соразмерно, соответственно»; *chā/chà* «сравнительно, более или менее, довольно, относительно, в некоторой мере, до известной степени, в общем, примерно, как будто, может быть, почти, чуть не, вот-вот». Что касается аффикса *-си* в кыргызском слове *чеченсийт* «изображает из себя красноречивого, мудрого человека», то он входит в аффиксальную парадигму *-сы, -си, -су, -сү* «казаться, как, словно, как будто» (со значением мнимого уподобления), которая сравнивается с китайским слогом *sì* «быть похожим, походить на, казаться, уподобляться; продолжать, последовать, идти по стопам; видный, подобный, псевдо-». Таким образом, фонетический облик китайско-кыргызских слов в лингвоэтнокультурном выражении *Жээрэнче чечен* изначально был идентичным, соответствующим современной гармонии звуков. Точно так же можно говорить о созвучии и других китайско-кыргызских слов: 1) *дубан* «уезд, округ» - *duān* «конец, оконечность, предел, край, основа, исток»; в этих словах гласные составляющие тождественны, только в кыргызском примере отмечается наличие эпентезы, т.е. произошла вставка звука *в*; 2) *дабан* «горный перевал» - *dàbàn* «большая половина, в большей части»; в этих соответствиях только китайские слоги имеют нисходящие ударения; 3) *дубана/диана/дувана/думана* «юродивый, бесноватый, одержимый, нищий, дервиш» - *duān* «короткий, близкий, накоротке, низкорослый, невысокий, низкий; недалекий; недоставать, не хватать; недостаток, порок, минус, изъян, уродство, тупость, глупость». В последних примерах тоже два кыргызских гласных звука соответствуют компонентам китайского дифтонга, образуя вокалическое созвучие. От данных примеров резко отличаются следующие соответствия: 1) *luán* «высокий пик, островерхая гора, горы, отроги (гор)» – *албан* «большой, высокий, высший», ср.: *албан-албан ийгиликтерге жет!* «добивайся

больших-больших успехов», *албан тоолор* «высокие горы»; 2) *hūān* «радость, радоваться, радостный» – *кубан* «радуйся», где китайским дифтонгам *uá, uǎ* соответствует кыргызский слог *ба* и губной компонент дифтонга чередуется с губно-губным согласным *б*. В кыргызском слове *албан* имеет место протетический звук, возникший в результате невозможности артикулирования кыргызом звука *л* в начальной позиции. Поэтому применительно к последним двум примерам мы не можем говорить о соответствии кыргызского сингармонизма китайским несингармоническим образованиям. Во многих других случаях мы обнаруживаем дихотомию «наличие гармонии – отсутствие гармонии» в сравниваемых языках.

Китайское *luàn* «спутанный, запутанный, смешанный, беспорядочный, сумбурный; вульгарный, как попало, наобум, сумбурно, без разбора; опрометчивый, безрассудный, абсурдный, чрезмерный, несправедливый; мятежный, бунтовской, изменнический; развратный, порочный, распущенный, беспутный; запутываться, спутываться, смешиваться, приходить в беспорядок (хаос); взбунтоваться, бунтовать, поднимать мятеж, производить беспорядки; запутывать, спутывать, смешивать, приводить в беспорядок, свертать в хаос, дезорганизовывать; смущать, тревожить, приводить в смятение; беспорядок, хаос, в беспорядке; смута, смятение, бунт, мятеж, война (междоусобица), беда, несчастье, разврат, разложение», вероятно, этимологически связано со словом *аламан* «беспорядочный побег, беспорядок, толпа, масса, народ; военная добыча, трофей» в кыргызском языке, если принять во внимания переход дифтонга *uà* в дедифтонгизированное звуко сочетание *аман* и появление протетического звука перед начальным *л*-, иначе говоря, *luàn* = *аламан*. Выпадение конечного звуко сочетания *-ан* из последнего слова, возможно, привело к появлению более экономичного его варианта в виде *алам* «торопливость, спешка», который послужил базой для образования существительного *аламат/алаамат* «беда, страшное народное бедствие в результате массового голода, разгрома, эпидемий», а глагол *аламанда-/аламандоо* «действовать

скопом, беспорядочно и наскоком» и существительные (*баш*) *аламандык* «хаотичность, неразбериха», *аламанчылык* «неразбериха, анархия» соотносятся с начальным типом корня, являясь производными по отношению к слову *аламан*.

2.4.2. О межкультурных словах кыргызского языка, построенных по формуле САСА. В кыргызском языке имеются многочисленные слова, содержащие в себе два гласных *a*, оформляемые в рамках разновидностей модели САСА/САСАС/АСАС и т.д., наглядно демонстрирующие силу сингармонизма. Соответствующие слова обладают общностью гласных звуков, которые существенно определяют качество его консонантных элементов.

Распространенное в кулинарии кочевников «питье, полученное путем разбавления кислого молока водой», называемое существительным *чалап*, может быть формально и семантически структурировано китайскими слогами: его первый слог *ча-* соотносится с двумя родственными корневыми морфемами: 1) *jǎo* «мешать, размешивать, сбивать, взбалтывать, месить, смешивать, перемешивать, подмешивать, подбавлять» и 2) *chā* «ворошить, мешать», а второй слог *-лап* – с корнем *luò/lào* «айран, кумыс» [Введ.: 61, 226, 274; Зулпукаров, Амиралиев, 2020 а: 134]. Легко заметить, что слогаобразующий гласный первого слога кыргызского слова *-а* соответствует китайским дифтонгу *-iǎo* и монофтонгу *ā*. В связи с этим можно говорить о том, что китайский варьирующийся дифтонг *-uò/-ào* преобразован на кыргызской почве в слог *-ап*. На этом основании мы признаем этимологическую идентичность кыргызского слова *чалап* с китайскими корнями. В процессе развития языка, вероятно, произошла апокопа – выкидка конечного звукосочетания *-ап*, что привело к возникновению глагольной основы *чал-* «разбалтывая, подмешивать (например, муку в жидкость, но не допуская до густоты)» в кыргызском языке, ср., например: *кымызга талкан чалып* «подмешивая в кумыс толочна» [Зулпукаров, Амиралиев, 2018 д: 71].

К формуле САСАС подходит устаревшее слово *кайран* «(при соболезовании) милый, дорогой, горемычный, бедный», которое нами сближается с современным китайским словом *kǎirén* «печально, тяжело» [КРС, 2008: 501]. Под жестким требованием сингармонизма и формулы САСАС переднерядный гласный второго слога превращается в звук *a*. А корневая морфема кыргызско-китайских слов, скорее, восходит к китайскому слову *kǎi* «печалиться, вздыхать, скорбеть, возмущаться, негодовать» (с. 255) и кыргызскому корню *кай-* в словах: *кайгы* «печаль, горе, скорбь», *кайгырт-/кайгыртуу* «заставить печалиться», *кайгыр-/кайгыруу* «печалиться, горевать, скорбеть»; *кейи-/кейүү* «горевать, огорчаться, сетовать».

Следует отметить, что названная формула и сингармонизм не всегда являются значимыми для фонетической структуры слова. Встречаются случаи, когда слова сравниваемых языков изначально выступают со сходным фонетическим обликом. Ясно, что китайский корень *kāng* «поднять, водрузить, перевозить, восхвалять» [КРС, 2008: 256] входит в состав сложного слова *kāngkǎi* «приподнятый, воодушевленный, возбужденный, возмущенный, щедрый, великодушный, широкий» [КРС, 2008: 257], кыргызский корень *каң-* представлен в начале слов: *каңтар-* «выворачивать, переворачивать, вскапывать (почву); копать, переворачивая почву; привязывать лошадь поводьями за луку седла так, чтобы она не могла опустить голову вниз»; *каңкай/каңкый* «огромный, большой, высокий», *каңкайган капчыгай* «ущелье с высокими отвесными скалами», *каңкайган култу* «огромный замок», *каңкайган боз ат* «здоровенная серая лошадь (не жирная)» [КТТС, 2011, I: 241]. Как видим, кыргызское *каңкай* проявляет этимологическую тождественность с китайским *kāngkǎi*, имея с ним общий звуковой облик и смысловую близость, а также проникает в сферу действия формулы САСЫС, допуская вариант *каңкый* «огромный, большой, высокий».

Кыргызский социальный термин *жаран* «гражданин, житель, человек» тоже мотивируется китайскими слогами. Он, видимо, образован в результате слияния двух корней *zhà* «изгородь, забор, ограда, крепость, укрепление» +

rén «человек, гражданин, уроженец». В современном языке древнекитайский *r-* преобразован в звук *zh-*, поэтому слово *rén* произносится в виде *жэнь*.

В кыргызских говорах встречается слово *лаган* «таз, металлическое корыто (для стирки белья), блюдо, поднос», произносимое также в виде *ләгән*, соответствующее литературному *илеген* в том же значении. Только первый тип произношения подходит к формуле САСАС. Мы возводим это слово и его части к древним китайским корням: *lào* «погрузить в воду» и *hàn* «лохань (для купания), ванна». Сочетание этих слогов привело к возникновению евразийского номинанта таза. Китайские корни мотивируют не только наши слова, но и аналогичные факты других языков Евразии: 1) шумер. *lahangidda* «длинный/тяжелый сосуд»; 2) сем.-хам. языки: ассир. *lahannu*, *lahnu*, араб. *laqan*, араб. *laqnā* «таз, лохань»; 3) инд.-евр. языки: греч. *lehavn* «миска, таз», перс. *lakan* то же; ср.-ниж.-нем. *louwen* «таз, чаша», франц. *levin* «таз», литов. *alksna* «лужа»; тадж. *лаган*, рус. *лохань*, укр. *лоханя*, белар. *лохань*, польск. *lochania*, *lachania* «миска, сковорода, корыто, лохань» [Фасмер, II: 524]; 4) тюрк. яз.: тат. *лахан*, узб. *лаган*, кырг. *илеген* и т.д.

Сказанное, однако, не означает, что кыргызский сингармонизм меняет фонетический облик всех китайских слогов. В этих языках встречаются примеры с совершенно идентичной звуковой структурой. Например, кыргызское *тапан/таман* «ступня, подошва» очень сходно с китайской лексемой *tàbǎn* «подножка, педаль, скамеечка для ног», где второй слог *bǎn* употребляется отдельно, выражая значение «доска, дощечка». Данный пример не является исключительным, так как в сравниваемых языках есть еще слова, имеющие сходный фонетический облик.

К данной формуле подходят кыргызские примеры *тайпак/тайпаң* «широкий, пространственный, просторный, ровный, плоский, расплюснутый» (*тайпак жер* «ровная, плоская местность, такая поверхность земли», *тайпагай жылга* «широкая впадина»), в которых ключевую позицию занимает связанный корень *тай-* «широкий». Этот корень этимологически тождествен с китайским корнем *tài* «просторный, великий, огромный,

необъятный; мирный, спокойный, безмятежный, процветающий; быть в мире, пребывать в спокойствии; чрезмерно огромный, роскошный, щедрый; чересчур, слишком, чрезмерно; сливаться в гармонии, роскошествовать» [КТТС, 2011, II: 436]. Эти два корня идентичны по форме и смыслу. Вторая часть кыргызских атрибутивных слов *тайпак* и *тайпаң* «широкий» (-паң/-пак) весьма напоминает китайское *rang* «большой, широкий, щедрый; внешность, лицо, облик» [КРС, 2008: 335]. Для отрицания такого сближения трудно найти фонетические и смысловые основания.

Кыргызские слова *тай-тай* возглас, подбадривающий начинающего ходить ребенка, *тай-тайла-* «водить ребенка за руку, уча ходить», *тайтак* «растопыра, человек с кривыми ногами», *тайтай-* «раскорячивать ноги, раскорячивание ног», на наш взгляд, имеют отношение к китайскому корню *tái* «топтать ногами, попирать ногами» и образованы в результате повтора. Их звуковое строение подходит к описываемой формуле. Мы допускаем чередование конечных звуков (-й/-к) в существительном *тайтак*.

В кыргызских говорах Узбекистана встречается слово *каплан* «барс, леопард; барсовый, леопардовый», соответствующее литературному *кабылан* «леопард, тигр, пантера; большие тигроподобные хищники; богатырь» и рассматриваемой формуле. Происхождение этого наименования также может быть мотивировано китайскими первичными корнями: *hǔ* «тигр, храбрый, отважный, мужественный, свирепый, жестокий; принять свирепый вид» и *láng/lǎng/làng* «хищник, хищный зверь». Видим, что слог *hǔ* трансформирован в слоги *кап-* и *каб-*, слог *láng* – в слоги *-лан/-ылан*. С наибольшей долей вероятности можно думать, что первая часть рассматриваемого слова в древности имела закрытый слог, что сохранилось в форме кыргызского соответствия. Во второй части происходит чередование *-ng/-н* и появление протетического *ы-* в кыргызском слове. Известно, что кыргыз не может артикулировать звук *л* в абсолютном начале слова. Все это говорит о том, что семантическая структура кыргызской лексемы четко

вырисовывается с позиции китайских слогов. Ее семантический архетип можно представить в виде «свирепый/жестокий хищник».

С данным фактом сближается кыргызское слово *баян* «рассказ, повествование, разговор, беседа, описание». В этом примере второй согласный формулы заменяется полусогласным *й*. Вопреки распространенному мнению о семитском происхождении существительного *баян* «рассказ» [Юдахин, I: 122; Olmo Lete, Sanmartin, 2015: 88] мы связываем его этимологию с китайским языком. Ханью убедительно структурирует его, разбивая на две части. С точки зрения этого языка слово *баян* состоит из двух компонентов: *bǎo* «ценный, чудесный, прекрасный; драгоценность, ценность» и *yán* «речь, язык, слова, разговор; слово, фраза, говорить о, вести беседу, вести обсуждение (дебаты), дебатировать, описывать, обрисовывать». Слияние этих двух слогов послужило основой образования слова, весьма распространенного в тюркских и славянских языках. Сближение имени древнерусского сказителя *Боян* («Слово о полку Игореве») с корнем *бой* [Фасмер, I: 203] не объясняет сути слова, являющегося собственным именем.

Фонологическое сходство кыргызского слова *дабан* «горный перевал» с китайским *dàbàn* «большая половина, в большей части» позволяет говорить об их этимологической идентичности. Происхождение кулинарного термина *лагман/лакман* (в говорах) также связано с китайским языком. Оно, вероятно, возникло в результате сочетания двух китайских слогов: *lāo* «вылавливать (из воды)» и *mìàn* «лапша» и преобразования второго элемента дифтонга *-āo* в звук *-ǎ/-к* и межконсонантного дифтонга *-ià-* в звук *а*, т.е. *lāo + mìàn = лагман/лакман*. Новое слово получило удобный для кыргызской артикуляции звуковой облик.

В рамках данной формулы мы можем рассмотреть кыргызские глагольные основы *шаңдан-* «представляться величественным, величавым, торжественным; приобрести важный, величественный вид, красоваться, хвалиться, восхваляться» и *шаңдант-* «заставить быть важным, создать условие представляться величественным, заставить приобрести

торжественный вид». Они образованы от коревой морфемы *шаң* «величие, важность, торжественность, восхваление; награда; дорогая ткань», которая этимологически связана с китайскими корнями: 1) *shàng* «верхний, наружный, наверху, вверх; высший, вышестоящий, верховный, старший, главный, левый, начальствующий; наверх, сверху; самый лучший, наилучший, высшего сорта (разряда), наивысший, превосходный, первоклассный, отборный; старший, старый, почтенный, почетный; вежл. ваш; предшествующий, предыдущий, прежний, прошлый»; 2) *shàng/shǎng* «подниматься, восходить на, вздыматься, залезать, влезать, направляться, вверх, повышаться, подниматься на/до, достигать; поднимать, водружать, вывешивать, ставить; превосходить, показывать свое превосходство, возвышать, выделять, превозносить, ставить выше всего, уважать, почитать», *shàng* «верх, верхняя часть, верхушка, поверхность; высшая инстанция власти, начальство, правители, верхи; император, высочайший, императорский» [КРС, 2008: 388]. Второй слог кыргызского слова *шаңдан* не мотивируется на базе кыргызского языка. Его аналог имеется в китайском языке, где *dàng* «обширный, просторный, свободный, раздольный, привольный, лишённый преград (препятствий), удобный» [КРС, 2008: 100]. Это слово сходно с кыргызским корнем *даң-* «свободный, просторный» в словах: *даңгыр* «просторный, удобный, безопасный» с вариантами *даңгыр/даңгыл/даңкыл* в том же значении. Ср.: *даңгыл жигит* «парень, умеющий находить выход из любой ситуации; расторопный, надежный парень». Вполне вероятно, что кыргызское слово *шаңдан-* «представляться величественным, величавым, торжественным; приобрести важный, величественный вид, красоваться, хвалиться, восхваляться» образовано из сочетания китайских слогов *shàng/shǎng* «верхний, высший» и *dàng* «обширный», которые, как видно из предыдущих примеров, заимствованы кыргызским языком и функционируют в нем как в отдельности, так и в составе сложного слова.

Экспоненты формулы САСАС не всегда имеют сложную структуру. В кыргызском языке есть слова, которые соответствуют китайским простым слогам. Последние, трансформируясь на кыргызской почве, репрезентируют формулу. Например, слоги 1) *juàn/qiān/quàn* «загон, хлев, вольер, клетка», 2) *jiān* «запереть в, загнать в, заточить в» (с. 367), заимствуясь кыргызским языком, приобрели форму *жабан* «тумбочка с замком» (южн.). Вполне возможно, что глагольные основы *жап-/жабуу* «крыть, покрывать, закрывать, затворять, запирасть», *жаап салды* «совсем запер»; *жаап-жашыруу* «скрывать, прикрывать» [КТТС, 2011, I: 231] образованы от китайских слогов в результате апокопы – падения конечного *-ан*.

Формула САСА/САСАС иногда действует в сравниваемых языках параллельно. В китайском сложном слове *cānkǎo* «наводить справки, справляться (по документам), сверять, удостоверяться; материал, справочные данные, справка, справочный, вспомогательный» [КРС, 2008: 55] действует открытый вариант, в кыргызском *санак* «счет, учет, подсчет, статистика» – закрытый вариант. В данном случае мы можем говорить о том, что дифтонг *-ǎo* трансформирован в звукосочетание *-ак*, что и составляет различие в звуковом оформлении слов двух языков.

Китайское слово *huái* «пазуха, грудь, лоно, объятия; грудь, сердце, душа; живот, чрево, утроба; держать за пазухой, класть в пазуху (в рукав), заключать в объятия, обнимать» имеет эквивалент в кыргызском языке *коюн* «пазуха, место между грудью и сложенными на груди руками, объятия». Здесь трифтонг *uái* отождествляет звукосочетание *ойу*, где происходит пермутация гласных элементов китайского слога и гласных кыргызского слова, что доказывает тождественность их происхождения. Только в кыргызском слове произошла губная гармония гласных и увеличение объема за счет присоединения к нему эпитезы – конечного звука *н*. В китайском эквиваленте отсутствуют сингармонизм и конечный согласный. Наличие сингармонизма и эпитезы на *-к/н* являются дифференциальными свойствами кыргызских эквивалентов китайского слога *guā* «дыня, тыква, арбуз,

тыквенные растения, бахчевые культуры»: *кабак* «тыква, тыквянка, горлянка», *камек* «незрелая дыня (и о других бахчевых культурах)», *коон* «дыня». Китайский дифтонг соответствует монофтонгическим сочетаниям *аба* и *аме*, а также долгому гласному *оо*. Во втором кыргызском примере отражено отклонение от требований гармонии гласных.

В южных говорах кыргызского языка встречается адъектив *начай/начайы* «худой, тощий, слабый» в двух вариантах. Он в полной мере подходит к формуле САСАС. Мы связываем его с китайскими слогами: *ná* «считать за, рассматривать в качестве» и *chái* «худой, тощий, истощенный, иссохший, нежирный», имеющими соответственно процессуальное и адъективное значения [КРС, 2008: 62, 320]. Второй звуковой вариант кыргызского слова подвергнут эпитезе, приобретая на конце звук *-ы*.

К формуле САСАС подходит кыргызское слово *чапан* «длинное платье на подкладке». Оно мотивируется двумя китайскими слогами: *chā* «плохой, слабый, хуже» и *ráo* «халат, длинное платье на подкладке, парадный халат, церемониальное платье». Переход *chā + ráo = чапан* предполагает преобразование конечного лабиализованного элемента китайского дифтонга в носовой звук *-н*. В кыргызском *коон* «дыня» (узб. *кавун* «дыня») конечный *-н* соответствует второй части дифтонга в китайском слове *guiā* «дыня, тыква, арбуз, тыквенные растения, бахчевые культуры».

Кыргызское *бакан* «средняя подпорка в юрте, подпорка, шест; шест, которым поднимают кошмы и верхнюю часть остова юрты; дубина, дубинка, коромысло» (*баканда-/бакандоо* «действовать дубиной; подпирать верхнюю часть юрты с помощью шеста», *ача бакан* «сучковатый шест, служащий вешалкой в юрте») представляет собой плеонастическое сочетание двух семантически близких китайских слогов: *bà* «черенок, ручка, рукоятка» и *gān/gǎn* «палка, жердь, шест, столб, древко, рукоятка, рычаг», *gān* «шест, жердь, палка». На кыргызской почве эти слоги лишились тоновых дифференциальных признаков и, сочетаясь друг с другом, образовали

сложное слово, составные части которого не осознаются как обычными носителями языка, так и учеными-исследователями.

Необходимо отметить, что данное кыргызское слово имеет соответствия в других тюркских языках, подчиняющиеся формуле САСАС/САСАСА: А. 1) *бақан* – баш., каз., к.калп, кырг., куман., узб. диал., чаг.; 2) *баган* – др.-тюрк., тат.; 3) *паган* – алт. диал., кум., леб., тат. диал.; 4) *пақан* – алт. диал.; 5) *паккан* – тел.; Б. 1) *багана* – алт., баш., каз., кар., к.-балк., кум., тат., тув. диал., тур. диал., як.; 2) *пагана* – алт. диал., с.-юг.; 3) *пақана* – алт. диал.; 4) *бугана* – лоб.; 5) *магана* – тув. диал. Как видим, номинанты шеста в тюркских языках оформлены в рамках приведенной выше формулы и имеют значения, близкие к семантике кыргызского слова: 1) «столб» – алт., баш., каз., кар., к.-балк., к.калп., кум., тат., тув., тур. диал., узб. диал., як.; 2) «подпора, подпорка» – каз., кар., л.т., к.-балк., тат. диал., тув., узб. диал.; 3) «каждый из четырех основных столбов в юрте, поддерживающих потолок» – як.; 4) «стойка» – алт., каз., кум.; 5) «столпы» – узб. диал.; 6) «устой (опора моста)» – баш., к.-балк.; 7) «заборный столб, столб изгороди, веревя (воротный столб)» – як.; 8) «опора» – кар., узб. диал.; 9) «подставка» – алт.; 10) «маленькие столбики между двумя досками у ткацкого станка» – с.-юг.; 11) «тупой человек» – кар. л.т., тат. диал.; 12) «колонна» – тат., як.; 13) «колонка, столбец (полигр.)» – баш., тат.; 14) «шест» – алт., кар., узб. диал.; «шест, которым поднимают кошмы и верхнюю часть остова юрты» – каз., кырг., куман., узб., чаг.; «шест, посредством которого закрывают дымовое отверстие юрты» – к.калп.; «шест/мачта, на которые взбираются при соревнованиях на сабантуях» – баш.; «жердь» – узб. диал.; 15) «бревно» – к.калп., узб. диал.; «балка» – к.калп.; 16) «возвышение» – кар.; 17) «кол» – тат. диал.; «колючее растение (ствол бело-зеленый)» – лоб. Рассматриваемое слово некоторые тюркологи (М. Рясенен, Н.И. Ашмарин, А. Зайончковский, Г. Рамстедт, Э.В. Севортян и др.) сравнивают с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими этимологически идентичными словами [ЭСТЯ, 1978: 42-43]. В монгольских языках тоже имеются сходные с ним лексемы: бур. *бахана*,

калм. *бахн*, х.-монг. *багана* «столб, колонна, стойка, подпора (в доме)» [ЭСМЯ, I: 67], которые допускают сравнение с тунгусо-маньчжурскими словами: эвенк. *бакса/бакча/бакша* «подпорка, свая, столб; комель (дерева); продольная доска (в нарте), гроб», сол. *баччи* «гроб», ульч. *бакса турани* «столб, подпорка (в старинном ульчском жилище)», нан. *бакса/бахса* «центральный столб (в жилище), подпорки (поддерживающие потолочные жерди)», маньчж. *бахана* «шест, поддерживающий свод в юрте; подставка, подпорка» [ССТМЯ, I: 67-68]. Конечно, в этимологической идентичности примеров из алтайских языков приходится не сомневаться.

Как видим, в маньчжурском, алтайском, бурятском и других названиях шеста отмечается наличие эпитетического звука в конце слова.

Мы считаем, что распространенный в казахском, кыргызском и других тюркских языках антропоним *Раушан/Равшан/Рапшан* состоит из двух частей и мотивируется древне-китайскими слогами: *róu* «мягкий, нежный, чистый, ласковый, кроткий» [КРС, 2008: 377] и *shān/shǎn* «тонкий, нежный, изящный» [КРС, 2008: 62]. Кыргызское *-шан* встречается в составе и других слов: в женском имени *Гулишан* (букв. «цветок изящный»), существительном *шаани* «красота, изящество, нежность», форме обладания *шаанилуу* «роскошный, пышный, богатый» (с. 894). Во втором случае происходят удлинение корневого гласного и появление эпитетического гласного.

Слово *жаңжал* выражает значение «скандал, ссора, схватка, побоище» и относится к формуле САСАС. По К.К. Юдахину, оно иранского происхождения [Юдахин I: 230]. Х. Карасаев обнаруживает случаи отдельного употребления первой его части в качестве самостоятельного слова. По мнению ученого, в кыргызском языке слова *жаң* и *чаң* передают смысл «война, сражение, схватка». Он приводит примеры из стихотворений Токтогула и Барпы, в которых они употреблены именно в таком значении. Слово *чаң* китайское, переходя в персидский язык, получило звучание *жаң*, отсюда образовано сложное слово *жаңжал* [Карасаев, 1982: 334]. Мы сравниваем кыргызские слова *жаң* и *чаң* с двумя китайскими слогами, один

из них имеет конечный звук *-н*, а другой – звук *-ң*:1) *zhàn* «война, бой, сражение, схватка; соревнование, борьба, состязание; вести войну (бой, сражение), воевать, сражаться, биться; военный, боевой» [БКРРКС: 588]; 2) *zhàng* «оружие, бой, сражение, война, военные действия» [БКРРКС: 580]. В финальной части слова видим чередование *ng/n*. Итак, слово *жаң* К.К. Юдахин считает иранским, Х. Карасаев – китайско-иранским [Карасаев, 1986: 230], мы – ностратическим, общим для сино-тибетских, тюркских, иранских и других языков.

Формула *SACAS/CASA* репрезентируется в кыргызских словах: *чатак* «ссора, склока, конфликт» и *чата* «вздорный, вспыльчивый, непослушный, беспокойный (о человеке), неприрученный, не позволяющий доения и езды (о животном)», которые мотивируются китайскими словами: *chǎo* «шуметь, кричать, скандалить, ссориться, браниться, препираться» [БКРРКС: 62] и *tǎo* «нападать, карать, поражать» [БКРРКС: 440], сочетание которых, вероятно, образовала вышеназванные кыргызские слова с близкими фонетическим обликами содержанием. Трансформация дифтонга *-ǎo* в звуко сочетание *-ак* имеет аналог: *cānkǎo* «наводить справки, справляться (по документам), сверять» [БКРРКС: 58] – *санак* «счет, учет, подсчет, статистика», ср. также *tóu* «голова человека, вершина, верхушка, верх» – *тоо/так* «гора, вершина горы».

Кыргызские адъективные слова *чабал* «слабый, немощный, бедный, измученный, изможденный», *чабал-чубал* (повтор) «слабые и невзрачные, бедные и измученные» сопоставляются с китайским *qiáo* «изможденный, измученный, осунувшийся», что имеет несколько оснований: 1) смысловая близость; 2) распространенность инициального чередования *q-/ч-* в китайско-кыргызских словах: *qí* «старик, старческий, стариковский» – *чал* «старик» (уничижит.); *qì* «пустыня, пески и камни, песчано-галечный, каменистый» – *чөл* «пустыня, степь, равнина, пространство без растительности»; *qián* «перед, передняя сторона (часть), направление вперед; предыдущая часть, прошлое, прошедшее; передний, впереди, вперед; ранний, первый,

предыдущий, предшествующий, сначала, раньше, накануне, заранее; прежний, прошлый, бывший, прошедший, вчерашний, позавчерашний, прошлогодний, прежде, в прошлом» – *чейин* «до, пока, до того как, перед тем как» и т.д.; 3) возможность восстановления древнего конечного -л для китайского слова, который выпал под действием закона открытого слога; это предположение дополнительно объясняется приведенными аналогичными фактами (*qí* «старик» – *чал* «старик», *qì* «пустыня» – *чөл* «пустыня»); 4) допустимость морфонологического процесса в виде *аба/iaо* в кыргызско-китайских параллелях (китайское лабиализованное постпозитивное -о в составе трифтонга соответствует интерпозитивному губно-губному -б- в кыргызском слове, переднерядный элемент трифтонга уподобился последующему интерпозитивному -а-, если считать ханью исходным).

К формуле САСА/САСАС подходит еще один пример. Китайское *pà* «бояться, опасаться, не выдерживать, не переносить; пугать, быть страшным для; боюсь что; пожалуй, как бы не» [БКРРКС: 333] сравнивается с кыргызским *паа-* в словах: *паана/маана/паанек* «убежище, прикрытие» (*паанала-/пааналоо* «найти прибежище, защиту»). Что касается второй части этих слов, то она сравнивается с китайским словом *pà* «впускать, принимать, вводить, ввозить, прятать, складывать, получать, пользоваться; вносить, платить, преподносить» [БКРРКС: 391]. Вероятно, сочетание *pà* «бояться» + *pà* «прятать» могло образовать рассматриваемое кыргызское слово в трех фонетических вариантах, из которых первые два варианта построено по модели САСА, третий по формуле САСАС. Долгий гласный в кыргызских словах находит аналог в детской речи и в речи взрослых при общении с детьми: *паа* или *пааа* «горячо!» и *кукук-паа*. Последнее – забава взрослых с детьми: прячет лицо или все тело, называя «кукук», потом развлекая дитя, показывают лицо или показывается, называя «паа!» и вызывая этим мнимый испуг в игровой форме.

Кыргызское слово *бака* «лягушка» мотивируется двумя китайскими слогами: *wā* «лягушка, лягушачий; непристойный, вульгарный (о музыке)» и

ha «лягушка», сочетание которых привело к образованию слова *háta* «лягушка, жаба». Это слово находится в отношении пермутации к татар. диал. *мака/мага* «лягушка», кырг. *бака* «лягушка», монг. *бака*, бурят. *баха*, эвенк. *бага* и т.д. в том же значении [ЭСТЯ, 1978: 40-41.].

К формуле САСА подходит кыргызское слово с ментально-эмотивным значением *санаа* «мысль, дума, забота, печаль» (*санаадаp* «печальный, озабоченный», *санаалуу* «печалющийся, проявляющий заботу», *санаарка-/санааркоо* «печалиться, задумываться, думать, печаль, раздумье, думы»). Его мы сравниваем с китайским закрытым слогом *сǎn* «горестный, печальный, скорбный, несчастный, чахлый, трагический, трагичный, ужасный, тяжёлый, жестокий, бесчеловечный, безжалостный, тяжелый» [БКРРКС: 59], считая их этимологически идентичными. В кыргызском слове обнаруживается наращивание основы в результате появления эпитетического звука *-а*. Необходимо отметить, что их производные-прилагательные также совершенно сходны: кит. *сǎnliè* «унылый, печальный, жестокий, лютый, свирепый» и кырг. *санаалуу* «унылый, печальный». В этих примерах конечные слоги *-liè* и *-луу* фонетически не противопоставлены, проявляют этимологическую идентичность.

Кыргызский глагольный корень *саба-* «бить, колотить, хлестать, стегать» (*сабоо* «избиение, тонкие палочки из крепкого дерева, служащие для взбивания, трепания шерсти, ваты», *сабаала-/сабаалоо//сабооло-/сабоолоо* «стремительно двигаться, врываться», *сабыл-/сабылуу* «стремиться, сильно желать; стремительно двинуться, ринуться») оформлен в рамках формулы САСА, хотя в исходном языке он мог иметь односложную форму. Об этом свидетельствует китайский слог с процессуальным значением и произносимым в трех тонах *сāo/сào/сao* «орудовать, действовать (чем-либо), управляться, приводить в движение, вести, править, владеть, прибрать руками, обладать, держать в руках, иметь, заниматься (делом), владеть (языком), говорить (на языке), находиться, оказываться (в руках), попадать», [БКРРКС: 59]. Сравнение кыргызско-китайских корней позволяет говорить о

том, что их исходная основа была односложной, а формула САСА заставила ее увеличиться в объеме за счет эпитетического звука *-a*. При этом второй элемент китайского дифтонга, будучи губным гласным, превратился в звук *б*. Следовательно, есть основание полагать, что китайское *cāo/cào/cao* освоено кыргызским языком в виде *саба-* в результате чередования (*o/б*) и эпитезы (+*-a*). Оформлению эпитезы в виде *-a* способствовала не только общая формула, но и первый элемент китайского дифтонга, что служит основанием для утверждения об ассимиляции.

Кыргызское слово *жаша-* «жить, проживать, обитать» построено по той же модели и является одной из рефлексов пракорня, сохранившегося на китайской почве в виде лексем *jūshì* «жилые, жилое помещение, жить семьей (о супругах)» и *jūzhù* «проживать».

К формуле САСА имеет отношение кыргызское слово *мама* «женская грудь, грудь матери», которое сравнивается с русским *мама* «мать (в детской речи)» и с китайским *māma* «мать, мамочка, матушка, кормилица». Во французском *маман* в том же значении отмечается наличие эпитезы. Эти примеры не единичны и имеют аналоги в других языках:

1) и.-е.: а) сочетание *ma-* + *-ter* дало слова: др.-инд. *mātā/mātar-*, авест. *mātar-*, нов.-перс. *mādar*, лат. *māter-*, др.-в.-нем. *muoter*, др.-исл. *moder* «мать»; б) бел., болг. в.-луж., с.-хор., словац., словен., польск., укр. *тата/мама*; вост.-литов. *тома*, латыш., литов. *тата*, н.-перс. *mām/māmā/māmi* «мать», греч. *тамма* «мать, матушка, бабушка», лат. *тамма* «мама, мать (в детской речи)», др.-в.-нем. *тиота* «тетка», нем. *Mama* «мать» и т.д. [Фасмер, II: 565, 583];

2) тюрк.: а) аз. диал., алт., каз., тур. и др. *мама* «мама»; б) аз., гаг., кар.к., тур., турк. диал., узб. диал., уйг. диал. *мамә* «женская грудь, вымя, сосок», як. *маәма* «сосок для кормления младенца молоком» [ЭСТЯ, 2003: 25-26];

3) монг.: монгор. *āма* «мать» (АСА) [ЭСМЯ, I: 213], ср. сал., чув. *ама* «мать» [ЭСТЯ, 1974: 278];

4) дагест.: дарг. *мама* «женская грудь», лез., арч., буд. *мам* «женская грудь» [СССДЯ: 32]. Как видим, в языках Евразии названия матери подводятся к формулам СА/САС/АСА/САСА. Первая из этих формул является исходной, а другие – производными. Иногда отмечаются случаи чередования.

Х. Карасаев полагает, что кыргызские слова *аба* в значении «отец, дядя, брат отца, старший брат» и *баба* «отец, дед, божество земледельцев» являются арабскими по происхождению [Карасаев, 1986: 11, 51]. Мы допускаем возможность сравнения приведенных примеров с китайскими наименованиями. В этом языке *bà* обозначает «папа, отец», *bàba* «папа, тятя, папаша (в обращении к старшему)» [БКРРКС: 30]. Эти кыргызско-китайские примеры этимологически идентичны с русским словом *nana* «отец (в детской речи)», которое сравнивается с укр. *nana*, греч. *papa* «папа», нем. *Papa* то же, суахили *rara* «папа» [Фасмер, III: 200; Гулыга, 1964: 5-6]. Такое сходство названий отца и матери в детской речи в разных языках обычно объясняется одинаковостью детского лепета и артикуляционных способностей, мы же связываем исход этой общности с праязыковым состоянием работы речевого аппарата у первобытных людей, не совсем отличающегося от современного детского речепорождения. Поэтому мы не согласны с мнением об арабском происхождении этих слов (Х. Карасаев) и возводимых к ностратическому праязыку.

Кыргызское слово *мала* «борона, (уст.) пук колючки или хвороста, употреблявшийся в качестве бороны» фонетически подходит к данной формуле. Оно, видимо, заимствованное и состоит из двух частей: кит. *tā* «лошадь, конь; лошадиный, конный» и *lā* «тянуть, тащить (кого-что); возить/возка, перевозить/перевозка; вести» [БКРРКС: 531]. Ханью, таким образом, убедительно мотивирует семантическое строение кыргызского слова, имевшее в древности значение «то, что тащит лошадь». Китайские составляющие слова *мала* «борона, (уст.) пук колючки или хвороста, употреблявшийся в качестве бороны» употребляются не только в

номинативно-субстантивной, но и в коммуникативно-функциональной форме в значении «субъект + предикат»: *Mǎ lā chē* «Лошадь везет телегу». Эту фразу можно преобразовать в номинативное атрибутивно-субстантивное словосочетание: *lā chē demǎ* «лошадь, везущая телегу» (букв. «вез... телегу ...ущая лошадь»). [Яхонтов, 1977: 29-36].

К усилению и увеличению репрезентативов формулы САСА привело сочетание китайских слогов *mài* «пшеница, жать пшеницу, хлебный злак» [БКРРКС: 301] и *cǎo* «трава, сено, солома, травяной, травянистый, соломенный, камышовый; заросли горных трав; срезать траву, косить» [БКРРКС: 60]. На базе этого в кыргызском языке возникает слово *майса* «всходы зерновых, мурава; хлебное поле, лужайка». Здесь китайский дифтонг *-ǎo* трансформирован в звук *-a*.

Сочетание китайского адъективного слова *mǎo* «маленький, мелкий, мельчайший, ничтожный, тонкий, нежный, тончайший, глубочайший, сокровенный, таинственный» [БКРРКС: 311] с субстантивным словом *dǎ* «пачка, связка, стопка, ряд, полоса, прядь, струя» [БКРРКС: 96] послужило базой для возникновения в кыргызском языке слова *майда* «мелкий, мельчайший, мелочи; маленький», которое вполне подходит к рассматриваемой модели. Кыргызское *-ай* является трансформой китайского *-ǎo* и результатом преобразования дифтонга в звуко сочетание. В данном случае мы можем говорить также о метатезе: *ай* × *ǎo*.

Китайское *liáo* «пустынный, пустой, уединенный, безлюдный, безмолвный; редкий, малочисленный, редко, мало; небо, небесная тишь, пустота» [БКРРКС: 284] сравнивается со вторым слогом кыргызского слова *талаа* «поле, степь». Вероятно, сочетание этого слога со слогом *tǔ/dù* «земля, пахотная (обрабатываемая) земля, почва, равнина, низина» с субстантивно-адъективным значением могло образовать двусложную лексему: *tǔ/dù* + *liáo* «отдаленная/далекая (пахотная земля), равнина», которая, трансформируясь в соответствии с фонетическими законами кыргызского языка, получила звуковой облик в виде *талаа* «поле степь». В китайском сочетании сильной

оказалась фонема *a*, являющаяся интерпозитивным элементом трифтонга. Эта фонема уподобила себе препозитивной и постпозитивной элементы трифтонга и через препозитивный элемент ассимилировала губной гласный предыдущего слога. В результате трифтонг превратился в долгий гласный звук.

Под формулу *САСА(С)* можно подвести и кыргызское слово *жалаа* «клевета, хула» [ЭСТЯ, 1989: 13], части которого соотносимы со слогами *zhé/shè* «бояться, страшиться, пугаться; пугать, угрожать, запугивать» и *lào* «говорить, болтать» в китайском языке. В данном случае первый компонент дифтонга в слоге *lào* ассимилировал себе как второй компонент, так и гласный предыдущего слога.

Сочетание слога *kǎn* «яма, впадина, выемка в земле» [БКРРКС: 255] со слогом *rǎ* «грабли (для уборки пшеницы), загребать рукой, брать в горсть» [БКРРКС: 332] могло выражать значение «загребать что-то в яму» и обозначать скрытое место хранения древними людьми продуктов про запас. Конечно, в то время не было складов, амбаров и других хранилищ. Конечный звук первого слога перед губно-губным финальным звуком второго слога превратился в губно-губной звук. Этот процесс широко представлен в современных языках и называется регрессивной ассимиляцией, что убедительно объясняет происхождение кыргызского слова *кампа* «закром, хлебный амбар, мельничный ковш».

Известно, что в древнекитайском языке было много корневых морфем с конечным *-л*. В процессе развития языка под влиянием закона открытого слога этот финальный звук подвергается апокопе. Этим можно объяснить тот факт, что ряд кыргызских слов с конечным *-л* имеет соответствия в китайском языке в виде открытых слогов. Например, 1) кырг. *бел* «поясница, талия, хребет, спина, позвоночник, опора, поддержка, горный хребет, горный перевал (в виде седловины)» – кит. *bèi* «спина, зад, тыл, спинной, дорсальный, задний, тыловой, в спину, со спины, сзади; спинка, тыльная часть»; *bēi* «нести на спине, нести на себе бремя, влачить груз, быть

обремененным»; 2) кырг. *бул/бу* «этот, эта, это; тот, та, то» – кит. *bǐ* «тот, та, то, те; то место, там»; 3) кырг. *пул* «деньги» – кит. *bì* «монета, деньги, валюта» [Введ.: 482]. На этом основании мы связываем китайское слово *fǔ* «топор, секира, алебарда, рубить, вырубать, тесать (топором)» [Введ.: 144] с первой частью кыргызского слова *балта* «топор» (*ай балта* «бердыш», *балтала-* «рубить топором»; *балка* «молоток, молот, топор лесника, которым делает затёсы на деревьях», *ай балка* «палица, боевой топор, секира»), устанавливая этимологическую тождественность китайского *fǔ* и кыргызского *бал-*. Второй слог кыргызского названия топора мы сравниваем с китайским суффиксом *-tou*, используемым при обозначении круглых предметов или предметов с округленными частями (*mántou* «хлеб, хлебец, приготовленный на пару», *tǔdòu* «картошка», *zhítou* «палец» и т.д.) и произносимым без ударения. Ясно, что сочетание слога *fǔ* «топор» с данным суффиксом послужило базой для образования сложного слова *fǔtou* «топор», что может объяснить происхождение кыргызского слова *балта* «топор».

Кыргызское слово *балта* «топор» подходит к формуле САСА. Оно имеет соответствия почти во всех тюркских языках: 1) *балта* – аз., бал., бар., баш., каз., кар., к.калп., кр.-тат., кырг., коман., ног., тат., тур., турк., узб. диал.; 2) *болта* – уз.; 3) *балту* – уйг. диал., чаг.; 4) *балды* – тув.; 5) *малта* – алт., саг., тел., туба, шор.; 6) *палта* – алт., кач., койб., леб., саг., тат. диал., тел., турк.; 7) *палто* – лоб.; 8) *палты* – лоб., уйг. диал., хак.; 9) *палду* – уйг. диал.

В этих примерах конечные звуки *-а, -у, -ы, -о* соответствуют китайскому *-ои*, демонстрируя процесс дедифтонгизации и преобразования дифтонга в монофтонги. А начальные слоги *бал-, бол-, мал-, пал-* сохранили в своем составе древний конечный *-л* и являются трансформами корня **fǔl*.

Эти межтюркские слова передают значения: 1) «топор» – во всех языках, кроме як. и др.-тюрк.; 2) «топор с двумя лезвиями» – кр.-тат.; 3) «секира» – др.-тюрк.; 4) «алебарда (старинное холодное оружие в виде длинного копья с топориком или секирой различной формы на конце)» – по Т. Ценкеру; 5)

«долото» – аз., хор.-тюрк.; б) «кирка» – кар.; 7) «кузнечный молот, тяжелый ручной молот» – як.; 8) «валет (в картах)» – каз., кырг.; 9) «коренной зуб» – як. Общетюркское название топора мы сравниваем с фактами других алтайских языков: 1) монг.: х.-монг. *балт* «топор», калм. *балт* «топор, секира», бур. *балта* «молот, кувалда, молоток»; 2) тунг.-маньч.: эвенк. *балта* «молот, молоток; черкан (ловушка), клык»; сол. *балту* «хозяин» [ЭСМЯ, I: 74; ССТМЯ, I: 71; ЭСТЯ, 2003: 100-101]. Считается, что эвенкийская форма заимствована из якутского [ССТМЯ, I: 71] или монгольского [ЭСТЯ, 2003: 102] языка. Следует заметить, что аналогичные слова встречаются в семито-хамитских языках. Например, отмечается наличие слова *paltu* «топор» в ассиро-вавилонском (мертвом) языке. Оно сравнивается с фактами индоевропейских языков: др.-инд. *paraṣū* «топор», др.-перс. *paradu-* «топор» [ССТМЯ, I: 102]. В данном случае нет необходимости говорить о возможности и путях заимствований, поскольку речь не идет о результатах контактов древних народов, а о различных рефлексах ностратического пракорня.

Макс Фасмер установил наличие сходных слов в русском и других славянских языках. Например, он пишет о словах *балда* «шишка; дубина, кувалда; болван, дурак; большой топор», *балдак* «большой стакан, кубок; головка, шишка» и *набалдашник* «толстый конец, головка трости», связывая их этимологию с тюркскими словами: каз., тат., тур., чаг. *baldak* «гладкое кольцо камня, эфес сабли; шар; головка на сабельной рукояти», тур. *balta* «топор» [Фасмер, I: 114].

Таким образом, единство формул САСА/САСАС проявляется в названиях топора в целом ряде языковых семей Евразии. Это говорит о том, что финальные части этимологически тождественных лексем могут иметь как открытую, так и закрытую формы.

Изложенный в параграфе материал свидетельствует о том, что слова различного происхождения и различной фонетической структуры на почве кыргызского языка приобретают общий звуковой облик. В этом языке

немало лексем, имеющих в своей структуре два гласных [a], которые являются эквивалентами совершенно иного характера вокалических единиц в других языках – переднерядных, лабиализованных, дифтонгических, трифтонгических и т.д. Объединяющим началом таких слов кыргызского языка выступают формулы САСА/САСАС/АСА/АСАС и др.

Преобразование дифтонга в монофтонги **по модели САСАС** мы усматриваем и в семантико-фонетической корреляции китайской лексемы *liòro* «остаться без средств к существованию, потерять работу; бедный, незадачливый, без средств к существованию; прийти в унылое настроение, упадочный, унылый; скитаться по белу свету, быть бездомным» и кыргызского слова *аланай* в составе идиомы *аланайын таппоо* «растеряться, опешить». В данном случае дифтонг *io* трансформирован в звук *a*, конечный звук *-o* – в звук *-a*. При этом мы допускаем появление протетического звука *a-* перед начальным *л-* в кыргызском слове.

Кыргызское существительное *ача* «развилина, раздвоенный, промежуток между ягодицами, между внутренней частью ног у человека» оформлено в пределах формулы АСА. Мы считаем начальный гласный вторичным, протетическим, появившимся позднее под требованием гласного второго, первичного слога. Исходность второго слога мотивируется китайским языком. В нем есть слоги, которые послужили базой для его возникновения: 1) *chā* «вилка, вилы, разветвление», 2) *chà* «ответвление (дороги), развилка, стык трех дорог; помеха, перебой, разлад, неприятная неожиданность, происшествие, инцидент, черенок, осколок, обломок; раздваиваться, расходиться, разветвляться с фактами; срезать (дорогу), идти напрямик; ошибиться, сбиваться, запутываться, изменяться (в голосе)». Кыргызское слово позаимствовало из обширной парадигмы китайских слогов только отдельные семы и выглядит семантически ограниченным.

По звуковому облику с данным существительным сближается другое кыргызское слово с протезой *ара* «недоносок, слабый, хилый ребенок» (*ара тууду* «преждевременно родила»), *араң жан* «слабый, физически немощный,

полуживой, ослабленный», *араң* «еле-еле, еле, едва, едва-едва»), которое тоже, по-видимому, заимствовано из древне-китайского языка и восходит к слогу *rùo* (в современном языке [жуо]) «слабый, хилый, бессильный, неспособный, недостаточный, нежный, мягкий, тихий, молодой, юный, несовершеннолетний; ослабевать, чахнуть, размякать, ослаблять, смягчать; чуть меньше, без малого, с минусом». Китайский дифтонг *-iо* на базе кыргызского языка преобразован в звук *-а*, который способствовал появлению протетического *а-* перед труднопроизносимым звуком *р-* в начале слова. Ср., например, рус. *ряд* – кырг. *ирет* «порядок», *ыраат* «последовательность». В кыргызских словах мы имеем дело с протетическими звуками, обусловленными качеством гласных в корневой морфеме. В данном случае мы можем говорить о регрессивной ассимиляции.

Кыргызское (устар.) *араан* «отряд; солдаты, разделенные на три отряда» (*оң араан* «правый отряд», *сол араан* «левый отряд», *орто араан* «средний отряд», *араанда-/араандоо* «усиливаться, усиление») тоже, на наш взгляд, заимствовано из китайского языка и является транслитерацией слова *róng* «оружие (общее название видов холодного оружия), военная колесница; солдат, воин, войско; военная служба, война, военный поход; большой, дикий; идти войной, помогать». Вероятно, было время, когда этот слог произносился в инициальной части двояко *р-* и *ж-*, поскольку кыргызский язык наряду с *араан* имеет и слова *жаң* «война, военный поход», *жаңгер/жаңчы* (устар.) «воин, солдат». Это разделение, по-видимому, восходит ко времени трансформирования начального *р-* и его перехода в звук *ж-* и связано с вариантом китайского корня с негубным гласным. Если бы доминировал вариант с губным гласным (*róng*), то бы мы имели в кыргызском языке слово вроде *орон/ороон*. Качество протетического звука обусловлено качеством корневого гласного. Поэтому мы имеем в кыргызском слове два одинаковых гласных.

Китайский варьируемый слог *yǎn/yǎ* «страшный (зловещий) сон, кошмар; видеть кошмарный сон; кричать, стонать, бредить во сне (от

приснившегося кошмара)» и неварьируемый слог *yaŋ* «ясный, чистый, спокойный; ясно, чисто, спокойно» этимологически связан с кыргызским словом *аян* (с надставкой звука *a-* к началу слова) «предостережение, внушение свыше (во сне), тайное знание, дар ясновидения; известный, ясный; щадить себя, проявлять нерешительность», которое имеет аналоги во многих тюркских языках. Ср., например, узб. *aён* «явный, очевидный, ясный, наглядный, известный; явно, очевидно, наглядно, известно». В тюркологии принято мнение, что данное слово является арабским по происхождению и проникло в тюркские языки после принятия ислама их носителями [Завадовский, 1967: 80]. Факты китайского языка позволяют нам усомниться в правомерности такого предположения. Слово *аян*, следовательно, является общим словом многих этносов Азии.

2.4.3. Модель САСО. Кыргызское слово *алоо/алов* (в говорах) «пламя, огонь», *алоолоо* «пылать, гореть, колыхать, пламенеть, гореть пламенем; становиться красным, разгораться, бурно вырываться (о пламени)», возводится к иранскому источнику. Такое предположение лишено основания. Мы, сравнивая его с китайскими корневыми морфемами 1) *liào/liǎo* «гореть, пылать, колыхать, бушевать (о пламени); сгорать, превращаться в пепел; высыхать, сохнуть (на солнце); опалить, сжигать, охватывать (об огне), сушить на огне»; 2) *liào* «выжигать растительность (перед вспашкой поля); яркий, блестящий, светлый, ясный»; 3) *liào* «огонь, пламя (сигнальный) костер, светильник, факел; ожог», пришли к заключению о том, что в силу трудности произношения кыргызом инициального звука *л-* произошла надставка к началу слова протетического *a-*, а трифтонг *iao* превратился в долгий гласный звук *-oo* в результате уподобления первых двух компонентов трифтонга конечному компоненту. Кыргызское слово служит основой для образования многочисленных дериватов: *алоолоо/алоолонуу* «пылать, гореть, полыхать, пламенеть, гореть пламенем, становиться красным, разгораться, бурно вырываться (о пламени)», *алоолотуу* «развести костер, большой огонь» и т.д. Нет сомнения в межэтническом характере слова, рефлексы

которого встречаются не только в тюркских и иранских языках, но и в китайском языке. Ср. узб. *аланга* «пламя».

К формуле (C)ACO подходит кыргызский эквивалент сочетания двух китайских слогов: *sè/shè* «косноязычный; тяжелый, неуклюжий, грубый (о языке), шероховатый; запирать, закупоривать, заедать» + *kuì* «недостаток, дефект», представленный в слове *сакоо* «заика, косноязычный; имеющий дефекты речи». В данном случае инициальная часть китайского экспонента значения выражена в двух вариантах, из которых вариант с дентальным согласным сохранен в кыргызском слове *сакоо*, состоящем из сочетания слогов *sè* + *kuì*, в таком виде отсутствующего в наших языках.

Нам представляется вероятным предположение о том, что слоги *kuì* «недостаток, неприятность, ущерб», *kuì/kuì* «изъян, дефект, недостаток, не хватать», сочетаясь со слогом *tá* «рябины, оспины, онемение, паралич, мурашки, неприятное ощущение, онеметь, затечь, оцепенеть; неровный, шероховатый», могли образовать двусложную лексему, которая на почве кыргызского языка получила звуковой облик отдельного слова в виде *макоо* «лишай, парша, непонятливый, бестолковый, непорядочный, непослушный», соответствующий в полной мере названной выше формуле. В данном кыргызском слове слог *-коо* содержит значение «недостаток, дефект, изъян».

Рассматриваемая формула в своих пределах открывает позицию и для слова *аңкоо* «простачок, бестолковый, несообразительный», составляющие которого прозрачны (*аң* «сознание, охота, наблюдение, слежка» + *-коо* «недостаток, дефект, изъян») и имеют этимологические идентичные эквиваленты в китайском языке. В ханью продуктивно употребляется слог *ān* «знать, хорошо изучить, помнить, запоминать, заучивать, на память, по памяти, наизусть», который семантически и формально напоминает кыргызские корни 1) *ан-* в словах и выражениях: *эки анжы* «надвое, раздвоенность мысли, несовместимость мнений, соображений», *антаңда-/антаңдоо* «суетиться, метаться, теряться, не знать, что делать; приходить в замешательство» (*ан-* «знание, изучение», *-тан* сравнивается с кит. *tàn*

«искать, выискивать, разведывать», -*да* аффикс императива II л. ед., т. е. *антаң-* из $\bar{a}n + t\bar{a}n$ «обратиться к изученному, найти ответ в опыте») и 2) *аң* «сознание», *аң-сезим* «сознание», *аңда-/аңдоо* «понимать, вникать, примечать, наблюдать», *аңдаштыр-/аңдаштыруу* «(южн.) разузнать, расспросить», которые в сочетании со слогом $ki\bar{i}/ki\grave{i}$ «изъян, дефект, недостаток, не хватать» привели к возникновению слов *аңкоо* «простачок, бестолковый, несообразительный», *аңкый-/аңкыюу//аңкай-/аңкаюу* «потерять сообразительность, широко открыть рот, зиять, быть широко открытым» и *аңкыгый* «разиня, ротозей». В последнем слове отмечается наличие вставного слога *-кы*. Как видим, рассматриваемая формула в одном случае приспособливает к себе звуковой облик сочетания слогов $\bar{a}n + ki\bar{i}/ki\grave{i} = аңкоо$, в другом случае проявляет «безразличие», не заставляя его трансформироваться под себя ($\bar{a}n + ki\bar{i}/ki\grave{i} = аңкый-$).

Формула *САСО* действует и в оформлении кыргызского имени действия *чакоо* «поперхнуться, подавиться», которое, вероятно, состоит из слогов *chá* «застрывать» + $ki\bar{i}/ki\grave{i}$ «изъян, дефект, недостаток, не хватать» и получило свое процессуальное значение в результате ослабления субстантивной семантики во втором слоге. В данном случае мы вправе говорить о звуковой трансформации и перераспределении в кыргызском имени действия *чакоо* «поперхнуться, подавиться», поскольку образование деепричастных форм осуществляется путем сокращения объема знака и превращения долгого губного гласного в краткий негубной. Ср. словоформы *чакап* «подавившись» с суффиксом завершенности *-п* и *чакай* «продолжая давиться, давясь» с суффиксом продолжительности *-й*.

Кыргызский корень *сап* «ручка, рукоятка», вероятно, имеет место в структуре слов *саба-/сабоо* «бить, колотить, хлестать, стегать; избивание» и *сабоо* «тонкие палочки из крепкого дерева для взбивания, трепания шерсти, ваты» и связан с китайским слогом, реализуемым в трех интонационных вариантах в виде $s\bar{a}o/s\grave{a}o/sa\bar{o}$ «орудовать, действовать (чем-либо), управляться, приводить в движение, вести, править, прибирать к рукам,

обладать, держать в руках, иметь, владеть (языком)». Есть основание считать, что по отношению к исходному кыргызскому корню китайский варьируемый слог с дифтонгом демонстрирует наличие эпентезы в виде конечного губного элемента, а кыргызское *саба-/сабоо* представляется нам подвергнутым процессам эпентезы в виде вставки звука *б* в слово и удлинения конечного *-о*, т.е. китайское *ао* = кыргызское *аба-/абоо*.

Кыргызское слово *чакоо* синонимично и этимологически связано со словом *какоо* «поперхнуться, подавиться».

2.4.4. Действие фонетической формулы САСЫ и ее вариантов в межкультурных лексических единицах кыргызского языка. Мы здесь проанализируем кыргызские слова в плане их соответствий в китайском языке. К формуле САСЫ/САСЫС/АСЫС/АСЫ подводится несколько фонетически однотипных примеров, составляющие которых в ханью имеют иное звуковое оформление.

В кыргызском языке, например, есть слово *мамы* со значением «столб для привязывания лошадей, коновязь в виде высокого прикола; столб, вышка». Оно, вероятно, восходит к той эпохе, когда предки ханзу и кыргызов занимались коневодством, пользовались услугами перевозок на лошадях и конных отрядов, тесно контактировались в различных сферах жизни. Это слово состоит из двух слогов, мотивируемых функционирующими в современном ханью живыми морфемами: *тă* «лошадь, конь, лошадиный, конный, конский; как конь, с лошадь величиной, огромный, крупный» [Введ.: 300; Хижинхун, 2005: 58-59], где последние значения являются переносными, т.е. производными, и *тóу* «увязывать, укреплять, переплетать, закреплять» [Введ.: 300]. В процессе развития языков рефлекс данного корня стал достоянием кыргызского и других тюркских языков. Фонетический облик первоначального слога был преобразован под жестким требованием формулы САСЫ: *тă + тóу > мамы*. Первый слог лишился тона и сохранил первоначальное звучание. Дифтонг второго слова превратился в конечный

гласный *-yi*. В результате в нашем языке появилось слово, обозначающее важный для скотовода, наездника и воина предмет потребления.

Китайское *hài* «вред, ущерб, вредоносный, вредный; беда, несчастье, бедствие, гибель, трудность, гибельный; жизненно-важное место, стратегически-важный пункт; вредить, губить, увечить; мешать, портить, срывать, завидовать; страдать; болеть, быть подверженным (болезни), чувствовать, ощущать» [Введ.: 178] этимологически связано с кыргызским словом *гөй* «вред, ущерб, беда, страдание, огорчение» и однокорневыми морфемами *көй-*, *кай-*, *кей-* с тем же значением в примерах: 1) *гөй-гөй тартуу* «страдать, испытывать беду, несчастье; чувствовать трудности», *гөй-гөйүн айтуу* «рассказывать о своих страданиях, проблемах, жизненных трудностях; говорить о своей несчастливой жизни», *көйгөк болуу* «портить настроение, сильно мешать, вредить; приносить вред», *көйгө салуу* «заставлять страдать, заставляя испытывать чувство сожаления»; 2) *кайгы* «печаль, тоска, забота»; *кайгылан-/кайгылануу* «печалиться, страдать»; 3) *кейи-/кейүү* «горевать, огорчаться, сетовать»; *кейин-/кейинүү* «говорить огорченно, выражать сожаление», *кейиши* «огорчение», *кейишке салуу* «огорчить, причинить неприятность, вред, беду; вредить, портить настроение, заставляя испытывать несчастье», *кейиши тартуу* «огорчиться, испытать огорчение, испытывать несчастье», *кейиштүү оор турмуш* «тяжелая полная огорчений жизнь, несчастливая жизнь, тяжелое бедственное положение в жизни». Сочетание корня *гөй*, *көй-*, *кай-*, *кей-* с аффиксом *-гы* послужило основанием для возникновения абстрактно-эмотивного существительного *кайгы* «печаль, тоска, забота» с его многочисленными производными.

Слоги *zhàn* и *zhàng* идентичны с узбекским *жанг* «война, сражение», с кыргызским *жаң* «война, сражение». Ср. также: кит. *zhànshì* «воин, боец, солдат» с узб. *жангчи* и кырг. (в отдельных южных говорах) *жаңчы* «боец, воин, солдат». И последнее слово из говоров легко подводится к названной формуле.

Под названную формулу мы можем подвести кыргызское слово *дайын* со значениями: а) адъективными «выясненный, известный, определенный, назначенный»; б) субстантивными «происхождение, корни; известие, весть, адрес», а также с производными *дайында-/дайындoo* «выяснять, определять, назначать; выяснение, определение, назначение», *дайындуу* «выясненный, определенный, заранее указанный» [Введ.: 181]. Мы уверены в том, что рассматриваемое слово имеет китайское происхождение. Оно представляет собой, на наш взгляд, контактную метатезу китайского слова *diǎn/tiǎn* «правило, образец, правильный ...», которое получило совершенно иное оформление на почве кыргызского языка в результате пермутации переднерядного и заднерядного гласных местами и вставки между ними полугласного звука *й*. Иначе говоря, китайское вариантное *diǎn/tiǎn* приобрело на базе кыргызского языка новое оформление в виде вариантов *дайын/тайын/тайин* (в говорах). Следует отметить, что китайский номинант правильности полисемантический и совмещает в себе достаточно солидный состав модифицированных значений: «(древний) письменный источник, исторический документ, скрижали, свод (правил), основы, руководство; классическая цитата, цитата из канонического источника, ссылка на классический сюжет; классическое изречение; классический текст (сюжет); закон, правило, основополагающее начало, основа; классический образец, эталон, норма, модель; критерий, мерило, порядок (обычай), устои; (твердый) принцип, догмат; закон, установление, положение, кодекс; обряд, церемония, порядок, чин, ритуал, торжество, церемониал, торжественный акт; крупный раздел в книге, часть; классический, основополагающий, образцовый, выдержанный, правильный, канонический; нанимать (с предоплатой), иметь в своем ведении, ведать, управлять» [Введ.: 107; Абдуллаев, Акмамбетова, 2017: 9]. В кыргызском языке в содержании слов с основой *дайын* сохранены только отдельные из этих значений в заметном трансформированном виде. А другие значения китайского корня дошли до нашего времени в семантике кыргызских слов, которые не были подвергнуты пермутации. Например,

корень *тыян-/таян-*, представленный в производных словах) *тыянак* «заключение, вывод, результат, обобщение», *тыянакта-/тыянактоо* «заключать, делать вывод, давать заключение, вывод, заключение», *тыянактуу* «проверенный опытом (жизнью), надёжный» [Юдахин, 1965: 796]; б) *таян-/таянуу* «опираться, основываться, базироваться, ссылаться, цитировать», *таянчык* «опора, факт, аргумент, основа, мотив», содержит в себе все основные значения китайского корня. Однако в этих корнях названий правильности (а, б) произошли некоторые фонетические процессы: 1) *tīān* = *тыян*, где обнаруживаются переход звука *i* в звук *ы* и вставка звука *й* между гласными, т.е. сочетание двух гласных превращается в сочетание трех гласных (второй полугласный); 2) *tīān* = *тайын/тайин* (в говорах) «выясненный, известный, определенный, назначенный; происхождение, корни; известие, весть, адрес», где тоже отмечаются переход звука *i* в звук *ы* или *и* и вставка звука *й* между гласными и отмечается наличие адъективных и субстантивных значений.

Изложенное не означает, что кыргызская транслитерация ханьюйских слов не экономична и расширяет объем языкового знака. В дискурсе кыргызские номинанты вышеназванных значений компрессируются и сокращаются в объеме. В спонтанном общении второй слогаобразующий звук почти всегда подвергается диерезе: *Ошол акмактын дайны жок болуп кетти го* «Тот глупец ведь пропал без вести», где вместо ожидаемого *дайыны* мы имеем дело с его сокращенным фонетическим вариантом. В говорах подобной редукции подвергается слово *тайин*, которое в формах посессивного словоизменения лишается второго слогаобразующего звука (*тайниң, тайни, тайниңар* и т.д.).

Китайский слог *sháo/shuò* «черпак, ложка, уполовик; черпать, наливать; влить, отвесить пощечину» [Введ.: 391] сравнивается с кыргызским *-шык* в слове *кашык* «ложка, уполовик, сковородка» [Юдахин, I: 364]. Первая часть слова *кашык* (*ка-*) легко сравнивается с морфемой *кõi* «рот, уста, губы; ротовой, губной; еда, пища; пробовать на вкус, смаковать» [БКРРКС: 263],

поэтому оно возводится к древнему сочетанию *kõu + sháo/shuò*, которое в процессе развития языка приобрело форму *кашук*.

Кыргызское слово *кашук* имеет эквиваленты в других тюркских языках. Межтюркские его эквиваленты в основном сохраняют формулу САСЫ с редкими исключениями. В тюркских языках мы имеем следующие номинанты ложки: 1) *қашық* – аз., бал., бар., баш., кар.к., кырг., коман., кр.-тат., кум., тат., тур., турк.; 2) *қашық* – кум. диал., тур. диал.; 3) *қашуқ* – др.-тюрк., лоб., тат. диал., уйг. диал., халадж., хор.-тюрк., чаг.; 4) *кашух* – кар.т.; 5) *касык* – кар.г.; 6) *қасық* – каз., кар.л., к.калп., ног.; 7) *қошиқ* – узб.; 8) *қашшығ* – турк. диал.; 9) *гашук* – тур. диал.; 10) *казых* – хак. (устар.); 11) *қошуқ* – уйг.; 12) *қошуг* – уйг. диал.; 13) *қушуқ* – уйг. диал. и т.д. Как видим, при всем звуковом разнообразии во всех случаях отмечается действие определенных закономерностей. Соответствия звуков *ш/ж/с/з* в инлауте, *қ/к/х/г* в ауслауте, *қ/к/х/г* в аутлауте подчиняются общим правилам и имеют аналоги во многих других примерах.

Эти примеры единообразны с точки зрения семантики и передают значения: 1) «ложка» – во всех языках, кроме баш. диал.; 2) «поварешка, половник» – баш., баш. диал.; 3) «деревянная миска» – вост.-тюрк.

По поводу происхождения названия ложки в тюркских языках высказывалось несколько точек зрения.

1. Тюркологи Г. Дёрфер, В.В. Радлов, Ю. Ценкер связывают этимологию слова с турецким существительным *қаш* «деревянная чашка, блюдо».

2. По мнению А. Вамбери, оно восходит к глаголу *қашы-* «скрести, скоблить».

3. Ряд компаративистов, в том числе Г. Рамстедт, Н. Поппе, М. Рясенен, У. Пош и другие, сравнивает с монгольским наименованием ложки *қалбуга/қалбага*.

4. По мнению Л.С. Левитской, название ложки связано с глаголом *қалба-/қалбу-* «снять с поверхности, счерпнуть», представленным в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках.

При всей логичности утверждения два последних предположения не мотивируют исчезновение звукосочетания *лб* и занятие его места слогом - *шык*. Необходимо отметить, что сходный глагол имеется и в тюркских языках. Например, кыргызское *калты-* «осторожно снять вверх (например, с молока, бульона), снять с поверхности, счерпнуть; брать лучшее, снимать сливки» очень напоминает тунгусо-монгольскую глагольную основу. Но мы его не можем связать с названием ложки не только по формальным, но и семантическим причинам. Скорее в этих глаголах можно выделить корень *кал-* и связать его с названием руки в алтайских и других ностратических языках [Зулпукаров, Амиралиев, Зулпукарова, 2018: 50-57]

5. Как было сказано выше, общетюркское *кашык* могло быть образованы от сочетания двух китайских слогов: *kǒu* «пища; пробовать на вкус» + *sháo/shuò* «ложка». Здесь мы выбрали из семантической парадигмы китайских слов такие ее семы, которые в наибольшей степени соответствуют значению межтюркского корня. При этом мы должны отметить проявление типичного фонетического процесса, характерного для ханьюйско-тюркских соответствий: дифтонг *ои* преобразован в звук *а*, дифтонг *áo/иò* – в звукосочетание *-ык*. Такое трансформирование фонем не является исключительным и встречается в ряде аналогичных случаев. Например, китайское отрицание *fǒu* «нет, не, не есть, не являться, не иметь, быть без» [КРС, 2008: 142] на кыргызской почве преобразуется в комплекс алломорфов, среди которых форма со слогаобразующим звуком *а* является доминирующей в составе глагольного отрицательного императива: *-ба, -бе, -бо, -бө, -па, -пе, -по, -пө* «не, не являться, не иметь». Китайское многозначное слово *shǒu* «голова; глава, лидер, вождь, предводитель, инициатор, главарь, зачинщик; голова, начало; головной, передний, первый, раньше всего, впервые, в первый раз; главное, основное, суть; заголовок, заглавие; внешняя сторона, лицо» [КРС, 2008: 415] представлено в кыргызском языке *шаа/шах* «царь, предводитель, правитель», *шаа мүйүз* «большие рога», *шаа* «знатный, важный, начальник, сила, возможность» и

т.д. Эти примеры свидетельствуют о типичном характере преобразования дифтонга *ou* в звуки *a/aa* и подтверждают правомерность нашего предположения о происхождении первого слога общетюркского названия ложки. А его вторая часть, возникшая в результате трансформации дифтонга в звукосочетание *ык*, имеет такие же аналоги. Китайское *kǎo* «сушиться, сохнуть» [КРС, 2008: 258] соответствует кыргызскому *как* «сушёный, сухой», китайское *bào* «вскормить, вырастить, выходить, взять на воспитание, усыновить, удочерить...» [КРС, 2008: 37] – кыргызскому *бак* «кормить, накармливать, вырастить, взять на воспитание, усыновить, удочерить». Эти соответствия с наибольшей степенью достоверности поддерживают нашу гипотезу.

Все эти соображения имеют некоторые семантические основания, но не объясняют структуру и смысловое содержание общего номинанта ложки, который легко возводится к формуле САСЫС.

Под данную формулу подводится слово *калың* «плата за невесту», первый слог которого сравнивается с китайским *ke* «другой, чужой, гость, посторонний», а второй слог *-лың* – с китайским *lìn* «по найму, в аренду, нанимать, арендовать, сдавать в наем (в аренду)». В данном случае китайские слоги с переднерядными гласными преобразованы под действием модели САСЫС и приобрели качество непереднерядности, а в слове *келин* «сноха, невестка, жена сына, жена младшего брата» звуковая структура китайских слогов полностью сохранена [Зулпукаров, 2017: 173].

Данная формула варьируется с выпадением конечного согласного. Подобных примеров немало. Приведем некоторые слова, демонстрирующие эту модель. В кыргызском языке есть слово *жады* «сенорезка, соломорезка, стригальные ножницы», которое является по происхождению китайским и состоит из двух самостоятельных слогов: *zhá* «нарезать, резак» и *dào* «нож, резак, меч» [КРС, 2008: 505]. Видим, что китайский дифтонг *ào* преобразован в звук *a* в конечной части слова, иначе говоря, произошла дедифтонгизация.

Есть основание полагать, что сочетание двух китайских слогов: 1) *bāng* «помогать, содействовать, пособлять, поддерживать»; 2) *zhù* «знарок ритуала, колдун, заклинатель, жрец; молиться, читать молитвенный текст; молить, заклинать» и *zhù/zhòu* «моление, молитва, заклятие, заговор, молитвенный текст» привело к тому, что из него образовано слово *бакшы* «шаман, бахши; знахарь, лечащий болезни якобы изгнанием духов». В кыргызской лексикографии последнее считается санскритским по происхождению [КРС, 2008: 101]. Мы предполагаем, что кыргызское слово *бакшы* появилось в результате преобразования финального звука *-ng* в звук *-к*, инициального звука *zh-* в звук *ш-*, финальных звуков *-ù/-òu* в звук *-ы*. Эти преобразования звуков двух языков подчиняются общим закономерностям морфонологии тюркских и китайского языков: *bāng+zhù/zhòu = бакшы*. Следует отметить, что данное предположение не является единственным. Факты китайского языка позволяют выдвинуть еще одну гипотезу. Первый слог кыргызского слова мы можем связать с китайским *wū/wú* «колдуня, чародейка, ведьма; шаман, колдун, чернокнижник, чародей, маг, заклинатель духов, некромант; шаманство, шаманский; знахарь, лекарь, врачеватель», которое входит в состав китайского сложного слова *wūshù* «колдовство, волшебство, магия» [КРС, 2008: 475]. В этом случае мы предполагаем трансформацию: кит. *wū* > кырг. *бак-*, кит. *shù* > кырг. *-шы* > *бакшы* «шаман; знахарь, лечащий болезни якобы изгнанием духов».

Со словом *бакшы* созвучно другое кыргызское слово. Мы имеем в виду адъективную лексему *жакшы* «хороший». Различие сравниваемых слов заключено только в инициальных звуках. Слово *жакшы* «хороший» имеет позитивно-атрибутивный смысл и, по нашему мнению, состоит из сочетания двух китайских слогов: а) адъективного слога *уōи* «мягкий, ласковый, добрый, сердечный, теплый; великодушный, радушный, умиротверенный, миролюбивый; короткий; нерешительный, колеблющийся; превосходный, отличный, лучший, отменный, прекрасный, великолепный, доброкачественный, превосходный, преимущественный, более чем

достаточный, обильный, богатый, изобильный, достаточный, полный, избыточный, зажиточный, щедрый; много, достаточно, в изобилии, с избытком, вполне» [КРС, 2008: 558]; б) субъектно-субстантивного слога *shì* [шы]. Более абстрактное значение этого сочетание мы усматриваем в семантике слова *yōushì* [йоушы] «преимущество, перевес, превосходство, доминирование, преобладание», которое весьма сходно со своим кыргызским эквивалентом. В данном случае мы можем говорить о преобразовании слога *yōi* в *жак*- и полном совпадении китайского *shì* и кыргызского *-шы*. Кыргызское *жакшы* (ср. *yōushì*) многофункционально, употребляется в функциях прилагательного, наречия и существительного, имея основные значения «хорошо, хороший, лучше, лучший (человек, предмет), превосходный, знатный (человек)», которые варьируются сами по себе, а также получают модификации под влиянием присоединяющихся к основе аффиксов: *жакшысыңбы?* «хорошо ли ты себя чувствуешь? как ты поживаешь?», *эл/журт жакшысы* «достойный из людей, превосходнейший из людей; глава, начальник», *жакшыга жанаш* «общайся с достойным», *жактыр-/жактыруу* «одобрять, одобрение; признать превосходство, признание превосходства, признать достоинство, признание достоинства; чувствовать преимущество/чувство преимущества», *жакшыр-/жакшыруу* «становиться лучше, улучшаться, усовершенствоваться, становиться совершеннее», *жакшырт-/жакшыртуу* «улучшать, сделать хорошим, лучшим»; *жакшы-/жакшылыктуу мамиле* «хорошее отношение, сердечное обращение, прекрасное отношение», *жакшылыктуу тамак* «хорошее питание, нормальная пища»; *жакшылыктуу оокат көрбөдү* «никогда нормально не питался, (букв.) не видел нормальной пищи». Слово *жагдай* «условие, положение, обстоятельства» фонетически и семантически напоминает китайское *yōudài* «хорошо обходиться, любезно общаться с, радушно (гостеприимно, сердечно) встречать (ухаживать); теплый прием, сердечное обращение, гостеприимство; давать льготы, оказывать помощь,

льгота, преимущество» [КРС, 2008: 558], что свидетельствует о их вероятной этимологической идентичности.

Следует заметить, что в тюркских языках есть номинанты значения «хороший, хорошо», которые имеют разнообразное фонетическое оформление. Начальные звуки некоторых из них сходны с китайской инициальной *й*-: 1) *йагшы* – тур. диал., турк.; 2) *йакшы* – алт., баш., караим. диал. (трак.), уйг. диал., тур.; 3) *йакши* – уйг., лоб.; 4) *йаксы/йахсы* – караим. диал.; 5) *яхшы* – аз., кр.-тат., караим. (трак., гал.), кум. диал., ног., тат., тур. диал., уйг. диал., с.-юг.; 6) *яхши* – кум. диал., лоб., узб. диал., уйг. диал., сал.; 7) *йахчи* – аз. диал.; 8) *йэхшы* – узб. диал., уйг. диал.; 9) *жакшы* – кырг., узб. диал.; 10) *жаксы* – каз., к.-калп., узб. диал.; 11) *дакшы* – алт.; 12) *чаксы* – хак.; 13) *чакшы* – шор.; 14) *жахсы* – тув. диал.; 15) *ахшы* – карачаево-балк. (афереза).

Как видим, в языках номинанты значения «хорошо, хороший» имеют много общих звуковых признаков. В анлауте имеется чередование *й/ж/жъ/ч/ш/д*, в конечной части – чередование *-ы/-и*. Утрата начального согласного *й*- в карачаево-балкарском примере – не исключительное, а закономерное явление. Ср. в этом языке *аман* «плохо» из *йаман* «плохо». Это явление называется аферезой. Начальный звук второго слога представлен чередованием *ш/с/ч*, имеющим аналогию во многих других примерах.

Эти слова передают значения: А) адъективные и адвербиальные: 1) «хороший, хорошо» – во всех языках; 2) «добрый, добро» – алт., баш., каз., караим., к.-калп., турк., уз., уйг., сал., с.-юг., хак.; 3) «прекрасный, прекрасно» – кырг., караим., турк., уйг. диал.; 4) «красивый, красиво» – тур.диал.; 5) «знатный» – кырг.; 6) «приличный» – кырг., ног.и др.; Б) субстантивные: 1) «доброта» – алт.; 2) «благо» – хак.; 3) «добро» – алт., хак.; 4) «элита, передовик, предводитель; достойный из, глава, начальник» – кырг.; В) переносное адъективно-субстантивное: «любимый» – каз., к.-калп., кырг., узб. [ЭСТЯ, 1989: 63-64].

Тюркологи связывают происхождение данного слова с глаголом *йак-йакыш-* «подходить, быть соответствующим» (Л.З. Будагов, В.В. Радлов, В. Банг, Г. Дёрфер и др.), усматривая в аффиксе *-шы* значение совместности (В. Банг и др.). С этим мнением вполне можно согласиться. Китайское *уо́и* «превосходный, отличный, лучший, отменный, прекрасный, великолепный» по происхождению связано с адъективным корнем *жак/як* в словах *жакшы*, *яман* ... «хороший, плохо», с глагольным корнем *жак-/як-* «подходить, нравиться, быть соответствующим». Этот случай имеет аналог: китайское *уо́и* «масло, жир, в масле, в жире; нефть, керосин, бензин, газолин; красить (масляной краской), лакировать; смазывать маслом (помадой), промасливать, замасливать, засалить» [КРС, 2008: 560] сравнивается с кыргызскими *жак* (южн.) «масло, жир, мазь», *кара жак* «дёготь, колёсная мазь», *сары жак* «топлёное масло», *бет жак/бетжак* «мазь для лица», узбекским *ёг* «сало, жир, масло» [УРС: 148].

В кыргызском языке очень много слов, фонетически оформленных по формуле САСЫС: *айыл* «село», *ачык* «открытый», *арыз* «заявление», *ашык* «возлюбленный; лишний», *атыр* «духи» и т.д. Слоγοобразующие гласные проявляют созвучие по признакам твердорядности (непереднеязычности) и неогубленности. Мы ниже рассмотрим ряд слов, являющихся этимологически тождественными для тюркских и китайского языков, в рамках данной модели.

2.4.5. Модель СЕСА. Китайское слово *fēifa* «незаконный, незаконность, противозаконный, противозаконность, нелегальный, нелегальность» состоит из двух слогов, первый из них содержит отрицание, а второй – значение «закон». Ему соответствуют кыргызские слова *законсуз/мыйзамсыз* «незаконный», *законсуздук/мыйзамсыздык* «незаконность, беззаконие». Мы здесь не имеем материальных соответствий. Однако в кыргызском языке встречаются слова, этимологически сходные с китайской лексемой: *бейпаа/бейпай* «мучение, мука, страдание, беспокойство», *бейпаа/бейпай доо* «несправедливый иск, незаконные претензии» и, вероятно, заимствованные

из китайского языка, о чем свидетельствует совпадение порядка знаков со значениями «отрицающее» и «отрицаемое». И в следующем примере отрицание занимает препозицию относительно корня: *feixiáob* «насмехаться над, насмешка». Этимологически с этим слогосочетанием соотносятся кыргызские глаголы *сүйбө-* «не любить, игнорировать, пренебрегать», *сыйлаба-* «не уважать, не почитать, пренебрегать, пренебрежительно относиться», где отрицание передается аффиксами *-бө, -ба*. Как видим, отрицание в китайских словах расположено перед отрицаемым наименованием, в кыргызских – после отрицаемого.

2.4.6. Модель СЕСИ/СЕСИС. Китайский слог *qiān* [тянь] «перед, передняя сторона (часть), направление вперед, предыдущая часть, прошлое, прошедшее; передний, впереди, вперед; ранний, первый, предыдущий, предшествующий; сначала, раньше, накануне, заранее; прежний, прошлый, бывший, прошедший, вчерашний, прежде, в прошлом» многозначен. Мы связываем его происхождение с кыргызским послелогом *чейин* «до, перед, накануне, вплоть до, до предела, до границы, до конца», от которого образован адъектив *чейинки* «прежний, предшествующий, предыдущий». Кыргызские примеры увеличены в объеме в результате эпентезы. В них гласные звуки – переднего ряда и образуют палатальное созвучие, которого нет в их китайском эквиваленте.

Кыргызский послелог *чейин* соотносится и с другими китайскими слогами с пространственно-предельным значением: 1) *jiū/jiù* «доводить до конца, приводить к концу, класть конец; приходить к концу, заканчиваться, истощаться, изучать, исследовать, доискиваться, предел, конец, корень»; 2) *jìng* «приходит к концу, доходить до предела, оканчиваться, кончаться; оканчивать, заканчивать, доводить до конца; вникнуть до самых глубин; предел, граница, рубеж, окончание; наконец, в конце концов». И здесь в кыргызском слове *чейин* «до, перед, накануне, вплоть до, до предела, до границы, до конца» отмечается наличие эпентезы – вставки в корень звукосочетания *ей*. Чередование *-н/-нг* в финальной части этимологически

тождественных кыргызских и китайских слов является типичным фонетическим явлением. Следует отметить, что первый слог кыргызской лексемы по происхождению связан со словом *чек* (см. ниже) и распространенным в южных говорах аффиксом *-че/-ча/-чо/-чө*, который передает значение «до»: *ишкече* «до работы, до места работы», *кечкече* «до вечера», присоединяясь к аффиксу дательного падежа: *иш* «работа», *-ке* аффикс дат. п., *-че* «до»; *кеч* «вечер», *-ке* аффикс дат. п., *-че* «до». Открытый слог *-че* непосредственно соотносится со слогом *jīū/jiū* китайского языка. А форма *чейин*, синонимичная аффиксу *-че*, сближается со слогом *jìng* тем, что они имеют на конце носовые согласные, т.е. *-н* и *-ng*.

В контексте пространственно-предельной семантики и ее номинантов особого внимания заслуживает кыргызское корневое слово *чек* «предел, граница, рубеж, межа, участок», которое имеет место в составе следующих производных: *чекте-/чектөө* «ограничивать», *чексиз* «бесконечный, безграничный, беспредельный», *чекебел* «периферия, окружение, пограничная зона» и которое допускает сравнение с китайским слогом *jìè* «граница, рубеж, межа, край; пограничный, окраинный; пределы, рамка, границы; сфера, круг; граничить, соприкасаться, ограничивать, разделять, отделяться». Ясно, что данный пример не подходит к формуле СЕСИ, но поддерживает предположение об этимологической связи инициальных частей сравниваемых лексем.

Кыргызский эквивалент китайского слога *jīāo* «клей, клейкое вещество, желатин, каучуковая резина, резиновый, приклеивать, наклеивать, склеивать, приклеиваться, прилипать» тоже имеет фонетическое строение, в котором первым слогообразующим гласным выступает звук *e*, вторым – звук *i*: *желим* «клей, резина», *желимде-/желимдөө* «склеивать, клеить, смазывать клеем».

В кыргызском языке распространены слова, фонетический облик которых подчиняется формуле СЕСИС, где С – согласный звук, Е, И – слогообразующие гласные. По этой формуле построено кыргызское слово

кешик «угощение, устраиваемое в доме жениха по прибытии туда невесты (угощение привозят с собой родственники жениха); остатки пищи, приносимые женой из дома родителей или гостем с пира, поминок; остатки пищи с чужого стола; довольство, счастье». Оно соответствует двум китайским слогам: *kè* «гость» + *shèng* «остаток, избыток, излишний, оставаться», где конечный *-ң* преобразован в *-к*. Ср. аналогию: 1) кит. *cháng* «постоянный, частый, регулярный; часто, регулярно, обычно, постоянно, вечно; обычай» и кырг. *чак* «время, долгое время» [Камбаралиева, 2013: 122]; 2) кит. *qiǎng* «нажимать, заставлять, принуждать, насиловать; насильно» и кырг. *сык* «жми, прижми, зажми», *сыгуу* «нажимать, прижимать, зажимать». К той же формуле подходит слово *дейди*, имеющее значение «бездельник, бродящий, бродячий, человек, не имеющий целей, занятий». Оно очень напоминает ханьюйское слово *dàiduò* «ленивый, лень, леность, лениться; нерадивый, нерадивость, нерадение». Первую часть лексемы составляет слог *dāi* «тупой, тупость, глупый, глупость». Ср. узб. *дайди* «бродящий, шатающийся, бродячий, бродяга». Если считать кыргызское слово *дейди* заимствованием из китайского языка, то приходится констатировать, что переднерядные звуки *e* и *u* привели к дедифтонгизации двух китайских слогов, имеющих в своем составе дифтонги *ài* и *uò*.

В китайской речевой культуре продуктивно употребляется двусложная лексема *kǒutóu* «словесный, устный, на словах, устно, без записи, неписанный, показной», которая очень напоминает кыргызское производное слово *кептик* «словесный, относящийся к речи, речевой», в котором конечные согласные закрытых слогов закономерно соответствуют элементам дифтонгов китайского языка.

Со словом *кептик* объединяется в одну фонетическую формулу слово *шерик* «компаньон, соучастник, товарищ, друг, спутник, одна из пар (о людях), один из близнецов, один из братьев». Правда, данное слово входит в синонимический ряд с другими однокорневыми словами. Китайское *yǒu* «друг, приятель, товарищ, коллега, единомышленник, близкий по духу,

дружественный; группа из двух; пара (зверей); дружить, быть в хороших (близких) отношениях с, относиться по-товарищески (по-братски), любить младшего брата, любить (братьев), любящий брат» мы сравниваем с кыргызскими словами: 1) *жоро* «товарищ, друг, близкий по духу и возрасту человек; участник компании (члены которой поочередно угощали остальных бузой, а сейчас – современными напитками и блюдами)», *жоро башы* «главный распорядитель компании», *жоро отуруш* «застолье в компании», *жоро* «два парных куска шелковой ткани»; 2) *чоро* «соратник, друг, сподвижник (эпического героя)». Конечно, с этими двумя словами образует одну семантическую парадигму изучаемая нами лексема *шерик* «компаньон, соучастник, товарищ, друг, спутник, один из близнецов, один из братьев», соотносительная с лексемой *шерне* «компания, каждый участник которой по очереди угощает остальных мясом, мясной пищей (так же называется и само угощение)». В тюркологии существует мнение, согласно которому первое считается арабским, второе – кыргызским, третье (*шерик*) – иранским. Мы сближаем первую часть этих слов (*жор-/чор-/шер-*) по общности звукового и смыслового строения и соотносим их с китайским слогом *уйи*, потерявшим конечный звук *-р*.

К формуле СЕСИ легко подвести кыргызский глагольный корень *кейи-* «горевать, огорчаться, сетовать»; *кейин-* «говорить огорченно, выражать сожаление», *кейиш* «огорчение». Мы сравниваем корень *кейи-* с китайским слогом *hài* «вред, ущерб, вредоносный, вредный; беда, несчастье, бедствие, гибель, трудность, гибельный; жизненно-важное место, стратегически-важный пункт; вредить, губить, увечить; мешать, портить, срывать, завидовать; страдать; болеть, быть подверженным (болезни), чувствовать, ощущать». При этом мы отмечаем наличие в нем эпитезы *-и*, увеличивающей его объем в конечной части и способствовавшей переход широкого переднерядного гласного в узкий переднерядный. В других случаях приведенный выше китайский слог сохраняет на кыргызской почве свое первоначальное вокалическое звучание: *кайгы* «печаль, тоска, забота»;

кайгылан-/кайгылануу «печалиться, страдать». Однако китайское *hài* «вред, ущерб, вредоносный, вредный; беда, несчастье, бедствие, гибель, трудность, губительный» в третьем случае преобрело иной фонетический облик в виде *гэй* «вред, ущерб, беда, страдание, огорчение» в примерах: *гэй-гэйтартуу* «страдать, испытывать беду, несчастье; чувствовать трудности», *гэй-гэйун айтуу* «рассказывать о своих страданиях, проблемах, жизненных трудностях; говорить о своей несчастливой жизни», *кэйгэк болуу* «портить настроение, сильно мешать, вредить; приносить вред», *кэйгө салуу* «заставлять страдать, заставляя испытывать чувство сожаления». В этих примерах интерконсонантный негубной гласный китайского слога на базе кыргызского языка преобрел качество огубленности.

Нам известно немало фактов, свидетельствующих о том, что материалы ханью обогатят наши представления о ностратических языках и расширят состав и границы бореалистики. Приведем отдельные факты в связи с формулой СЕСИ(С).

В сравниваемых языках встречаются примеры, в которых отсутствуют начальный и конечный консонантные звуки и которые подводятся к формуле ЕСИ. Данная модель противопоставляется модели СЕСИС только по составу согласных, но отождествляется с нею по составу гласных. Приведем и прокомментируем один пример. Китайский слог *ēn* «милость, добрый поступок, благодеяние, доброта, любовь, теплое (доброе) чувство, сострадание; испытывать чувство благодарности, быть благодарным» сходен с кыргызским корнем *эн-* в словах: *энчи* «доля в наследстве, доля при разделе имущества (разводящихся супругов), причитающаяся доля, подарок в виде животных (новобрачным, детям родственников и т.д.)», *энчиле-/энчилөө* «выделить, предназначить, подарить», *энчилет-/энчилетуу* «заставить подарить, добиться выделения». Из этих двух идентичных корней образованы слова: китайское *ēnsì* «дар, милость, пожаловать, даровать» и кыргызское *энчи* «дар, доля в наследстве». Мы считаем эти лексемы родственными и этимологически тождественными.

Далее по таким же путем проанализировано несколько кыргызско-китайских идентичных слов по моделям **СОСО/СОСОС; СОСУ; СӨСӨ/СӨСӨС; СҮСӨС; СЫСА/СЫСАС/ЫСА** и др. Эти модели в кыргызско-китайских словах выполняют важную связующую и объясняющую функцию. Они видоизменяются и трансформируются в зависимости от особенностей конкретных лексем.

Выводы по II главе

Исходя из вышеизложенного, можно сделать некоторые выводы.

1. В традиционной лингвистике китайский и кыргызский языки определяются как языки, не имеющие между собой никаких связей – ни этногенетических, ни типологических. В типологическом отношении ханью изолирован, обладает слоговым аморфным свойством, в сравнительно-историческом плане его относят только к сино-тибетской семье языков.

2. Современная компаративистика стремится обнаружить и описать лингвоэтногенетические связи ханью не только с тайско-бирманскими, но и с другими языками – алтайскими, индоевропейскими, кавказскими и т.д.

3. В работе сравниваются этимологически идентичные факты китайского и кыргызского языков с позиции алтаистики и ностратики. Эти факты отделяются от тех, которые возникли в результате взаимодействия носителей языков. В нашей картотеке есть материалы, свидетельствующие как об этногенетическом единстве китайского и тюркских родов, так и об их экономических, политических, социокультурных и других контактах.

4. Общие корни двух языков рассматриваются в широком контексте родственных языков. Показано, как они видоизменяются и трансформируются под действием различных фонетических процессов и закономерностей.

5. Гармония звуков и типовые фонетические формулы кыргызского языка привели к тому, что древние корни на его почве получили совершенно новый фонологический облик.

6. Особенно многообразны трансформы в финальных частях древних слов. Апокопа сократила объем пракорней, лишив их конечных согласных и сделал их открытыми. Значительна была так же роль синкопы и аферезы в видоизменении рефлексов древних корневых единиц языка.

7. Чередование в финальных частях слов тоже способствовало трансформированию идентичных по происхождению слов. Часто происходит переход дифтонгов в монофтонги, монофтонгов в дифтонги, удлинение гласных, чередование долгих гласных с сочетаниями гласных и согласных звуков и т.д.

8. В изменение звукового облика слова вносит свой вклад действие прогрессивной и регрессивной, контактной и дистантной ассимиляции.

9. Показана роль эпитезы в увеличении объема языкового знака и расхождений в фонетическом облике рефлексов древних корней.

10. Во многих однокорневых словах сравниваемых языков происходит метатеза. Она совершенно видоизменяет звуковой облик корня, переставляя финальную и инициальную части слов. При этом финаль превращается в инициаль, а инициаль, наоборот, – в финаль.

11. В работе использованы методы сравнения, сопоставления, реконструкции, обобщения, синтеза и моделирования.

12. Материалы исследования позволяют с определенной долей уверенности говорить об отдельных этногенетических связях ханзу и тюркских народов. Считаем, что китайский язык относится к ностратическим.

ГЛАВА III. РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКО-КЫРГЫЗСКИХ ОБЩИХ КОРНЕЙ В КОНТЕКСТЕ АЛТАИСТИКИ И НОСТРАТИКИ

Цель главы – рассмотреть рефлексy некоторых корневых морфем в ностратических языках. Глава написана в русле идей, принципов и методологических основ ностратики, являющейся одним из новейших направлений современной компаративистики и постулирующей отдаленное генетическое родство целого ряда языковых семей Евразии и Северной Африки. К ностратической макросемье языков относят алтайские (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский и японский), уральские (угро-финские и самодийские), индоевропейские, дравидийские, семито-хамитские и картвельские языки. В настоящее время генетическое родство этих языков считается вполне доказанным фактом: в них уже установлено около тысячи общих корневых и аффиксальных морфем с общей семантикой и звуковым обликом. Мы представляем состав ностратических языков значительно шире и включаем в него дагестанские, чечено-ингушские, чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские и сино-тибетские языки (см. I гл.).

Базисная лексика является основой словарного состава любого языка. Она представляет собой первичную, исходную и устойчивую часть лексического фонда в языке.

Базисную лексику языка образуют названия частей тела человека (*голова, глаз, ухо, лицо, рука, нога* и т.д.), термины родства (*мать, отец, брат, сестра, муж, жена, дед* и др.), названия природных объектов (*вода, земля, солнце, огонь, день, ночь* и др.), номинанты обычных действий и состояний (*стоять, лежать, сидеть, ходить, есть, пить, резать, бежать, спать* и т.д.), местоимения (*я, ты, мы, кто, что, это* и др.) и количественные слова (*один, два, три, мало, много* и т.д.). В отличие от культурной лексики, эти слова почти не заимствуются и не переходят из

одного языка в другой [Старостин Г.С. и др., 2016: 149, 153]. Поэтому родство языков устанавливается прежде всего на основе общности базисной лексики. При этом генетически родственными считаются корневые морфемы языков разных семей, обладающие общими звуковыми и семантическими признаками.

Ностратика в настоящее время стала вполне определенной научной дисциплиной со своим объектом, научно-понятийным аппаратом, методологической базой и процедурами сравнительного анализа и обобщения (В.М. Иллич-Свитыч, А.Б. Долгопольский, В.А. Дыбо, И.И. Пейрос, Н.А. Сыромятников и др.) [Долгопольский, 1972: 360].

В словарном фонде кыргызского и других тюркских языков много таких слов, семантика которых наглядно и убедительно мотивируется китайскими первичными корневыми морфемами-слогами. Как хорошо известно, в ханью первоэлементом языка является не звук, а слог. Слог в нем выступает как минимальная, далее неделимая языковая единица, как элементарный носитель смысла, произносимый дифференцированно по тону. В ханью различаются ровный, восходящий, нисходящий, нисходяще-восходящий и нейтральный (немаркированный) тоны. Нейтральный тон характерен служебным морфемам-слогам. В нашей работе тоновые различия слогов отмечаются с помощью надстрочных знаков.

В нашей работе основной акцент делается на особенности звуковых изменений в конечных частях корневых морфем.

3.1. Пракорень **kes/*sek* и его рефлексy в ностратических языках

Сравнение семантики современных рефлексов пракорня **kes/sek* позволило установить его инвариантное значение «направление острого и остроконечного предмета вовнутрь другого предмета», реализуемое в различных семантических вариантах в виде «рубить», «разрезать», «разделить», «рыть», «вбить», «проколоть» и т.д. Факты алтайских,

индоевропейских, уральских, дагестанских и других языков дополнительно демонстрируют и подтверждают закономерности отдаления сино-тибетских языков от прежде родственных языковых семей. Под действием законов открытого слога, рифмовки (благозвучия) и компрессии, определяющих специфику ханью, ностратический пракорень **kes/sek* получает на китайской почве рефлексy, возводимые к формуле **ke/se* и сохранившие инвариантное значение с некоторыми модификациями. Эти законы, комбинируясь с эпентезой, протезой, диерезой, метатезой, чередованием и прочими фонетическими процессами, увеличивают число расхождений в сино-тибетских и других родственных языках.

В языках Евразии встречаются как открытые, так и закрытые слоги. Многообразие строения слогов является особенностью индоевропейских, урало-алтайских, семито-хамитских и других языков. Среди языков Евразии резко обособлены сино-тибетские, в которых сильна тенденция к компрессии, к открытому слогу и рифмовке. В некоторых из них совсем преобладают открытые слоги, встречаются закрытые слоги только с одним или двумя конечными согласными. В китайском языке, например, конечными могут быть только согласные *-n* и *-ng*. В своем эволюционном развитии этот язык утратил многие виды закрытых слогов, в частности – конечные *-s* и *-k*. Этот факт можно показать на множестве примеров. Но мы ограничимся только рассмотрением нескольких китайских слогов и их соответствий в других языках Евразии. Как известно, элементарной языковой единицей в синологии принято считать не звук языка, а слог, представляющий собой нерасторжимое единство первичной корневой морфемы и иероглифа.

Нас интересует группа слогов китайского языка с инвариантным значением «направление острого или остроконечного предмета вовнутрь другого предмета»:

1. Кит. *gē* «резать, резание, отрезать, отрезка, срезать, прирезать, косить, косьба, жать, урезать, делить, разделять, разлучать».

2. Кит. *gè* «кусок, часть, обрывок, обломок; личный, индивидуальный»; *kē* «раздел, часть, отрасль, отделение, сектор; яма, углубление, нора, гнездо».

3. Кит. *kè/kē* «резать по, вырезывать, гравировать, высекать на, резной, гравированный; короткий отрезок времени, минутка; резьба, гравировка».

4. Кит. *gē* «копье (с крюкообразным наконечником)».

Первое можно сравнить с кыргызским *кес-/кесүү* «резать, отрезать, срезать», второе – со словами *кесек* «кусок, комок», *кесим* «отрезок, кусок», *кесик* «отрезок, отрезанный; трещины на коже рук и ног», третье – со словами *кесе* «большая чаша (вырезанная) из дерева», *кесек/кезек* «черёд, очередь, время, момент, отрезок времени, доля», в которых за слогом *ке* идет звук *-с* и формант *кес* «режь» является исходным, первичным. В древнекитайском языке было немало закрытых слогов с конечным *-с/-з*, которые в процессе развития языка стали открытыми, лишившись конечного согласного звука.

В языках Евразии широко представлены рефлексы и трансформы пракорня **kes/sek*, имеющие отдаленное общее значение. Метатеза носит не только межъязыковой, но и внутриязыковой характер. Изложенный в данном параграфе фактический материал позволяет заключить, что в языке-предке современных евразийских языков, вероятно, существовало слово **kes*, имевшее инвариантное значение «направление острого или остроконечного предмета вовнутрь другого предмета» и трансформу-метатезу **sek*. Его рефлексy встречаются почти во всех языках Евразии и Северной Африки, представляя прототипическое значение в различных семантических вариантах и вариациях [см. статьи: Зулпукаров, Амиралиев, 2019: 21; Зулпукаров, Амиралиев, 2016 б: 54-58].

3.2. Рефлексy пракорня **er* «самец» в языках Евразии

Собранные нами лингвистические данные позволили реконструировать архетип названий самца и особи мужского пола в ностратических языках в виде **er* и представить его рефлексy в разнообразных звуковых вариантах и

трансформах: 1) *ep/ur/ap/yp/ep...* (с чередованием гласного); 2) *йер/йар/вор/гор/хер ...* (с протетическим звуком); 3) *ере/ара/арв/оро/уро ...* (с эпитетическим звуком); 4) *e/ee/ə/əə* (с выкидкой конечного согласного), а также в семантических изменениях: 1) «самец/особь мужского пола, муж, мужчина»; 2) «герой, богатырь, князь, повелитель; господь, бог»; 3) «хозяин, владелец; работник, раб»; 4) «сила, воля, энергия; мужество, геройство»; 5) «мужской, мужественный, храбрый, геройский; благородный, достойный» и т.д. Считаем, что биологическое значение пракорня было первичным, а социальные значения – вторичными, поскольку у первобытных людей, по видимому, не было представлений о семье, общественном положении, статусе и достоинствах личности.

Из сино-тибетских языков мы выбрали китайский язык (ханью), в котором имеется связанный корень *ep*, встречающийся в составе сложных слов: *érmǎ* «жеребец» (*mǎ* «лошадь, конь»), *érnǚ* «дети; сыновья и дочери; молодежь, юноши и девушки» (*ér* «сын», *nǚ* «женщина; девушка, девица, барышня; дочь»), *érzi* «сын» (*zi* «сын; семечко, яйцо, икра») [КРС, 2001: 228; Введ.: 314-315, 317; Зулпукаров, Амиралиев, 2021: 104-119]. В этих примерах препозитивный корень *ep-* выступает как носитель значения «самец, сын, юноша», легко возводим к реконструируемому архетипу, является связанным и автономно не употребляется.

Пракорень **ep* (или **jer* «муж» при другой реконструкции [Поцелуевский, 2001: 303; Поцелуевский, 2006: 539] представлен отдельной лексемой в тюркских языках со следующими вариантами: 1) *ep* – алт., др.-тюрк., каз., карагас., каракалп., кар. к., к.-балк., койб., к.-тат., кум., тув., тур., саг., с.-юг., сойот., узб., уйг., чаг., як.; 2) *ur* – баш., тат., тоб., хак.; 3) *ap* – уйг. диал., чув.; 4) *ar* – аз., турк. диал., уйг. диал.; 5) *əp* – турк.; *eer* – алт.; 6) *ey* – лоб., уйг. диал.; 7) *ee* – уйг. диал.; 8) *əə, ə* – уйг.; 9) *йер* – каз., с.-юг.; 10) *йəp* – узб. диал. [Поцелуевский, 2001: 303; Поцелуевский, 2006: 539-540; ЭСТЯ, 1974: 321].

Как видим, самой продуктивной формой выступает вариант *er*, который послужил основой для реконструкции общетюркского архетипа в виде **er* «муж, мужчина». В сарыг-югурском языке и в кураминских говорах узбекского языка появился протетический звук *й-*. Выпадение конечного *-р* отмечается в диалектах уйгурского языка.

В тюркских языках рефлексy архетипа **er* выражают значения: 1) «муж, мужчина» – во всех языках, кроме койб., уйг.; «мужской» – др.-тюрк.; 2) «герой, храбрец, витязь, богатырь» – алт., каз., каракалп., кырг., ног., як.; «мужественный человек» – тур., узб., як.; «мужественный, храбрый» – аз., каз.; 3) «муж, супруг» – аз., баш., др.-тюрк., кар., к.-балк., кырг., к.-тат., тур., уйг., хак., чув.; 4) «самец» – кар., кум., тув.; 5) «рядовой, воин, боец» – тур.; 6) «возмужалый, выросший (человек)» – кырг.; «холостой» – тур. диал.; «парень, молодой человек» – тув.; «возмужалость» – як.; 7) «человек» – карагас., койб., сойот., уйг. диал.; 8) «сила, твердость, мужество» – як.

К пракорню **er* «муж, мужчина» возводимы все приведенные выше номинанты человека и его качеств. Ученые-тюркологи (Л.А. Покровская, Э.В. Севортян) устанавливают следующий порядок развития семантики пракорня **er* «самец»: «человек мужского пола» > «супруг, муж» > «герой, храбрец, богатырь; витязь, воин; молодец, господин» > «храбрый (человек); человек» > «мужество, сила, энергия» [ЭСТЯ, 1974: 321]. Первичные значения (1-4) весьма продуктивны. Рефлексы пракорня **er* встречаются и в других группах алтайских языков:

1. Общемонг. **er*: монг. *ere* «муж, мужчина; мужественный, смелый, отважный, храбрый»; дагур., калм., хал.-монг. *эр*, бур. *эрэ*, дунс. *эрэ* (+*күн*), бао. *эрэ* (+*күн*) «мужчина, муж; самец», ср. бур. *эр нохой* «кобель» при *нохой* «собака». Корень *er* встречается в составе производных слов: бур., хал.-монг. *эрэгтей* «мужчина (почтительное)», хал.-монг. *эрхес* «самец соболя», хал.-монг. *эрэг* «винт, шуруп», *эр-* «закручивать, перетягивать веревку; закреплять шурупом, винтом», хал.-монг. *эрээс* «резьба на винте»; бур. *эрхы*, калм. *эркэ*, хал.-монг. *эрхий* «большой палец». Некоторые из этих слов напоминают

латинское слово *erectio* «выпрямление» > рус. *эрекция* «увеличение объема полового члена мужчины и его отвердение» по смыслу и общности корня. Ср. также бур. *эрше*, хал.-монг. *эрч* «сила, энергия; туго скрученный, крепко свитый, сильно намотанный (например, о нитках); хал.-монг. «сила пружины, интенсивность» и др.; бур. *эрбей* «слабосильный, тощий; легкий, невесомый» сходно с кырг. *эрбей*- «быть еле заметным, маленьким, слабеньким», ср. кырг. *бей* «не, без, не иметь», кит. *фей* то же в примерах: кит. *фейфа* «незаконный, беззаконие», где *фа* «закон», кырг. *бейши* «рай», где *ши* «работа, труд» [Введ.: 41; Зулпукаров, Амირалиев, 2021: 104-119]; трансформа *ар*- представлена в словах: бур., хал.-монг. *арад* «трудящийся, народ», калм. *арбс* «герой», *ард* (разговорное) «люди, человек»; калм. *арн* «простолюдин, род, поколение», хал.-монг. *аран* «простолюдин», *харан* «человек» [ЭСМЯ, I: 52-55, 218-220].

2. Трансформы общеалтайского **er* в тунгусо-маньчжурских языках представлены ограниченно. Обнаруженные примеры дополняют и поддерживают предыдущие сравнения: эвенк. *ур* «самец, особь мужского пола» [ЭСТЯ, 1974: 322], маньч. *эрки* «своеволие, насилие, вольность» [ЭСМЯ, I: 220], которые сравниваются с бур. *эрше* «сила, энергия», *эрид* «прямо, решительно, категорически», калм. *эрс* «внезапно, круто, стремительно» [ЭСМЯ, I: 219], общетюрк. *эрк* «сила, воля; могущество, сила». Восстанавливая общеалтайскую праформу названия самца и мужчины в виде **er* на основе самого продуктивного варианта, мы не поддерживаем и не принимаем точку зрения Г. Дёрфера, который очень сложно объясняет происхождения слова *er* (<*ere*<*here*<*repe*) [ЭСТЯ, 1974: 321-322] в сравниваемых языках.

Наличие древнего *həra* «муж» [Поцелуевский, 2001: 303] свидетельствует о существовании анлаутного заднеязычного в начале корня и в то же время допускает сравнение этого рефлекса общетюркского корня *er* «муж» с нем. *Herr* «господин», рус. *гер-ой* (см. ниже). Выпадение конечного -*r* (уйг. диал. *ee/əə/ə*) или его переход в -*й* (лоб. *ей* «муж»), вероятно,

происходили под воздействием стремления восточно-тюркских языков к открытому слогу [Введ.: 496-511; Зулпукаров, Амирралиев, 2017 з: 99].

Общетюркский корень *ep, реализуемый в различных трансформах и вариантах, служит производящей основой для группы этимологически идентичных слов в сравниваемых языках.

1. Дериват с суффиксом *-en* представлен в языках: 1) *ерен* – др.-тюрк., др.-уйг., кар., каракалп., кырг., тур. диал.; 2) *еран*, *эрен* – кар.т. (наряду с *ерен*); 3) *ейен* – лоб.; 4) *ирен* – хак.; 5) *ирэн* – тат.диал.; 6) *йэрэн* – каз.

Эти слова передают значения: 1) «мужчина» – во всех языках; 2) «герой» – каз., кырг.; «молодец» – каз., кырг.; «храбрый» – кар.к.г.; «воин» – др.-тюрк.; «мужественный» – кырг.; «сильный» – каз., каракалп., кырг.; 3) «дворянин, сановник» – др.-тюрк.; 4) «человек» – др.-тюрк.; «хороший человек, человек чести» – кар.к.г.; 5) «деловой мужчина» – кар.т., «деловой» – кар.к.г.; 6) «юноша» – др.-тюрк.; 7) «муж, супруг» – кар., лоб.

Первые два значения, по-видимому, являются основными, первичными и почти полностью коррелируют с семантикой исходного корня *ep. Остальные значения производны от них и выступают как переносные.

Некоторые ученые усматривают в суффиксе *-en* признак уменьшительности: *ep+en* (В. Банг, А. Зайончковский); ср. *огул* «сын» – *оглан* (уменьш.-ласкат. форма), *ул* «сын» – *улан* (уменьш.-ласкат. форма).

Другие видят в суффиксе *-en* признак множественности (П. Пелльо, К. Брокельман), собирательности-коллективности (А.Н. Кононов), близости-усилительности и множественности (А. фон Габен) [Поцелуевский, 2006: 540; ЭСТЯ, 1974: 322]. Мы считаем, что суффикс *-en* в приведенных примерах использован для обозначения денотата как личности и обособления человека мужского пола – мужа и мужчины, в отличие от значений «самец, особь мужского пола» в названиях животных. Общетюркское *ерен* «мужчина, герой, человек...» напоминает китайское слово *rén* «человек, род человеческий, человечество; взрослый, солидный человек, персона, особа; мелкий чиновник, работник; уроженец, люди (страны), гражданин, граждане,

народ» [Введ.: 315]. В современном ханью слово *rén* «человек, гражданин, уроженец» произносится в виде *жэнь*. Сравните *Wǒ bú shì Yīngguó rén, wǒ shì Sūgélán rén.* – Я не англичанин, а шотландец. Буквально «Я + не + есть + Великобритания/Англия + житель/гражданин, я + есть + Шотландия + житель/гражданин», где слово *rén* [жэнь] этимологически связано с общетюркским словом *ерен*. Мы допускаем афезу: в китайском слове выпал начальный звук *e-*.

2. Корень *ep* + суффикс *-кек* презентуется в следующих трансформах: 1) *еркек* – алт., каз., каракалп., кар.к.г., к.-балк., кырг., к.-тат., кум., леб., ног., с.-юг., тел., тур., турк., уйг. диал., чаг.; 2) *еркэк* – аз., узб.; 3) *еркех* – бал., тур.диал.; 4) *эркэх* – аз.; 5) *еркак* – кар.к.; 6) *йеркек* – гаг. (с протезой); 7) *йеркэк* – узб. диал. (с протезой); 8) *экэк/эркэк* – уйг. (с диерезой); 9) *еекэк* – уйг. диал. (с диерезой и удлинением начального гласного); 10) *еркег* – бал.; 11) *ейкек* – лоб. (с чередованием *r/j*); 12) *ергэк* – карагас.; 13) *эркэк* – др.-уйг., леб., шор.; 14) *ерхэв* – узб. диал. (с чередованием *к/в* в конечной части слова); 15) *еркэ* – узб. диал. (с апокопой конечного заднеязычного и превращением закрытого слога в открытый); 16) *иркек* – др.-тюрк.; 17) *иркэк* – баш., тат.; 18) *иргэк* – койб., тоб.; 19) *ергэк* – кач., койб., саг.; 20) *иргек* – тув., хак.; 21) *иргех* – як. [ЭСТЯ, 1974: 298].

Все формы возводимы к архиформе **еркек*, допускающей чередования: 1) *e/ə/йе/и*; 2) *p/й/0* (нулевой звук); 3) *к/г*; 4) *e/ə/a*; 5) *к/х/в/0* (нулевой звук) в своих рефлексах. Они передают значения:

1) «самец/особь мужского пола» – аз., алт., баш., гаг., каз., кар., каракалп., к.-балк., кырг., к.-тат., лоб., ног., с.-юг., тур., турк., узб., уйг., хак., як.; «самец у млекопитающих» – баш.; «самец четвероногих и птиц» – як.;

2) «мужчина» – др.-тюрк., гаг., каз., кар.к.г., каракалп., кырг., к.-тат., кум., ног., узб., уйг.;

3) «муж, супруг» – кар. к., кырг., кум., тур.;

4) «мужской» – др.-тюрк., кырг., узб.; «мужественный» – кырг.диал.; «мальчик» – тув. (фольклор);

5) «баран старше одного года» – аз.диал., тур. диал.; «двухгодовалый баран, холощенный баран» – аз.диал.;

6) «верблюду» – турк.; «верблюду, шерстистый верблюду старше 5 лет» – тур.диал.;

7) «медведь-самец» – тув., «петух» – бал.;

8) «недождевая туча» – тур.диал.

Некоторые ученые, например Э.В. Севортян, подчеркивает важность биологического, а не социального значения рефлексов пракорня *еркек «самец, мужчина» [ЭСТЯ, 1974: 299]. А рефлекс архетипа *ер имеют более широкий круг значений («муж, мужчина, герой, богатырь, супруг...»), чем рефлекс производного слова.

По мнению В.В. Радлова и А. фон Габен, слово *эркек* образовано в результате сочетания двух морфем – корневой морфемы *ер* и суффиксальной морфемы *-кек* со значением интенсивности [ЭСТЯ, 1974: 298]. Ср. кыргызские *быш-* «взбивать, взбалтывать (кумыс, молоко), сбивать, пахтать (масло)» и *бишкек* «мутовка для взбивания кумыса», *бат-* «погрузиться, тонуть, проникать; вмещаться; (о солнце, луне) заходить, закатываться; осмеливаться, дерзать; уживаться, ладить» и *баткак* «грязь, топкое место» и др.

С данной группой примеров формально и семантически связаны слова в тюркских языках, возводимые к праформе *еркек «большой палец», поскольку по значимости ее денотат занимает важную позицию в функционировании руки человека, нередко используется для демонстрации одобрения действий, поступков и поведения людей, выступая невербальным знаком-символом значений «молодец! отлично! превосходно!». В сравниваемых языках мы имеем слова: 1) *еркек* – алт., др.-тюрк., кум., леб., тат., тел., чаг.; 2) *ергек* – алт., карагас., кач., койб., саг.; 3) *иргек* – алт., койб., сойот., тел., хак.; 4) *ернгек* – др.-тюрк. (с чередованием *к/нг*); 5) *еренгек* – др.-тюрк. (с эпентезой и чередованием *к/нг*); 6) *ернек* – др.-тюрк. (с чередованием *к/н*); 7) *ейегей* – лоб. (с чередованиями *р/й, к/г, к/й*); 8) *еңрек* – др.-тюрк.

(метатеза); 9) *ербек* – як. (с чередованием *к/б*). Все типы чередований имеют аналоги и типичны для сравниваемых языков. Эти слова используются для передачи значений: 1) «большой палец» – алт., карагас., койб., лоб., хак.; 2) «палец» – др.-тюрк., тув., як.; «кончик пальца» – др.-тюрк.; «напалок (палец рукавицы)» – хак.; 3) «особое орудие для вытягивания из проруби ремней невода» – як. [ЭСТЯ, 1974: 299].

Тюркские номинанты большого пальца сходны с примерами 1) в монгольских языках: п.-монг. *эрегей*, ср.-монг. *херегей*, дагур. *хэргии*, дагур. диал. *эргии*, хал.-монг. *эрхии*, бур. *эргы*, калм. *эркии* «большой палец» (калм. *эркии* «большой палец, мужской»); 2) в тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *хүрүгүн*, *үрүгүн*, *хүрүвүн*, эвен. *хөраган*, *өөрэн*, *өөреген*, *хөрөгөн/эреген*, *хорогон*, *хүреген*, *хереген* «большой палец», солон. *ургун*, *аргу*, *эргэ* «большой палец» [Иллич-Свитыч, 1976, II: 74-75].

Этимологическая идентичность пракорней **еркек* «мужчина» и **еркек* «большой палец» была предметом научной дискуссии. Одни компаративисты признают эту связь (А. фон Габен, М. Рясенен), другие отрицают ее, считая соответствующие слова омонимами (Г. Рамстедт, В.М. Иллич-Свитыч) [Иллич-Свитыч, 1976, II: 73-74]. Мы склонны поддержать первую точку зрения с учетом того, что, во-первых, в калмыцком языке есть слово *эркии* «большой палец; мужской», совмещающее два значения и, во-вторых, у некоторых народов существует поверье, согласно которому достоинство мужчины определяется по форме большого пальца и носа. Это касается также признаков самцов животных. Ср. кыргызскую пословицу: *Кочкор болор козунун тумшук эти чоң болот, айгыр болор кулундун жаак эти чоң болот* «У ягненка, который может стать бараном-производителем, мускулы морды бывают крупными; у жеребенка, который может стать жеребцом-производителем, мускулы челюсти бывают крупными». Как видим, в народе достоинство самца определяется и по отдельным внешним признакам тела.

В тюркских языках имеет место и другие производные от корня **ер* «самец; мужчина».

Э.В. Севортян с некоторой неуверенностью возводит рефлексы пракорня *еркек к глагольному корню *ерке «избалованный ребенок, баловень, излишне ласковое обращение», имея в виду примеры: узб. диал. *еркэв/эркэ* «мужчина, мужской, самец» и бал. *еркег* «самец, петух» [ЭСТЯ, 1974: 298].

От *ер, по-видимому, образованы и другие слова:

1) семантическим путем др.-уйг. *er* «труд, мучение»;

2) суффиксальным путем:

а) субстантивы: чаг. *-ер*, *ерен* «мужчина, черт», *еркеч* «козел (кастрированный)». Тот же корень мы встречаем в кыргызских словах: *ердем/ерден* «мужество, храбрость», *эрдик* «мужество, геройство, храбрость», *эрдүү* «имеющая мужа», *эрегиш* «спор, препирательство, распря; вздорность (как действие)», *эргул* «молодец; ловкач», *эргүү* «вдохновение», *эркеч* «кастрированный козел (ведущий стадо овец)», *эриш* «основа (ткани в текстиле), ткань», *эрк* «воля, свобода», *эрке* «баловень, неженка, балованный»;

б) глаголы: алт. *ерик-* «уставать», кырг. *ерик-* «скучать», *эрдемси-/эрдемсин-* «храбриться, казаться храбрым, мужественным»; *эрден-* «считать себя замужней, не имея законного мужа»; *эрегиш-* «спорить, препираться, заводить распри»; *эренси-* «считать себя храбрым, героем, храбриться»; *эреңде-* «задаваться, важничать»; *эресе/эрезе/эрешен (+ге) жет* «подрости, стать взрослым»; *эрги-* «возбуждаться, беспокойно метаться; вдохновляться»; *эргит-* «подбодрить»; *эргичте-/эргиште-* «чувствовать прилив сил, вдохновение; приходиться в крайнее возбуждение»; *эрде-* «проявлять мужество, энергию»; *эргеш-/ээрчи-* «следовать, идти за кем/чем-л. (южн.)»; *ээрчит-* «вести за собою»; *ээрчиш-* «следовать друг за другом», *эркеле* «ласкаться», *эркечтен-* «(о пенистых волнах) вздыматься»;

в) *эрен* «сильный, мужественный; герой, молодец»; *эркин* «свободный, свободно» [Юдахин, II: 460-463].

Среди кыргызских дериватов корня *ер* важное место занимает субстантив *еркеч* «кастрированный козел, ведущий стадо овец» [Юдахин, II:

463], который имеет следующие соответствия в других родственных языках: 1) *еркеч* – др.-тюрк., к.-балк., кырг., кум., тур., турк.; 2) *еркэч* – аз.диал.; 3) *ергеч* – тур., чаг.; 4) *еркэг* – аз., тур. диал., чаг.; 5) *еркеш* – хак., с.-юг., тур. диал., чаг., которые передают значения:

1) «козел» – др.-тюрк., кум., с.-юг., тур., турк., уйг. диал.;

2) «козел-вожак в стаде» – аз., к.-балк., кум.; «немолодой козел» – тур. диал.; «двухгодовалый козел или баран» – тур. диал.; «молодой козел» – др.-тюрк.; «холощенный козел (в возрасте трех-четырех лет)» – к.-балк., кырг., кум., тур. диал.;

3) «коза» – тур. диал.; «баран, стадо» – др.-тюрк.

В тюркологии существует несколько предположений о происхождении названий козла. Все компаративисты признают их производный характер, однако, по-разному представляют этимологию.

1) Г. Вамбери связывает их со словами: др.-уйг. *er* «труд, мука; мужчина», чаг. *erkeç* «козел», алт. *ерик-* «уоставать», кырг. *ерик-* «скучать», осм. тур. *erkek* «мужчина, самец», но ничего не говорит о способе их образования.

2) По предположению К. Брокельмана, *еркеч* образовано от существительного *ер* «мужчина» с помощью уменьшительного суффикса *-ч*. Такое понимание (*ер + ч*) не объясняет происхождения слога *-ке-* в слове *еркеч*.

3) А.М. Щербак возводит существительное *еркеч* к глаголу **эрик-* «облегчаться, ослабеть», считая его образованным от него с помощью суффикса *-ч*. Этот ученый слишком усложняет схему образования номинанта козла, удаляясь от значения «самец», являющегося ядром семантики всех вариантов названия.

Мы считаем, что сочетание существительного *ер* «самец, особь мужского пола» с суффиксом *-кеч/-кач* дало слово *эркеч* «козел». Ср. кырг. 1) *бий* «правитель, властитель, распорядитель (неол.) судья», *бийкеч* «(ласк.)

девочка, девушка»; 2) *sara* «отборный, отличный; лучший, превосходный», *sar/зер* «золото» и *sаркеч* «лучший, дорогой (об одежде)» и т.д.

В кыргызском языке много антропонимов, образованных от корня *er*: *Эрмек* (букв. «утеха»), *Эржан* (букв. «мужской + дух»), *Эрбол* (букв. «будь мужественным/храбрым»), *Эрлан* (букв. «мужественный + пик/гора»), ср. кит. *lián* «высокий пик, высокая гора; горы, отроги гор» [Введ.: 380; Зулпукаров, Амиралиев, 2021: 104-119] и др. Более подробно опишем происхождение первого собственного имени в контексте некоторых тюркских языков:

1) *ермек* – алт., каз., каракалп., кырг., тел., турк. диал., чаг.; 2) *ермак* – уйг.; 3) *ермак* – узб.; 4) *ербек* – алт., леб., тел., шор.; 5) *ирмак* – баш., тат.диал.

В этих языках трансформы данного слова выражают значения:

1) «забота, развлечение, утеха» – алт., баш., каз., каракалп., кырг., тат.диал., турк. диал., узб., уйг.; «потеха» – тат. диал.; «шутка» – каракалп., тат. диал.; «игра, веселье» – тат. диал.; «отрада, утешение» – узб.; «посмешище» – узб.;

2) «беседа, разговор» – алт., тел., чаг.; «весть, извещение, сообщение, рассказ» – алт.; «фраза, предложение, речь, слово» – алт.;

3) «нарекание» – алт.

Слово *ермек*, конечно, производное. Оно состоит из субстантивного корня *er* «мужчина, герой» и распространенного суффикса *-мак* с модальным значением. Исходное значение корня сохранено в антропониме *Эрмек*, которым нарекают только мальчиков. Многие из приведенных выше значений вторичны (особенно в алтайском языке) и возникли в результате расширения семантики слов.

Э.В. Севортян связывает слово *эрмек* с глагольным корнем *er-* в словах *ериш-* и *ерегиш-* «спор, спорить» [ЭСТЯ, 1974: 300]. Мы думаем, что и данные глаголы имеют в своем составе корень *er* «мужчина, герой», поскольку действия, обозначаемые этими глаголами, характерны для сильных личностей – мужчин, богатырей и героев.

Глагольные и глагольно-субстантивные производные от существительного *ер* многочисленны и встречаются в языках: 1) *эриш/эриш-* – аз., др.-тюрк., кар.к., к.-тат., кум., кум., тур. диал., турк.; 2) *ерис/ерис-* – ног.; 3) *ереш-* – бал.; 4) *йэриш* – к.-тат.; 5) *ириш* – баш., татарские диалекты; 6) *ирис-* – хак.; 7) *жарыш-* – кырг. (ср. к.-тат., где отмечается наличие протетического звука *й-*). В качестве словообразовательного форманта выделяем суффикс *-иш/-ыш/-ис...* [Орузбаева, 1994: 214].

Глагольная основа выделена постпозитивным дефисом, который не ставится после субстантивной основы. Субстантивные формы содержат значения: 1) «спор, упрямство» – кум., ног.; «шутка» – тур. диал.; «соперник, конкурент» – к.-балк.; 2) «поведение, поступок, образ действия» – др.-тюрк.

Процессуальные значения: 1) «спорить, препираться» – др.-тюрк., к.-балк., ног., тур. диал.; «ссориться, ругаться» – баш., тат. диал.; 2) «схватиться, взяться, нападать, покушаться, посягать» – турк.; 3) «завидовать» – к.-балк.; 4) «затрагивать кого-либо, шутить с кем-либо» – др.-тюрк., тур. диал.; «дразнить» – кар.к., турк., хак.; «огорчать» – тур. диал.; «в шутку хватать друг друга» – тур. диал.; «шутить, острить» – кар.к., тур. диал.; 5) «капризничать, артачиться» – аз., к.-тат., кум., тур. диал.; «упрямиться» – ног.; 6) «состязаться, соревноваться» – к.-балк., кырг., кум.; 7) «пытаться что-либо сделать» – турк.

Эти основы семантически и формально соотносятся с примерами: каз. диал. *ерегис* «спор, препирательство, тяжба», *ерегис-* «спорить, не слушать чьи-либо внушения, говорить свое; ссориться, состязаться, соревноваться»; кырг. *эрегшиүү* «ссориться, спорить, состязаться, соревноваться» [ЭСТЯ, 1974: 293].

Корень **er* находит соответствия в индоевропейских языках:

1) нем. *er* «он» – персональный прономинатив 3-го лица им.п. ед.ч. муж.р., который, вероятно, в древности был субстантивом и имел значение «самец, мужчина...», трансформировавшееся позднее в названия и

неодушевленных существительных мужского рода и в указательное местоимение;

2) лат. *erus* «господин, хозяин раба»; *arkuwar* «господин»; *gener* «зять, муж сестры, жених» (*gen «рожать, жена», *ken «родство, свойство» + *er* «муж») [Гамкрелидзе, Иванов, II: 480, 763]; итал. *eroe*, рум. *erou*, мальт. *eroj* «герой» [<https://www.indifferentlanguages.com>];

3) греч., индо-ир., арм. **ar-/r-*: авест. *aršan-/arša-* «мужчина, человек, герой», др.-перс. *aršan-/arša-* «мужчина, самец, герой», скиф. *arša* «самец, мужчина»; греч. *ἄρσῆν* «мужчина, мужской; самец» [ЭСИЯ, I: 227], арм. *air* «мужчина, человек» (*arn* в род.п.) [Гамкрелидзе, Иванов, I: 92]; к данной группе примеров примыкают и следующие: 1) др.-инд. *ari-* «друг, чужак, чужестранец», *arya-* «хозяин дома, ариец»; 2) хет. *ara-* «друг, товарищ»; 3) др.-ирл. *aire* «благородный, свободный», *airech* «свободный», *Eriu* «Ирландия» (букв. «страна *er*-ов»), *æger* «бог моря», где *æg* «море», *er* «бог»; 4) др.-перс. *ariya* «арийский, иранский» (*ar-* = *ir-*); новоперс. *erman* «гость», пехл. *erān* «страна ариев» [Гамкрелидзе, Иванов, II: 755]; корень *ar-* представлен в составе дериватов: индо-ир. **arsti-* «копье, пика», др.-инд. *rsti* «копье, пика»; и.-е. **epes-* «вонзать», лит. *eršketis* «колючее растение», др.-перс. *aršti-* «копье», пехл. *aršt*, осет. *arc* «пика, копье»; в последних примерах представлены названия орудий действия мужчин и героев [ЭСИЯ, I: 228].

В уральских языках тоже есть слова, корни которых, возможно, связаны с пракорнем *er: а) фин. *oras* «кабан, холощенный кабан», *orasa* «кобель», вепс. *orač* «самец; кабан; кобель», мок.-морд. *urozi* «холощенный кабан»; б) фин. *orja* «раб», вепс. *orj* «раб», эст. *ori* «раб», эрзя-морд. *ure* «раб, наемный работник» и др. [Гамкрелидзе, Иванов, II: 755, 924]. Последние примеры сходны с шумерским *ere* «раб», а предыдущие – с др.-инд. *varāha* «кабан, свинья», авест. *varāza* «кабан», перс. *varāz*, новоперс. *gurāz* «кабан»; ср. кырг. (диал.) *күрөз* «грубый, решительный, беспощадный (человек)», рус. *гр-* в словах *гроза*, *грозный*, *грубый*.

В дравидийских языках (Южная Индия) встречаются рефлексы пракорня *er: браг. *are* «муж» [Нафиков, Сулейманова: 189], кан. *ere* «хозяин, супруг; состояние бытия», *ereja* «хозяин, король, супруг», там. *irai* «великий, известный (кто-то); хозяин, глава; старший брат, супруг, король, верховное божество; верх, голова», *iraiwan* «божество, глава, хозяин, супруг, почтенный человек», мал. *irān, rān* «государь (при обращении к правителю)», тел. *era* «синьор», *rēdu* «король, синьор, хозяин, супруг» [Менгес: 106]. Сходные названия мы имеем в афразийских (берб. *ar-gaz* «мужчина»), (баск. *ar* «самец», *giz-ar* «мужчина»), индейских (кин. *ere* «муж, самец»), шумерском (*ur* «человек») и других языках [Нафиков, Сулейманова: 189].

В языках Евразии пракорень *er имеет трансформы с протетическими звуками *н-, х-, г-, у-, в-, й-*. Подобные явления встречаются даже в рамках близкородственных языков: рус. *он, она, оно, они* – укр. *він, вона, воно, вони*, кырг. *ar* – узб. *har* «каждый» и т.д. Приведем отдельные примеры:

1) др.-инд. *nar-*, авест. *nar-* «мужчина, человек», др.-ирл. *nar* «вебрь» («самец»), валл. *ner* «герой» (ср. эвенк. *pari* «мужчина», кырг. *nar* «одногоорбый верблюд», егип. *nr* «люди» и т.д.);

2) хат. *wur* «самец» [Нафиков, Сулейманова: 189], лат. *uir* «мужчина», др.-инд. *vira* «мужчина, герой», лит. *vyras* «мужчина» [Гамкрелидзе, Иванов, II: 755, 924]; латыш. *waronis* «герой», малай. (Австронезия) *wira* «герой» [<https://www.indifferentlanguages.com>; Хоккет, 1970: 64];

3) с протетическим *й-*: рус. *ёрник* [йорник] «беспутный человек, повеса, озорник», *еромыга* «гуляка, бездельник, негодяй», *ерыга/ерыжник* «мошенник», *ероха/ерошка* «упрямец, склочник» [Фасмер, I: 26-27]; ср. также в тюркских языках: каз., с.-юг., тат. диал. *jer*, узб. диал. *jār* «муж» [Поцелуевский, 2001: 303; Нафиков, Сулейманова: 189], в уральских языках: нен. *jeru/jerwu* «хозяин, господин, судья, вождь»; например, в говоре конда *witieru/wit'eru* «дух-хозяин воды» (*wit* «вода») [Менгес: 108];

4) с протетическим *h-, г-, к-*: лат., фр. *heros*, португ., каталон. *heroi*, испанское, галис. *heroe*, алб., англ. *hero*, лит. *herojus* «герой»; бел., болг., рус.

герой; антропоним *Герман/Herman* «(букв.) господин-человек, благородный человек», сравниваемый с ср.-лат. топонимом *Germania* «страна германцев», созвучен с кыргызским *каарман* «герой, персонаж». К.К. Юдахин считает это слово иранским по происхождению и в то же время выделяет отдельно от него слово-корень *каар* «гнев, ярость, злоба», называя последнее арабским [Юдахин, 1985, I: 309]. А нам кажется, что корень *каар* с протетическим звуком *к-* имеет ностратическое происхождение и является рефлексом пракорня **er* «самец».

Трансформы пракорня **er* «самец» без протетических звуков тоже дошли до нашего времени в виде суффиксальной морфемы. Такой суффикс представлен в составе целого ряда международных и межкультурных наименований. Например, в языках Евразии широко встречается слово, имеющее различные звуковые варианты с общим значением: 1) монг. *багатур/батор/батур*, калм. *баатр*; 2) тур., чаг. *батур* «смелый, военачальник», шор. *пагаттыр* «герой», кырг. *баатыр* «герой, смелый, мужественный»; 3) маньч. *батору/батуру* «богатырь, герой; храбрый», солон. *батар* «богатырь», нан. *баатор/батору* «богатырь, герой, силач», ульч. *баатур/батури* «богатырь», эвенк. *батур* «горячий, вспыльчивый (о человеке)», *багати* «богатырь; сильный, большой»; эвен. *багтур* «богатырь, силач», *батур* «храбрец, смельчак, удалец, молодец; храбрый, отважный, мужественный» [ЭСТЯ, 1978: 84-85]; 4) венг. *bator* «смелый»; 5) болг. *багатыр*, укр. *багатур* «богатырь, богач»; рус. *богатырь*, польск. *bohater/bohater* «богатырь» [Фасмер, I: 181; ЭСТЯ, 1978: 84-85]. В этих примерах слово **er* «герой» превратилось в суффикс *-er* с алломорфами *-er, -or, -ur, -ir, -yr, -r*.

Как видим, пракорень **er* «самец» еще в глубокой древности, вероятно, имел широкую географию распространения. Его рефлексы сохранились почти во всех языковых семьях Евразии, особенно продуктивно представлены в алтайских языках и наглядно демонстрируют пути и способы семантического разветвления и фонетического варьирования своего

архетипа. Факты показывают, что корни слов легко превращаются в аффиксальные морфемы, приобретая служебные функции и становясь средствами словообразования.

Как видим, в тюркских и других отдаленно-родственных языках пракорень **er* «самец» имеет многочисленные семантические и словообразовательные дериваты, что свидетельствует об исконности корня для этих языков.

Сравнение рефлексов пракорня **er* «самец» в языках Евразии позволяет сделать некоторые общие выводы.

1. В исходе рассматриваемый пракорень, вероятно, использовался для выделения и наименования самцов животных и особей мужского пола у первобытных людей. В его семантике в древности доминировало биологическое начало.

2. В процессе развития сознания, языкового мышления людей, способов детализированного познания и номинации окружающего мира и его элементов, усовершенствования социальной организации в обществе архиформа **er* «самец» семантически модифицируется, обогащается и функционально разворачивается, приобретая многообразные денотативные и коннотативные, конкретные и абстрактные, прямые и переносные, субстантивные, адъективные или глагольные, позитивные и негативные, реальные и ирреальные (сакральные, мифологические), лексические и грамматические и другие значения.

3. Пракорень **er* «самец» дошел до нашего времени в различных трансформах, отличающихся друг от друга по функции, семантике и строению, а также по характеру чередования, протезы, метатезы и других фонетических процессов, иногда меняя свой звуковой облик до неузнаваемости. Он был открыт не только для семантической деривации, но и служил исходным пунктом образования многочисленных производных, которые продуктивно функционируют в языках евразийского

лингвоэтногенетического пространства, значительно обогатив когнитивно-языковой тезаурус своих носителей.

3.3. Пракорень **deng* «равный» в языках Евразии

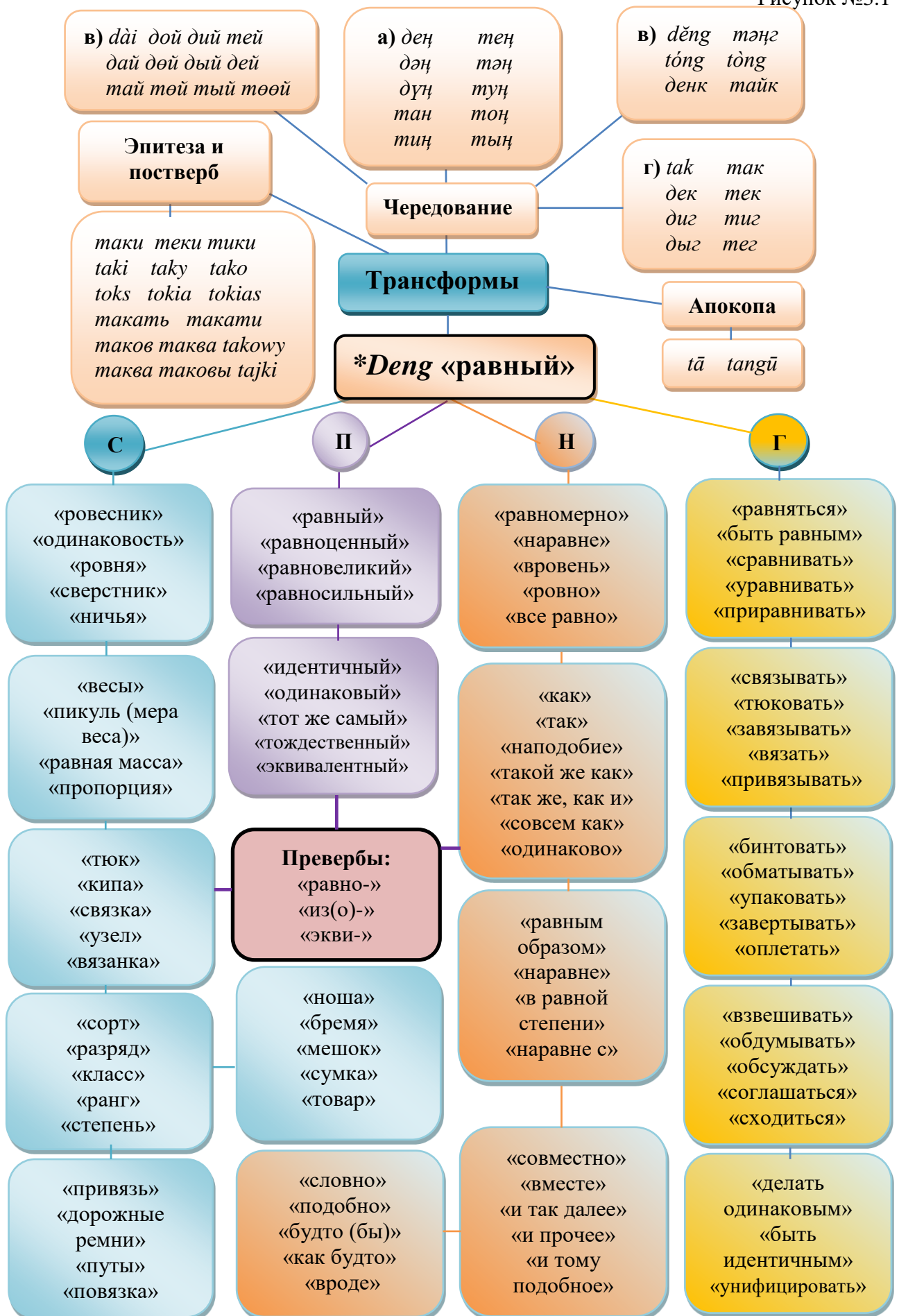
Объектом исследования данного параграфа являются современные рефлексы пракорня **deng* «равный» только в ряде языковых семей Евразии. В нем сравниваются факты тюркских, иранских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, китайского и корейского языков, которые легко возводятся к реконструируемому архетипу.

Мы представляем древнее название равенства и сходства предметов и действий в виде архетипа **deng*, который, вероятно, дошел до нас в различных рефлексах и конкретных вариантах (см. рисунок №3.1). В тюркских языках, например, мы имеем следующие его трансформы: 1) тув., тур., туркм. *дең*; 2) узб. диал., уйг. диал. *дәң*; 3) алт., др.-уйг., каз., карагас., кырг., койб., кумык., сарыг-югур., телеут., шор. *тең*; 4) татар. диал. *тиң*; 5) уйг. диал. *тәңг*; 6) уйг. диал., лобнор. *тәң*; 7) телеут. *туң*; 8) караим., чуваш. *тан*; 9) гагауз., тур. *денк*; 10) алт. диал. *тек/тиг/тег*; 11) тур. диал. *дек*; 12) алт. диал., хакас. *төөй/төй* и др. [ЭСТЯ, 1980: 191-192; БРТС: 470].

Ясно, что все варианты номинанта равенства в тюркских языках легко возводимы к пракорню **deng* и отражают закономерные чередования в инициальной (*ð/m*), медиальной (*e/ə/a/u/ø*) и финальной (*ң/ңг/нк/н/к/г/й*) частях односложного слова. Следовательно, все рефлексы архетипа (*дең/ дәң/ тең/тиң/тәңг/тәң/туң/тан/денк/тек/тиг/тег/дек/төөй/төй* и др.) оформлены в пределах допустимых фонетическими законами тюркских языков трансформ и видоизменений.

Трансформированию подвергнуто не только означающее архетипа **deng*, но и его семантика. Рефлекс **deng* передают значения:

1) «равный, ровно» в функциях имени прилагательного и наречия (аз., алт., гаг., кум., лобнор., сарыг-югур., тув., тур., туркм., тофалар., чув.);

2) «ничья» (туркм.);

3) «одинаковый, одинаково, подобно» вадъективной и адвербиальных функциях (алт. диал., кум., тув., тур., тофалар., узб. диал., чув.);

4) «наравне, вровень» (кумык., туркм.);

5) «эквивалентный, равноценный» (гаг.), «равновеликий» (чув.);

6) «ровня» (кумык., туркм.), «ровесник» (туркм., чув.), «сверстник» (кумык., туркм.). Ср. в связи со значениями (3, 6) исследуемого корня факты уральских языков: луг.-вост. мар. *дене* «подобно», горно-мар. *тәнг* «друг, ровесник» [Яз. нар. СССР, III: 285, 243].

Эти значения в целом соотносительны и взаимно поддерживают друг друга. Только субстантивная семантика заметно отдалена от предыдущих значений.

Приведенные выше примеры выполняют функцию знаменательных частей речи – прилагательных, существительных и наречий. Некоторые рефлексы общетюркского корня **deng* «равный» употребляются в релятивной функции, в роли компаративных послелогов: 1) *дек* (туркм., уйг.); 2) *дег* (карагас.); 3) *дей* (алт., карагас., туркм. уст.); 4) *тег* (сарыг-югур.); 5) *тей* (туркм. диал.); 6) *дай* (тур. диал.); 7) *тек* (туркм. диал.); 8) *диг/дыг/дий/дый/тый* (алт. диал.); 9) *теки/тики* (тур. диал.); 10) *дейин/тейин* (туркм. устн., диал.), *дайын* (крым.-тат.) и т.д., которые используются для передачи значений уподобления: 1) «как, подобно, наподобие, такой же как, вроде» (во всех языках); 2) «словно, будто (бы), как будто» (тув., тур.-диал.), «как, как бы, как будто» (др.-тюрк.) [ЭСТЯ, 1980:184-185]. Понятно, что данный послелог формально и семантически соотносится с реконструируемым корнем **deng*, в семантике которого, вероятно, доминировало адъективное значение (послелог *дек*, *тег*, *тек* допускают сравнение с общеславянскими прономинативами *так*, *такой*).

Рассматриваемые тюркские слова не являются этимологически изолированными. Они допускают сравнение с монг. *тэң* «одинаковый вес, подобие (двух предметов), верблюжий груз», *дүң* «равная масса, пропорция»

[ЭСТЯ, 1980: 193], с первым слогом корейских слов: *тыңдың* «подобно», *тоңдыңида* «одинаково, равным образом», *тоңдыңхан* «равный» [РКС: 555, 463], *теңдара* «подражание, выполнение того же самого» [ЭСТЯ, 1980: 193], с фактами тунгусо-маньчжурских языков: эвенк. *дэңсэле* «весы», нег., орок., ульч., нан. *дэңсэ* «весы», *дэңсэлэ* «взвешивать (на весах)», маньч. *дэңнэ/дэңсэлэ* «взвешивать (на весах), уравнивать вьюки (на обеих сторонах верблюда); сравнивать, сличать», *дэңсэ* «весы, безмен (для взвешивания небольших тяжестей)» [ССТМЯ, I: 235], *тэку* «одинаковый вес, подобие (двух предметов, верблюжий груз)» [ЭСТЯ, 1980: 193]. Чередование звуков в примерах *тэң/дүң/тың/тоң/тэң/дэң/тэк* характерно для алтайских и некоторых других ностратических языков. Ср. аналогию: кырг. *таң* «утро», кит. *dàn* «утро, рассвет», рус. *день*, нем. *tag* «утро», англ. *day* «день» и т.д.

С данными примерами соотносятся также перс. *dang* «половина вьюка (на лошади)», *tang* «половина вьюка, тюк, кипа, связка, узел, сумка, мешок», тадж. *той* «тюк, кипа (упаковочная мера)» [РТС: 1126]. Последнее сравнивается с кырг. *тай* «кипа, тюк, связка» [Юдахин, II: 190]. Равновесие и примерная близость объема и веса вьюков послужили основанием для использования рефлексов корня **deng* в качестве их названия.

Нужно отметить, что корень *teng/deng/tek...* используется в сравниваемых языках не только в субстантивных, адъективных, адвербиальных и послеложных функциях, но и в качестве глагольной основы:

1) *таң-* (алт., бар., каз., каракалп., лобнор., тел., сарыг-юг., уйг. диал., як.), *даң-* (туркм.), *тан-* (сарыг-юг.), *танк-* (др.-тюрк.), *тең-/дең-* (чаг.) со значениями: 1) «завязывать» (алт., каз., каракалп., кырг., туркм.), «вязать» (тур.), «связывать» (алт., лобнор., туркм., уйг. диал.), «связывать в узлы, привязывать» (алт., каз., каракалп., кырг., туркм., уйг. диал.), «навьючивать поровну на каждую сторону» (сарыг-юг., лобнор.), «нагружать» (лобнор.), «быть равным, одинаковым; взвешивать, уравнивать, обдумывать, обсуждать» (чаг.), «приводить в порядок (невод, сеть), прикрепляя грузила,

поплавки» (як.), «подвязывать» (др.-тюрк., алт., бар., кырг., тел., тоб.), «женить» (туркм.); «перевязывать» (каркалп., туркм.), «делать перевязку, бинтовать, обматывать» (кырг., туркм.), «упаковать» (туркм.), «завертывать» (уйг. диал.), «оплетать» (як.) и т.д. [ЭСТЯ, 1980: 145].

2) кырг. *таң-* а) «(южн. свадеб. обряд) опоясывать после свадебного пира жениха и невесту вместе, накидывая на голову покров, закрывающий глаза; после этого жених и невеста стараются наступать на ногу друг другу; тот, кто наступит первым, будет главенствовать»; б) «привязывать, связывать, завязывать; (в нар. мед.) привить и бинтовать перелом кости; перевязывать; усиленно рекомендовать, настойчиво советовать; советуя, настаивать на своем» [Юдахин, II: 203]. Наличие слов *таңгак/таңак* «вязанка, связка; кипа, тюк», *таңгакта* «связывать в связки, тюковать; складывать пачками, паковать в кипы, в связки, в тюки», *таңгыч* «дорожные ремни», *таңуу* «привязывать, связывать; связка, повязка; путы», *таңыш* «привязь, вязка» и т.д. в кыргызском языке служит основанием для сближения вышеприведенных глагольных основ с пракорнем **deng*, поскольку вязанки и тюки вещей имеют примерно одинаковый объем и вес и рассчитаны на навьючивание и перевозку с одного места на другое. Ср. также кырг. глагольные образования *теңе* «уравнивай, сравнивай, делай одинаковым», *теңел* «равняйся, становись одинаковым», *теңдөө* «уравнивать, уравнивать; приравнивание, уравнивание», *теңдел-/теңделүү* «равняться, уравниваться, приравниваться, принадлежать к одному разряду», *теңдетүү* «приравнивать/приравнивание, уравнивать/уравнивание» и т.д. [Юдахин, II: 225]. Данная глагольная основа соотносительна с атрибутивно-субстантивными словами кыргызского языка: *тең* «равный, ровня, равная половина, один из четы (муж-жена, жених-невеста); все одинаково», *тең ата* «равный по происхождению, по сословию», *тең укуктуу* «равноправие». Эти примеры свидетельствуют об исконности омонимии имени и глагола в тюркских языках.

Рефлексы пракорня **deng* мы обнаруживаем и в китайском языке:

1) *děng* «принадлежать к тому же разряду, быть равным, равняться; равный, идентичный, тождественный; приравнивать, отождествлять, ставить знак равенства; ранг, степень, класс, сорт, группа, категория; в равной степени, равно, одинаково, все равно; как? в какой степени? что? какой?; равно-, равномерно, из (о)-, экви-» [Введ.: 103]; *děngděng* «и так далее, и прочее, и тому подобное» [Введ.: 104]. Ср. употребление этого корня в составе сложного слова в сочетании с отрицанием *bù* «не, без, нет»: *bùděng* «неодинаковые, разные» [КРС, 2008: 64; Зулпукаров, Зулпукарова, 2016 а: 284];

2) *tóng/tòng* «одинаковый, равный, тождественный, тот же самый, один и тот же; равно, одинаково, наравне, в равной степени; совместно, общий, вместе; совпадать, быть идентичным; соглашаться, солидаризоваться; сходиться, сводить вместе; объединять, унифицировать, ставить в одну доску, приравнивать; так же как и, наравне с, совсем как» [Введ.: 64]; *tóngděng* «равный, одинаковый, одинаково, одинаковость» [КРС, 2008: 905];

3) *děng* «сорт, разряд, класс; товар высшей (лучшей) марки; товары одного качества (сорта); одинаковый, одинаковость; равно-, изо-»;

4) *děngtóng* «отождествлять, отождествление; отождествлять/отождествление»; *děngyú* «равняться, равный, равносильный; означать, значить» (ср. кырг. *теңөө* «уравнять», *теңдеме* «уравнение»);

5) *děng* «взвешивать (на весах)» [Введ.: 184; Амиралиев, Сапарбаева и др., 2020: 383].

Эти примеры существенно дополняют вышеприведенный сравнительный материал и служат основанием для вывода о том, что алтайские, китайский, иранские, а также, вероятно, славянские и уральские языки имеют рефлексы пракорня **deng*, представленные в различных фонетико-семантических преобразованиях и вариациях.

Однако в компаративистике существует несколько разных точек зрения относительно того, в каком языке возник этот корень и получил

распространение. А.В. Севортян излагает версии ученых по этимологии рассматриваемого слова.

1. Многие тюркологи (А. фон Габэн, К. Менгес, Г. Дёрфер, М. Рясенен и др.) квалифицируют его как китайское заимствование.

2. Архетип слова признается собственно тюркским и представляется в виде *тең* «равный» (А.М. Щербак).

3. Некоторые ученые, говоря о слове *дең/тең* в тюркских языках, особо подчеркивают персидское происхождение и не отвергают его связь с китайским словом *teng/deng*. Персидское *dang* «половина вьюка, тюк, кипа, связка, узел, сумка, мешок» сравнивается с китайским *dan* «ноша, бремя, вязанка, пикуль (мера веса)» (Дж. Клосон) [ЭСТЯ, 1980: 193; Введ.: 63-64].

Таким образом, существует три точки зрения по поводу происхождения слова *тең/дең* – собственно тюркское, китайское или иранско-китайское. Мы со своей стороны считаем, что оно межэтническое, ностратическое и распространено в юго-восточных языках ностратической макросемьи языков.

Рефлексы пракорня **deng* встречаются также в аффиксальной части слов в тюркских языках: 1) *-дек/-дай* (узб.); 2) *-таг/-даг* (сарыг-юг.) [Тенишев, 1988: 268]; 3) *-дай, -дей* (крым.-тат.) [Хабичев: 184]; 4) *-дый, -дуй, -тый, -тий, -туй, -дуй* (алт.); 5) *-дай, -дей, -тай, -тей* (каракалп.) [Баскаков, 1952: 198]; 6) *-дай, -дей, -дой, -дөй; -тай, -тей, -той, -төй* (кырг.) [Введ.: 65-66] и т.д. 4) *-дай, -дей, -лай, -лей* (кумык.) [Хабичев: 184] и т.д. Эти аффиксы проявляют семантическое и формальное сходство с вышеприведенными словами тюркских языков в функциях различных частей речи. Только амплитуда звукового варьирования аффикса по языкам разная: в узбекском литературном языке аффикс представлен двумя взаимозаменяемыми формами, в кыргызском же – восьмью алломорфами, исключаящими взаимозамену. Ср.: узб. *от* «лошадь» - *отдек/отдай* «как лошадь», *сиз* «вы» - *сиздек/сиздай* «как вы», *ит* «собака» - *итдек/итдай* «как собака» [Решетов: 205]; ср. также: алт. *куштый* «с птицу, как птица», *кандый* «как кровь», *түндий* «как ночь», *андай/ондый* «такой» [Щербак, 1977: 58]; кумык., крым.-

тат. *от* «огонь» - *отдай* «как огонь», *жымчыкь* «воробей» - *жымчыкьдай* «как воробей», *сөз* «слово» - *сөздей* «как слово, подобно слову» [Хабичев: 184].

Фонетические варьируемые аффиксы сравнения со значениями «как, как будто, словно, точно, подобно, наподобие» в тюркских языках обнаруживают аналог в китайском языке. В этом языке имеется служебное слово *dài* «похоже, как, как будто, как будто бы, словно, вероятно, пожалуй, почти, приближаться к», содержащее как релятивное, так и слабое вещественное значение и употребляемое перед сравниваемым словом [Введ.: 162]. Этот факт позволяет нам шире смотреть на рефлекс пракорня **deng* и включить в их состав рассматриваемый сравнительный аффикс со всеми трансформами и алломорфами.

Статус общетюркского аффикса *-дай/-дак*, *-дей/-дек* с другими вариантами определяется грамматистами совершенно по-разному. Одни тюркологи называют его словообразовательным аффиксом прилагательных [Азыр. кырг. адаб. тили: 328], другие – аффиксом наречий [Решетов: 206; Тенишев, 1988: 268; Ганиев: 10], третьи - межчастеречным аффиксом имени [Хабичев: 184-185] или аффиксом сравнительного падежа [Введ.: 65-66].

Мы больше склоняемся к выводу о падежном характере сравнительного аффикса и его функций. В кыргызском языке, например, он выполняет словоизменительную функцию. Вопрос о наличии компаратива в системе падежей тюркских языков давно привлекает внимание грамматистов. Мы тоже считаем данный аффикс формой сравнительного падежа, следуя традиции, которая восходит к морфологической концепции В.В. Радлова, развиваемой в трудах целого ряда тюркологов (Е.Д. Поливанов, В.М. Насилов, Н.П. Дыренкова, К.К. Сартбаев, Г.И. Рамстедт, В. Котвич, М.З. Закиев, Э.Р. Тенишев, Е.И. Убрятова, Г.Г. Фисакова, К.С. Кадыраджиева, А.М. Щербак и др. [Зулпукаров, 1994 б: 183-184, 247-248]).

В кыргызском языке сравнительный аффикс варьируется в зависимости от качества конечного звука слова и слога:

1) вариант *-дай* присоединяется к основе с конечным звонким согласным и слогом на гласные *а, у* и *ы*: *кардай* «как снег», *баладай* «как ребенок», *аарыдай* «как пчела»;

2) вариант *-тай* присоединяется к основе с конечным глухим согласным и слогом на гласные *а, у* и *ы*: *аттай* «подобно лошади», *жаттай* «как чужой», *мыктай* «как гвоздь, лучший»;

3) вариант *-дей* присоединяется к основе с конечным звонким согласным и слогом на гласные *э* и *и*: *сендей* «как ты», *бээдей* «подобно кабыле»;

4) вариант *-тей* присоединяется к основе с конечным глухим согласным и слогом на гласные *е* и *и*: *иттей* «как собака», *чептей* «подобно крепости, как крепость»;

5) вариант *-дөй* присоединяется к основе с конечным звонким согласным и слогом на гласные *ө* и *ү*: *көөдөй* «как сажа», *үйдөй* «как дом, вроде дома»;

6) вариант *-төй* присоединяется к основе с конечным глухим согласным и слогом на гласные *ө* и *ү*: *чөптөй* «как трава», *көктөй* «подобно небу», *көбүктөй* «подобно пене»;

7) вариант *-дой* присоединяется к основе с конечным звонким согласным и слогом на гласный *о*: *койдой* «как баран», *ороодой* «как яма»;

8) вариант *-той* присоединяется к основе с конечным глухим согласным и слогом на гласный *о*: *октой* «стрелой, как стрела», *оттой* «как огонь, подобно огню».

Эти примеры мы приводим для демонстрации продуктивности аффикса сравнения в языке, зависимости его варьирования от типичных условий и качества гласных и согласных звуков в конечной части основы. Считаем, что в кыргызском языке имеется особый падеж, который ученые называют сравнительным.

На основе вышеизложенного можно сделать некоторые выводы:

1. В восточных диалектах ностратического праязыка, вероятно, существовал пракорень **deng* «равный».

2. Этот пракорень в процессе своего развития трансформировался и получил различные рефлексы: *дең/дәң/тең/тиң/тың/тәңг/тәң/тоң/дүң/туң/тан/денк/тек/тиг/тег/дек/төөй/төй // dēng/tóng/tòng/dài // diг/dыг/дуй/дый/тый/теки/тики/дей/тей/дай/тай/дой/дөй*.

3. Первичное адъективное значение, функционально модифицируясь и расширяясь, приобрело субстантивное, адвербиальное, процессуальное, аффиксальное и комбинированное значения: 1) «равный», «идентичный», «одинаковый» ...; 2) «ровня», «ничья», «сорт, разряд, класс; «повязка» ...; 3) «наравне, вровень», «ровно», «в равной степени», «в какой степени? равномерно» ...; 4) «быть равным, одинаковым», «равняться», «взвешивать (на весах)» ...; 5) «равно-, из(о)-, экви-» в первой части русских эквивалентов.

4. В кыргызском языке имеется сравнительный падеж. Мнение кыргызских грамматистов по поводу именных словоформ с сравнительным аффиксом, относящих их к именам прилагательным, не имеет необходимого основания, поскольку они встречаются не только в адъективных, но и в адвербиальных позициях и присоединяются даже к антропонимам.

5. Некоторые рефлексy реконструируемого корня, по-видимому, встречаются в славянских и уральских языках.

3.4. Пракорень **kop/*pok* «много, собирать» и его трансформы в ностратических языках

Трудно представить древнейшее состояние языка. Его носителями были первобытно-общинные люди. Их мышление, образ жизни и поведение были примитивны. Им неведомо были правила и нормы жизни. Даже названий одежды и пищи у них почти не было. Словарный состав был скуден, ограничен и, вероятно, состоял из 200-300 «слов» междометного типа. Предполагаем, что в этот период появляется смутное представление в сознании членов общин о некотором множестве предметов, людей и животных, начинающем закрепляться за символом **kop* с примерным значением «вместе/совместно». Параллельно с развитием сознания,

потребностей общения и речевых навыков людей, этот символ начинает подвергаться различным видоизменениям – фонетическим и смысловым, получая постепенно многообразные трансформы и модификации, конкретизируя и разбивая первичное значение «вместе/совместно» на многочисленные детали, элементы и оттенки. Этот процесс, конечно, мог занять сотни тысяч лет, если не сказать миллионы лет.

Разветвление пракорня-междометия **kor* шло, по-видимому, по двум направлениям:

1) фонетическое трансформирование: *kon/ken/куп/кан... kob/кеб/куб/каб... gon/gen/гун/ган... хон/хен/хун/хан... хо/хе/хей/хао/хоо...* и т.д.;

2) метатезирование (**kon/нок*) и трансформирование производного варианта: *нок/нек/пук/пак... ног/нег/пуг/пак... бог/бег/буг/баг... вок/век/вук/вук... бох/бех/бух/бах... боо/бээ/буу/баа/бао...* и т.д.

Семантика корня развивалась и обогащалась, вероятно, по пути переноса первичного знака на новые денотаты, процессы и явления: *«вместе/совместно» > а) «община, группа, род, племя ...»; б) «несколько, много, множество, масса ...»; в) «собирать, собираться, накапливать, закапывать, прятать ...»; г) «прочный, крепкий, единый, коллективный ...»; д) «связывать, обвязывать, обвертывать, покрывать ...»; е) «мешок, ящик, склад, дом, комната ...»; ж) «кожа, кора, одежда, обувь ...» и т.д. Не следует думать, что в древнейшем языке были подобные слова. Современные слова – продукт высокоразвитого мышления, результат детального и многопланового номинирования мира, стандартизации по частям речи, стилям и ассоциациям и т.д. Мы здесь указываем на возможные пути и направления развития семантики пракорня в когнитивно-языковой картине древнего человека с позиций современного интеллекта, языка и высокоразвитых ментально-речевых навыков людей.

3.4.1. Рефлексы пракорня **kor*- «вместе» в Евразийском лингвоэтнокультурном пространстве. Предметом исследования являются современные рефлексы ностратического пракорня **kor*- «вместе» в

некоторых языковых семьях Евразии. Мы ставим своей целью установить этимологическую общность целого ряда слов алтайских языков как трансформ данного архетипа на фоне отдельных примеров из других языковых групп, возводимых к ностратической прасемье языков.

Рефлексы восстанавливаемого архетипа представлены в корневых морфемах сравниваемых языков в виде *кoп-/кaп-/кyп-/кoб-/кaб-/кyб-/кoй-/кaй-/кyй-/кoм-/кaм-/кyм-/кoн-/кaн-/кyн-* ... со значениями «вместе, совместно, много, собирать/ собиратьсья/собрание/сбор и т.д., объединять/объединяться/объединение, увеличивать/увеличиваться/увеличение; раздувать/раздуваться, раздутый, пухлый; опухоль; группа, община, коллектив; мешок, футляр, ножны; много, множество, масса, совокупность ... ».

Формально-семантические модификации рассматриваемого корня широко встречаются в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейском и японском языках и имеют аналоги в других языковых семьях [Дьяконов, 2017: 263].

В параграфе рассматриваются номинанты значений множественности, укрупненности и совместности предметов в алтайских языках.

В тюркских языках, например, имеется несколько корней, которые легко возводятся к архетипу **kop*.

1. Слово *көп* (алт., балк., каз., караим., каракалп., кырг., койб., коман., кум., ног., салар., сарыг-югур., турк., тур. диал., узб. диал, уйг., хак., шор.), *көф* (тур. диал.), *кeп* (караим. диал., сарыг-югур.), *кyп* (баш., тат.), *кoп* (кум. диал., салар., узб. диал., уйг. диал.), *гyп* (тур. диал.) и др. со значениями: а) «много» (во всех языках), «множество» (алт., каз., кырг., узб., хак.); «масса (народная)» (каз., каракалп., кырг.), «многочисленный» (ног., узб.), «обильный» (караим., кум.); б) «часто, нередко» (кырг., кум., ног., турк., узб.), «далеко, долго» (кырг.), «очень» (караим., кырг., кум., турк., узб.) [ЭСТЯ, 1997: 107].

Слово *көп* служит производящей основой для дериватов типа: кырг. *көптө-* «делаться многочисленным, увеличиваться количественно;

действовать скопом/массой», *көбөй*- «увеличиться количественно», *көпчүл* «сторонник жизни коллективом (антипод эгоиста и индивидуалиста)», *көптүк* «множество, множественность; множественный» и т.д. [Юдахин, I: 426-427]. Тувинское *көвей/көй* «много» соотносится с общетюркской основой *көбөй-/көбөй-/көвей-* «увеличиваться количественно, становится многочисленным» и, вероятно, со временем лишилось процессуальной семантики, сохранив только квантитативное значение. Так объясняется и образование якутского слова *көй* «много, в изобилии» при допустимости чередования *-п/-й* в конечной части корня в тюркских языках.

2. С квантитативным словом *көп* «много» этимологически связан глагольный корень *көп-* «увеличиваться в объеме», встречающийся в виде целого ряда рефлексов: *көп-* (аз., алт., балк., кырг., ног., тел., тур. диал., уйг., хак., шор., як.), *көб-* (тат.), *көп-* (узб. диал.), *көп-* (каракалп.), *көп-* (баш., тат., чув.), *көб-* (тат. диал.), *гөп-* (кум., тур. диал.) [ЭСТЯ, 1997: 109] со значениями: а) «раздуваться» (каракалп., кырг., кум., ног., узб. диал., чув.), «вздуваться, надуваться» (аз., каракалп., кырг., кум., тур. диал., уйг., хак., як.), «вспучиваться» (аз., кум., уйг., як.), «увеличиваться (в объеме), вздыматься грудой» (кум., тур. диал., узб. диал.); б) «распухнуть» (баш., кум., ног., тат., чув.), «вспухать» (бал., тур. диал.), «пухнуть (о животе)» (каракалп., тур. диал., узб. диал.); в) «болеть от переедания» (тур. диал.), «отекасть» (хак.), «подниматься (о тесте)» (кум., тат. диал.), «бродить, закисать» (кум.), «пениться, киснуть» (шор.); г) «важничать, бахвалиться, зазнаваться, чваниться» (кырг., кум.); д) «опухоль, легкая припухлость» (тур. диал.), «пухлость, вздутость живота» (аз.), «болезнь, проявляющаяся во вздутии (живота) у животных, наевшихся ядовитой травой» (тур. диал.), «пухлый, вздутый», «пена» (аз.) и др. Последняя группа значений корня лишена процессуальности и представлена в субстантивных и адъективных семах слов *көп* (аз., тур. диал.) и *көп* (тур. диал.). С приведенными выше номинантами вздутия, по-видимому, связана название гриба: тур. диал. *гөбелек* «опухший, вздувшийся», *көбелек/гүбелек/гөбелек/гөвелек/гөвөлөк/ гөмелек/говелейх/*

көбелейх «гриб». Ср. также чув. *кампа* «гриб», баш., тат. *гүмбэ* «гриб», которые сравниваются со славянскими примерами: рус. *губа* «губка, гриб», укр. *губа* «губка на дереве», чеш. *houba* «губка, губа», а также с литов. *gumbass* «шишка, жевак, нарост», *gumulas, gumuras* «ком», др.-исл. *kumpr* «шишка», ср.-перс. *gumbad* «выпуклость» и др.:[ЭСТЯ, 1997: 101; Фасмер, I: 468].

3. Значение «пена» в ряде языков передается производными словами: кырг. *көбүк*, тув. *көвүк*, тоф. *көпүк*, сарыг-югур. *кевык/кивек* «пена»(например, во рту самца-верблюда) и т.д. (ср.кор. *көпхум* «пена» [РКС: 518]), значение «рыхлый, пушистый» - словами *көбык* (каз.), например, *көбык кар* «только что выпавший пушистый снег», *көбүк* (як.) «рыхлый снег». В тюркских языках мы встречаем и другие производные: каракалп. *көпиш-*, тат. *күпчи-*, чув. *күпче-*, узб. *көпчи-* «опухать, распухать, раздуваться»; кырг. диал. *көптүргү* «закваска», башк.диал., тат. диал. *күпиртмә* «большая лепешка из кислого теста; блины из пшеничной муки», тур.диал. *көпме* «вид сладости из теста, который жарят в масле на сковородке», башк.диал. *күпмәк* «оладьи» и др. [ЭСТЯ, 1997: 110].

Субстантивно-адъективная семантика характерна и другим рефлексам рассматриваемого корня: кырг. *күп* «первый пух на теле птенца», хак. *күп* «пышный, пушистый, рыхлый, пористый»; як. *көп* «пышный, пушистый», тур. диал. *күпен* «подушка, покрывало люльки, небольшой ватный тюфяк в колыбели; попона верблюда; ковер с длинным ворсом», хак. *көбең* «пышная постель», караим.диал. *көбен* «мягкая пуховая подушка», кырг. *көпмө* «вздутый, вспученный», *көпчүк* «подстилка на седло (заменяющая подушку)», *көпиөк* «рыхлый, дряблый», тат. диал. *күпмә* «матрац», баш. *күпмә* «перина», леб., саг. *көбөн* «перина», алт. *көбөң*, тув. *хөвөң* «вата, хлопок» и др. [ЭСТЯ, 1997: 108-109]. Таким образом, архетип *кор «много, собирать/собираться, увеличивать/увеличиваться» в тюркских языках сохранился в трансформах *көп/көф/күп/гүп/көп/көп/көй/көв/көв/кив/көб/гөп/гөб*, приобретая также значения «увеличивать/увеличиваться (в объеме),

раздуваться, пениться; опухоль, пена; пухлый, рыхлый, вздутый; гриб, губка, вата, подушка».

Эти примеры находят соответствия в монгольских и тунгусо-маньчжурских и якутском языках. Ср. 1) монг. *хөвөн/хөвө* «вата, хлопок», *хөбө*- «плавать на поверхности, всплывать, подниматься на поверхность»; 2) эвенк. *кэпэн*- «всплыть, подняться на поверхность», эвен. *кэмут(ч)*-/*кэвумэт(ч)*-/*кэвкумэт(ч)*- «плавать, держаться на воде; бежать по глубокому снегу»; нег. *копон-/кэпэн*- «всплыть», уд. *копчол*- «плавать на поверхности», орок. *купту*- «плавал на поверхности», нан. *кэптэ* «плавающая, держась на поверхности»; 3) п.-монг. *көб*-, *көббү*- «всплывать, плавать», монг. *хөбө*- «плавать, дрейфовать», бур. *хөөрэ*- «плавать, всплывать»; 4) як. *көп*- «всплывать, плавать на поверхности; пучить, надуваться»; *көгө*- «отекает, всплывать, вздуваться»; [ЭСТЯ, 1997: 110; ССТМЯ, II: 452]. Увеличение предмета в объеме передается с помощью глагольного корня *кэп-/күп*- в тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *кэпэ*- «распухнуть, покрыться пузырьками (о), вздуться (о реке)», *кэпэн* «опухоль», *кэпэчээ* «распухший, вздувшийся; пузырь (рыбий)»; нег. *күпэ*- «вздуться, раздуться (о ногах, руках)», *күпули* «выпуклый; круглый, гладкий (о чурке)», нан. *күпул-күпул* «(изобр.) выпукло, шарообразно» [ССТМЯ, II: 452].

В корейском языке тоже обнаружены рефлексы пракорня **kor* в виде *кён-/хва*- сходящими значениями: *кёнхум* «пена», *кёнхуми* «пениться», *хвами* «пышность, роскошь», *хвамихан* «пышный, роскошный», *каңхва-синхида* «увеличивать, усиливать» [РКС: 518, 657, 847; Рамстедт, 1951: 8].

В тунгусо-маньчжурских языках значения «собирать/собираться» репрезентируются и другими рефлексами пракорня **kor*, а именно: *кам-/ким-/хэм*-: эвенк. *каму-/камуй*- «собирать (в одно место), складывать, убирать», *камулла/камулда/камурла* «пена, сливки», *ким-/кам-/киман*- «собираться, готовиться, снаряжаться (в путь)», *кимон/кимън* «сборы, подготовка, снаряжение», негид. *камуй*- «собирать (в одно место)», орок. *камзи*- «объединяться», *камур*- «вместе», уд. *камул* «вместе», ульч. *камур/камури*

«вместе», *хэм/хэми* «все», орок. *камуи-* «обхватить, взять в охапку», *камур/камури* «вместе», *камур-* «объединяться», нан. *камор/камур* «вместе», *камори-* «смешать», *хэм* «весь, все, совсем», *хэмту* «все (без исключения)», маньч. *камчи-* «присоединяться, присовокупляться, причисляться; складываться; женить», *камчима* «вместе, совокупно» [ССТМЯ, II: 394].

Эти слова как по звуковому облику, так и по значению очень напоминают: 1) монгольские слова: письм.-монг. *хамса-/хамсу-/хамту-* «объединяться, соединяться», *хамту* «вместе, сообща, совместно, совокупно», *хамтул-/хамтула-/хамтура-* «объединять, соединять», *хамура-* «охватывать, вовлекать, включать»; монг. *хама-* «собирать; сгребать, загребать; захватывать все», *хамаг* «весь, все», *хамагда-* «сгребаться, загребаться, захватываться», *хамжаа* «компания, товарищество», *хамт* «вместе, совместно, сообща, воедино», *хамжа-* «присоединяться, объединяться»; 2) тюркские слова: др.-тюрк. *камаг-/камыг-/каму-/камуг-* «весь, все, целый», узб. *хамма* «все», *хам* «тоже, и» (ср. кырг. диал. *эм* «тоже, и» в результате афрезы), як. *хам* «тесно, сжато, плотно, крепко», *хамый-/хомуи-* «собирать, убирать, подбирать; складывать вместе; сгонять в одно место», *хамыях* «ложка (большая деревянная), поварешка, черпак; ковш (для снятия пены, сливок)», *хамыыр/хомуура* «сбор» и т.д. [ССТМЯ, II: 371, 397].

Коллективные и объединенные усилия людей и в тюркских языках передаются корневой морфемой, реализуемой в вариантах *көм-/ком-/кум-/кем-*: *көмек* (кум., ног., тур., турк.), *көмәк* (аз., узб. диал., уйг., халадж.), *көмөк* (кырг.), *күмек*, *көмейх* (тур. диал.), *күмәк* (баш., тат., тоб., чаг.), *күмек* (кум. диал.), *кемәк* (халадж.), *көмө* (як.) в значениях: а) «помощь» (кырг., кум., ног., турк., тур., узб., уйг., халадж., як.), «подмога» (кум., турк., узб.), «содействие» (ног., турк.), «поддержка» (аз., кум., турк.), «подкрепление» (аз., кум., узб.), «пособие» (аз.); б) «много» (баш., тат.), «много людей» (др.-тюрк., тат. диал.), «куча, толпа людей, скопище» (тоб., чаг.); в) «коллективный» (баш., тат.), «вспомогательное войско» (тур.) и т.д. [ЭСТЯ,

1997: 98]. Иначе говоря, мы имеем дело со случаем, когда современные слова, имеющие общее происхождение, сохранили древнее значение «собирать/собираться» в легко обозримых общих семах множественности и объединенности.

Звуковые варианты и семантические модификации исследуемого корня мы находим и в корейском языке в виде *хам/хан/хён/хаб*: *хамкке* «вместе», *кёнхан-хада*, *хантон-хада* «соединяться, объединяться», *кёрхан-сикхида*, *кёрхан-хада*, *хантоңыро хада* «объединять, соединить в одно целое», *ёнхан* «комбинация, слияние», *кёрхан* «сочетание, соединение, объединение, комбинация», *ёнхан-сикхида* «комбинировать», *кёрхан*, *чохан*, *ёнхан* «объединение, союз», *хантоңы*, *хёнтоңы*, *ёнхабы* «объединенный», *ёнханкук* «объединенные нации» [РКС: 73, 209, 457, 507, 763, 765], где номинанты объединенных, совместных действий встречаются в начальной, серединной и конечной позициях в составе сложных слов.

Собранные вещи должны располагаться вместе, занимая определенный участок пространства, находиться в одном помещении, в одной посуде, иметь одну форму, оболочку. Поэтому считаем, что первичное значение «много/собирать/собираться» могло приобрести самые различные производные, переносные значения: «мешок, сумка, пакет, коробка, ящик, тара, сосуд, чехол, оболочка, форма, футляр, связка, охалка, ножны, крышка, дверь, ворота, дом, двор...». Приведем примеры из тюркских языков: алт., балк., бар., баш., гаг., каз., караим., каракалп., кырг., кум., лоб., ног., тат., тур., узб. диал., уйг.диал. *қан*, турк., уйг. диал. *қаан*, тур. диал. *қаб*, чув. *кан*, як. *хаа* и др., являющиеся рефлексамии архетипа *кор со значениями: 1) «мешок» (алт., бар., каз., каракалп., караим., кырг., кум., лоб., ног., тат., тур., узб., уйг., як.), «сумка» (уйг.диал.), «сумка кожаная» (алт.), «сума, сумка, кошелек» (тув., хак.), «пакет» (баш., чув. диал.), «куль» (тат.), «кулек» (баш. диал.), «коробка» (баш., тат.), «тара» (гаг., тур., турк.); 2) «посуда, сосуд» (аз., гаг., крым-тат., тур., турк.), «посудина» (як.); 3) «футляр» (аз., каз., каракалп., кырг., тат., тув., тур., турк., уйг. диал., як.), «чехол» (алт., бал.,

баш., тув., тур., тат., як.), «ножны» (алт., каракалп., кырг., леб., тел.), «кобура» (каракалп., тат.), «покрышка» (гаг., тур.), «оболочка» (кырг.), «обложка» (гаг., тур.), «переплет» (каракалп.), «корка» (караим. диал.); 4) «стручок» (алт., баш. диал., леб., тел.) [ЭСТЯ, 1997: 266-267]. Только в якутском языке употреблена форма без конечного согласного *хаа* «мешок, сума, футляр, чехол, коробка; посудина» [ЭСТЯ, 1997: 266].

Приведенные примеры мы сравниваем с кор. *хам* «футляр» [РКС: 892], *кап* «футляр, покрышка» [ЭСТЯ, 1997: 267], *кабаң* «(школьная) сумка», *кааба/кхаба* «чехол», *кымэк* «(денежная) сумма» [РКС: 346, 800, 911], *коп-чиль* «кора, кожа, скорлупа» [РКС: 295], *камани* «(соломенный) мешок» [РКС: 346]. Корейское *коп-* в слове *коп-чиль* «кора, кожа, скорлупа» имеет соответствия в других алтайских языках: др.-яп. *кара* «кора, кожа», совр. яп. *kawa* «кора, кожа» [Старостин, 1991: 92; ЭСТЯ, 1997: 267], письм.-монг. *кау-дасун* «кора», калм. *хуу-дасн* «кора (деревьев)», монгол. *хуу-лууд*, хал.-монг. *хуу-л-* «обдирать, снимать кожу» [Старостин, 1991: 17, 38-39], которые сравниваются с тюркскими словами: чаг. *қапуқ*, турк. *қаавық*, тур. *кавик*, аз. *қавиқ*, чув. *ховй* «кора, скорлупа», баш. *қавақ* «оболочка, шелуха», др.-уйг. *қавық/қавуқ* «отруби», уйг. *қовзақ* «кора». С.А. Старостин для всех этих примеров реконструирует глагольный пракорень **kār-* «покрывать», возводя их к этой основе [Старостин, 1991: 15, 38-39, 92].

В тюркских языках распространен уменьшительный аффикс *-чык/-чик/-чүк/-чых/-жык/-жик*, который легко присоединяется к вышеназванной основе: *қапчық* (кырг., тат, тел., тур.диал., чаг.), *қапшық* (каз., ног.), *қапсық* (баш.), *хапчых* (хак.), *қапжық* (тур.) и т.д. в значении «мешочек, кошелек». Этот аффикс по форме и значению очень напоминает общеславянский субъектный и уменьшительный суффикс *-чик/-щик*.

Пракорень **kor* с модифицированными значениями («мешок, сумка, футляр...») представлен и в тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *каптүк* «мешочек, сумочка», *хантурга* «футляр (для курильной трубки)», сол. *хантуга/каптурга/хабтерге/хаттурга/ хартурга* «кисет», нег.

каптух/каптурга «мешочек, сумочка», ороц. *каптира/каптираку/каптирау/каптура* «сумочка (охотничья, из лосиной или рыбьей кожи)», *капту* «мешочек, сумочка; трутница», маньч. *хаптаха* «набрюшник (мужской); патронташ», а также в монгольских языках: письм.-монг. *хабтаган* «мешок, кошелек, кисет», *хаптагала-* «класть в мешок/кошелек/кисет», монг. *хавтга* «мешок, кошелек, кисет», *хавтгала-* «класть в мешок/в кошелек/в кисет» [ССТМЯ, II: 377].

В тунгусо-маньчжурских и монгольских языках есть звуковые варианты корня с губными гласными [o] и [y] в середине: 1) эвенк. *кобду* «колчан», нег. *коптин* «футляр; крышка; наволочка; кожа, скорлупа, корка, шелуха; веко», ульч. *копту/коптун* «футляр, чехол; ножны»; *коптула-* «вложить в футляр/в ножны; надеть чехол»; орок. *купту/куптун* «футляр, ножны», нан. *копто/коптон* «футляр, чехол, ножны»; маньч. *кобдоло-* «класть в ящик; замечать, запоминать», *кобдон* «ящик (для хранения стрел и другого оружия)»; 2) письм.-монг. *хобду* «ящик, сундук», *хобдула-* «класть в ящик/в сундук», монг. *ховд* «ящик, сундук, футляр», бур. *хобто* «ящик, сундук», *хобтол-* «класть в ящик/в сундук» [ССТМЯ, II: 402].

Следует отметить, что аналогичные слова мы находим и в дагестанских языках: ав., анд. *хъап*, лак. *къап*, рут. *хваб* «мешок»; цах. *къов* «бочка»; крыз. *къов*, анд. *гъубур*, рут. *къай*, лак. *хъуй* «ножны» и т.д. [Хайдаков: 83, 86, 94]. Ср. также 1) в и.-е. языках: латин. *сориа* «множество», *соруларе* «соединять», рус. *куб* «большой чан», *кубача* «сноп, связка соломы», *кобеняк* «капюшон, шапка, мешок», латыш. *катыс* «клубок»; 2) в ур. языках: фин. *киро* «сноп, связка», кар. *киво* «сноп, связка», *киваксен* «конусообразная, полуоткрытая палатка; чум» [Фасмер, II: 220, 260, 396, 397] и др.

Как субстантивные («ножны, футляр, мешок ...»), так и глагольные («вложить, закрыть, класть ...») значения пракорня *кор, на наш взгляд, сближаются со значениями «шапка, обувь, одежда, облик, форма, объем» и при наличии общих с ними номинантов могут быть рассмотрены как этимологически идентичные корневые единицы. С этой точки зрения

заслуживают внимания некоторые факты тюркских языков: алт., каракалп., кырг., кум., леб, лоб., ног., сарыг-юг., шор. *кеп*, тув., тоф. *хеп*, чув. *кап*, хак. *кип*, як. *киеп*, турк. *гәеп* со значениями: 1) «форма» (алт., кырг., кум., ног., сарыг-юг., тув., тоф.), «образец» (як.), «болванка» (кум.), «колодка» (кум., ног., хак.); 2) «объем, величина» (чув.); 3) «протяжение, объем» (як.); 4) «способ, манера» (сарыг-юг.); 5) «одежда» (алт., кырг., тув., хак.), «маска, лицо» (алт., кырг.), «платье, наряд» (саг.), «футлярчик для кос» (лоб.); 6) «фигура» (чув.), «внешний вид» (ног., сарыг-юг., тоф., чув., як.), «образ, обличие» (як.) [ЭСТЯ, 1997: 44-45]. Ср. также: тур. *кепенек/кепинек/кеппенк/кепенек*, турк. *кебенек*, тув. *хевенек*, кырг. *кеменек* и т.д. «дождевой плащ без рукавов, изготовленный из шерсти, войлока, который надевают погонщики верблюдов, пастухи, крестьяне», «вид одежды из войлока, кафтан» (кырг. сев.) и т.д. [ЭСТЯ, 1997: 48-49], як. *киапта* «придавать форму, вид; натягивать, растягивать (лук), распяливать (шкуру), наполнять (мешок)» [ССТМЯ, II: 388], кырг. *кейн/кейин* «форма, натура; настроение; кайф, опьянение». Слово *кеп* «одежда» в кыргызском и алтайском языках напоминает слова дагестанских языков как по форме, так и по значению: арч. *кЮб* «одежда», гунз. *лаба*, гин. *кЮбой* «рубашка, платье», рут. *кЪабачи* «бурка», ав. *хЪабарча*, анд. *хЪана*, *хЪанача*, лак. *хЪавачу*, рут. *кЪабачай*, арч. *кЪаначи*, таб. *кЪабачей*, лез., рут., крыз. *кавал*, беж. *кЪай*, *кЪай* «тулуп, шуба» и др. [Хайдаков: 90, 93].

Общетюркское *кеп* «форма, одежда...», возводимое к архетипу **кор*, имеет прямые соответствия в других алтайских языках и, прежде всего, в тунгусо-маньчжурских:

1) эвенк. *кумма* «одежда (летняя)», эвен. *куммээс* «шапка», эвенк. *кумңа* «дупло, отверстие; ямка, впадина; нора, берлога; сердцевина, проход (о колоде); ружье»; эвенк. *куму-* «набросить на себя одежду», *кэмэлээ-/гъмэлээ-* «покрыться чем-либо, накинуть, надеть на себя что-либо», эвен. *кумну-/кумий-/кумдэ-* «окутать, закутать; окутаться, закутаться», нег. *кумул-* «запахнуться, застегнуться», ульч. *кумул-кумул* «(изобр.) с головой

(укрыться); кругом (окутать)», орок. *күмэлэ*- «набросить на себя (одежду), надеть внакидку», нан. *күмүмогу-күмалигу*- «закутаться, укрыться» [ССТМЯ, II: 430];

2) эвенк. *кээп* «выкройка, трафарет; форма; телосложение; плотно, вплотную»; *кээптэ-/кээпта*- «наложить выкройку, трафарет; натянуть на форму»; нег. *кээпи* «близко, вплотную»; нан. *киап* то же [ССТМЯ, II: 388].

Тюркские и тунгусо-маньчжурские слова сравниваются с монгольскими: письм.-монг. *кеб* «форма, образец, модель», монг. *хэв* «форма, образец», бур. *хэб* «форма, образец, модель» и т.д. [ССТМЯ, II: 388]. Эти примеры позволяют нам возразить общепринятому мнению о том, что кыргызское слово *кепин* «саван» имеет арабское происхождение [Юдахин, I: 375]. Мы считаем его производным от ностратического пракорня *kor.

Общетюркские названия двери и крышки имеют соответствия в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Ср. например: аз., каз. диал., каракалп., крым.-тат., ног., узб. диал., уйг. *қаны*, турк. диал. *қафы*, тур. диал. *ганы/гани/қабы/қабу*, гаг., караим. диал., кум. *қану*, др.-тюрк. *қаныг*, чаг. *қануг/қануқ*, лоб. *қабуқ*, уйг. диал. *қабық/қабуг/қобуг/қобуқ/қовуқ/қооқ*, бар., баш., кырг., тат., узб. диал. *қанқа*, чув. *ханха*, каз., каракалп. *қақпа* (метатеза) со значениями: «дверь» во всех языках, «калитка» (турк.), «ворота» (аз., караим. диал., кум., ног., уйг. диал.), «приемная комната, приемные покои, зала для приема; дворец, дворец султана» (др.-тюрк.), «присутственное место, место службы» (тур.), «тюрьма» (тур. диал.), «балкон для навеса» (аз. диал.), «улица» (тур. диал.), «ворота» (бар., баш., каз., каракалп., кырг., узб. диал., чув.), «городские ворота» (кырг.), «крепостные ворота» (др.-тюрк.), «хозяйство, дом» (тат. диал. и т.д.), которые сравниваются с письм.-монг. *кабка*, калм. *хавха* «ворота, дверь» [ЭСТЯ, 1997: 274-275].

Со значением «дверь» сближаются глагольные («закрывать, покрывать, скрывать, укрыть...») и субстантивные («крышка, покрывало, крыша...») значения, которые имеют соответствующие репрезентативы в тунгусо-маньчжурских языках:

1) эвенк. *купту*- «покрыть, накрыть», *куптун*- «укрыться (с головой)», *куну* «крышка; шкура (летняя)», эвен. *купту* «шапка (женская венчальная), венец», *копту*-/*купту*- «венчать»; нег. *коптин* «покрышка; наволочка; футляр; веко; шкура, скорлупа, шелуха», *куптин*- «укрыться (с головой)», орок. *купту*-, *куптула*- «накрыть (кастрюлю крышкой)», нан. *коптоо* «футляр, чехол», ульч., нан. *куп*, *куп-куп* «(изобр.) плотно закрыв, опрокинув» [ССТМЯ, II: 434];

2) нег. *комтахан* «коробка (берестяная, для хранения мелких предметов)», *комтам*- «крыть, накрыть (крышкой)», *комтан* «крышка»; ороц. *кумта* «крышка», *кумта*- «закрыть, накрыть (что-либо целиком)», ульч. *коомта(н-)/кумта(н-)* «крышка», *кумтала*- «закрыть крышкой»; *кумтэ* «веко, холм, возвышение», орок. *кунта(н-)/кумтан*- «крышка», *куптала*- «закрыть (крышкой)»; нан. *комтаа* «крышка», *кумтээ/кумтэ* «крышка, панцирь (черепахи); раковина (улитки)» и т.д.; ороц. *коммон* «ножны», уд. *комиги* «ножны», орок. *колмой* «ножны», маньч. *хомхоло*- «надевать калпак на что-либо; класть в футляр; вкладывать в ножны (меч)», *хомкон* «колпак, футляр, ножны» [ССТМЯ, II: 409]. Значение охваченности содержится в словах: эвенк. *күмлээ/күблээ/кувлээ/куглээ/күмнээ/ күңлээ* «охапка (чего-либо)», *күмнээ-/кублээ-/кувлээ* «обхватить, обнять», сол. *хумэлиш*- «обнять», эвен. *кэмнут*- «обнимать, держать в объятиях», *кэмнэ-/кэмни-/комно-/кумна*- «обнять, заключить в объятия, обхватить руками», *көмнэн* «обнимание, объятия; охапка», нег. *комноо*- «обнимать», орок. *комма*- «целовать, ласкать, жалеть» [ССТМЯ, II: 430-431]. В данном контексте могут быть сближены этимологически нег. устар. *комо* «родня» [ССТМЯ, II: 409] и кырг. *коом* «общество, социум, коллектив» и возведены к архетипическому корню *кор.

Приведенные выше тюркские и тунгусо-маньчжурские слова этимологически, вероятно, связаны с дагестанскими: 1) «крыша» - гин., цез., хвар. *кьЛу*, гунз. *кьЛаме* («крыша земляная»), беж. *кьЛамо*, беж. *кьавари* («накат крыши»), цез., рут. *кьав*, агул. *гьу*, тат. *гьваъ, гьвард*, лез. *гьвар* и др. [Хайдаков: 79]; 2) «хижина» - цах., агул., тат. *кума*, гин. *кьай* [Хайдаков: 82].

Ностратический пракорень **kor*, дошедший до нас в самых различных фонетических вариантах и семантических модификациях, служит прототипом ряда современных корневых морфем китайского языка.

3.4.2. Трансформы пракорня **kor* «вместе» в ханью. Известно, что в древнекитайском языке было много слов с конечными согласными *-n*, *-m*, *-s*, *-p* и т.д. Потом под влиянием закона открытого слога конечные согласные (за исключением звуков *-n* и *-ŋ*) выпали из состава слов, а соответствующие слова приняли облик открытого слога [Яхонтов, 1965: 28-29; Введ.: 421-522; Зулпукаров, Амиралиев, 2016 б: 55-56; Зулпукаров, Амиралиев, 2018 в: 48-53].

Приведем некоторые примеры, подтверждающие вывод о том, что тюркские языки сохранили древнейший фонетический облик слов с конечным *-n* в отличие от китайского языка, в котором они лишились соответствующего конечного согласного звука: кырг. *шап* «рука, ладонь, пальцы» - кит. *shǒu* «рука, кисть руки, ладонь, рука помощи, подмога», кырг. *шып* «быстро, моментально, мгновенно, немедленно» - кит. *shù* «быстрый/быстро, поспешный/поспешно, мгновенный/мгновенно»; кырг. *кооп* «сомнение, опасение, беспокойство, тревога» - кит. *huo* «сомнение/сомневаться, подозрение/подозревать, тревога/тревожиться», кырг. *топ* «группа, табун, стая, коллектив, много, множество, число, количество, совокупность» - кит. *tāo* «собрать/собраться/собранный, накопить/накопиться/накопленный»; *tào* «комплект, набор, комплектный»; *tuá* «отряд, дружина, группа, кружок, бригада, организация, масса» [Введ.: 459-465]. Данное правило может быть использовано для объяснения звуковых расхождений в китайско-тюркских названиях множественности и собирательности. В китайском языке пракорень **kor* представлен трансформами: *гу/ку/га/ке/куа/коу/гай/гао/куей/ кун/гунн/куаң* [БКРРКС: 207-210, 277, 279, 287; КРС: 308, 315, 316, 387, 508, 518-519], которые мы сравниваем с отдельными фактами алтайских, индоевропейских и других языковых семей:

1) *gōi* «хватить/хватит, достаточно, довольно; в полной мере, обладать полностью; досыта» - тунг.-маньч.: эвенк. *кэти* «достаточно, хватит»; тюрк.: кырг. *көн* «много, множество, во множестве, достаточно, часто, долго, вдоволь, досыта» [Введ.: 468];

2) *kī* «яма, погреб, подземелье; отверстие (в земле); нора, берлога, логово; пещера, землянка; рыть, копать, прокапывать», *kū* «товарный склад, пакгауз, амбар, кладовая» – лат. *camera*, сер.-хор. *комора* «палата, камера, кладовая, чулан», рус. *гамазья* «склад, хлебный амбар», кырг. *кампа* «склад, амбар, кладовая»;

3) *gū* «купить/покупка, продать/продажа», *gū* «купец, торговец, коммерсант» - н.-луж.(слав.) *купis* «заниматься торговлей», др.-прус. *kāupiskan* «торговля», гот. *kaupōn* «промышлять торговлей»;

4) *giā* «дуть», *gū* «дутье, вздуться/вздутие, надуться; раздувать; барабан, бубен» - тюрк.: алт., кырг., ног. *көн-* «вздуться, раздуться», аз. *көн-* «вздуться, надуться, вспучиваться; пухлость, вздутость живота; пена; пухлый, вздутый»; и.-е.: ср.-перс. *gumbael* «шишка, выпуклость», др.-исл. *kumpr* «шишка»;

5) *kōi* «рот, уста, пасть; горлышко (горло) бутылки; застава, ворота; проход, устье», *kōudai* «мешок, сумка», *kōudai* «карман» - лат. *cupula/cuprula* «небольшая бочка, бокал», слав.: рус. *куб* «большой чан», рус. *кубок*, *кубышка* «пузатый сосуд с горлышком», рус., бел., укр. *ковиш*; герм.: дат., швед. *kaus* «чаша, ковш»; тюрк.: алт., кырг., кум. *қан* «мешок, чехол», уйг. *қан* «мешок, сумка»; даг.: ав. *хъан*, лак. *къан* «мешок»;

6) *gāo* «высокий, высший, рост, высоко-», *kiā* «преувеличивать, приукрашивать, утрировать, раздувать»; *kiā* «вздymаться (выситься, возвышаться) над, превосходить; быть выше; соединять, совмещать; прибавлять, присоединять; охватывать, окружать; иметь (владеть) во множестве, включать в себя; аннексировать» - лат. *cumulatio* «увеличение, скопление», рус. *кубатый* «толстый, пузатый», *кубача* «сноп, связка

соломы»; фин. *киро* «сноп, связка»; осетин. *гумир* «великан» (из «большой+мужчина», ср. параграф о пракорне *ep);

7) *ké* «скорлупа, шелуха, оболочка, раковина, гильза, футляр» - латыш. *kauss* «череп, чаша, ложка», бел., рус., укр. *ковчег*; монг. *хова* «ящик, сундук, футляр», нег. *коптин* «футляр, крышка; наволочка; кожа, скорлупа, корка, шелуха; веко», маньч. *хомхон* «колпак, футляр, ножны»;

8) *kē* «гнездо, нора, логовище, логово, берлога, конура», *kī* «яма, погреб, подземелье, нора, берлога, логово, пещера, землянка; рыть, копать, прокапывать» - рус. *кубло* «гнездо, кабанье логово», укр. *кубло* «гнездо», др.-англ. *hop* «убежище», нем. *Koben/Kobel* «хлев, клетка», эвенк *кумңа* «душло, отверстие; яма, впадина; нора, берлога»;

9) *gài* «крышка, панцирь; закрыть/закрытие, покрыть/покрытие, укрыть/укрытие; спрятать, скрыть; превосходить, строить; волокуша» - тюрк.: кырг., тат. *қапқа* «дверь», кырг. *қапқақ* «крышка», уйг. диал. *қабық/қабуғ/қобуғ/қобуқ/қовуқ* «дверь, ворота»; монг.: калм. *хавха* «дверь, ворота»; тунг.-маньч.: эвенк. *кунту-* «покрыть, закрыть», нан. *комтаа* «крышка», нег. *коптин* «покрышка, наволочка»; даг.: беж. *къІамо*, рут. *къав*, агул. *гъу* «крыша»;

10) *già* «(китайский) халат, кофта, куртка, рубашка» - монг. *хэв* «форма, образец», алт., кырг. *кеп* «форма, одежда, маска»; даг.: лак. *къавачу*, анд. *хъана, хъанача* «тулуп, шуба»;

11) *kuì* «корзина»; *kuāng* «корзина» - слав.: бел., болг., рус., укр. *ковчег*, с.-хорв. *ховчег* «ящик, ларь»;

12) *gū* «обвязать/обвязка; обруч; набить обручи на/охватить (перетянуть) обручами» - тунг.-маньч.: эвенк. *кумну-/кумдэ-* «окутать/окутаться, закутать/закутаться», *куммээс* «шапка»;

13) *kūn/gūn* «масса, толпа; всей массой, совместно, вместе», *hūn* «смешивать, быть смешанным; не различать»; кит. *kūn* «связывать, обвязывать; плести; кипа, тюк, пачка, связка, сноп, вьюк» - тюрк.: чаг. *күмэк*

«куча, толпа, скопище»; кор. *хамке* «вместе»; здесь принимается во внимание возможность чередования носовых *н/м*;

14) *gá* «тесно» - тунг.-маньч.: нег. *кээти* «близко, вплотную», нан. *киап* то же; эвенк. *кээп* «плотно, вплотную; выкройка, трафарет; форма, телосложение».

Все эти примеры дополняют и, взаимно поддерживая друг друга, образуют вместе рефлексы пракорня **kor* и свидетельствуют об лингвоэтногенетическом единстве носителей соответствующих языков.

3.4.3. Трансформы пракорня **rok* «вместе» в современных языках. Репрезентативы значений «совместность и координированность действий, прочность вещей и качеств». У древних людей, конечно, была инстинктивно установленная норма поведения, необходимая для успешной охоты, добывания и хранения пищи, нападения на соседей и получения трофея (кожных вещей, изделий, элементарной «одежды», продуктов питания, наложниц), защиты от агрессии и тому подобные. Такие обстоятельства могли послужить причиной возникновения целого ряда первичных корней и их производных со значениями: 1) «крепкий, прочный»; 2) «крепость, защита»; 3) «союз, сила»; 4) «замок, оковы»; 5) «заперто, закрыто»; 6) «очень, слишком»..., возводимых к пракорню **rok* из **kor* и встречающихся в ряде языковых семей Евразии.

Евразийский пракорень **rok* в алтайских языках принял архетип в виде **бек*.

Мы ниже проведем сравнительный анализ фактов тюркских языков, являющихся рефлексами пракорня **бек* «крепкий», с аналогичными примерами в других языковых семьях. Этот пракорень представлен следующими трансформами:

1) *бек* – алт., вост.-тюрк., каз., кар., к.калп., к.-балк., кырг., кум., лоб., тув., тур., турк., уйг., чаг.; 2) *бэк* – др.-тюрк., тат., узб. диал.; 3) *пек* – алт., гаг., др.-уйг., кар.к., кр.-тат., тел., тур., шор.; 4) *бөк* – алт.; 5) *пөк* – алт. диал., кум.; 6) *пок* – с.-юг.; 7) *бик* – баш., койб., тат.; 8) *пик* – алт. диал., хак.; 9) *нык*

– с.-юг.; 10) *бег* – др.-тюрк. (в составе производных *беглаш-*, *бегла-*, *беглат-* «оберегать, стеречь, охранять, защищать»); 11) *биг* – баш.диал.; 12) *беһей* – карагас. (с эпитезой). Эти слова использовались и используются для передачи значений:

1) адъективные: «крепкий» - алт. диал., др.-тюрк., караг.-койб., к.-балк., кырг., кум., тат. диал., тур. диал., турк., уйг. диал.; «прочный» - алт., кырг., кум., тур. диал., турк. диал., хак.; «устойчивый, стойкий» - турк.; «твердый» - алт. диал., др.-тюрк., кум., тур., турк. диал.; «жесткий, жестокий, немилосердный» - тур.; «храбрый» - тув.; «сильный» - кар., койб.-караг., уйг. диал.; «весьма сильный» - тат.; «громкий» - уйг. диал.; «упорный» - тур. диал.;

2) адвербиальные: «крепко» - др.-тюрк., х.-балк., кырг., кум., лоб., тат., хак.; «прочно» - алт., др.-тюрк., кум., тур., хак.; «твердо» - кум.; «сильно» - гаг., кар., тур.; «много» - тур. диал., уйг. диал. (*бек* «много» / *көп* «много» - метатеза); «еще более» - кум.; «вполне» - к.-балк., тат.; «очень» - алт. диал., балк., баш., гаг., каз., к.-балк., к.-калп., кар., кырг., кум., ног., тат., тур., турк. диал., уйг. диал.; «весьма» - к.-балк., кум., тур., уйг. диал.; «крайне» - баш.. кум.; «слишком» - баш., к.-балк., койб., тат.; «очень хорошо» - баш. диал.; «больше» - уйг. диал.; «быстро, скоро, громко» - тур.;

3) субстантивные: «укрепление» - алт. диал., др.-уйг., кум.; «защита, безопасность» - др.-тюрк.; «сила» - с.-юг.; «здоровье» - с.-юг.;

4) причастные: «закрытый/закрыто, запертый/заперто» - кырг., кум.;

5) предметные: «замок; запор, засов, щеколда» - к.-калп., тат.; «запор, затвор» - алт., баш., др.-уйг., тат.; «оковы» - тув.; «место заключения, тюремное заключение» - алт. диал.; «пробка» - алт., кум.; «связка» - др.-уйг. (совр. уйг. *баг* «связка»).

Как видим, в семантике рефлексов пракорня *бек преобладают адъективные начала, которые и ученые называют исходными [ЭСТЯ, 1978: 118]. Конечно, с таким мнением можно было бы согласиться, если бы у нас были точные данные о характере праязыка. В праязыке, вероятно, были

только базовые и не совсем четко выраженные семы, соответствующие элементарному мыслительно-речевому сознанию первобытного человека и представляемые нами в виде «вместе/совместно». Естественно, что в древнем языке частей речи, денотативно-коннотативных, стилевых, семантических различий слов не было. Мы же классифицируем только современные факты с точки зрения высокоразвитых языков и предположительно касаемся их древнейшего состояния. А продуктивность адъективных рефлексов не означает их первичность в диахронии.

От адъективной основы образуются производные: 1) глагольные формы: кырг. *беки*- «укреплять, укрепляться, крепнуть; закрыть, затворять; прятать; закрываться, укрываться; утверждать, санкционировать»; *бекин*- «прятаться», *бекинт*- «заставить прятаться»; *бекит*- «укреплять; прятать, запирасть; утверждать, закреплять за кем-л.»; *бекитил*- «быть спрятанным»; тур. *бекин*- «быть закрытым, укрепляться, утверждаться», уйг. *бекин*- «прятаться, укрываться», гаг. *пекит*- «укреплять, закреплять»; др.-тюрк. *бекляй*- «оберегать», *бекляйш*- «остерегаться»;

2) субстантивные, процессуально-субстантивные формы: кырг. *бекитүү* «закрепление, укрепление, прикрепление; утверждение, санкционирование, ратификация», *бекүү* «укрепление, утверждение»; *бекемдөө* «укрепление»; *бекемдик* «прочность, устойчивость»; тур. диал. *беки* «крепкий, прочный», *беки* «ключ»; тат. диал. *биккыч* «дверной запор»;

3) адъективные: кырг. *бекем/макам* (диал.) «крепкий, прочный»; *бекик* «закрытый», *бекитилүү* «укрепленный, запертый, спрятанный»; чув. *питё* «крепкий, прочный» и др.; К.К. Юдахин считает слово *бекем* арабским по происхождению [Юдахин, II: 25], хотя налицо его евразийская этимология.

Данные примеры находят этимологически идентичные соответствия в других языковых семьях.

Например, в монгольских языках имеются фонетически и семантически близкие с ними слова: 1) х.-монг. *бэх*, бур. *бэхи*, калм. *бек/бөк* «крепкий, прочный, сильный»; х.-монг. *бэктэр* «панцырь, латы» [ЭСМЯ, I: 82; ЭСТЯ,

1978: 119]; х.-монг. *баглиун* «коренастый, плотный», бур. *бахалюун* «крепыш», ордос. *багдгар* «коренастый»; даг. *букэ* «прочный, крепкий; силач, борец»; 2) бур. *буглэ-*, х.-монг. *бөглө-*, калм. *бөгл-* «закрывать, закупорить, затыкать» [ЭСМЯ, I: 69, 104]; ср. кырг. *пөк* «пробка, затвор».

В тунгусо-маньчжурских языках тоже есть слова, которые возводятся к вышеприведенному пракорню: эвенк. *бэки* «крепкий», *бэки-* «выдерживать тяжесть», негид. *бехй/бекй* «крепкий», маньч. *бэки/бэкин* «крепкий» [ЭСТЯ, 1978: 119].

Факты этих трех языковых семей служат основанием для поддержки реконструкции праформы в виде **bek* «крепкий» (М. Рясенен, Г. Рамстедт) и для непринятия прототипа в форме **näk* «крепкий» (А.М. Щербак). Реконструкция А.М. Щербака с начальным *p-* поддерживается с точки зрения ностратики и принимается нами с учетом звукового облика рефлексов протезы **kor/pok*. А сравнение их с корейским *пек* «очень, весьма; много, сильно» оправдано, поскольку эти значения выражаются словом *бек* в турецком, уйгурском и других языках (см. пункт 2 выше) [ЭСТЯ, 1978: 119].

С корнями *бек* «крепкий, прочный» и *бек-* «укреплять» этимологически связан корень *берк* «крепкий». Такое утверждение имеет веские основания.

В фонетике есть особая разновидность эпентезы, вставка звука *p* в слог, которая увеличивает объем знака за счет «неудобопроизносимого» звука и встречается в языках различных типов. Это явление мы обнаруживаем как в рамках одного языка, так и в межъязыковых соответствиях. Для демонстрации этого явления приведем факты бежитинского языка в сравнении с фактами его тлядальского диалекта и других дагестанских языков:

1) бежит. *бос* «соха», - тлядальск. *борос* «соха»; бежит. *мā* «нос» - тлядальск. *маро* «нос»; бежит. *кō* «рука» - тлядальск. *коро* «рука» и др. [Бокарев, 1959: 72];

2) бежит. *сойа* «лошадь» - цез. *сирийо* «лошадь»; хварш. *сайро* «лошадь»; в последних двух примерах мы находим метатезу *p × й*;

3) бежит. *боос* «соха» - цез. *бирус* «соха», хварш. *баруц* «соха», гунзиб. *бӑрус* «соха»;

4) гинух. *це* «имя» - гунзиб. *цару* «имя» [Бокарев, 1959: 260]. Конечно, мы точно не знаем, первичны ли простые формы относительно удлиненных образований, но можем утверждать об их исконности, о чем свидетельствует объем: в языках мира знаки меньшего объема всегда первичны относительно развернутых и сложных знаков.

Сходные факты встречаются и в других языках: 1) в кырг. языке *сат*- «продавать» - *сарт* (уст.) «торговец, купец; узбек»; *тескей/терскей* (геогр.) «несолнечная, теневая сторона; северная сторона/северный склон горы»; *кууш* «тесный, узкий; (геогр.) горная теснина» - *куруш* «скупой, жадный», *куруш*- «сжиматься, стягиваться»; *бооз* «беременная (простореч.), стельная (о корове), жеребая (о кобылице) и т.д.» - *боорсок* «печенье в виде жаренных в жире кусочков теста; круглый» (ср. *боорсок бет* «круглолицый, с круглым лицом», где *бет* «лицо», *боорсоктой* «как огурчик»); *кооз* «красивый, прекрасный, изящный» - *короз* «петух; самец куриных, куропаток (фазан, кеклик, перепел); красивый» (ср. *короз моюн* «изящная шея (красавицы), с изящной шеей (красавицы)»);

2) в инд.-евр. языках: а) иран. (перс., дари., тадж. и др.) *vag/vog* «сад»; *vāga- «доля, надел»; др.-инд. *bhagas* «достояние, счастье», авест. *vaga*- «доля, участь»; перс., дари, тадж., авр., тал. *vaxt* «доля, судьба, счастье», джав. *vaxt* «судьба; счастье, удача» и др. [Фасмер, I: 181-182; ЭСИЯ, II: 52, 53]; отсюда кырг. *бак* «сад, огород; счастье, удача, везение», *бакыт* «счастье, удача» - лат. *parricus* «загон, ограда», фр. *parc*, англ. *park*, нем. *Park*, русское *парк* и др. [Фасмер, III: 207]; б) др.-инд. *gāuis* «корова», латыш. *guovs* «крупный, рогатый скот», арм. *kw* «корова», рус. *говяда*, укр. *говеда*, чеш. *hovado*, словен. *qovedo* – рус., укр. *корова*, болг. *крава*, полаб. *korvo*, в.-луж. *kruva, krova* «корова», литов. *karve*, др.-прус. *kurwis* «вол» [Фасмер, III: 331-332]; кырг. *барк/парк* «различие, отличительная черта; ценность, значимость, достоинство; авторитет, преимущество» и т.д.; в) и.-е.яз.: др.-инд. *sthānam*

«место, место пребывания», авест., др.-перс. *stāna-* «стойка, место, стойло», нов.-перс. *sitān*, тадж. (> каз., кырг., узб. ...) *стан/устан* «страна, территория обитания», д.-в.-нем. *stan/sten* «стоять», болг. *стана* «стану, буду», чеш. *stanoiti* «стоять, находиться, быть» и др.; словен. *stan* «строение, жилище», словац., чеш. *stan* «шатер, палатка», польск. *stan* «состояние, положение; чин; штат, состав; талия», в.-луж., н.-луж. *stan* «палатка» и т.д. [Фасмер, III: 745-746] – др.-инд. *stīrnas* «разостланный», *starīman-* «расстиланье, насыпание», греч. *stornumi* «осыпаю, расстилаю», лат. *sternō* «стелить, сыпать», болг., рус. *страна, сторона*, полаб. *starna*, словац., чеш. *strana* и др. [Фасмер, III: 768].

С этой точки зрения мы можем говорить о формально-смысловом и, следовательно, этимологической идентичности общеалтайских слов *бек* и *берк* «крепкий, прочный». Выше мы провели сравнительный анализ семантических модификаций пракорня *бек, совершенно сходных со значениями другого родственного корня - *верк «крепкий, прочный».

Последнее представлено в тюркских языках в трансформах: 1) *берк* – вост.-тюрк., кырг. (по К.К. Юдахину), тур., турк., чаг.; 2) *беьк* – тоф.; 3) *бәрк* – аз.; 4) *перк* – тур. диал., с.-юг.; 5) *бәрик* – уйг. диал.; 6) *берик* – баш., каз. (в кырг. антропонимах); 7) *перик/перык* – с.-юг.; 8) *бирык* – баш. Как видим, трансформы межтюркского корня *берк встречаются в разных географических широтах, но сравнительно ограничено. Они выражают значения: 1) «крепкий» - аз., др.-тюрк., каз., тоф., тур., турк.; «укрепленный» - др.-тюрк.; «прочный» - др.-тюрк., каз., тур.; «непоколебимый» - аз.; «выносливый» - баш., каз.; 2) «твердый» - аз., др.-тюрк., тур., турк.; «плотный» - др.-тюрк., турк.; «густой (о лесе)» - др.-тюрк., «жесткий» - тур.; «сильный» - аз., баш., каз., тур. диал., с.-юг.; «мощный» - баш.; «могущественный, власть имущий» - др.-тюрк., «важный» - вост.-тюрк., «значительный» - с.-юг.; «сохраненный» - М. Кашгари; 3) «крепко» - др.-уйг., хор.-тюрк.; «быстро, скоро» - аз.; «сильно» - др.-уйг., хор.-тюрк.; «очень, почти» - хор.-тюрк.; 4) «крепость, прочность; укрепление, защита, сила» - др.-тюрк., др.-уйг.; 5) «резкий» - тур.; «неуступчивый, непреклонный, крутой,

скупой» - аз., «закрытый» - хор.-тюрк., «связывающее» - др.-уйг. [ЭСТЯ, 1978: 116-117].

Мы связываем происхождение общетюркского корня **берк* от формы **бек* в результате вставки звука *p* в корневой слог. Однако в тюркологии существуют иные взгляды на этимологию слова.

1. Имя *берик* с субстантивным, адъективным и наречными значениями этимологически связано с глаголами **бер-* «быть крепким, прочным, твердым». К этому корню возводятся татарский глагол *бэрик-* «крепнуть, утвердиться» (Л. Будагов). С тем же глаголом, вероятно, связаны караг. *берт* «быстрый, проворный, храбрый, смелый, отважный», тофал. *беърт* «добрый, хороший», чув. *парка* «крепкий, прочный, здоровый» (Э.В. Севортян) [ЭСТЯ, 1978: 119].

2. Некоторыми учеными (Г. Дерфер, К. Брокельман, Х. Вамбери) восстанавливается праформа в виде **бәрка* «крепкий, сильный» с учетом чувашского существительного *парка* с тем же значением и ставится вопрос об отношениях между формами *берк* и *бек*. Правда, не совсем однозначно представляется вторичность краткой формы, возникшей в результате синкопы – выпадения срединного дрожащего звука [ЭСТЯ, 1978: 119].

3. В алтаистике предпринимается попытка связать корень **берк* «крепкий» с синокорейскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими соответствиями: синокор. *pjel* «странный, высшего качества» > монг. *берке* «очень, крепко...» > тунг. *берке* «экономный, энергичный, весьма» > тюрк. *верк/берик* «крепкий» (Н. Поппе, Г. Рамстедт). М. Рясенен не признает такую последовательность перехода слова из одних языков в другие, считая их этимологически равноправными.

4. В тюркологии имеет место еще одна гипотеза. Она принадлежит А.М. Щербаку. Сравнивая все трансформы *бек*, он восстанавливает пракорень в виде **пйк* «крепкий, прочный; укреплять» и сравнивает его производные в виде *берклик*, *бекү-*, *бекле-* и др., возводя их с некоторым сомнением к **верк*

«крепкий». Эта точка зрения близка ко второму предположению, высказанному Г. Дерфером и его сторонниками.

5. Наличие корня *ни-/би-/бе-* (чув. *нитё* «крепкий, прочный», тат. диал. *нитлә-* «забирать», кырг. *бүт* «целый, целиком, сполна, полностью», *бүтө-* «сделать целым, сплошным; заделать отверстия», *бүтөө* «закрытый со всех сторон», *бүтүк* «сплошной, не имеющий отверстий» и т.д.) позволяет предположить о производном характере *бек/берк* и усмотреть в них суффикс *-к* [ЭСТЯ, 1978: 119-120].

Общетюркское *берк* этимологически связано с 1) монгольским *бэркэ*: х.-монг. *бэрх*, бур. *бэрхэ*, калм. *бэрк*, даг. *бэркэ* «трудный, тяжелый, тяжкий; искусный, сведущий» [ЭСМЯ, I: 86]; бур. *бэрхэдэ-* «становиться трудным, тяжелым, тяжким; становиться сильным и ловким», *мэргэ* «меткий стрелок, (эпитет былинных героев) крепкий, сильный; меткий, искусный, ловкий» и 2) тунгусо-маньчжурскими корнями: эвенк. *бэркэ* «расторопный, проворный, ловкий, бойкий; энергичный, напористый; смелый, храбрый; удачливый (об охотнике); очень сильно», *бэркэмэмэ* «очень ловкий» [ССТМЯ, I: 127].

Единство *берк/бек* с точки зрения этимологии позволяет связать между собой и другие аналогичные примеры. Как говорилось выше, древнее название головного убора у евразийских народов может быть реконструировано в виде **нак/бак* (ср. *кло-бук*, *кол-нак*, *тел-пек*, *кап-юшон*, *кеп-ка* и т.д.). К этому корню возводится слово *бөрк/бөрүк*, являющееся одним из номинантов кыргызской национальной шапки. Им же обозначаются шляпка гвоздя и кисточка на тулье шапки мальчика [Юдахин, I: 153]. И в данном случае мы можем говорить о вставке звука *р* в структуру древнего слова.

К.К. Юдахин фиксирует слово *берк* в кыргызском языке и считает его значение тождественным значению слова *бек* [Юдахин, I: 130]. Ср., пример, из эпоса: *Асынын жүрсө Аккелте, Ай далынын көркү эле. Кара башка күн түшсө, калаалуу көргөн берк эле* («Семетей»), где *берк* употреблено в значении «укрепление, крепость; защита» [КТТС, 2001, I: 263].

В системе значений межтюркского корня *берк* имеются семы «крепость, укрепление, защита; прочный, непоколебимый; закрытый» (см. пп. 1, 4, 5), что позволяет сравнить его с названиями крепости, укрепления и города в европейских языках: 1) голл. *burg*, ср.-ниж.-нем. *borg*, англ. *burg* с производными: голл. *burgemeester*, англ. *burgomaster*, рус. *Петербург* и т.д.; 2) слав.: рус. *бережь, берегу*, укр. *беречи/берегу*, др.-серб. *бржем, bujehi* «охранять», чеш. *brh* «хижина; пещера; скирда сена», польск. *brog* «скирда, сарай для сена»; болг. *бряг* «берег; край оврага, рва и т.п.», н.-луж. *brog* «берег; вал, насыпь; куча, громада», укр. *берег* «берег; край, борт; кайма, образ в книге» и т.д.; 3) гот. *baigar* «скрывать», д.-в.-нем. *bergan* – то же, *borgen* «обезопасить себя» и т.д. [Фасмер, I: 152, 244; Шанский, I: 93-94].

С инвариантным значением совместности и координированности действий непосредственно связано название субъекта подобной деятельности – инициатора, организатора и реализатора коллективных усилий древних людей. Поэтому с вышеназванными корнями мы связываем происхождение евразийского экспонента значения «правитель». Начнем анализ фактов с межтюркского названия главы рода, племени и этноса, которое представляем в виде *бек «правитель» и номинируется в целом ряде трансформ: 1) *бег* – вост.-тюрк., др.-тюрк., кар.к., кач., койб., кр.-тат., кум., леб., сал., тоф., тув., тур. диал., турк., узб. диал., уйг. диал., шор.; 2) *нег* – алт. диал.; 3) *бӓг* – уйг.; 4) *бей* – аз., гаг., кар.к., кр.-тат., кыпч., тур.; 5) *бек* – каз., к.калп., кырг., кум., лоб., турк. диал., узб., уйг.; 6) *бӓк* – др.-уйг., уйг. диал., хор.-тюрк.; 7) *брахми рӓг*; 8) ср.-кып., аз. *бӓй*; 9) *биг* – вост.-тюрк., койб., сойот.; 10) *ниг* – алт. диал., хак.; 11) *бий* – алт. диал., бал., вост.-тюрк., каз., к.калп., к.-балк., кар.г.л.т., кырг., кум., ног., тат. диал.; 12) *ний* – алт., леб., сойот., тел.; 13) *ниш* – алт., леб., сойот., тел.; 14) *биш* – як.; 15) *би* – баш., каз., тат.; 16) *бик* – койб., сойот. [ЭСТЯ, 1978: 98]; 17) *берк* – кырг. [Юдахин, I: 130].

Как видим, номинанты правителя в тюркских языках представлены в трех общих типах: 1) в форме закрытого слога с конечными *-к*, *-г*; 2) в форме полуоткрытого слога с конечным *-й* и 3) в виде открытого слога, имея на

конце звук *-и*. Считаем, что первая группа трансформ, по-видимому, отражает древнейшее состояние корня, вторая – следующую ступень его развития, а третья – самый рациональный звуковой облик номинанта.

На такое предположение наталкивают некоторые основания.

Формы *бек*, *бег* встречаются в древнейших орхоно-енисейских памятниках, а формы *бей*, *бий* – начиная с XIV века [ЭСТЯ, 1978: 97; Тенишев, 1997, Дыбо, 2006: 772]. На этом основании архиформа корня реконструируется в виде **бек* «правитель». Первоначально слово имело значение «глава рода» (ср. каз. *бек* «избираемый глава рода» и *бий/би* «судья, орбитр»). Предполагается связь корня с корнем **berik* «сильный, мощный, крепкий» с учетом того, что в древности главным достоинством вождя была сила – физическая, организаторская и интеллектуальная [Тенишев, 1997, Дыбо, 2006: 530].

Это мнение подкрепляется данными истории китайского языка: др.-кит. *pēk* [Старостин, 1991: 68], ср.-кит. *päik* и др.-кит. *präk* «быть старшим, старейшиной рода», [Карлгрен, 1923; Тенишев, 1988, Дыбо, 2006: 774-775], совр. кит. *bì* «государь, господин, владыка» [Введ.: 691]. Древне-китайские **pēk* и **präk* в процессе развития языка получили форму открытого слога, очень напоминающую слова ряда тюркских языков (Б. Карлгрен, Дж. Клосон, Г. Рамстедт и др.) [ЭСТЯ, 1978: 99-100]. И данные факты свидетельствуют о вторичности вставного *p-* в корне.

Таким образом, праформу названия главы рода (и самого сильного члена рода) можно представить в виде **bek/бек*, которое в процессе развития мышления и языка людей, изменения их жизни могло приобрести разнообразную модификацию, получая различные семы субстантивного, адъективного, процессуального и адвербиального характера.

Тюркологами и алтаистами проделана большая работа в этом плане. Опираясь на исследования Э.В. Севортыяна, Э.Р. Тенишева и других, мы можем перечислить основные значения современных рефлексов пракорня **бек* «глава рода»:

1) «правитель» - аз., алт., вост.-тюрк. , др.-тюрк., к.-калп., кырг., кр.-тат., куман., леб., ног., тел., тоф., тув., тур. диал., турк., узб. диал., уйг., чаг., хак.; «господин» - гаг. кар.к., к.калп., кырг., койб., кр.-тат., ног., тат., тур.; «судья, арбитр» - алт. диал., каз., к.калп., кырг., койб., кр.-тат., ног., тат., тур.; «представитель феодалов, класса эксплуататоров» (в сов. время) – каз., кырг.;

2) «вождь» - др.-тюрк.; «предводитель (племени, рода)» - койб., сойот.; «глава рода» - алт., кырг.; «глава мелкого родового подразделения, подчиняющегося аталыку в бывшем Хивинском ханстве» - к.калп.; «управитель района в Хивинском ханстве» - к.калп.; «родовой старейшина у туркмен» - к.калп.; «правитель города, области» - узб., чаг.; «старшина» - лоб.; «организатор угощений в складчину» - кырг.;

3) «князь» - бал., кар.т.г., кырг., кум., тат., тур. диал., турк., уйг.; «король, царь, хан» - кар.т.г.; «повелитель, государь» - сал.; «княжеский» - кум., «властный» - каз.;

4) «владелец» - др.-уйг.; «властитель, владыка» - алт. диал.; «начальник» - алт., с.-юг., тур., уйг., хак.; «туземное должностное лицо» - уйг. диал.; «чиновник» - др.-тюрк., кр.-тат., куман., турк., узб. диал., уйг. диал.; «(народный) судья» - каз., кырг. (до 1917 г.);

5) «принц, сын высокопоставленного чиновника» - тур.; «лицо знатного происхождения или высокого ранга» - тур.; «знатный» - каз.; «вельможа» - кар.к., кр.-тат., тат., тур., турк.;

6) «титул знатного лица» - тур., узб.; «высший чин» - хак.; «паша» - тур. диал.; «дворянин» - аз., тат., тур.; «командир (корабля) и его звание» - тур., «посол» - тур., «суффиксид к собственным именам с оттенком уважния» - кырг., узб.; составная часть мужских и женских имен – каз., к.калп., кырг., кум., узб. (в мужских); «старший в партии при игре» - гаг.; «туз (в картах)» - тур., «дамка (в шашечной игре)» - каз.;

7) «выдающийся, влиятельный, авторитетный, богатый человек» - др.-тюрк.; «помещик» - аз., гаг.; «барин» - гаг.; «мудрый в решениях краснобай» - каз., кырг.; «человек, обладающий красноречием» - каз.;

8) «супруг, муж» - др.-тюрк., «жена» - др.-тюрк., «зять» - сойот.; «новобрачный» - аз.; «родной (двоюродный, троюродный или внучатый) брат» - як., «племянник, двоюродный племянник, двоюродный дядя, старший родственник по отцу (если говорящий мужчина)» - як., «старший (о мужчине)» - як., «свекор» - тув.; «деверь (старший брат мужа)» - тув.;

9) «пчелиная матка» - гаг.

Все значения трансформ слова **bek* имеют общие объединяющие семы и легко объясняются в пределах семантики пракорня. Последнее, вероятно, возникло в результате метафоризации первичного значения. Сема «пчелиная матка» содержит в себе объединяющие, размножающие, направляющие начала и может быть связана с функциональными обязанностями правителей, владетелей и руководителей в обществе.

Трансформы древнего корня **бек* видоизменялись, семантически разветвлялись и модифицировались в связи с развитием общества, в результате контактов тюркоязычных народов с другими этносами. Они выполняли важную роль в коммуникации, участвуя в категоризации членов социума, в детальном расписывании общества по классам и слоям, по происхождению, в развитии формул общения и этикета [Дербишева, 2012: 130]. Диахрония трансформ корня непосредственно входит в сферу истории тюркских народов, их формирования как этносов и отражает этапы конвергенции и дивергенции соответствующих родов, племен, народностей и наций, периоды принятия и особенности присвоения различных титулов, званий и социальных функций у тюркских народов. Этих вопросов мы не будем касаться.

Семантические сдвиги в трансформах корня многообразны. Нередко корень приобретает противоположные значения. Ср. слова *бәг-им* «жена бега», *би-кә*, *би-че*, *бий-че* «госпожа», приводимые Г. Рясененом, чув. *пай* в составе слова *пай-ана-м* «свекровь, теща», *пай-ата-м* «свекор, тест», *пай-аха-м* «деверь (старший брат мужа)» и др. В чувашских примерах соединены разные основы.

Аналогичные корни встречаются в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках (В. Котвич, Г.И. Рамстедт и др.) [ЭСТЯ, 1978: 99].

1. В тунгусо-маньчжурских языках: 1) нег. *бэгин* «хозяин, начальник», эвен. *бэгън/бөгөн/бэгэн/бьгън/бэһэн* «начальник, вожак (о человеке, о животном)», эвенк. *бэгин* «начальник; хозяин, господин; свекор (отец мужа), деверь (старший брат мужа); карточный король; тигр» и др.; 2) маньч. *бэки/бэкин* «крепкий», *бэкилэ-* «укреплять; крепиться», *бекиту* «крепыш; крепкий, крепко»; нег. *бэй/бэйи* «крепкий», эвенк. *бэки* «крепкий», *бэки-* «выдержать (тяжесть)», *бэкилэ-* «закрепить, прикрепить» [ССТМЯ, I: 119].

2. Монгольские языки: 1) др.-монг. *беки* «титул старших в роде и старших сыновей»; *беги* «титул принцесс» (др.-монг.); х.-монг. *бээке* «ханша, княгиня» (от *бэги+жин* «корень+суф. жен. рода»); 2) х.-монг. *бэх*, бур. *бэхи*, калм. *бек* «крепкий, прочный, сильный» [ЭСМЯ, I: 82-83].

Однако высказывалось предположение об иранском происхождении общетюркского слова **бек* (В. Банг, К. Брокельман, К. Менгес, Э. Бенвенист и др.) на основе того, что в иранских языках имеются сходные по звучанию и значению аналогичные корни: ср.-перс. *ваг* «бог, король», согд. *вг-* «бог, господин (вежливое обращение в письмах, выступает как эквивалент местоимения со значением «Вы»), владыка, государь» [ЭСТЯ, 1978: 100]. Эти примеры легко сближаются с др.-инд. *bhagas* «господин, одаряющий, эпитет Савитара и второго из Адитья», др.-перс. *вага-*, авест. *вага* «господь, бог», с общеслав. *бог/bog/boh* [Фасмер, I: 181]. Русское *бег/бек/бей/бий* «княжеский титул» заимствовано и имеет соответствия в тюркских языках: чаг. *бег*, аз. *бәк, бәй*, тур. *бей*, тат. *бей* и т.д. [Фасмер, I: 141]. Обнаружение сходных корней в китайском языке позволяет нам смотреть на происхождение названия правителя в более широком контексте (см. ниже).

К рефлексам пракорня **рок* «вместе» мы относим и номинанты значений «богатый, богатство, богатеть; обильный...», поскольку эти значения интегрируются в сферу собранности, накопленности, множественности, концентрированности и господства, экспонируются

варьируемыми формами, легко возводимыми к единому архетипу. Приведем примеры из и.-е. языков, где есть корни *бог-/баг-/биг-/бой-/бай-*: др.-инд. *bhajati* «наделяет, делит», *bhagas* «господин, одаряющий», авест. *baga* «господь, бог», греч. *fagetn* «есть, поживать», инд. *bhagas* «достояние, счастье», авест. *baga-* «доля, участь»; общеслав. *бог* «господь»; рус. *богатый*, болг. *богат* и т.д. [Фасмер, I: 181-182].

Эти примеры очень напоминают корни, распространенные в алтайских языках. Приведем примеры из тюркских языков: А. 1) *бай* – аз. диал., алт. диал., бал., баш., гаг., каз., кар.т.к.г., караг., к.калп., к.-балк., кырг., койб., кр.-тат., кум., лоб., ног., тат., тув., тур. диал., турк. диал., тоф., узб. диал., уйг. диал.; 2) *бой* – узб.; 3) *баай* – турк., узб. диал., уйг. диал., як.; 4) *пай* – алт., др.-уйг., кач., койб., леб., тат. диал. (*пай-ым* «мой муж»), саг., сойот., хак., шор.; Б. 1) *бай* – тур. диал., як.; 2) *пай* – лоб., с.-юг.; 3) *пуй* – чув.; здесь представлены именные (А) и глагольные (Б) основы.

Почему-то тюркологи исходной считают форму с долгой гласной - **баай* (М. Рясенен) и **паай* (А.М. Щербак) [ЭСТЯ, 1978: 27-28], хотя самой распространенной является форма А1.

Процессуальность (Б) заключена в значении «становиться богатым; богатеть, разбогатеть» (лоб., с.-юг., тур. диал., чув., як.). А именные значения трансформ корня *бай* представлены следующим образом: 1) «богач» – алт., баш., каз., к.балк., к.калп., кырг., кум., тат., тув., турк., узб., уйг., хор.-тюрк.; «купец» – уйг. диал.; «кулак» – хак.; «бай» – алт. диал., баш., каз., к.-балк., к.калп., кырг., кум., тув., узб., уйг., хак.; «хозяин» – каз., кар., тат.; «господин» – тур.; суффиксоид в значении «уважаемый» – кырг., узб.; суффиксоид к мужским антропонимам – гаг., узб., уйг.; обращение к старшему по возрасту – гаг.; 2) «богатство» – тат. диал. (*ата байы* «наследство от отца, доля из отцовского наследия»), як.; «имущество, состояние, сокровище» – як.; 3) «господин» – кырг.; «знатный господин, князь» – по Ценкеру; «дворянин» – к.балк.; «высокопоставленный, знатный, благородный» – др.-тюрк.; 4) «муж, супруг» – каз. (разг.), к.калп. (разг.),

кырг. (разг.), тат. диал., тур. диал., узб.; с аффиксом принадлежности 1 л. ед.ч.; интимно-ласкат. обращение к людям – кырг. разг. (*энекебай*); ласковое обращение к детям – кырг. диал.; 5) «раскидистый, ветвистый (о дереве), окладистый (о бороде)» – алт. диал.; «беззаботный, беспечный, самодовольный человек» – аз. диал.; 6) «дядя» – гаг.; 7) «чреватый» – тат.; 8) «богатый народ» – уйг. диал.; 9) «герой, предводитель» – аз., к.калп., каз., кар.т.г., кырг., кр.-тат., тур. диал., тат. диал. и др.; 10) «добрый, большой, обильный, раскидистый» – кырг. [ЭСТЯ, 1978: 28; Юдахин, I: 94].

В тюркских языках имеются и суффиксальные производные от основы *бай*: 1) глаголы на *-ы/-а*: *байы-* «становиться богатым, богатеть» (алт., баш., др.-тюрк., каз., к.бал., к.калп., кырг., кум., тат., тув., тур. диал., хак.); «обогащаться, наживаться» (баш., к.балк., кырг., кум., тат., тув., хак.); «оснащать» (к.калп.); 2) на *-сын*: *байсын-* (к.балк., кырг.), *байзын-* (алт.), «считать/воображать себя богатым/стремиться казаться богатым» и «гордиться своим богатством» (алт.).

Общетюркское слово *бай* «богатый» имеет соответствия в других языках: 1) монг.: бур., х.-монг. *баян*, калм. *байн*, дунс., монгор. *байан*, бао. *байан*, дагур. *байин* «богатый, богач; богатство»; бур. *байажса-*, калм. *байжс-*, х.-монг. *байажс-* «богатеть» [ЭСМЯ, I: 80]; орд. *баг* «густой, ветвистый», монгор. *баг* «куст, дерево»; 2) тунгусо-маньч.: журчж. *roh-yang* «богатый», маньч. *байан* «богатый, богач, богатство», *байа-* «разбогатеть»; нан. *байаа*, нег., орок., ороч., уд., ульч., эвенк. *байа* «богатый, богач, богатство»; ороч. *байан-* «богатеть», *байаму-* «обогащать» и др. [ССТМЯ, I: 65]; 3) и.-е.: рус. *бай* «состоятельный, влиятельный человек», *бой-ар-ин/бой-ар-е* «представитель высшего служилого сословия из крупных землевладельцев-феодалов в допетровской Руси» [Фасмер, I: 106, 203-204]; 4) кит. *бǎ* «бай, почтенный, господин (после имени)» [Введ.: 2016: 329-330]; *bà* «гегемон, завоеватель; изверг, злодей, мироед; тиран, местный царёк» [КРС, 2008: 13].

Наличие сем «связка, оковы» в содержании рефлексов пракорня *бек «крепкий» (п.5) позволяет обратиться к номинантам связки и повязки в

алтайских языках, реконструируя древнее название в виде *баг как вариант с непереднерядным гласным, предполагающим глубокозаднеязычное произношение конечного согласного. В сознании первобытного человека крепость и прочность вещей в элементарном виде, вероятно, слитно представлялись с совместностью, множественностью и координированностью в нашем понимании на уровне абстрактного мышления.

Корень *баг «связка» как трансформа более древнего корня *бек «крепкий» или как параллельный вариант последнего возводим к общему архетипу и имеет следующие номинанты в тюркских языках:

А. 1) баг – аз., алт. диал., др.-уйг., караг., кар.к., койб., кр.-тат., тур. диал., турк., уйзб., уйг., чаг.; 2) бааг – турк., уйг. диал.; 3) нааг – алт. диал. (наагла- «завязывать»); 4) наг – алт. диал., кач., койб., леб., лоб., саг., с.-юг., сойот., шор.; 5) бақ – караг., лоб.; 6) бах, пах – сал.; 7) бав – баш., каз., кар., к.калп., к.-балк., к.-тат., кум., ног., узб. диал., уйг. диал.; 8) бау – бал., каз.; 9) пау – бар.; 10) буу – алт., кырг. (бууп «связав»); нуу – алт. диал. (нуула- «связать, привязать»); 11) ну – алт. диал.; 12) быа – як.; 13) боо – кырг.;

Б. 1) бай – тат. диал., чаг. (по А.Вамбери); 2) бәй – баш., тат.

В. Баг-, бақ- - вост.-тюрк., др.-тюрк., чаг.; буу- – кырг.

Г. 1) бай- - др.-тюрк. (бай-ыжы «тот/то, кто/что связывает»); 2) баай- – як.; 3) бәй – тат. диал. (бәй-гүч «завязка; то, что связывает», ср. с кырг. буугуч «завязка»); 4) пай- – чув. (пайав «веревка») [ЭСТЯ, 1978: 13-14].

Таким образом, мы можем говорить о двух типах корня *баг «связка» в тюркских языках: а) субстантивные формы (А, Б); б) глагольные формы (В, Г).

Долгие гласные зафиксированы в четырех географически отдаленных языках (А2, А3, А10, А13), что может быть основанием считать формы с долгими гласными самыми древними. Мы думаем, что архетипом всех типов звуковых разновидностей наименования связки является самая распространенная форма – А1, т.е. баг, которая представлена в 12 языках.

Якутское слово *быа* содержит в себе дифтонг, который соотносится с долгими или краткими гласными, а также с сочетаниями гласных и согласных (*аэ/ақ/ав/ай/оо...*) в других языках. Ср. аналогии: як. *ыар* «тяжело, тяжелый» - кырг. *оор* то же, як. *быар* «печень» - кырг. *боор* то же и т.д. Дифтонг отмечается в бал., бар. и каз. языках, переход второго элемента -у дифтонга в звук -в – в ряде языков (А7). В кыргызском языке представлены почти все формы связки: *боо/бақ/пақ/бай-/буу-*. Ср. примеры: *боо* «завязка, веревка, шнурок; сноп», *чачпак/чачбак (-пак/-бак)* «кисти ниток, вплетенные в косу (украшение)», *бай-* в словах: *байла-* «вязать, связывать, привязывать», *байлам* «небольшое количество материи, которым можно что-либо обвязать, обмотать», *байламта* «связь, связка; союз, запруда» и т.д.; *буу-* в словах: *буу-* «связывать, крепко завязывать; сдавливать», *буугуч* «завязка, (диал.) пояс», *бууганчу* «завязка на концах савана (на голове и ногах)» и т.д.

Приведенные выше примеры сходны не только по звучанию, но и по значению. Они используются для передачи значений различного характера.

А. Значения орудия и средства действия («то, чем завязывают, связывают», «то, куда привязывают»):

1) «завязка» – баш., каз., кырг., кум. (шнурок, лента...), узб.; «повязка» – аз., к.калп., сал., тур., узб. диал.; «перевязь» – як.; «бандаж» – аз., кар., тур.; «связь» – аз., др.-уйг., к.-тат., тур., уйг., чаг.;

2) «оковы» – др.-тюрк., узб., уйг.; «узы» – аз., др.-тюрк., кр.-тат., турк., уйб., чаг.; «цепь, цепочка» – кум.; «веревка» – алт., бал., бар., баш., с.-юг., тат. диал., тур. диал., турк., тоф., узб. диал., уйг., як.; «бечевка, бечева» – тат., як.; «шпагат» – к.-балк., «шнур(ок)» – к.-балк., кырг., ног., сал., турк., узб., як.; «лента» – як.; «бинт» – аз., тур.; «нить, нитка» – кыз., турк.; «тетива» – як.; «коновязь (столб) и место у коновязи» – с.-юг.; «привязь» - баш., к.калп., тат., турк.; «путы» - кар., уйг., як.;

3) «олений недоуздок с поводком» – як.; «ремень, ремешок» - карагас., кырг., кум., ног., як.; «пояс» - сал.; «кушак» – узб. диал.; «основные стропила на крыше; деревянная часть здания, разделяющая этажи; места, где

соединяются крепления в шахтах» – тур.диал.; «покрывало» – др.-тюрк.; «ручка, рукоять» – уйг. диал.; «нерв» – лоб.; «переплет» – кар.;

Б. Значения, содержащие результаты действия («то, что образуется в результате связывания, завязывания, соединения»):

1) «связка» – аз., алт., др.-уйг., кар., кырг., кум., кр.-тат., лоб., тел., тур., турк., узб., уйг. диал., чаг.; «узел» – аз., др.-тюрк., кар., тур., уйг. диал.; «жгут» – тат.; «вязка» – кырг.; «пук, пучок» – аз., узб. (русское *пук* «росток, почка» – метатеза по отношению к рассматриваемому корню);

2) «вязанка» – аз., др.-тюрк., узб., уйг. диал.; «сноп» – каз., к.калп., кырг., кум., узб., уйг.; «копна льна (приблизительно в 100-150 кг)» – тур. диал.; «ворох» – аз.; «соединенные вместе пять мотков бумажной пряжи» – тур. диал.;

3) «обойма» – тур.; «родовое деления народа» – тур., «союз» – кар.; «связь» – уйг. диал.;

4) «хлев» – бал.;

5) «указ, постановление, повеление» – кар.к., «запрещение» – кар.т., «колдовство» – чаг. (А. Вамбери); «загадка» – кар.т.;

В. Процессуальные значения: «связывать» – вост.-тюрк., чаг. (*баг-/бақ-*); «вязать, связывать» – кырг., тат. диал., як.; «привязывать, перевезать (рану)» – як. (*баай-/бай-/бэй-*); «заковывать в кандалы» – др.-уйг. [ЭСТЯ, 1978: 14-15]. Часть из этих значений выражается в семантике аналогичных слов в других алтайских языках: 1) тунгусо-маньчжурские языки: нег. *бок-* «удержать, завязать», ороч., ульч. *баки-* «связать, повязать», нан. *бока-* «связать, привязать; спутать, опутать», *бокича* «привязь, узел»; маньч. *бохи-* «обертывать (ноги)»; нан. *бохал-бохал* «укутавшись, укрывшись с головой», маньч. *бухэлэ-* «обертывать, укутывать, закрывать чем-либо», *бухэлэн* «обертка (из травы), кулек» [ССТМЯ, I: 89]; 2) монгольские языки: п.-монг. *боги-* «обвязывать», монг. *боо-* «обертывать, препятствовать», бур. *боо-* «обертывать; преграждать».

Др.-уйг. *баг-/бақ* «заковывать в кандалы» (В), кырг. *богоо* «оковы, кандалы» сравниваются с бур. *бугыбша* «браслет, аркан с петлей».

Приведем некоторые производные от пракорня *баг «связка»:

1) с суффиксом *-ы*: тур. *багы* «связь, завязка, пояс, вязанка, связка»; ср. монг.: бур. *багса/багсаа*, х.-монг. *багц* «пачка, кипа, сверток, ворох» [ЭСМЯ, I: 66];

2) с суффиксом *-ыш*: др.-тюрк. *багыш* «веревка у юрты; веревка для шатра, юрты»; сустав, сочленение (на пальцах, стеблях растений), коленный сустав»; в памятниках древне-тюркской письменности встречаются и другие значения образований от корня *баг: «веревка, бечева, нить; оковы, узы; повязка, завязка, узел (товара), связка, связь, родовое деление народа; ремень, пояс»;

3) с суффиксом *-ав*: чув. *пйав* «короткая толстая веревка»; далее приведем примеры только из кырг.яз.;

4) с суффиксом *-чо*: *бокчо* «чемодан, мешок; узел с ценными вещами (который обычно хранили старухи); мягкая подстилка под детскую колыбель»;

5) с суффиксом *-чой*: *бокчой-* «иметь вид узла, связки; сжиматься»; *чоло-*: *бокчолоп* «целыми связками, узлами»;

6) с суффиксом *-ок*: *божок* «зоб (болезнь); зобатый; второй подбородок; посеvy зерновых в начале колошения; чашечка цветка опийного мака»;

7) с суффиксом *-оо*: *богоо* «оковы, кандалы», *богооло-* «заковать в кандалы; закабалить»;

8) с суффиксом *-з* (от основы *боо*): *бооз* «беременная, стельная (о корове), жеребая (о кобылице) и т.д.»; *боозу-* «беременеть», *бооздук* «беременность, стельность, жеребость»;

9) с суффиксами *-ла*, *-т*, *-лош* и др.: *боола-* «вязать снопы», *боолат-* «заставить вязать снопы», *боолаш-* «совместно вязать снопы»;

10) с суффиксом *-ч/-чу*: *бооч/боочу* «узел, завязка»; *казык бооч* «растяжный узел», *оймок бооч* «щипок с вывертом», *боочу* «завязка; мелкая

сбруя (подпруга, стремянные ремни и т.д.); веревки, тесьма и т.д. в юрте; вязальник снопов; сноповязалка»; монг.: бур. *бухал*, х.-монг. *бухаль* «копна» [ЭСМЯ, I: 116];

11) с суффиксом *-лук*: *боолук* «свясло (вязка для связывания снопов); всякая петля, через которую при завязывании пропускается конец веревки, нитки и т.п.; веревка с петлей для ловли лошадей»;

12) с суффиксом *-лукчу*: *боолукчу* «вязальщик снопов»;

13) с суффиксом *-луу*: *боолуу* «имеющий на себе завязки, шнурки, путлица»;

14) с суффиксом *-ла* (от основы *бай-*): *байла-* «вязать, связывать, привязывать», *бай-лан-* «быть привязанным, связанным», *байлануу* «привязанный, связанный»;

15) с суффиксом *-лоо*: *байлоо* «связывание, привязывание; плен, неволя; запруда, привязь»; *-лооч*: *байлооч* «приманка, привязываемая к сети при ловле ловчих птиц; никчемный (о человеке, животном и ловчей птице)»;

16) с суффиксом *-гуч* (от основы *буу-* «связывать, крепко завязывать, сдавливать; преграждать, препятствовать»): *буугуч* «завязка, пояс»; монг.: бур. *буу-лга* «ярмо (быка)», х.-монг. *буу-лга* «ярмо, дуга»;

17) с суффиксами: а) *-гуз*: *буугуз-* «заставить связать»; б) *-дур*: *буудуруп* «приказав подвязать (коням) хвосты»; в) *-л*: *буул-* «быть сдавленным, сжатым, крепко завязанным», *буул-ган ун* «сдавленный голос»;

18) с суффиксом *-м*: *буум* «связка, завязка»;

19) с суффиксом *-ма*: *буума* «завязанный»;

20) с суффиксами: 1) *-н*: *буун-* «завязать, повязать», *муун-* «удавиться, повеситься, задохнуться»; 2) *-на*: *мууна-* «расчленять по суставам; отделять кость от кости (при разделывании мяса); перерезать сухожилия; слог»; *муунак* «сочленение; коленце; зарубка (вокруг чего-либо); ступень»;

21) корень *буу-* в словах *буура* «верблюд-производитель»; *буураканда* «бурлить, бужевать», *буура-канд* «буйный, бурный» (рус. *буй-*, *бур-* тоже, по видимому, связаны с этим корнем) этимологически связан с корнем *бук

«горбатый»: удин. *боко* «горб, горбатый», нан. *буху* «горб», кырг. *букүрү* «горбатый» и т.д.

Номинанты значения «горб, горбатый» очень напоминают метатезу *биг/гиб* и ее варианты, представленные в разных евразийских языковых семьях. Эту связь можем показать преимущественно на примере одного языка, например – русского. Рефлексы древнего **биг/гиб* принимают разное морфонологическое воплощение: *бг/гб*, *быг/гыб*, *буг/губ*, *буй/йуб* и т.д.

1. Рус. *бгать* «гнуть», укр. *бгати* «гнуть, мять», белг. *бгаць* – то же; рус. *обыгать* «обматывать, закутывать», *обыга* «теплая одежда, одеяло»; считается, что *бгать* получилось в результате метатезы из *гьбати* (ср. *гнуть*, *гибель*); восточнославянское *бг-/быг-* сравнивается с др.-инд. *bhujati* «он гнет», гот. *biugen*, нов.-в.-нем. *biegen* «гнуть», литов. *rabūgsti* «испугаться», литов. *baugus* «робкий, боязливый» [Фасмер, I: 140]. В данном случае мы можем говорить о физическом, психологическом и рельефном «изгибе», поэтому мы сближаем с данными фактами и другие: а) др.-инд. *bhōgas* «изгиб», *bhugnas* «гнутый», др.-исл. *baugr* «кольцо», нем. *biegen* «гнуть», др.-рус. *бугь* «запястье, браслет»; б) литов. *baugus* «страшный, робкий, боязливый» [Фасмер, I: 227]; в) рус. *бугор/бугра*, латыш. *baugurs* «холм, возвышение», *bugurains* «бугристый» [Там же: 228]. Конечно, обсуждаемые здесь примеры подкрепляются аналогичными фактами индоиранских языков, в которых широко представлены рефлексы и.-е. пракорня **bheug-* «гнуть, сгибать, изгибать», представляющего метатезу по отношению к русскому корню в списке производных и соответствующие корню *бг-/быг-*: 1) др.-инд. *bhoj-* «гнуть(ся), сгибаться; отодвигать(ся), отталкиваться», *bhugna-* «согнутый», *bhoga* «извилина, виток, изгиб»; 2) иран.яз.: тадж. диал. *biq* (бадахш.), *bəqi* (вандж, дарваз.), тадж. *bukkak* «сгорбленный», белудж. зап. *bōg*, белудж. вост. *bōy* «сустав; лодыжка, щиколотка; (бот.) нарост (на дереве, стебле, у виноградной лозы)», осет. *būk* «сгорбленный»; пушту *bok* «горб, возвышение, выпуклость», мунджан. *biq*, шугн. *biq* (ж.р. *baq*) «выпуклый; круглый, округлый; крупный, большой; выпуклость, округлость; ком,

бугор», руш., хуф. *boq* (ж.р. *bēq*) «выпуклый, выдающийся; крупный, большой; *выпуклость, бугор, холм*», рошор., бартанг. *biq* (ж.р. *bēq*) «выпуклый, выдающийся; круглый, холм», сарык. *byq, beq* «выпуклость, возвышенность, холм», ишкаш. *byq* «холм, куча», вахан. *biq* «холм, бугор, пригорок»; рус. *бук* «выпуклая сторона игорной кости», которое сравнивается с кырг. *бөк/пөк* – то же, калм. *бөкө* – то же, кырг. *бөк* «холм, возвышенность» [Фасмер, I: 235; Юдахин, I: 150, 168].

С этими словами сравниваются изобразительные слова: язгул. *baq* «обидеться, надуться (о ребенке)», *baqtagin* «вскормленный, жирный, округлившийся (о животном для убоя)»; тадж. *biuča* «узелок, сверток», бухар. диал. *bixča* – то же, пашто *bixca/bixča/bixxa* «узел(ок), сумочка с вещами», пушту *biyḷay* «яркий платок (подарок гостю на свадьбе)», пушту *biu* «миска, плошка (деревянная)», *boḷda* «большой нож, кинжал» (изогнутый), *boḷta* «отек, опухоль (о горле)», *bož* «глухой, сиплый (о голосе), больной (о горле)» [ЭСИЯ, II: 145, 148-149]. Рефлексы корня мы находим и в тюркских языках: кырг. *бүк* «место сгиба, отворота; (низкий) поклон, ниц; низкий отпуск головы»; *бүк түштү* «низко согнулся, склонился»; *бүк-* «сгибать, подгибать; свертывать»; *бүкмө* «складка», *бүкүр* «горбун, горбатый», *бүктөлүү* «свернутый»; *бүктөө* «свертывание, сгибание, складывание»; монг.: бур. *бугты-* «нагибаться; горбиться, сутулиться», калм. *бөгш-/бүгш-* «гнутья, нагибаться», калм. *бөктр*, х.-монг. *бөгтөр/бөхгөр* «сутулый, горбатый»; бур. *бүхэн*, даг. *буг/бүк*, калм. *бөки*, х.-монг. *бөх/бөхн* «верблюжий горб» [ЭСМЯ, I: 104-105]; тунг.-маньч.: эвенк. *бэкэ* «горб» (кырг. *бөк* «холм, возвышенность; спинка альчика»), *букō-* «сгорбиться», *бэкчэ*, *бэкэчи* «горбатый, сутулый», сол. *буктур* «кривой; конский круп», эвен. *бөкчир-* «стать горбатым», *бөкчэкэ* «горбатый, сутулый, наклонный; горбун; горб», нег. *бохон* «горбатый», уд. *бохо* «горбатый», ульч. *боко* «горб, горбатый», орок. *бокко/боко/букко/букку* «горб, горбатый, сутулый», нан. *букү*, *букучэ* «горб», маньч. *бохото/бокто* «горб (верблюда)», *букту* «горбатый (с горбом на спине и груди); горбун», *бухта-* «горбиться,

сгибать», *букдан* «сгиб, складка», *бүкдарун* «свиток, сверток, тетрадь» [ССТМЯ, I: 104]; кырг. *буй-* в словах: *буйур-* «делать мелкие складки (например, на платье), собирать (например, подол в горсть), делать на вдержке (например, кiset)», *буйурмө* «сборчатый, всборку, в складку, со складками».

2. Производные от корня *гб/гиб* в рус. языке: а) *гибель, гибельный, гибельность; гибкий, гибкость, гиблый, гибнуть, гибочный*; б) *вгиб, вгибать, вгибаться, вгибание*; в) *вперегиб*; г) *выгиб, выгибать, выгибаться*; д) *загиб, загибать, загибаться, загибание, загибка, загибочный, загибщик*; е) *изгиб, изгибать, изгибаться, изгибание, изгибина, изгибистый*; ж) *нагиб, нагибать, нагибаться, нагибание, нагибной*; з) *огибать, огибаться*; и) *отгиб, отгибать, отгибаться*; к) *перегиб, перегибать, перегибаться, перегибнуть, перегибщик*; л) *погиб (изгиб), погибать, погибель, погибельный, погибнуть, погибший*; м) *подгиб, подгибать, подгибаться, подгибной*; н) *пригибать, пригибание, пригибной*; о) *прогиб, прогибать, прогибаться*; п) *разгиб, разгибать, разгибаться, разгибание*; р) *сгиб, сгибать, сгибаться, сгибание, сгибатель, сгибнуть* и др., чередование *гб/гн* представлено в примерах *гнуть, согнуть* и т.д. [Кузнецова, Ефремова: 78]; рус. чередование *гиб/гн* позволяет сравнить вторую его половину с межтюркским корнем *қың-* «кривой, косой»; ср. *қый-* «резать наискось», хак. *хыйгас* «кривой, косой», кырг., тат., тур. диал. *қыйгач* – то же, каз., к.калп., ног. *қыйгаиш* – то же [ЭСТЯ, 1997: 200]. Рус. *гибнуть, гинуть (гиб/гн)*, укр. *гинути, гибнути*, чеш. *hynoutiш*, болг. *гина*, латыш. *gibt, gibstu* «гнуть, никнуть» (метатеза: рус. *ник-* и болг. *гин*), *gibuoties* «горбиться, идти сутулившись», англосак. *gear* «согнутый, искривленный», греч. *hufos* «изгиб, горб» [Фасмер, I: 404].

С корневыми словами *боо, буу-, бай-* в кыргызском языке, по-видимому, связаны некоторые лексемы, имея с ними отдаленные формально-смысловые связи: *бүк, бук, буй* и др.

1) *бук*- «притаиться», *бук* «тоска, угнетенное состояние», *буктурма* «засада; место, удобное для засады; действие, производимое исподтишка; хитрость, уловка»;

2) *буй* «укромное место; надоедание; замешательство, расстройство; житейские дела, повседневность»; *буй болдум* «(все) мне надоело», *буйга кирди* «прятался в укромном месте». Этот корень в составе слов: *буйга/буйтка* «укромное место, прикрытие, укрытие; неискренность, обман», *буйгат* «ложбина на склоне горы (ближе к ее вершине); прикрытие, укрытие; обман, подвох», *буйдоо* «препятствие, задержка», *буйма* «вожак» (*журт буйласы* «народный вожак») [Юдахин, 1965: 96-97, 99, 105, 163]; монг.: калм. *бүг-*, х.-монг. *бүгэ-* «сидеть в засаде, скрываться», калм. *буги-* «сидеть дома в тепле, криваться дома» [ЭСМЯ, I: 122].

Объединение целого ряда слов с разветвленной семантикой как рефлексов одного пратюркского корня (см. выше) имеет несколько дополнительных оснований.

Во-первых, пара *буй* – *бук* соотносится с большой группой однокоренных слов с конечными *-й* и *-к*: *той* «пир» – *ток* «сытый», *жой-* «ликвидировать» – *жок* «нет, отсутствует», *сой-* «резать (животное, сдирать кожу)» – *сок* «ударять, бить; биться (о сердце, пульсе)» и т.д.

Во-вторых, почти все кыргызские и общетюркские корни со значениями «связка» имеют аналоги в других языках:

1) кырг. *бүк/бүк-* «сгиб, гнуться», *бүкүрү* «горбатый» – х.-монг. *бөхгөр* «сутулый, горбатый», калм. *бүгш-/бөгш-* «гнуться, нагибаться», бур. *бүгты-* «нагибаться; горбиться, сутулиться», *бөктр* «горбатый, согнутый»; х.-монг. *бөх*, бур. *бүхэн*, даг. *буг/бүк*, калм. *бөки* «верблюжий горб»;

2) кырг. *богоо* «оковы, кандалы» – бур. *бугааг* «браслет», калм. *буһу* «браслет», х.-монг. *бугуйвч* «браслет»;

3) кырг. *буйга/буйтка* «укрытие» – калм. *бүг-*, х.-монг. *бүгэ-* «сидеть в засаде»;

4) кырг. *боо* «сноп» – х.-монг. *букаль*, бур. *бухал* «копна» и т.д. [ЭСМЯ, I: 103-116]. Эти примеры, взаимно дополняя, образуют общую систему лексических единиц, возводимых к пракорню *баг.

В-третьих, чередования звуков в сравниваемых словах разных языков соответствуют морфонологическим закономерностям, свойственным алтайским языкам.

Приведенные выше кыргызские номинанты связки не исключительны, а имеют аналоги в других языках тюркской группы:

1) переходный глагол с суффиксом *-ла*: а) аз. *баг-ла*, гаг., тур. *баа-ла*, турк. *бааг-ла-*, алт. диал. *буу-ла-*, *пааг-ла-*, *паг-ла*, *бав-ла-*, *пов-ло-*, каз., к.-балк., кырг., кум., тур. диал. *бай-ла-*, тат. диал. *пай-ла-*, *бэй-лэ-* (лит.) со значениями: а) «вязать» (кырг., тат.); «связывать» во всех языках; «завязывать» (аз., алт. диал., гаг., к.-бал., кум., тат., тур., турк.); «соединять» (гаг., тур.), «шнуровать, запаковывать» (тат.), «связывать, соединять» (турк.), «устанавливать связь, входить в контакт» (кум.), «заключать (договор, союз)» (аз., тур., турк.), «застегивать» (аз.); б) «закрывать, запира́ть» (аз., тур., турк.), «замыкать» (аз.); в) «обвязывать» (кум., тур.), «перевязывать» (гаг., кум., тат.); г) «привязывать» (аз., алт.диал., гаг., каз., кырг., кум., тур., турк.); «прикреплять» (турк.), «вовлекать, впутывать в что-л.» (тат.); д) «покрывать (голову)» (тур.), «покрываться» (аз., тур., турк.), «перекрывать» (турк.); ж) «околдовывать, очаровывать» (тур.), «завораживать, зачаровывать» (турк.); з) «причесывать (тур. о женщинах)»; и) «ставить на корм» (кырг.); эти примеры сравниваются с монг. *багла-* «завязывать в углы, образовать группы» (Г. Рамстедт), с болг. *баглама* «гитара», серб. *баглама* «дверная петля», алб. *резбаглама* «дверная петля»;

2) имена с суффиксом *-лы/-лыг/-луу*: аз., тур. *баглы*, турк. *бааглы*, тур. *баалы*, кырг. *боолуу*, др.-тюрк. *баглыг* со значениями: а) «связанный» (аз., вост.-тюрк., гаг., тур., турк.), «завязанный» (аз., гаг., тур., турк.), «застегнутый» (аз.), «зависящий, зависимый» (аз., гаг., тур., турк.); б) «связка, узелок, пачка» (аз.); в) «привязанный» (аз., гаг., тур., турк.),

«запертый, закрытый» (аз., тур., турк.), «взаперти» (аз.), «перевязанный» (турк.), «очарованный, покоренный, плененный» (др.-тюрк.), «втянутый, впутанный» (турк.), «имеющий завязку, шнур» (кырг.) [ЭСТЯ, 1978: 16].

3.4.4. К дополнительному обоснованию правомерности метатезы **kor/rok* в протоязыке. Пракорень *kor «вместе», вероятно, подвергался дистантной метатезе, получив трансформу *rok «вместе» с переставленными согласными. Корень *rok мог фонетически варьироваться в нескольких направлениях в виде: *рок/нак/нек/бок/бак/бек/фок/фак/фек/мок/мак/мек/пой/пай/ней/боо/бао/бав/бау* ... и модифицироваться семантически, приобретая различные конкретные и абстрактные, предметные и процессуальные, адъективные и количественные, самостоятельные и связанные и др. значения и выполняя функции номинантов совместности, помещенности, охваченности, закрытости, отдельности, прочности, связанности, округленности и т.д. с единой смысловой основой. Приведем отдельные группы лексических единиц языков Евразии, демонстрирующие метатезу и связанные между собой общностью значения. Во всех примерах представлены внутриязыковые и межъязыковые экспоненты метатезы **kor/rok*.

1. Значение целостности и объединенности: 1) и.-е. **vx/fx* в реконструкции М. Фасмера: а) общеслав. и балт. **vxъ/vxa/vxo* (x > c): рус. *весь, вся, все*; литов. *visas*, латыш. *viss*, др.-прусс. *wissa-* «весь, вся, все»; с.-хорв. *sav, сва, све* «весь, вся, все» (метатеза относительно русской формы) [Фасмер, 1986, I: 304]; б) иран.: авест. *vispa-* «весь, вся, все»; в) лат. *factiō* «группа», голл. *factie*, польск. *fakcja* «партия, группировка» [Фасмер, 1987, III: 183]; 2) тюрк.: кырг. *баки* «весь, вся, все», ср. *бакибиз* «все мы», *бүкүлү* «целиком»; тур. *баг* «род, родовое деление народа», кар. *бав* «союз»; 3) тунг.-маньч.: маньч. *баксан* «отряд войска», эвенк. *бэки/бэкьчын/бөкөчөн* «весь; всего, итого; целый, полный, целиком, полностью», *букули/богли/бугли* «весь, все; очень», сол. *бухули* «цельный» [ССТМЯ, I: 123, 165]; 4) монг.: бур. *бухэ*, монг. *бух* «весь, общий», п.-монг. *бүкү* «весь, общий», *бугэдэ*, калм., х.-монг.

бугд «все», бур. *букэлэ*, калм. *букл*, х.-монг. *бухэл* «цельный, весь, целиком» [ЭСМЯ, I: 122-123; ССТМЯ, I: 165].

2. Значения помещенности в чем-либо: 1) и.-е.: голл. *vak* «резервуар, таз, лохань», нем. *Vack* «глубокая деревянная миска для матросского стола», англ. *back*, фр. *bas* «сосуд, чан» и др. [Фасмер, 1986, I: 110]; бел., рус. *бак* «сосуд для воды», болг. *бака*, польск. *bak* – то же [Шанский, I: 13]; рус. *пак*, *пачка*, *паковать*, нем. *rachen* «увязывать, паковать»; итал. *bocca* «рот», *boccade*, фр. *bocal*, рус. *бокал*, которые восходят к лат. *baucālis*, греч. *bavkalis* «сосуд» [Фасмер, 1986, I: 153] – алт.: тур. *kap*, *kabi* «сосуд» [БРТС: 556]; ср. также: ульч. *капта* «сверток, пакет», нег. *капта/кавта* «сверток, пакет», эвенк. *каптук* «мешочек, сумочка» и др. [ССТМЯ, I: 376-377] данное соответствие подтверждает метатезу *пак* × *кап*; слав.: рус. *баклажка*, польск. *baklaszka* «металлическая фляжка», *баклага* «фляга, посудина» + суф. *-к(а)*; тат. (тюрк.) *баклак/бакла* «посуда, род посуды» в сравнении с рус. *баклуша* «отрубок древесины, обработанный вчерне для выделки из нее посуды и ложек», рус. диал. *баклуша* «баклага», *баклан* «чурбан, баклуша», *бакловка* «сосуд для молока», *баклаха* «глиняная посуда», укр. *бакло*, *бокла* – то же [Шанский, I: 15-16].

3. Значения нечистоты, загрязненности: 1) слав.: рус. *багно* «грязь, болотное место» [Фасмер, 1986, I: 102]; рус. лит. *пакость* – рус. диал. *капость* (метатеза), болг. *пакост* «вред», словен. *pakost* «превратность»; рус. *пакула* «кап, нарост на стволе дерева» (ср. метатезу *пак-* и *кап*); 2) угрофин.: кар. *rakkiili* «березовая губка», фин. *rakkiula* – то же, коми *rakula/bakula* – то же; 3) тунгусо-маньч.: эвенк. *боки* «смола», сол. *бохи* «смола»; монг.: п.-монг. *боки* «нагар (в трубке), смола», монг. *бохь* «сера жевательная, смола» [ССТМЯ, I: 90]; 4) тюрк.: чув. *пакā* «пакость», *пах* «кал, навоз» [Фасмер, 1987, III: 188-189].

Вот здесь в связи с данным значением протокорня мы более подробно остановимся на фактах тюркских языков: 1) *боқ* – алт. диал., баш., вост.-тюрк., каз., кар.к., к.калп., кырг., кр.-тат., куман., ног., тув., тур. диал., турк.,

узб., уйг. диал., чаг.; 2) *бок* – гаг., кар.г., тур.; 3) *бох* – кар.т., тур., уйг. диал.; 4) *бог* – тур. диал., уйг. диал.; 5) *пог* – койб., саг.; 6) *поқ* – алт., бар., др.-уйг., кач., койб., леб., саг., тел., тув. диал., шор.; 7) *пox* – аз., тур., уйг. диал., хак. (*пoxcax* «сор, мусор, хлам, рухлядь»); 8) *пӑх* – чув.; 9) *моқ* – тув. диал.; 10) *бук* – тат. диал.; 11) *бак* – караг.; 12) *богу* – тур.диал.; только в последнем примере появляется эпитетический звук.

Эти слова выражают большой круг значений в том числе – собирательные. Приведем составляющие этой семантической парадигмы: 1) «помет, навоз, испражнения, экскременты, кал, фекалии» (ср. корень *фек*- «помет») – во всех языках; «нечистоты» - бал., койб., саг.; «отбросы» – бал., к.калп.; «все омерзительное, тошнотворное, отвратительное, гнусное, плохое» – др.-тюрк.; 2) «грязь» – бал., каз., кр.-тат., тур. диал., турк., узб. диал., уйг. диал., чаг.; «сор, мусор» – тув., хак.; «гадость» – тат. диал.; «сорный, мусорный» – тув.; 3) «неприличие, глупость» – др.-тюрк., каз., кр.-тат., тур. диал., турк., узб. диал., уйг. диал., чаг.; «плесень (на хлебе) и т.д.» – койб., саг. и др.

Тюркские слова мы сравниваем с примерами в других алтайских языках: 1) бур., калм., х.-монг. *бог* «сор, мусор; остатки, отбросы; грязь; мелкий (о скоте)», *бага*- «шлак» [ЭСМЯ, I: 93; ЭСТЯ, 1978: 183]; 2) енис.-остяк. *фог* «остатки, отбросы, грязь, мусор» (Г. Рамстедт) [ЭСТЯ, 1978: 183] и в и.-е. языках: осетин. *буг/буга* «сор, рвань, хлам», славян. *бок-лук* «навоз» [ЭСТЯ, 1978: 183]. Последние, возможно, заимствования, но они не существенны для ностратики.

4. Значение вспученности и расширенности в объеме. Общетюркский корень *көп*- «увеличиваться в объеме; вспухать; раздуваться» имеет вариант с переставленными согласными в виде *пөк/бөк*: 1) субстантивная форма: кырг. диал. *пөк* «трухлявый, дуплистый (о дереве); дряблый, растяпа (о человеке)», *пөгө* «тупой конец яйца», кырг. *бөк* «холм, возвышенность; спинка альчика»; тув. *пөк* «сытый, насытившийся»; сойот. *пөк* «сытый»; 2) глагольная форма: а) *бөк*- – др.-тюрк., каз., кырг., ног.; б) *пөк*- – тув.; в) *рок*- – тоф.; г) *пек*- – с.-

юг.; д) *бук-/буй-* – баш.; е) *бық* – кар.к.; ж) *бык* – гаг., тур. со значениями: а) «наедаться, насыщаться» – др.-тюрк., с.-юг., сойот., тув.; «насытиться (жирной пищей)» – тоф.; «объедаться, переедать, пресыщаться» – др.-тюрк., каз., ног., тур.; «переедать до отвращения» – баш.; б) «испытывать отвращение» – тур.; «опостылеть» – кар.к.; «надоедать» – гаг.; «испытывать скуку» – тур.; в) «удовлетворяться, быть довольным; наслаждаться» – др.-тюрк. [ЭСТЯ, 1978: 281]. Эти примеры согласно метатезе сближаются с монгольскими: бур. *хабда-*, даг. *хавда-*, калм., х.-монг. *хавд-* «опухать, отекает» [ЭСМЯ, III: 16], бур. *бөөгнэ-* «чувствовать тяжесть в желудке», х.-монг. *бөөгнө-* «скапливаться, собираться» [ЭСМЯ, I: 103] и тунгусо-маньчжурскими: эвенк. *кэпэ* «распухнуть, покрыться пузырьками (о теле), вздуться (о реке)», *кэпэн* «опухоль», нег. *кунули* «выпуклый; круглый», *кунэ-* «вздуться, раздуться», нан. *кунул* «выпукло, шарообразно» и др. [ССТМЯ, I: 452].

5. Корень **kor* «головной убор» представлен в и.-е. языках: 1) слав.: рус. *кана* «шапка», *наканка* «женское покрывало на голову в виде фаты», укр. *кана* (др.-рус. *кана* «мера зерна»), рус. *капелюх* «шапка, фуражка, шапка с ушами», *капар/капор* «вид головного убора»; 2) голл. *kapen* «шапка»; ср.-лат. *sarra* «клобук» (метатеза *сар-* и *бук-*); итал. *sapparo, capero* «клобук, капюшон», чеш. *kaptour*, польск. *kaptur* «клобук, капюшон», др.-рус. *каптур/каптура* «теплая шапка» и др. [Фасмер, 1986, II: 183-184, 187]. Метатезу этого корня мы усматриваем в составе ряда слов евразийских языков. Например, вторая часть общеславянского слова *клобук* (рус., укр.; с.-хорв. *клобук* «шапка, шляпа», словен. *klobuk* «шляпа, шлем; основа стропил»), польск. *klobuk/kobluk* «высокая шапка, монашеский клобук» [Фасмер, 1986, II: 252] имеет этимологическую связь с межтюркским названием шапки.

3.4.5. О происхождении слова *калтак* в языках Евразии. Кыргызские корневые морфемы *-нак* в слове *калтак* «остроконечная войлочная шапка» и *-пек/-пег* в словах *телтек* «шапка из меха, шапка-ушанка; шапка из дорогого

меха; (ирон.) растяпа, шляпа (о человеке)», *телнегей* «род войлочной широкополой шляпы» (-нек сравнивается с *кеп*- в слове *кепка* на условиях метатезы) имеют соответствия в других родственных языках: а) *қалпақ* – баш., гаг., каз., кар.к., к.-калп., кум., кр.-тат., ног., тат., тур., турк., уйг.; б) *қалпоғ* – узб. диал.; в) *қалфақ* – бал., тат.; г) *калпак* – уйг. диал., чаг., чув.; д) *қалбақ* – тат. диал.; е) *галпак* – тур. диал.; ж) *халбах, халпах* – тув.; з) *халпаақ* – як.; и) *карпак* – тур. диал. (с субституцией л/р); к) *қалабақ* – тур. диал. Следует отметить, что второй слог общетюркских названий шапки очень сходен с тунгусо-маньчжурскими названиями: удег. *богдо* «шапка (мужская. охотничья)», орок. *бодб* «одежда (мужская, короткая)», нан. *ббгдо* «шапка (мужская, охотничья) зимняя» [ССТМЯ, I: 87].

Межтюркские слова используются для выражения значений: а) «шляпа из войлока, высокая конусообразная с загнутыми вверх полями» – кырг.; «вид мужской войлочной шляпы» – уйг.диал.; «остроконечная войлочная шапка» – кырг.; «островерхая шапка» – тел.; «войлочная шляпа» – бал., лоб.; «войлочный калпак» – узб., «колпак» – баш., каз., к.калп., кырг., кум., ног., тат., уйг., як.; б) «шапка» – тур. (из ягнячьей шкуры), « меховая шапка» – гаг., «мохнатая шапка» – кар.к., лоб., с.-юг., чув.; «папаха» – гаг.; в) «старинный женский головной убор, украшенный монетами» – тат. диал.; «женская шапка» – тат., чув.; «головной женский убор, похожий на чепчик» – як.; г) «войлочная тюбетейка у татар» – тат. диал., «тюбетейка» – узб. диал.; «детская шапочка, чепец» – чув.; д) «детские волосы до первой стрижки» – турк., «хохолок петуха» – тур. диал.; е) «крышка, покрывка, которая надевается на что-н.» – кырг., тат. диал.; «заглушка для самовара» – баш. диал., «крышка для самовара» – кырг., тат. диал.; «абажур» – хак. диал. [ЭСТЯ, 1997: 234-235].

Мы считаем, что слово *қалпақ* состоит из двух частей: **қал* «голова» и **пақ* «мешочек».

Некоторые ученые, например Г. Рамстедт, М. Рясенен, сравнивают общетюркское *калпак* «войлочная остроконечная шапка» с монгольскими:

монг. *халваң* «большая, высокая и четырехугольная женская шапка», ойрат. *хаввң* – то же, дербет. *халвң* «девичья шапка». Здесь допускается чередование *пак/ваң/вң*. Тувинское *халваң* «уши (к зимней шапке); мочки уха» считается как заимствование из монгольских языков [ЭСТЯ, 1997: 235]; ср. также хак. *халбах*, *хулах* «имеющий большие уши, вислоухий», *қалбай-* «становиться плоским, широким», *қалбақ* «широкий (об одежде), повисший, отвислый», тоф. *қалпақ* «плоский»; ср. ног. *йалпақ* «плоский», *йалпай-* «становиться плоским».

Обратимся к основаниям предположения о составляющих частях слова *калпак*: *кал* + *пак*, которые имеют соответствия в целом ряде языков Евразии.

Первую часть можно возвести к корню **кал/кол* «голая голова», рефлексам которых, вероятно, являются слова:

1) дагест.: таб. *кІул* «голова, колос, сосок», агул. *кІил* «голова», цах. *вукІуль* «женская голова», рут. *квул* «голова», крыз. *кьыл*, лез. *кьил*, буд. *кьаьль* «голова», цах. *калле*, лез. *келле* «голова»;

2) и.-е.: лат. *calva* «череп», *calvus* «лысый», др.-ирл. *kollr* «голова, округлая вершина горы», д.-в.-нем. *callus* «череп», др.-прусс. *gallu*, литов. *galva*, латыш. *galva* «голова», арм. *gluh* «голова»; ст.-слав., болг. *глава*, польск., н.-луж. *glowa*, в.-луж. *hlowa* «голова» [Фасмер, 1986, I: 429]; рус. *голый*;

3) тюрк.: кырг. диал., узб., *кал* «плешивый, с плешью, облысевший», кырг. диал. *калла/калда/келде* «голова»; аз. *калла* «голова», як. *халтаң* «голый (без шерсти)», *халтаңнā-* «оголять»;

4) тунгусо-маньч.: нан. *қалдā* «шарик», сол. *халжā* «плешивый», *халжī* «плешь, лысина; плешивый», маньч. *қалжа* «лысина (ото лба до темени), лысинка (на лбу у скота)», *қалчакун*, *қалчасун*, *қалчухун* «лысый, широколобый, голый»;

5) монг.: письм.-монг. *халжан/халжин* «лысый, плешивый; лысина, звездочка на лбу (например, у лошади); просека, прямо спереди», *халала-* «делать лысым», *халара-* «плешиветь, лысеть», бур. *халзан* «лысый,

плешивый; со звездочкой на лбу (о животных)» и др. [ССТМЯ, II: 366; ЭСМЯ, III: 22]. Эти примеры объясняют этимологию первого компонента слова *калпак/клобук*.

Вторую часть слова мы связываем с распространенным евразийским корнем **пак* «мешочек». Ср. например: нем. *Pack* «пакет», *rachen* «увязывать, паковать», польск. *pak/paka* «пакет, связка», *paکو-wac* «паковать», бел., рус., укр. *пачка, пакет* и др.

Кыргызский неологизм *беткап* «маска» (букв. «лицо+мешочек») мотивирован не только фактами тюркских языков. В монгольских языках слово *баг* «маска» (бур., х.-монг.) [ЭСМЯ, I: 66] и эвенк. *паг* «щека» представляют собой метатезу по отношению к кыргызскому *-кап* в названии маски и прямое фонетическое соответствие части *-пак* в слове *калпак* и второй части слова *бетбак* «бесстыжий, бессовестный» (букв. «лицо+маска»). В этом контексте обращают на себя внимание маньчжурские примеры: *бокида* «привески (жемчужные и др.); головной убор (женский, китайский, с привесками)», *бокита/покида* «головка стрелы (костяная, глухая, без дырочек)».

3.4.6. Евразийский корень **рок* «вместе» с точки зрения синологии.

Вторая половина метатезы **кор/рок* «вместе, совместно» могла иметь в языках Евразии множество трансформ (*пек/пак ... бек/бак ... фек/фак/... мак/мек ... бей/бий ... баа/боо ... ва/ву ...* и т.д.) и семантических модификаций. В ханью мы имеем в основном открытые слоги, поскольку конечный согласный в нем под действием закона открытого слога [Яхонтов, 1965: 26-29; Введ.: 359-362, 421-547] подвергся апокопе и выпал из состава корня, иногда преобразуясь в элементы дифтонгов или в согласный *-нг/-ң*.

Мы ниже приведем некоторые факты из этого языка, демонстрирующие особенности преобразования варианта пракорня на его почве.

В древне-китайском языке был корень **pēk* → др.-кит. *prāk* → ср.-кит. *pāik* → совр. *во* «быть старшим, старейшиной рода» (Б. Карлгрен, С.А. Старостин, А.В. Дыбо) [Тенишев, 1988, Дыбо, 2006: 774-775], который имеет

отношение к рассматриваемому корню и сравнивается с фактами современных языков:

1) кит. *bì* «государь, господин, владыка; трон, ранг» [Введ.: 335], *wáng* «король, князь, царь» [КРС, 2008: 925] – тюрк.: баш., каз., тат. *би*, кырг. *бий*, бек, алт. *бий*, *ний*, *нег* (см. выше), и.-е.: ср.-в.-нем. *vogen* «правитель, смотритель», бел., рус. *войт* «городской глава; сельский староста», польск. *wojt* «деревенский староста, чиновник» [Фасмер, 1986, I: 334];

2) *bì* «закрыть/закрытие, затворить, взаперти» [КРС, 2008: 42] и *wǐ* «закрыть/закрытие, зажать/зажатие, прикрыть/прикрытие» [КРС, 2008: 965] – алт.: общетюрк. *бек* «закрыто/закрытый»; монг. *бэхил-* «укреплять», эвенк. *бэкилэ-* «закрепить, прикрепить» [ССТМЯ, I: 123]; и.-е.: латыш. *vaks*, литов. *voka* «крышка», словен. *veka* «крышка, веко», рус., бел. *веко* [Фасмер, 1986, I: 286];

3) кит. *bào* «вздуться; портить» [КРС, 2008: 32], *pào* «пузырь, пена; волдырь; мочить, мочка, мочеение; убивать время» [КРС, 2008: 699], *pāo* «рыхлый/рыхлость» [КРС, 2008: 668], *bang* «бух, бухание» [КРС, 2008: 23] – тунг.-маньч.: эвенк. *бэхир-* «вздуться (о животе)» [ССТМЯ, I: 123]; и.-е.: рус. *бух-* в словах *бухнуть*, *разбухать*, словен. *buhñiti* «набухать» и т.д.; н.-в.-нем. *bausen* «набухать» (*bau-*), н.-в.-нем. *Bausch* «выпухлость» [Фасмер, 1986, I: 241]; дагест.: лезг. *пих*, крыз. *пех* «волдырь», дарг. *бакIри* «прыщ» (метатеза: цахур. *къабар*, лез. *къабар* «волдырь») [Хайдаков: 49];

4) *bēi* «чашка, стакан, рюмка, бокал» – и.-е.: ст.-лат. *baucalis*, греч. *baukalis* «сосуд», рус. *бак*, фр. *vas* «чан, бак»; англ.-сакс. *vis* «кувшин» [Фасмер, 1986, I: 153]; фр. *bocal*, рус. *бокал*; греч. *vagen* «бочка», рус. *ваган* «корыто, деревянная миска»; ф.-угор.: эстон. *vaagan* «миска», мордов. *vakan* «миска» [Фасмер, 1986, I: 264];

5) *bo* «богатый, богатство, обильный/обилие/обильность» – рус. *богатый*, кырг. *бай* «богатый, обильный», рус. *богатство* = кырг. *байлык*; эвенк. *бай/байан* «богатый, богач, богатство», *байта-* «богатеть», нег. *байан* «богатый, богач, богатеть», ороch., уд., ульч. *байа(н)-* то же [ССТМЯ, I: 65];

6) *bāo* «обертывать/обертка, завертывать/завертка, закутывать, обвязывать/обвязка, паковать/паковка, завертывать/обертывать/ паковать покупки, закутать, пеленать (ребенка); сверток; узел, пакет; тюк, кипа; сумка, пакет; сверток, узел; шишка» [КРС, 2008: 23], *fù* «связать, завязать» [КРС, 2008: 277] – алт.: бур. *баг* «связка, пучок; группа, отряд», *баглаа* «связка, пачка, пучок, прядь», *бакса* «связка, пачка, кипа» [ЭСМЯ, I: 68]; кырг. *боо*, узб. *баг* «веревка, завязка, шнурок; сноп, связка»; ороц. *баки-* «завернуть», ульч. *бақси* «пучок, связка; вязанка, сноп» [ССТМЯ, I: 67, 68]; и.-е.: общеслав. *букет*; др.-исл. *vich* «вязанка соломы или камыша», д.-в.-нем. *wisk* «пучок, соломенный жгут», др.-ирл. *vaua* «ветвь» и др. [Фасмер, 1986, I: 308];

7) *bǎo* «сытый, сытость, наестся, насытиться; вдоволь, на-» [КРС, 2008: 26] – эвенк. *бэхир-* «вздуться (о животе)» [ССТМЯ, I: 123];

8) *bǎo* «сохранить/сохранение» [КРС, 2008: 28], *bǎo* «защищать/защита, порука» [КРС, 2008: 26] – т.-маньч.: сол. *буугуу-* «сохранить», ороц. *буй-/буи-* «беречь, сохранять; держать (в чемодане), ящике» [ССТМЯ, I: 102]; и.-е.: англ. *back* «защитник, задний игрок», чеш. *bek/back*, рус. *бек* «защитник» [Фасмер, I: 82-83]; рус. *вахта/вахтер*, нем. *Wacht* «стража», голл. *wacht* «охрана» [Фасмер, I: 280];

9) *fú* «счастье, благо, благоденствие» [с. 270] – кырг. *бак* «счастье, благо, благополучие; успех, везение»;

10) *rǎo* «кучка» [с. 668] – маньч. *биха/бихан* «кроха, кусочек, малая часть (чего-л.)» [ССТМЯ, I: 81]; маньч. *буктан/буктала* «куча, груды, ворох», *буктан-буктан* «целые кучи, груды, вороха, костры, копны» [ССТМЯ, I: 105]; рус. *вяка* «куча; ветвь; удар, тумак» [Фасмер, 1986, I: 317];

11) *bì* «укрываться, избегать/избегание, уклониться/уклонение» [КРС, 2008: 44] – алт.: нан. *бугда-* «скрываться, спрятаться, бежать», маньч. *буси-* «скрываться, садиться в засаду»; п.-монг. *бүггү-* «скрываться, садиться в засаду», монг. *бүгүүлэ-* «скрывать, прятать, устраивать засаду» [ССТМЯ, I: 102];

12) *pī* «оптом, гуртом; партия, группа» [с. 675] – калм. *букл* «цельный, весь целиком» [ЭСМЯ, I: 122-123], кырг. *бүкүлү* «целиком»;

13) *pí* «кожа, кожица, шкура, кожура, кора; мех, кожаный, меховой; поверхность» [КРС, 2008: 676] – слав.: рус. *бугай* «верхнее платье на меху» [Фасмер, 1986, I: 209]; дагест.: арч. *пакьут* «кора», авар. *маквар* «кора», лак. *макъара* «скорлупа» (метатеза: дарг. *хам* «кора») [Хайдаков: 64]; гуыз. *мага* «кожа, шкура», таб. *хам* «кожа, козья шкура» (метатеза: лак. диал. *кам/кабу/кабц* «шкура») [Хайдаков: 34];

14) *pì* «огород, бакча, питомник, цветник» [КРС, 2008: 693], *wéi* «обнести, огородить/огораживание, усесться в кружок; закутать, повязать; обхват, охват» [КРС, 2008: 941] – кырг. *бак* «сад, дерево; счастье, успех; доля, везение, удача»; *бакча* «огород, садик»; монгор. *баг* «куст, дерево»;

15) *fú* «одежда, платье, костюм; траур, траурный костюм» [КРС, 2008: 268], *pī* «накинуть/накидка, внакидку; раскрыть/раскрытие» [КРС, 2008: 675] – рус. *быгать, обыгать, обыгнуть* «закутать; обигать, обогнуть», *обыга, обыгало, обыгутка* «верхняя одежда, дождевик, шуба» [Фасмер, 1986, I: 257];

16) *bēi* «нести (на спине), взваливать (на спину)» [КРС, 2008: 32] – и.-е.: др.-сев. *bak* «спина», др.-в.-нем. *bah*, англ. *back* «спина», общеслав. *бок* [Шанский, I: 153]; дагест.: ав. *муг*, анд. *мигьул* «спина», лак. *махъалу* «зад», гуыз. *мышъэр* «спина» [Хайдаков: 43];

17) *biāo* «великан; рослый/дородный мужчина, здоровенный детина, верзила; богатырский, рослый, рослость; тигрёнок» [КРС, 2008: 50] – бур. *бүхэ*, дагур. *бүкэ*, калм. *бөк*, х.-монг. *бөх* «силач, борец; прочный, крепкий» [ЭСМЯ, I: 104]; маньч. *буху* «сильный борец, силач, здоровяк», сол. *буху* «борец» [ССТМЯ, I: 105];

18) *fù* «связать, завязать» [КРС, 2008: 277], *wī* «дом, здание, комната» [КРС, 2008: 956] – орок. *бээ* «место (в жилище)», уд. *бээ* «место (в жилище); постель, нары, кровать» [ССТМЯ, I: 78];

19) *fù* «связать, завязать» [КРС, 2008: 277], *pēi* «соединиться (браком), вступить в брак, пожениться, сочетаться браком; составить/составление,

подбирать/подбор; случать/случка» [КРС, 2008: 672] – огуз. яз. *бах-* «связывать, соединять» [Фасмер, 1986, I: 60];

20) *bǎo* «драгоценность, ценный, высоко ценить» – кырг. *баа* «цена, оценка» [Введ.: 362]; *bǎoluó* «охватывать/охватывание, включать в себя/включение в себя» [КРС, 2008: 24] – кырг. 1) *баалоо* «оценивать/оценивание»; 2) *боолоо* «вязать снопы»;

21) *bàì* «класть (земные) поклоны, поклониться (в ноги), поздравлять/поздравление» [КРС, 2008: 18] – бур. *бүгты-* «нагибаться; горбиться, сутулиться», калм. *бөгш-/бүгш-* «гнутья, нагибаться» [ЭСМЯ, I: 105], кырг. *бүкүрү* «горбун», *бүкүрөй-* «горбиться, сутулиться, нагибаться»; дагест.: арч. *буккас* «согнутья, нагнутья», (метатеза: гунз. *мукьела, мукья, укья* «нагнутья») [Хайдаков: 131];

22) *wō* «гнездо; логовище, логово; нора» [КРС, 2008: 954] – ульч. *бо* «бугор, куча земли (из норы)», эвенк. *буга* «бугор, вход в берлогу», *буган* «бугор, куча земли (которую нарывает медведь, копая себе берлогу)» [Введ.: 101] (ср. здесь рус. корни *буг-* и *коп-*, находящиеся в метатетических отношениях).

Эти примеры со значительной долей вероятности могут подтвердить единство трансформ ностратического корня, звуковые сходства и различия которых подчиняются общезыковым закономерностям и вовсе не противоречат им. Каждый из пунктов сопоставлений имеет аналоги и поддерживаются другими фактами. Семантические сближения также мотивированы лингвистически и не должны вызвать сомнение, если учесть отдаленность периода распада ностратического праязыка на наречия, диалекты и говоры, послужившие исходом образования современных языковых семей.

3.4.7. Некоторые выводы. Сравнительный анализ целого ряда лексических единиц алтайских языков в контексте отдельных аналогичных фактов индоевропейских, уральских, дагестанских и китайского языков позволяет сделать некоторые общие выводы.

1. В ностратическом праязыке, вероятно, существовал пракорень **kor* «много, собирать/собираться».

2. В процессе дивергенции праязыка, возникновения на его основе ряда новых языков, языковых групп и семей этот корень трансформировался, подвергаясь различным фонетическим изменениям и приобретая многообразное звучание.

3. Основными трансформами архетипа **kor* в языках Евразии являются: 1) *кор/кен/көн/куп/күн/көб/кеб/куб/күб/ков/кев/көв/кув/күв*; 2) *ком/кем/көм/кум/күм/кон/кен/көн/кун/күн/гон/ген/гун/гүн*; *куаң*; 3) *кой/кей/көй/куй/күй*; 4) *хаа/хуу/куу/кьу/кьIу*; 5) *ку/гу/ке/га/куа/коу/гао/гао/куей* и др. Типы чередований в трансформах корня соответствуют морфонологическим закономерностям, которые характерны ностратическим языкам в целом [Долгопольский, 1967: 97].

4. В языках Евразии цельное архетипическое значение «много, собирать/собираться», модифицируясь, расширяясь и обогащаясь, приобрело многообразные семантические функции. Среди этих функций мы особо выделяем значения:

1) субстантивные: «собрание», «сбор», «увеличение», «опухоль», «община», «группа», «коллектив», «мешок», «ножны», «совокупность», «множество», «масса (народная)», «множественность», «легкая припухлость», «пухлость», «болезнь, проявляющаяся во вздутии (живота) у животных, наевшихся ядовитой травы», «пена», «гриб», «губка», «губка на дереве», «ком», «шишка», «выпуклость», «жевок», «нарост», «закваска», «олады», «матрац», «перина», «вата», «хлопок», «сторонник жизни коллективом (антипод эгоиста и индивидуалиста)», «подушка», «покрывало люльки», «небольшой ватный тюфяк в колыбели», «попона верлюда», «ковер с длинным ворсом», «большая лепешка из кислого теста», «блины из пшеничной муки», «пузырь (рыбий)», «сливки», «сборы», «подготовка», «снаряжение», «вид сладости из теста, который жарят в масле на сковороде», «подстилка на седло (заменяющая подушку)», «мягкая пуховая подушка»,

«пышная постель», «первый пух на теле птенца», «пышность, роскошь», «компания, товарищество», «ложка (большая деревянная), поварешка, черпак, ковш (для снятия пены, сливок)», «помощь», «подмога», «содействие», «поддержка», «подкрепление», «пособие», «куча, толпа людей, скопище», «комбинация», «объединение (в союз)», «объединение, союз», «мешок, сумка, пакет, коробка, ящик, тара, оболочка, охапка, крышка, дверь, дом, двор...», «сумка кожаная», «сума, кошелек», «куль», «кулек», «коробка», «тара», «посуда», «сосуд», «посудина», «футляр», «чехол», «кобура», «покрышка», «оболочка», «обложка», «переплет», «корка», «стручок», «(школьная) сумка», «(денежная) сумма», «кора, кожа, скорлупа», «(соломенный) мешок», «кора (деревьев)», «оболочка, шелуха», «отруби», «мешочек», «футляр (для курительной трубки)», «кисет», «сумочка (охотничья, из лосиной или рыбьей кожи)», «мешочек, сумочка; трутница», «набрюшник (мужской); патронташ», «колчан», «покрышка; наволочка; веко», «ящик (для хранения стрел и другого оружия)», «сундук», «бочка», «сноп, связка соломы», «капюшон», «клубок», «конусообразная, полуоткрытая палатка; чум», «болванка», «колодка», «объем, величина», «протяжение», «способ, манера», «одежда», «маска, лицо», «платье, наряд», «футлярчик для кос», «фигура», «внешний вид», «образ, обличье», «форма, натура; настроение; кайф, опьянение», «рубашка, платье», «бурка», «тулуп, шуба», «одежда (летняя)», «шапка», «дупло, ямка, впадина; нора, берлога; сердцевина, проход (о колоде); ружье», «большой чан», «дождевой плащ без рукавов, изготовленный из шерсти, войлока, который надевают погонщики верблюдов, пастухи, крестьяне», «вид одежды из войлока, кафтан», «образец, модель», «саван», «дверь», «калитка», «ворота», «приемная комната, приемные покои, зала для приема; дворец, дворец султана», «присутственное место, место службы», «тюрьма», «балкон для навеса», «улица», «городские ворота», «крепостные ворота», «хозяйство, дом», «крышка; шкура (летняя)», «шапка (женская венчальная), венец», «выкройка; телосложение; вплотную», «шкура», «коробка (берестяная, для хранения мелких предметов)», «холм,

возвышение», «крышка», «панцирь (черепахи); раковина (улитки)», «колпак», «охапка (чего-либо)», «обнимание, объятия; охапка», «родня», «общество, социум, коллектив», «хижина», «рука, ладонь, пальцы», «кисть руки, рука помощи, подмога», «группа, табун, стая, коллектив, много, множество, число, количество, совокупность», «отряд, дружина, группа, кружок, бригада, организация, масса», «сомнение, опасение, беспокойство, тревога», «комплект, набор», «яма, подземелье; отверстие (в земле); пещера, землянка», «товарный склад, пакгауз, амбар, кладовая», «склад, хлебный амбар», «палата, камера, чулан», «подозрение», «покупка, продажа», «купец, торговец, коммерсант», «торговля», «дутье, вздутие; барабан, бубен», «вздутость живота», «рот, уста, пасть; горлышко (горло) бутылки; застава; проход, устье», «карман», «небольшая бочка, бокал», «пузатый сосуд с горлышком», «увеличение, скопление», «великан», «раковина, гильза», «череп, чаша, ложка», «гнездо, логовище, конура», «погреб» «кабанье логово», «убежище», «хлев, клетка», «(китайский) халат, кофта, куртка, рубашка», «волокуша», «обвязка, обруч», «маска», «корзина», «ларь», «рост», «толпа», «кипа, тюк, пачка, выюк», «вспомогательное войско»;

2) процессуальные: «собирать», «собираться», «объединять», «объединяться», «увеличивать», «увеличиваться», «раздуваться», «вздуваться», «надуваться», «вспучиваться», «увеличиваться (в объеме)», «вздymаться грудой», «распухнуть», «вспухать», «пухнуть (о животе)», «отекасть», «подниматься (о тесте)», «бродить», «закисать», «пениться», «киснуть», «важничать», «бахвалиться», «зазнаваться», «чваниться», «опухать», «распухать», «делаться многочисленным», «увеличиваться количественно», «действовать скопом/массой», «увеличиться количественно», «становиться многочисленным», «болеть от переедания», «всплыть», «всплывать», «плавать», «дрейфовать», «пучить», «плавать на поверхности, подниматься на поверхность», «бежать по глубокому снегу», «покрыться пузырьками (о), вздуться (о реке)», «обхватить, взять в охапку», «смешать», «раздуться (о ногах, руках)», «собирать (в одно место),

складывать, убирать», «собираться, готовиться, снаряжаться (в путь)», «усиливать», «охватывать, вовлекать, включать», «сгребать, загребать; захватывать все», «присоединяться», «убирать, подбирать; складывать вместе; сгонять в одно место», «присоединяться, присовокупляться, причисляться; складываться; женить», «объединяться, соединяться», «комбинировать», «обдирать, снимать кожу», «класть в мешок / в кошелек / в кисет», «вложить в футляр/в ножны; надеть чехол», «класть в ящик; замечать, запоминать», «класть в ящик/в сундук», «придавать форму, вид; натягивать, растягивать (лук), распяливать (шкуру), наполнять (мешок)», «набросить на себя одежду», «покрыться чем-либо, накинуть, надеть на себя что-либо», «окутать, закутать; окутаться, закутаться», «запахнуться, застегнуться», «надеть внакидку», «наложить выкройку, трафарет; натянуть на форму», «покрыть, накрыть», «укрыться (с головой)», «венчать», «накрыть (кастрюлю крышкой)», «крыть», «закрыть, накрыть (что-либо целиком)», «надевать калпак на что-либо; класть в футляр; вкладывать в ножны (меч)», «держаться в объятиях», «обнять, заключить в объятия, обхватить руками», «целовать, ласкать, жалеть», «сомневаться, подозревать, тревожиться», «накоплять/накопиться», «хватить/хватит, обладать полностью», «рыть, копать, прокапывать», «купить, продать», «заниматься торговлей», «промышлять торговлей», «дуть», «надуться, раздувать», «преувеличивать, приукрашивать, утрировать», «вздymаться (выситься, возвышаться) над, превосходить; быть выше; соединять, совмещать; прибавлять, присоединять; охватывать, окружать; иметь (владеть) во множестве, включать в себя; аннексировать», «набить обручи на/охватить (перетянуть) обручами» «окутать/окутаться, закутать/закутаться», «спрятать, скрыть; строить», «смешивать, быть смешанным; не различать», «связывать, обвязывать», «плести»;

3) адъективные: «раздутый», «пухлый», «многочисленный», «обильный», «множественный», «вздутый», «опухший», «вздущийся», «рыхлый», «пушистый», «пышный», «пористый», «вспученный», «дряблый»,

«роскошный», «выпуклый; круглый, гладкий (о чурке)», «целый», «распухший, вздувшийся», «коллективный», «объединенный», «объединенные нации», «быстрый, поспешный, мгновенный», «комплектный», «собранный, накопленный», «толстый, пузатый», «высокий, высший»;

4) адвербиальные: «много», «часто», «нередко», «далеко», «долго», «очень», «в избытке», «(изобр.) выпукло, шарообразно», «совокупно», «вместе», «совсем», «сообща, совместно», «тесно», «близко», «плотно», «сжато, крепко», «кругом (окутать)», «(изобр.) плотно закрыв, опрокинув», «быстро, моментально, мгновенно, немедленно», «поспешно», «множество, во множестве, достаточно, часто, вдоволь, досыта», «в полной мере», «высоко», «всей массой»;

5) прономинативные: «все», «весь», «все (без исключения)»;

6) релятивные: «с/со, вместе с, совместно; и, также...».

5. Рассмотренные выше трансформы архетипа **kor* имеют аналогичные рефлексы и в других языковых семьях – дравидийских, индоевропейских, уральских, семито-хамитских и прочих.

3.5. Пракорень **put/*tur* «нога» в языках Евразии

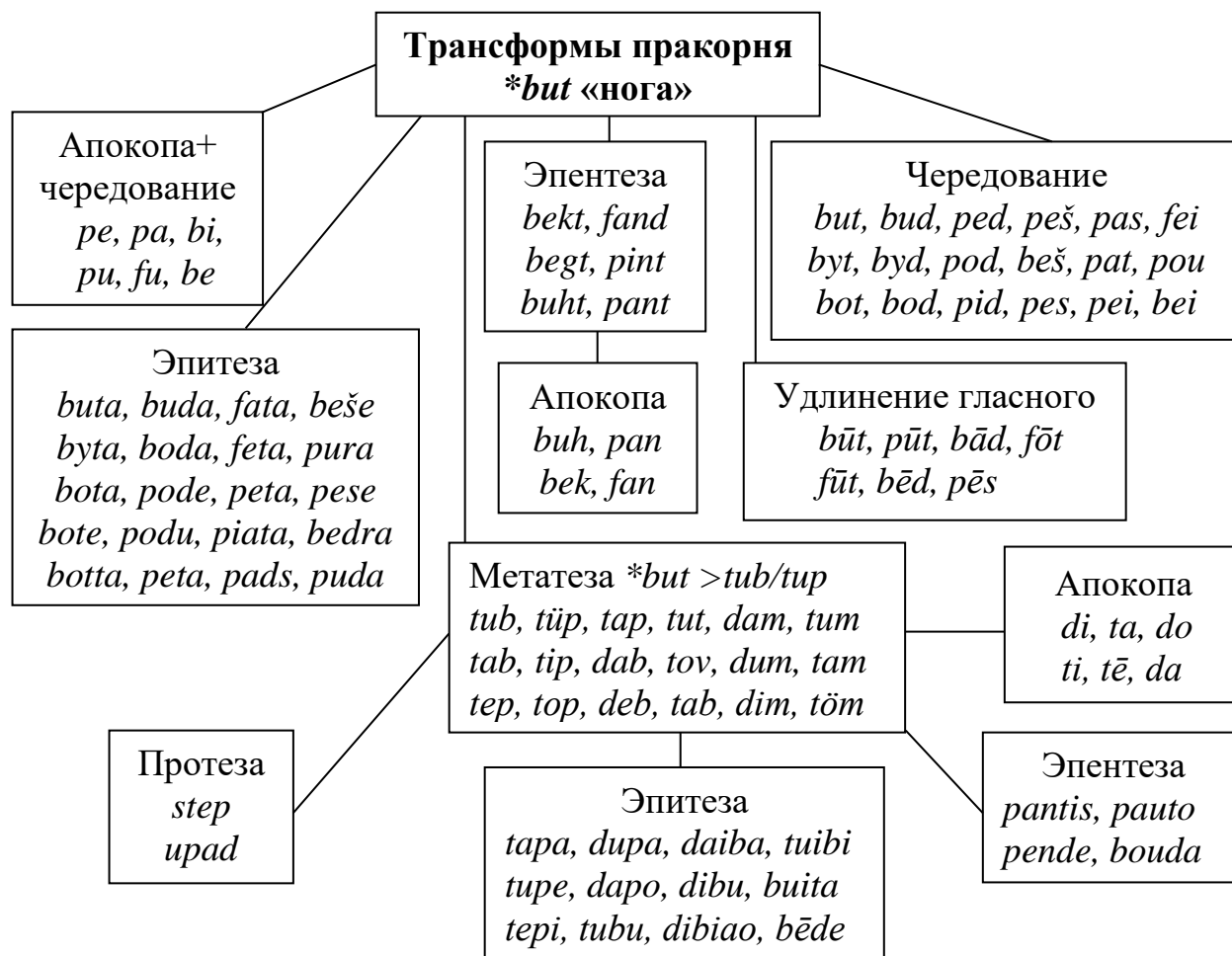
Названия частей тела относятся к базовой лексике языка. Обладая устойчивостью, они не заимствуются, не выходят из употребления и, только расширяя свою семантику, подвергаются разнообразным звуково-смысловым модификациям.

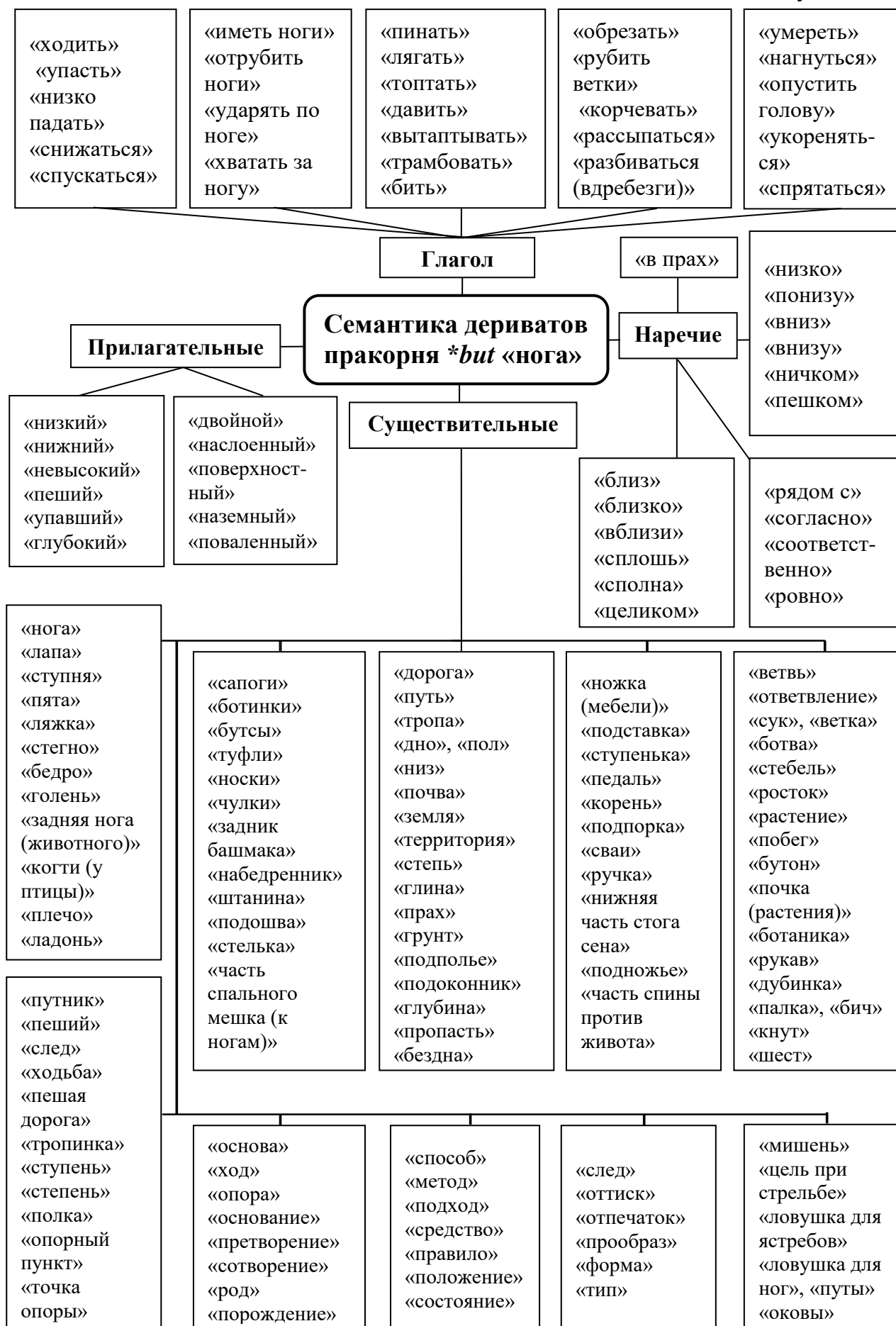
Факты ряда ностратических языков дают основание реконструировать название ноги в виде пракорня **but*, который в процессе своего развития получил трансформы *but/put/bet/ped* и т.д. с различными семантическими модификациями: «нога», «ступня», «пята», «ляжка»; «низ», «дно», «под», «почва»; «путь», «дорога», «тропинка», «след»; «ступенька», «степень», «ветвь», «рукав (реки)», «бедро»; «идти», «шагать», «шаг», «ход»; «сапог», «ботинки», «носки» и пр. (см. таблицы №2 и №3).

Одним из первых компаративистов, изучивших название ноги в ностратических языках, был А.Б. Долгопольский. Он в своей статье «В поисках далекого родства» приводит некоторые данные об этимологии слов со значением «нога» в языках Евразии. По его предположению, к индоевропейскому гипотетическому корню **ped/pod* «нога, ступня» восходят корневые морфемы в русских словах *педаль* (от лат. *pedalis* «ножной»), *футбол* (англ. *football*) «ножной мяч» (*foot* «нога» + *ball* «мяч»), *подагра* (греч. *pod-* «нога») и *пешеход* (*пеший* + *ходить*). Иначе говоря, греческое *pod*, латинское *ped*, английское *foot* и русское *пеш-* являются рефлексами пракорня **ped/pod* [Долгопольский, 1967: 108-119].

Рисунок №3.2

Не только эти примеры, но и многие другие корни слов могут быть возведены к пракорню **ped/pod*, которых мы представляем в виде **but* «нога» с учетом новых данных, обнаруженных в языках Евразии.

Целью параграфа является сравнительная характеристика современных экспонентов пракорня **but* в ряде ностратических языков.

1. **But>but/bet...* «нога, бедро, ляжка...; ножка (предмета), подставка, основа...» в алтайских и индоевропейских языках. Рефлексы пракорня **but* широко представлены в тюркских языках: алт. диал., бал., гаг., каз. диал., кар., кырг., куман., кум., кр.-тат., лоб., ног., тур., узб. диал., уйг. *бут*, алт., каракалп., лоб., тел., узб. диал., уйг. диал., сарыг-юг., шор. *пум*, тат. диал., узб. диал. *бўт*, *пым*, аз., тур. *буд/bud*, турк., узб. диал., хорас., як. *буум*, чув. *пёсё/пёс*. Они передают значения:

1) «нога», «нога человека» (алт., балк., каракалп., кырг., кум., лоб., тув., тоф., узб. диал., уйг., сарыг-юг., як.), «вся нога человека» (алт. диал., чаг., тур.), «вся нижняя конечность» (балк.);

2) «ножка (мебели, прибора)» (тув.), «ручка (у ножниц)» (як.), «подставка, ножка (какой-либо вещи)» (алт.); «подпорка, опора» (каз.диал.); «основа, основание» (тув., др.-тюрк.), «штанина» (чув.);

3) «бедро» (баш., кой., саг., тат., турк., шор., хак., чув., як.);

4) «ляжка» (аз., балк., гаг., караим., каракалп., лоб., ног., тат., тур., турк., чув.); «голень», «бедро и голень» (каз.), «задняя нога животного» (алт., кырг., тув., хак., як.), «окорок» (аз., кар.), «задок животного» (як.);

5) «пах» (узб.), «пахи» (каз.);

6) «когти у птиц» (алт. диал., кум.); «палец (на ноге)» (уйг. диал.);

7) «стегно» (алт. диал., як.);

8) «отрог (горного хребта)» (тув.) [ЭСТЯ, 1978: 280-281].

Ученые-тюркологи реконструируют архетип названия ноги в виде **буум/*пуум* (М. Рясенен, Дж. Клосон, А.М. Щербак и др.). Х. Педерсен же возводит чувашскую форму к архетипу **būqtak* из *būtqak* в результате метатезы [ЭСТЯ, 1978: 281]. Мы проще представляем трансформирование

пракорня: *but>*бут/пун/буд/ ным/буут/нёс*. Чередование *-д/-т/-с* в конечной части идентифицируемых корней – продуктивно встречающееся фонетическое явление в сравниваемых языках.

Приведенные выше примеры сходны с тунгусо-маньчжурскими:

1) *бэт-/бэч-* в словах: нан. *бэчэ* «набедренник, набедренная часть коротких штанов», нег. *бэтихэ* «набедренник, набедренная часть высоких унтов» [ССТМЯ, I: 127; ЭСТЯ, 1978: 281]; ср. рус. *бед-* в слове *бедро*;

2) эвен. *будэл, буудъл* «нога, ноги; лапа; ножка (предмета); копылья (нарты); сошки (подставки для ружья при стрельбе)», *бээдълэт/ч-* «иметь ноги, лапы, ножки, копылья», *бээдълъл-* «козлы», *бодъм-* «испытывать боль в ногах», *бодъмъл-* «почувствовать боль в ногах», *будаалди* «пешком», *боссэн* «часть спального мешка (к ногам); часть люльки (к ногам)», *буссэктү* «в ногах у кого-либо (лежать валетом)»; как видим, чередование *-д/-с/-ч* в конечной части напоминает чередование в общетюркском и чувашском корнях (*бут/нёс*); ср. русские слова: *пеший – путник*; маньч. *бэтхэ* «нога, ноги; голени (у птицы), ножка (предмета)», *бэтхэ дэн* «голенастый», *бэтхэлэ-* «складывать ноги при сидении или лежании; расставлять снопы (для просушивания в поле)», *бэтхэлэку* «ловушка (для ястреба)».

Корень *бэд* «нога» в тунгусо-маньчжурских языках допускает вставку эпентетических звуков *г* и *к*: маньч. *бэктэлэ-* «отрубить ноги (древняя казнь)»; ульч. *бэгди* «нога, ноги; лапа, лапы», уд. *бэгди* «нога, ноги», *богдоло* «плечо», *бэгдигэ* «ножка (предмета), сваи (амбара), копылья (нарты)», *бэгдинэ-* «ходить», *бегдизи* «пешком»; ороч. *бэгди* «нога, ноги; ножка (предмета), сваи (амбара)», *бэгдикэ* «копылья нарты»; нег. *бэгди* «нога, ноги»; *бегдизи* «пешком» и т.д. [ССТМЯ, I: 118].

Приведенные выше тюркские и тунгусо-маньчжурские слова обнаруживают этимологическую связь с совр. кор. *падак* «подошва (ноги), ступня» [РКС: 555, 797], ср.-кор. *падаң/падок* «дно, основа, пол», др.-яп. *pata/fata* «край» [Старостин, 1991: 112], кырг. *батек/патек/патак* «стелька» [Юдахин, I: 117].

А.Б. Долгопольский сравнивает с ностратическим пракорнем **pad* «нога» общетюркское *аяк/ајақ* «нога», допуская исчезновение начального **p* в слове, чередование *j/d* в его конечной части и принимая идентичность суффикса *-ак* в корейском слове *padak* «нога» и общетюркском *аяк* [*ajak*] [Долгопольский, 1967: 108]. Однако это сравнение представляется нам не совсем убедительным, поскольку в тюркских языках имеется продуктивная корневая морфема *бут* «нога, ляжка», легко возводимая к ностратическому пракорню **but* (по Долгопольскому **pad*).

Считаем, что приведенные выше примеры алтайских языков не являются изолированными. Они имеют соответствия в других ностратических языках, например, в и.-е.: др.-инд. *pāt* «нога, ступня», *padam* «след ноги, шаг, стопа, шаг», авест. *pada-* «след», хетт. *pata-* «нога», греч. *pous* (род.п. *podis*) «нога», лат. *pēs* (род. п. *pedis*) «нога», гот. *fōtus* «нога, ступня, шаг», тох. А *pe*, тох. В *pai* «нога» (в тохарских языках, вероятно, закрытый слог был преобразован в открытый под действием апокопы); литов. *peda* «стопа, след ноги», *pede* «ступня (чулка)», арм. *het* «след ноги», *otk* «ноги» (в армянском, кажется происходит переход *p-* в *h-* в ед.ч. и выпадение *p-* во мн.ч.) [Фасмер, III: 295-296]; в некоторых словах латыни интерконсонантный гласный имеет носовую огласовку: *pēds* «след ноги», *pēda* «подошва, стопа» [Фасмер, III: 295].

К данным словам, легко возводимым к пракорню **but* как по семантике, так и по значению, примыкают славяно-балтийские лексемы со значениями «низ, дно, нижняя часть, пол, почва, основание, подошва, близко»: рус. *под* «дно, низ», *подполье* «отверстие под русской печью, в которой лежит кочерга», укр. *nid* (род.п. *поду*) «нижняя часть стога сена», бел. *под* «нижняя часть; подножие горы», болг., др.-рус. *подъ* «основание», болг. *под* «пол», с.-хорв. *под* «ярус, настил», словен. *под* «пол», чеш. *puda* «почва, земля, грунт; территория; почва (перен.); фон; чердак», словац. *poda*, польск. *spod* «низ», в.-луж. *poda* «почва, основание»; литов. *pādas* «подошва», латыш. *pads* «пол» и т.д.; есть формально-семантические основания для объединения данной

группы однокорневых слов как с предыдущей группой, так и с предлогами, приставками и наречиями:

а) рус. предлог *под/подо*, укр. *під*, др.-рус. *подъ*, болг., с.-хорв., словен. *pod*, чеш., польск., в.-луж. *pod/pode*, н.-луж. *pod*;

б) ц.-слав. *подьль* «близко», др.-рус. *подьлѣ* «близко», др.-чеш. *podle* «рядом с, при», словац. *podla*, др.-польск. *podla/podle* «соответственно, согласно; близ», в.-луж., н.-луж. *podla* то же; считаем, что прилагательное *подлый* (*подл, подла, подло*) в рус. языке, укр. *підлий*, чеш., словац., польск. *podly*, а также диал. существительное *подлость* «простой народ» этимологически связаны с корнем **pod/ped* [Фасмер, III: 296-298]; ср. рус. предлог *под-/подо-*: *подполье, подставка, подоконник*.

Действие формулы **but* «нога» > *bed/bued/buod* мы находим в примерах: рус., укр., болг., с.-хорв. *бедро*, польск. *biodro*, чеш. *bedra* «часть спины против живота», словац., н.-луж. *bedro*, кашуб. *bjodro*, в.-луж. *bjodro/ bedro* [Шанский, I: 69], которые выступают аналогом общетюркского **but* «нога, бедро» и поддерживают единство его рефлексов.

Факты алтайских и и.-е. языков сходны с фактами других языковых семей:

1) сем.-хам.яз.: муби (чад.гр.) *fūdi* «бедро» [Долгопольский, 1967: 108];

2) драв.яз.: там. *patam* «подъем ноги», мал. *patam* «ступня, ладонь» [Долгопольский, 1967: 108];

3) даг.яз.: таб., уд., цах. *буд.*, цах. *быд* «бедро, ляжка»; таб. *бац*, лез. *пац* «лапа, лапка» [Хайдаков: 36].

2. **But* > *bot/but/put/bont/bunt/punt...* «путь, тропинка, след, пята, шаг, ходьба, корень, дно, низ, глубина». Считаем, что наличие звука *n* в некоторых рефлексах пракорня является результатом преобразования носового гласного звука.

К и.-е. корню **pod* из **but* можем возвести также названия пути и тропинки:

а) вед. *panthāh*, авест. *panta* «путь» (тв.п. мн.ч. *pathi-bhih*, род.-отл.п. ед.ч. *path-ah*), др.-сл. *рѣть*, *pons* (род.п. мн.ч. *pontium*), др.-прус. *pintis* «путь», греч. *patos* «шаг, тропинка» [Мейе: 321];

б) рус., укр. *путь*, бел. *пуць*, болг. *път*, с.-хорв. *пум*, словен. *pot*, чеш. *pout*, словац. *putь*, пол. *pac*, в.-луж. *pus*, полаб. *pōt* // др.-инд. *panthās* «тропа, дорога, путь», тв.п. *pathā*, авест. *panta*, осет. *fandag* «путь», др.-перс. *pintis* «путь, дорога», лат. *pons* (род.п. *pontis*) «мост, путь», греч. *pontos* «море, путь по морю», *patos* «тропа», нов.-в.-н. *finden* «находить», д.-в.-н. *fandon* «качать, испытывать»; рус. *путник* «дорога охотника, обходящего свои ловушки», *путина* «рыболовная кампания» [Фасмер, III: 413];

в) рус. *пята*, *пятка*, *пятки*, укр. *пята*, болг. *пета*, с.-хорв. *пета*, словен. *peta*, чеш. *pata*, словац. *päta*, польск. *pięta*, в.-луж. *pjata*, н.-луж. *peta*, др.-прус. *pentis* «пятка», *pintis* «дорога», литов. *pentis* «пятка; тостый конец, обух топора или косы», *užpentis* «шпора, задник башмака», др.-перс. *pentis* «пятка», афг. *punda* «пятка» [Фасмер, III: 424]. И здесь в ряде примеров мы видим эпентетическое [н], возникшее в процессе дивергенции древнего носового гласного.

С рассматриваемым корнем этимологически связан русский глагол *падать*, болг. *падна*, др.-чеш. *radu*, совр. чеш. *raduti*, словац. *radati*, в.-луж. *radac*, н.-луж. *radas*, которые сравниваются с др.-инд. *radyatē* «падает, идет», англосак. *fetan* «падать», лат. *pressum* «наземь, низ» [Фасмер, III: 184]. Ср. также: чеш. *upad* «скользкий путь», словен. *radalica* «скользкий путь», с.-хорв. *riža* «крутая тропа», чеш. *pešina/pešinka* «пешая дорога» [Куркина: 91-95].

Развитие значений «глубина», «дно» в и.-е. языках мы находим и в других примерах: др.-греч. *buttos* «глубина (морская), пропасть, бездна, основание дна», *buttoden* «из глубины», пали (новоинд.) *bunda* «корень дерева»; авест. *Бундахишн/Būndahišn* «пратворение, начальное творение, сотворение основы, сотворение глубины», др.-инд. *budhna*, др.-гр. *pitmin* «дно, основание, низ, род, порождение»; лат. *fundus*, др.-в.-н. *bodam*, нем. *Boden*, праслав.

*bъdno < **budn-* < **budhn-*; словац. диал. *bedno* «дно», авест. *buna-* «основа, дно, глубина», др.-ир. *buna-*, пехл. *bun*, нов.-перс. *bun*, курд. *bun*, белудж. *bunā* «вниз», вахан. *bon*, шугн. *bon/bun*, барт. *bun*, руш., хуф. *bun*, язг. *bon*, осет. *bun*, сак. *buna-* «основание», арм. *bun* (видимо, иранизм) [Топоров: 148-149, 152; Гамкрелидзе, Иванов, II: 922]. В ряде примеров, как видим, произошла апокопа – выпадение конечного звука корня.

3. **But* «нога» > «ветвь, сук, ответвление, стебель, росток, растение».

К пракорню **but* «нога» ближе всего стоит основа **бут* «ветвь, побег», задавшая начало значению «нечто разделившееся» в индоевропейских и алтайских языках и служившая исходом субстантивного деривата *бутақ/бутық* «ветвь, ветка, сук» (Г. Дёрфер, М. Рясенен, М.А. Хабичев и другие компаративисты-лингвисты). Модель *бут* «нога, бедро» > *бута-* «срезать ветки» > *бутақ* «ветвь» убедительно и наглядно представляет конструктивно-семантическую трансформацию первичного корня **but*. Такое понимание развития пракорня **but* идентифицирует корни двух отдаленно-родственных языков – русское *вет-* (*ветвь, ветка*) и кыргызское *бут-* (*бутақ* «ветвь, ветка, сук»).

И.-е.яз.: 1) греч. *botavi* «растение», лат. *botanika*, нем. *Botanik*, рус. *ботаника* и т.д. (название науки о растениях); рус. *ботва*, укр. *ботва*, *ботвина* «свекольная зелень, свекловичные листья», *бут* «зеленый лук», *бутвиння* «зелень: петрушка, лук, укроп и пр.», бел. *ботва* «растение – свекольник, вообще зелень коренных огородных растений», с.-хорв. *batvo* «ветвь, сук, росток, побег», словен. *betva* «стебель», польск. *botwina* «ботва свеклы; свекольник», *botwies* «толстеть»;

2) фр. *boutan/бутон* «почка растения, из которой развивается цветок» (ср. кырг. *боткок* «бутон»);

3) н.-нем. *beete* «красная свекла»;

4) общесл.: *бот* «ботва», *ботеть* «толстеть» и др. [ШанскийI: 177-178; СИС: 95].

Глагол *бута-*, являющийся общетюркским и возводимый к пракорню **but*, соотносится с обозначениями понятий из анатомии древесных и травянистых растений, имеющими как глагольное, так и субстантивное значения: а) алт., тел. *пуда-* «разветвляться»; б) як. *быта* «сочные мясистые корни, корни черноголовника», чаг. *бута* «побег дерева или травы», тур. диал. *пута* «ветвь, ветвистое дерево» [ЭСТЯ, 2003: 120-121]. В уйг. диалектах рассматриваемая глагольная основа (*пуми-/пуму-/пума-*) употребляется и в значении «очищать палку от веток»; этот факт позволяет сблизить с данным корнем русское *бат-* в слове *батог* «палка, бич, кнут, прут», которое сравнивается с укр. *баміг*, польск. *batog*, чеш. *batoh*, кашуб. *batog/batyg*, рус. диал. *бам* «дубинка, шест», словен. *bat* «дубинка», польск. *bat* «бич, кнут»; литов. *botāgas* «бич, кнут», латыш. *pātaga* «бич, кнут» [Шанский, I: 57]. Палку как орудие защиты и нападения обычно делали из крупных сучьев дерева, удалив от них ветвей. Поэтому мы связываем с этой группой лексем глаголы со значением «очищать дерево от веток»: алт., балк., кар. диал., кырг., кум., узб. *бута-*, як. *быта-*, *мыта-*, ног. *быта-*, баш. диал. *бота-*, баш., каз., тат. *бўта-*, аз., гаг., тур. *буда-*, алт. диал. *пуда-*, уйг. диал. *пуми-/пума-/пуму-*, каракалп. *пума-*, турк. *пууда-* и т.д., которые передают значения:

а) «обрезать, подчищать дерево (от веток)» (аз., баш., гаг., кар. диал., кырг., тат., тур., уйг., узб., як.), «обрезать, подрезать боковые ветки» (кырг., кум.), «срезать побеги, сучья» (алт., ног.), «пасынковать» (турк.), «очищать палку от веток» (уйг. диал., як.), «обламывать ветки, очищать прутья» (алт. диал., тел.), «обрезать лозу» (др.-тюрк.), «стричь крону дерева» (узб.);

б) «рубить ветки» (кырг.), «рубить дрова» (каз.), «бить, резать, рубить» (аз. диал., каракалп., тат.), «корчевать» (баш. диал.).

в) «колесовать по суставам, казнить» (др.-тюрк.), «рубить человека холодным оружием» (аз.);

г) «урезывать, сокращать» (кырг., тур.);

д) «избежать захвата в борьбе» (тур.); в кырг.яз. это значение передает глагол *буйта-*, а не *бута-*;

е) «разветвляться» (алт., каз., кырг., тел.) [ЭСТЯ, 2003: 120].

Как видим, в большинстве языков главным значением выступает указание на действие, которое связано с ветками, побегами, сучьями деревьев, с очисткой дерева от них и обработкой самих веток (рубка, ломка). Пятое значение (д), по-видимому, соотносится с действием ноги, обозначаемой словом *бут* «нога, ляжка», которое встречается во многих языках данной группы. Только в туркменском языке встречается фонетический вариант слова с долгим гласным.

4. *But «нога» > *but «бить, ударить/удар, расколоть/раскалывание, рассечь/рассечение, топтать/топот, пинать/пинок».

Проявление данной формулы прослеживается во многих языках и языковых семьях Евразии и, прежде всего, в алт. яз.: 1) тюрк.: др.-тюрк. *butat-* «разделить, пробивать (основу ткани на станке)», *butta-* «ударять по ноге, хватать за ногу» [ДТС: 130]; кырг. *бута-* «рубить ветви, очищать (дерево) от ветвей», *бытыра* «дробь (охотничья)», *бытра-* «рассеиваться, разбредаться, быть в беспорядке; раздробляться, расчлениваться», *бута* «мишень, цель (при стрельбе); кустарник, куст» [Юдахин, I: 162-163, 172]; ср. последний пример с фр. *but* «цель» [Фасмер, I: 490]; 2) монг.: монг. *бут/бута* «вдребезги, в прах», *бутара-* «разбиваться, раздробляться»; *бутрах-* «разбиваться, разбегаться»; бур. *бута/бутара* «вдребезги», *бутал-* «разбить, раздробить», *бутарха-* «разбиваться вдребезги, рассыпаться»; 3) тунг.-маньч.: эвенк. *бутэктэ* «раздробить, докопать», эвен. *буут-* «ломать, бить, колоть (что-либо хрупкое), разбивать вдребезги», уд. *бухти-* (с эпентезой) «раскалывать, разламывать; выводить птенцов (из яйца)», ульч. *бухта-* «треснуть, отломиться», нан. *боктаа* «осколок», *бокта-бокта* «вдребезги», *боктоликтэ* «отколотый, отбитый» [ССТМЯ, I: 116]. Значение «вдребезги» адвербиальное и связано со значениями «мишень» и «дробь» в тюркских языках.

Отдаленную семантическую связь с данными словами имеют корни со значением «куст»: монг.: п.-монг. *бута* «кусты, заросли; чаща», монг. *бут*, калм. *бут* «куст, букет», монгол. *бута* «пучок»; они напоминают слова тюркских языков: узб. *бута* «кустистое мелкое дерево, кустарник», халадж. *buta* «куст», кырг. *бута* «кустарник, куст» [ЭСТЯ, 2003: 121]. Считаем, что эти слова с натяжкой подводятся к праформе **but* и стоят на крайней периферии её рефлексов.

В языках Евразии отмечается метатеза **but/*tub*, возникшая в результате перестановки согласных звуков (о метатезе см. [Сыромятников: 21]). Поэтому с данными примерами мы сравниваем целый ряд других слов этих языков на основании их этимологической общности:

1) тюрк.яз.: др.-тюрк. *tep-* «пинать, лягать; выколачивать зерна из колосьев, молотить» (кырг. *темин* «группа животных, главным образом волков, лошадей, которые ногами молотят хлеб на току»; *темин-* «(о всаднике) ударять ногами о бока лошади; пришпоривать коня»); др.-тюрк. *tepek* «пинок», *tepin-/tipin-* «пинать, лягать»; *taban* «ступня, подошва», *tabanla-* «лягаться (о верблюде)», *tamga* «рукав, приток реки, небольшая речка, ручей»; *toprag* «земля, прах, пыль», *toprat-* «вытаптывать, выбивать», *torun* «пшеничная мякина», *topul-* «разрывать, разверзать, пробивать; быть пробитым, продырявленным, просверленным»; *tüp* «низ, дно, основание, подножие», *töpün* «вниз, низ», *tüplan-* «укореняться, пускать корни»; кырг. *теп-/тээ-* «лягать, толкать ногой, бить ногой; отталкивать или отталкиваться ногой; хватать когтями (о хищной птице)», *тепки* «удар ногой, пинок», *тепкич* «ступенька, приступка (у крыльца), лестница; умеющий ловко и сильно бить ногой; хваткий (о ловчей птице)», *тепсе-* «попирать ногами, топтать, давить; угнетать»; *топо/топур/топурак/тупрак* «земля, глина, почва», *топура-* «производить топот, топотать (например, о волнующейся толпе); собираться в кучу» [Юдахин, II: 223, 224, 252-253]; *түн* «низ, дно; корень; основание, основа; под; род, происхождение, предки, исход; остатки пищи на блюде», *түпкү* «нижний», *түпкүр* «самый низ, самая основа,

подполье; глубина, дно», *тупкуч* «круглая подставка под котел» [Юдахин, II: 283], *туптѣ-* «вставлять дно, закладывать основу; двигаться по подножию, располагаться вплотную к подножию; переплетать (книгу, тетрадь)» [Юдахин, II: 283, 284];

2) слав.яз.: рус. *тепу/тепти* «бить», *уменги* «убить», укр. *тепу*, *тепти*, болг. *тепам* «валяю, трамбуя, бью», словен. *tepti* «бить, колотить», рус. *топот*, *топтать*, *топчу*, болг. *тъптя*, *тъпча* «топчу, машу», в.-луж. *teptac*, н.-луж. *teptas*, чеш. *deptati*, словац. *deptati*, польск. *deptac* то же [Фасмер, IV: 44-45, 80]; рус. *топом*, чеш. *tupati* «топать», с.-хорв. *топом* «топот», *топотати* «топать», словен. *topot* «топот, стук», болг. *тепам* «топаю, бью» и др. [Фасмер, IV: 44, 78, 80]; ср. также рус. *тупать/тупнуть* «легонько ударить, укусить, ущипнуть», рус. диал. *тупки* «название игры» [Фасмер, IV: 60];

3) другие и.-е. языки: балт.: латыш. *tepiju*, *tept* «мазать», литов. *tapyti*, *tapai* «лепить», *tepu/tepti* «мазать», *tap(š)noti* «похлопывать ладонью»; др.-инд. *topati/tupati/tumpati/pra-stumpati* «толкает», латыш. *staipe* «следы конских копыт»; греч. *typos* «удар, оттиск, отпечаток» [Фасмер, IV: 45, 80], лат. *typus*, фр. *type* «оттиск, прообраз, тип» [Фасмер, IV: 60];

4) ур. яз.: морд. *tapa-*, фин. *tappa-*, венг. *tap-*, *top-* «топтать», нен. *tapa-* «толкать, бить» [Фасмер, IV: 45];

5) даг. яз.: лез. *дабан*, крыз. *даьбаьн* «пятка» [Хайдаков: 41].

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что метатеза **but > tub/tup* сохранила и развила многие значения архетипа в новом русле, а семантическая модификация пракорня получила разнообразные, порою с трудом объединяемые смысловые оттенки.

5. **But* «нога» – **but* «обувь, сапоги, чулки, путы, обертка».

Англо-русское слово *boots/бутсы* «футбольные ботинки с твердыми носками и задниками, без каблуков с шипами и поперечным планками на подошве» не является исключительным в этимологическом отношении. Оно

с большей долей вероятности может быть возведено к пракорню **but* «нога» как и многие другие аналогичные примеры.

И.-е. языки: а) ром.: фр. *bottesfortes/ботфорты* «высокие сапоги, имеющие твердые голенища с широким раструбом» [СИС: 89], *botta* «сапог», *bottina* «ботинок», укр. *ботинок/бутинок* «туфелька» (метатеза к **fut*), болг. *ботини/ботинки* «детские/женские туфли», *ботинки* «высокие ботинки до колена», чеш. *botinka* (уменьш.), *bota* «ботинок», словац. *botinka/botka* «ботинка»;

б) балтослав.: литов. *bātas* «сапог»; бел., рус., укр. *бот*, чеш. *bot* «сапог», словац. *bota* «вид кожаной обуви» [Шанский, I: 65, 176-178; СИС: 89];

Как видим, в словац. *бот-* и *туф-* (*botka, tuflia*) обнаруживается метатеза согласных. С этой точки зрения с данной группой вариантов архетипа легко объединить примеры:

1) слав.яз.: рус. диал. *тобандать* «бежать, топтать ногами», лит. *топать, топот*; диал. *тобоки/топаки/тоборы/тобуры/табуры* «верхние сапоги из оленьей шкуры»;

2) ур. яз.: селькуп. *топъ* «нога», коми *тебек* «верхние сапоги из оленьей шкуры», нен. диал. *тообак* «чулок, сапог» [Фасмер, IV: 66-67]. Ср. также чередование *теб/тем/тим*: рус. диал. (черепов.) *тимани* «крестьянские сапоги из сыромятной кожи» [Фасмер, IV: 58]; греч. *tomos*, лат. *tomus*, фр. *tome* «часть, отрезок, том» [Фасмер, IV: 75]; кырг. *төмөн* «низ, вниз», *темгек* «зарубка на бирке; ступенька в общественном положении»; *темин-* «(о всаднике) ударять ногами (стременами) о бока лошади, пришпоривать коня», *темтеңде* «идти нетвердо ступая, пошатываясь, потеряв равновесие (например, о начинающем ходить ребенке)» [Юдахин, II: 223, 224, 258].

С этой группой однокорневых слов сближаются и следующие:

1) слав.: рус. разг. *путло* «путо для лошадей», *путлять* «путать», рус., бел., укр. *путо*, чеш. *pouto, pautati* «налагать путы, оковы», словац. *poto* «путы, кандалы», словен. *puto*, н.-луж. *puto*;

2) балт.: др.-прусс. *pauto* «путо», литов. *pantis* «кандалы, путы»;

3) др.-герм. *fetil-*, др.-исл. *fetill*, др.-в.-нем. *fezzil* «оковы, путы»; бел., рус., укр., болг. *петля*, словац. *petlja*, чеш. *petlice* и др.;

4) алб. *pendë/nëndë* «пара волов, ярмо», а также названия подагры: др.-греч. *podagra* «ловушка для ног», лат. *podagra*, польск. *podagra* «подагра» [Фасмер, III: 296, 412].

6. *But «нога» > *tub/tup/tep/teb/tem/dab... «устье, рукав, подставка, задница, глубина, корень, пень, ступень, степень, слой, ярус». Данная формула объясняет значения и оформления следующих тунгусо-маньчжурских слов:

1) эвенк. *даанту* «устье (реки)», сол. *даакта* «устье (пади)», эвен. *даанту* «устье (реки, впадающей в море), берег моря», нег. *даанту* «устье (реки), горловина (у посуды), морда (для ловли рыбы)», нан. *данту* «устье (реки), горловина (у посуды), отверстие (вход, выход)»; маньч. *добку/добуку* «подставка (на которую садят ястреба)» [ССТМЯ, I: 197] и их отдаленную связь с тюркскими корнями: кырг. *тамыр* «корень; жила, кровеносный сосуд; происхождение, исход», *дүмүр* «обгоревший пень; подгнившие и почерневшие корни дерева; корень испорченного зуба»; *тамга* «рукав, приток реки» [Юдахин, II: 200-201; Юдахин, I: 203], *томоо* «еле заметный след» [Юдахин, II: 248], *томур-* «выкорчевывать, выворачивать глыбой, большим пластом, большим куском», *томол* «комель (нижняя часть) рога» [Юдахин, II: 248]. Ср. кырг. диал. *дүм* «хвост, задница, курдюк» с лез. (даг.) *ттүм* «хвост», хин. *дамба* «курдюк», уд. *ттумпак* «курдюк» [Хайдаков: 44, 36]; последнее сравнивается с кырг. *думпак* «(в игре) удар коленом в зад побежденному». Название кровеносного сосуда в кыргызском языке сходно с его дагестанскими номинантами: дарг. *тум*, агул., таб. *тав/таб*, лез., рут., крыз., хин., цах. *даммар*, арч. *дам* [Хайдаков: 35]. Последние примеры сближаются с рефлексамы рассматриваемого пракорня скорее на основании звукового сходства. Семантическое сближение вызывает некоторое

сомнение, хотя кыргызские слова-омонимы со значениями «корень» и «кровеносный сосуд» может его рассеять.

Вполне вероятно, что к пракорню **tub* имеют этимологическое отношение некоторые слова в и.-е. языках: 1) ср.-в.-н. *tobel* «углубление, лощина», *dubra* «лужа», гот. *diups* «глубокий», ирл. *(fo)domain* «глубокий»; 2) латыш. *dupis* «посуда для соли и сала», *duburas* «промоина в русле ручья, на лугу», литов. *duburys* «глубина», *dubus* «глубокий», *dauburys* «впадина, окруженная горами», *dauba* «овраг, лощина», польск. *dupa* «задница», *dupel* «дупло», рус., укр. *дупло* и др. [Фасмер, I: 490, 554];

Русские корни *теп-*, *туп-* (*степь*, *степень*, *постепенно*, *ступень*, *ступенчато* и др.) соотносятся с кыргызскими *теп-* и *туп* (*тепкич* «ступень, ступенька», *тупкуч* «круглая подставка под котел», *тупкүр* «дно, глубина», *туп* «низ, дно, под» и др.) в этимологическом плане. Эти же примеры мы сравниваем с тунгусо-маньчжурскими (маньч. *дабта* «котелок (с ножками)», *данкара* «слой, ряд; этаж, ярус; двойной, наслоенный», ороц. *дантама* «котел, чайник» и др.) и монгольскими (письм.-монг. *dabxur* «слой, ряд; этаж, ярус», монг. *давхар* то же; бур. *дабхар* «слой, ряд; этаж, ярус; двойной, сложенный в несколько рядов, многорядный; состоящий из слоев, наслоенный; беременная») словами. Думаем, что корень *даб-* в этих восточных языках первоначально обозначал нижний слой, нижнюю часть предметов. Пространственное значение русской лексемы *степь* мы обнаруживаем в хет. *pedan* «место», греч. *pedon* «почва», лат. *oppidum* «местность» и др. Корни сравниваемых слов (*теп-/ ped-*, *pid-*) находятся между собой в метатетических отношениях.

7. Рефлексы пракорня **but* в китайском языке. Пракорень **but* имеет множество разных трансформ: **but/*bet/*put/*pet...*, среди которых особо выделяются метатетические варианты: **tup/tep/dup/dep...* В современном китайском языке отсутствуют слова с конечными *-t* и *-p*, потому что под влиянием закона открытого слога этот язык еще в первом тысячелетии до нашей эры лишился конечных согласных, за исключением *-n* и *-ng* [Яхонтов,

1965: 28, 30-31; Введ.: 421, 458]. Поэтому в нашей картотеке китайских слов с древнейшими значениями «нога» и «низ» оказались только слова открытого слога, т.е. без конечных *-t* и *-p*.

Следует отметить, что рефлексы пракорня без конечного *-t* встречаются и в письменных памятниках древних и.-е. языков Восточного Туркестана, называемых тохарскими А и В: тох. А *pe* «нога» и тох. В *rai* «нога» [Фасмер, III: 296]. Исчезновение конечного *-t* мы находим в отдельных формах парадигмы склонения в латыни и греческом языке: лат. *pēs* «нога» (род.п. *pedis*), греч. *pous* «нога» (род.п. *pados*) [Фасмер, III: 295; Гамкрелидзе, Иванов, I: 154]. Как видим, «реликт» конечного *-t* сохранился в форме генетива и отсутствует в номинативе.

Отсутствие конечных *-t* и *-p* характерно и отдельным рефлексам пракорня **but/*tup* в алтайских языках:

1) формула **tup>doo/dou/dog...* отражена в монгольских языках: п.-монг. *доура* «внизу, вниз, ниже; хуже», *догугур/догуур/доигур* «низ, ниже, низко; под»; монг. *догуур* «ниже, низко; под», *доош* «вниз, ниже», *дошло* «спускаться, снижаться»; бур. *доо* «внизу», *догуур* «под, понизу, низко, низом», *доошо* «вниз, внизу», *доошодо-* «идти/ехать вниз; снижаться, спускаться, опускаться» и др. [ССТМЯ, I: 211];

2) формула **tup>tu/tuu/tee/tüg/teg...* имеет рефлекс в тюркских языках: кырг. *тээ-* в примере *тээн жиберди* «ударил (ногой)», где *-n* не остаток пракорня, а признак деепричастия: *тээн* «(букв.) пиная, ударяя (ногой, задними ногами), лягая»; кырг. диал. *түк/түг-* «низ, корень, под», *тек/так* (в говорах) «основа, исход, основание, происхождение»; кырг. *туу-* «рожать/родить; родиться, нарождаться; класть яйца, пастись; всходить (о солнце, луне)», узб. *туг-* «рожать/родить», ср. кырг./узб. *тууду/тугди* «родила», кырг. *тууган* «родственник; родной (брат, сестра)», *тээк* «пластинка (роговая), соединяющая путлища ловчей птицы; кобылка (музыкального инструмента); поддержка, помощь»; ср. производные: *текөөр* «шпоры (у петуха); задний коготь (у хищной птицы); хватка когтями»,

тексиз «безродный, происходящий из простой, незнатной семьи, простолюдин», *тегиз* «ровный», *тегиздик* «ровность, уровень», *тектир* «небольшое ровное место в высоких горах», *текче* «полка», *текте* «разбирать происхождение», *текши* «равно, одинаково; сплошь, целиком» [Юдахин, II: 219, 291, 297]. В последних примерах конечное *-к* возникло в результате дивергенции древнего долгого гласного: *уу* > *ук/уг*, *ээ* > *эк/эг*. Ср. кырг. *соо/сак* «здоровый», *тоо/так* «гора» и др.

В ханью есть слово *wādī* «низина» (ср. узб., кырг. диал. *вадий* «долина, низина», тадж. *водиш* «долина, ущелье» [РТС: 228]). Его можно было бы возвести к пракорню **but* «нога, низ» на основании звуковой и семантической близости. Но мы считаем, что в ханьюском слове основным носителем смысла является второй слог *dī*, имеющий обширный круг значений: «корень, основа, источник; пол, низ, основание, грунт, под землей» и легко возводимый к пракорню **tup* < **but*.

Китайский язык содержит огромное число рефлексов ностратических пракорней **but* > **tup*, находящихся между собой в метатетических отношениях и реализующихся в двух типах вариантов и вариаций.

А. ****But* > *bi/bu/bo/fu/pu/po/bei/fei...* с выкидкой конечного дентального согласного.** Все значения, передаваемые данными китайскими рефлексами пракорня, имеют аналоги в других ностратических языках:

1) *bèi/bì* «рука, локоть; передняя нога (животного)» – эвенк. *будэл/буудъл* «нога, лапа, ножка (предмета)», маньч. *бэтхэ* «нога, голени (у птицы), ножка предмета», кырг. *бут* «нога, ножки (предмета)», *bì* «бедро, ляжка; таз, зад, гузка» – аз. *буд* «ляжка», як. *буут* «нога, бедро, задок животного», рус., болг. *бедро*.

2) *рй* «рукав реки, устье притока, берег, набережная» [БКРРКС: 268]; *раі* «рукав (реки), ручей; проток, приток; фракция, секта, клан, партия, группа, школа, манера, стиль, образ действия» – рус. *пудас* «рукав реки, проток, залив», фин. *pudas* (род.п. *putaan*) «залив, рукав реки»;

3) *pā* «лежать/падать ничком; падать ниц; опираться/ложиться грудью; карабкаться, лазить, залазить»; *fū* «лежать ничком, падать лицом вниз; лежащий»; *pū/fū/pū* «падать ничком, валиться на землю, опрокидываться; упавший, поваленный; пасть убитым, погибнуть, умереть» [БКРРКС: 268]; *fū* «опустить голову, нагнуться, наклониться, посмотреть вниз; лечь ничком, притаиться, спрятаться; залечь, ничком, лицом вниз; наклонять, склониться»; *fēi* «прийти в упадок, захиреть; падать (ниц), припадать (к земле), низложить»; *bēi/bī* «низкий, невысокий; мелкий, слабый; подлый, вульгарный; скромный, уступчивый; низина; низко ставить, унижать; низко падать; приходиться в упадок, хиреть» – др.-инд. *padyatē* «падает», англосак. *fetan* «падать», общесл. *пад-*; ср. рус. *паду (пасть), падаю (падать)*, чеш. *padati* «падать»;

4) *bū* «шаг, походка, поступь; пехота, пехотинец; пеший, пехотный; ступень, этап; положение, состояние; степень; ход (в игре); судьба, идея; низкий берег, отмель, брод; шагать, идти, идти пешком; ступать; пешком» – др.-инд. *padam* «след ноги, шаг, стопа»; нег. *бегдизи* (из *bedizi*) «пешком»; чеш. *padalica* «скользкий путь», *peřinka* «пешая дорога», рус. *пеший, пешком, путик* «дорога охотника, обходящего свои ловушки»;

5) *pū* «бить, ударить, побить; хлопать, похлопывать; прихлопывать; выколачивать; броситься, рвануться (вперед)» – др.-тюрк. *butla-* «ударять/бить по ноге, хватать за ногу», аз. *буда-* «бить, резать, обрезать»

[ЭСТЯ, 2003: 121]; *pī/pī* «колоть, вскрывать, делить, разделять; клин, клиновидный» [БКРРКС: 262]; *pī/pī* «ударить, расколоть, разбить» – каз. *бўта-* «рубить дрова»; аз. *буда-* «обрезать, бить, резать, рубить»; по К.К. Юдахину, кырг. *таа!* «бей!» имеет китайское происхождение [Юдахин, II: 185];

6) *bēi* «стена, мемориальная доска; монумент, надгробный памятник, обелиск»; *bī* «ступени; на ступенях, по ступеням; трон, государь; ступень, ранг; иерархическая лестница; нести службу при императоре» – с.-хорв. *под* «ярус, настил», фр. *pedestal* «подставка для ног > пьедестал»;

Формула **but* > *bi* имеет и аналоги: *bì* «заканчивать, завершать; приходиться к концу, заканчиваться, завершаться; все, полностью, целиком, все, сполна; до конца; совершенно, очень, весьма» – кырг. *бүт-* «кончать, заканчивать; кончатся, заканчиваться, зарождаются (во чреве)»; *бүт* «весь, всё, все; целый, целиком, сполна, полностью», *бүткүл* «весь, всё, все; целиком», *бүтүн* «целый, целиком, весь» [Юдахин, I: 169].

Б. **Tup* > **tu/ti/te/du/di/de/tai/dai...* с выкидкой конечного согласного -*p*. Работу этой формулы мы видим в следующих соответствиях китайских и некитайских этимологически идентичных слов:

1) кит. *dǐ* «дно, подошва, основание, низ; нижняя часть, нижний слой; основа, суть; конец, конечность; поле, фон; (ср.-кит.) возле, около, у, перед, достигнуть, до, к» [БКРРКС: 88], *dì* «пол, низ; основа, основание, грунт, фон; земля, земной, подземный, под землей, участок, территория» (ср. дериваты, напоминающие пракорень **tūp*: *dībù* «низ, нижняя часть», *dībù* «опорный пункт, точка опоры, положение, состояние, степень», *dībǎo* «поверхность земли, поверхностный, наземный», где мы обнаруживаем отдаленное единство общеславянского корня *ten-* в словах типа *стень, степень* с китайскими) – кырг. *түн* «низ, дно, под; корень, основание, основа, фундамент; род, происхождение, предки; остатки», *жер түбүндө* «под землей», *түпкү* «нижний; то, что на дне; то, что в глубине; основной, первоначальный», *түпсүз* «без дна, бездонный» и т.д.; литов. *dubus* «глубокий», латыш. *dubens* «дно»;

2) *tuǐ* «нога, ножка (мебели), ручка, штанина»; *dào* «путь, дорога, тракт; путевой, дорожный; по дороге, по пути; способ, метод, подход, средство, правило; гид, проводник; вести за собой»; *tú* «идти пешком, пешком, в пешем порядке; пеший воин, пехотинец; пеший, пехотный; ученик, последователь; человек, личность, тип (о плохом человеке)»; ср. слово *tùbù* «идти пешком, ходьба; пеший, быть бедняком; нуждаться, жить в нужде» в рамках рефлексов пракорня **tup* «нога, низ» – ур. яз.: селькуп. *topь* «нога», нен. диал. *tōbak* «чулок, сапог»;

3) *tī* «лягать, брыкать; лягаться, брыкаться; ударять/бить ногой; поддавать ногой; пинать, давать пинка; портить, срывать» – кырг. *теп-* «лягать, толкать ногой, бить ногой, отталкивать ногой», *тебиш-* «лягаться, лягать друг друга», *тебиш* «пинок, удар ногой»;

4) *tà* «ступать, попирать ногами; топтать, топать, отбивать ритм», *tà* «топать (ногой), притопывать, отбивать ногой ритм; ступать, наступать, давить; попирать, растаптывать; отмерять ногой; скамеечка для ног, приступка, подножка; педаль, ножной привод, ножной; подошвы туфелек; обувь» - кырг. *тебеле-/тебээле-* «топтать (ногой), топтать колос, вымолачивая зерно», *топура-* «производить топот, топотать (например, о волнуемой толпе)»; ср. рус. *топтать, притоптывать, ступать, растаптывать* и др., использованные при переводе;

5) *tī* «лестница, ступени; ступенчатый, уступчатый; постепенный подход; восхождение/путь к чему-либо; подниматься (по ступеням) шаг за шагом; восходить (с помощью лестницы); опираться на что-либо»; *tái* «земляная терраса; земляные уступы (ступени); плато; приподнятый; платформа, помост, стол; пьедестал, подножие; подмости, сцена, эстрада, трибуна» – кырг. *тепкич* «ступенька», рус. *ступенька (туп-)*; кит. *dǎrò* «бить» - рус., укр. *тепти* «бить»; *tàbǎn* «подножка, сходни; педаль; скамеечка для ног» – кырг. *таман/тапан* «подошва (ноги, обуви), ступня; донце стремени; дно (реки, озера и т.п.)»;

6) *tài/tà* «поскользнуться, скользить» – кырг. *тай-/тайы-* «скользить, соскальзывать, поскользнуться», *тайгак* «скользкий».

В некоторых случаях мы замечаем факты семантического переименования трансформ метатезы **but* > **tup*: значение трансформы архетипа **but* в одних языках передается трансформой архетипа **tup* в других и, наоборот, значение трансформы архетипа **but-* трансформой архетипа **tup* [Зулпукаров, Зулпукарова, 1995: 103].

1. Кит. *tú* (из **tup*) «идти пешком, пешком, в пешем порядке; пеший воин, пехотинец; пеший, пехотный; ученик, последователь, сторонник;

человек, личность, тип (о плохом человеке); толпа, масса» - др.-инд. *padam* (из **but*) «шаг, след ноги, стопа»; ср. кит. *tùbù* «идти пешком, ходьба; пеший, спешенный, в пешем строю; быть бедняком; нуждаться, жить в нужде; бедняки, нуждающиеся».

2. Кит. *tuǐ* (из **but*) «нога, ножка (мебели), ручка; окорок, ветчина; штанина» – даг.яз.: цах. *бада* «брюки, штанина», рут. *баду* «брюки»; кырг. *бут* «нога»; кит. *tuǐbù* (из **tup* + *bu*) «отходить, отступить; уступать; деградировать, регрессировать; шаг назад, регресс; боковая комната (подсобное помещение), место для отступления» - кырг. *буйта-* (из **but*) «круто и резко поворачиваться, внезапно свернуть с дороги; увиливать, увертываться, ускользать», *буйдал-* «немного задержаться, замешкаться, растеряться».

Исследуя пути трансформирования пракорня **but* «нога» в ностратических языках, мы пришли к следующим выводам:

1. В процессе исторического развития, трансформирования и разветвления праязыка, отдаления его диалектов друг от друга и преобразования в языки и языковые семьи пракорень **but* «нога» подвергался различным формально-смысловым изменениям.

2. В пракорне **but* «нога» произошла метатеза в отдаленный доисторический период развития языков. Форма **tup* «нога» является вторичной по отношению к нему и возникла позднее.

3. Факты современных языков свидетельствуют о том, что перестановка согласных в пракорне (**but/*tup*) произошла еще до отдаления сино-тибетских языков (пока мы опираемся только на факты ханью) от других ностратических, поскольку рефлекс метатезы **but/*tup* с открытыми слогами представлены в целом ряде корневых слов китайского языка.

4. Трансформирование пракорня шло по двум направлениям: 1) **but > but/bud/bat/bad/vut/vud/vat/vad/put/pud/pat/pad/bu/ba/vu/va/pu/pa...*; 2) **but > *tup > tub/tup/tab/tap/dub/dab/tu/ta/du/da...*; каждый из этих вариантов внутри себя, вероятно, выделяя подварианты, открывал позицию для

возникновения новых вариантов, например, *put* > *pūt* > *punt* или *dap* > *dao/dai/da...*

5. Семантическое обогащение лексики праязыка происходит в процессе развития когнитивно-номинативной, мыслительно-накопительской и коммуникативно-информационной деятельности его носителей. В доистории пракорень **but*, вероятно, имел конкретное значение, называя только нижние конечности людей и животных («нога, ноги»). В процессе развития языкового мышления и характера жизнедеятельности людей рефлекс пракорня приобретают новые значения, становятся номинантами предметов, явлений, действий, качеств, связанных с нижними конечностями в разных ракурсах.

6. Функционально-смысловая модификация значения «нога» представлена в семах: 1) «ступня», «пята», «ляжка», «бедро», «лапа», «когти (у птиц)»; 2) «шагать», «идти», «шаг», «ход», «пешком», «пеший», «пехота» и др.; 3) «обувь», «ботинок», «туфель», «подошва», «чулок», «набедренник», «брюки», «штанина», «подошва»; 4) «низ», «под», «дно», «основа», «фундамент», «пол», «ниж», «ничком»; 5) «путь», «дорога», «трасса», «тропа», «след ноги», «брод»; 6) «почва», «земля», «степь», «корень (дерева)», «подставка», «фундамент», «ступень», «ножка (мебели)»; 7) «растение», «стебель», «росток», «ветвь», «сук», «ветвистое дерево», «ботва»; 8) «палка», «дубинка», «бич», «кнут», «удар»; 9) «обрезать», «рубить (ветки)», «срезать побеги, сучья»; 10) «бить», «убить»; «разбить/раздробить», «вдребезги», «пинать», «лягать»; «топот», «топать», «топтать»; 11) «рукав», «приток реки», «секта», «залив»; 12) «глубокий», «глубина», «бездонный», «низина» и др.

Семантическое разветвление пракорня **but* здесь представлено сокращенно и упрощенно. Его можно было бы продемонстрировать на примере разных языков. Оно только в русском языке репрезентируется множеством однокоренных дериватов. Для иллюстрации приведем свернутый список гнезд слов с корнями *пун/бот/ням//тан/тон*, которые

возводятся к ностратическому пракорню **but* и содержат в себе часть его семантических «частиц»:

1) бот «обувь», ботик, ботинок, ботиночек, ботиночный;

2) пята, пятить/ся, пятка, пятник, пятниковый, пяточный, впятить/ся, вспять, выпятить/ся, запятая, запятки, запяточный, напятить, надпяточный, опять, отпятить/ся, попятить/ся, попятный, подпятить, подпятник, подпяточный, пропятить/ся, спятить;

3) ветвь, ветвиться, ветвистый, ветвистость, ветвление, ветвяной, ветка, ветла, ветловый, веточка, веточный, ответить/ся, ответитель, ответительный, ответвленный, ответвление, ответвлять/ся, разветвить/ся, разветвлять/ся, разветвление, разветвленный;

4) путы, путать/ся, путаный, путаник, путаница, путло, путлице, путлять, впутать/ся, впутывать/ся, впутывание, выпутать/ся, выпутывать/ся, выпутывание, запутать/ся, запутанный, запутанность, запутывать/ся, запутывание, напутать, напутывать/ся, опутать/ся, опутывать/ся, отпутать/ся, отпутывать/ся, перепутать/ся, перепутывать/ся, попутать/ся, подпутать/ся, подпутывать, припутать/ся, припутывать/ся, распутать/ся, распутывать/ся, спутать/ся, спутанный, спутываться, спутывание, упутать, упутывать;

5) путь, путеец, путевой, путёвый, путевик, путёвка, путейский, путем, путина, путинный, путный, путник, путница, беспутье, беспутница, беспутный, беспутник, беспутничать, беспутство, беспутствовать, напутственный, напутствие, напутствовать, перепутье, попутный, попутчик, попутчица, распутье, распутица, распутный, распутник, распутница, распутничать, распутность, распутство, распутствовать; спутник, спутница, спутничество, сопутный, сопутник, сопутница, сопутствовать, сопутствующий;

6) тапки, тапочки, тапывать, втапывать/ся, втапывание, вытапывать/ся, вытапывание, затапывать/ся, затапывание, истапывать/ся, натапывать/ся, отапывать/ся, обтапывать/ся, отапывать/ся, перетапывать, потапывать, подтапывать, притапывать/ся,

протаптывать/ся, растаптывать, стаптывать/ся, стаптывание, утаптывать/ся; топ, топать, топанье, топануть, топнуть, топот, топотать, топотный, топотня, топтать/ся, топтанный, топтание, топтыгин, вытоптать/ся, втоптать/ся, затопать, затопотать, затоптать, истоптать/ся, истоптанный, натопать/ся, натоптать/ся, отопок, отоптать, обтоптать, оттоптать, оттопать, перетоптать, потоптать, притопнуть, притоптать/ся, притопывать, протопать, протоптать/ся, растоптать/ся, растоптанный, стоптать/ся, стоптанный, утоптать/ся, утопать, утоптанный, утоптывать/ся [Кузнецова, Ефремова: 39, 59, 270, 273, 353].

Эти примеры свидетельствуют о том, что языки обладают колоссальной возможностью конструктивно-семантического совершенствования и обогащения, обеспечивая этим непрерывно растущую потребность современных людей всесторонне отражать, интерпретировать и категоризировать объективный мир, расчленяя его на элементы, части, фрагменты, связи и отношения во всем многообразии и многотипности, рационально классифицировать их и давать им соответствующие наименования.

3.6. Термины родства и свойства в ностратических языках

3.6.1. О происхождении названия жены старшего брата. Среди терминов родства в тюркских языках особое место занимает слово *йеңге* «(невестка) жена старшего брата или родственника (дяди) по отношению к младшим родственникам мужа» в силу своей распространенности, сходства звучания и употребления в этих языках, семантического богатства и лингвопрагматической ценности.

Чередование начального согласного имеет множество вариантов:

1) варианты с начальным *й*: туркм. *йеңге/йеңә/йеңе* (диал.), лобн. *йеңә*, ног., сарыг-югур. *йеңге/йиңге*, узб. диал., уйг. диал. *йеңә/йәңә*, тат. диал. *йеңкә*, салар. *йеңго/йеңгу/йеңко/йеңку/йәңгу/ йеңе*, узб. диал. *йеңә/йәңә*, тур. *йенге*, азерб. *йенгә/йенга/йәнкә/йанга* (диал.), башк. *йингә*;

2) варианты с начальным *ж*: кырг. *жеңе/жеңге*, узб. диал. *женә/жеңгә*, уйг. диал. *жәңгә*, татар. *жиңгә/жиңи/жыңка*, казах., каракалп. *жеңге*;

3) вариант с начальным *ч*: тув. *чеңге*;

4) вариант с начальным *с*: якут. *саңас*;

5) вариант с начальным *д*: алт. *деңе*;

6) варианты с афerezой, т.е. утраченным (нулевым) начальным согласным: азерб. *еңкә*, сарыг-югур. *иңге* (ср. *йинге*), чув. *инке*;

7) варианты примеров с нулевым начальным согласным, возникшие в результате метатезы: хак. *ниге*, шор. *нәңә* и т.д. [Покровская: 65-66; ЭСТЯ, 1989: 189-190; Введ.: 199-200; Акматова, Сейитбекова и др., 2017: 15].

В семантике современных рефлексов общетюркского слова *йеңге* обнаруживаются три линии. Как термин родства по браку он означает «старшая невестка, сноха, жена старшего брата, жена дяди или старшего родственника по отцу» и противопоставляется по значению слову *келин* «младшая невестка, жена младшего брата, жена племянника по отцу». Это значение слова можем признать основным для всех перечисленных выше тюркских языков и диалектов.

Однако в азербайджанском языке слово *йенгә/йенкә/йенга/енкә* имеет несколько иное значение. Дело в том, что в языках тех тюркских народов, которые испытали сильное влияние ислама, слово *йеңге*, помимо своего основного значения «старшая невестка», связывалось также с мусульманским свадебным ритуалом и означало одну из необходимых участниц свадебной церемонии – женщину, сопровождающую новобрачную в дом ее будущего мужа и участвующую в освидетельствовании ее невинности. Эта роль у тюркских народов исстари принадлежала старшей невестке и поэтому слово *йеңе/йеңге* в некоторых языках объединяет в себе оба указанных значения.

Так, наряду с первым значением «старшая невестка», слово *жеңе/йеңе* означает:

1) в кырг. «старшая родственница невестки, которая руководит ее проходами в дом жениха или организует тайное посещение женихом невесты

в добрачный период, за что получает подарок от него» [Юдахин, 1965: 248];

2) в тур. «женщина, провожающая новобрачную в дом жениха»;

3) в туркм. «старуха, провожавшая невестку в дом жениха на старой туркменской свадьбе»;

4) в узб. «провожаемая невесты, остающаяся при новобрачных после свадебной церемонии»;

5) в каракалп. «наперсница, сводня»;

6) в уйг. «подружка невесты» и т.д. Последние два примера свидетельствуют о постепенном стирании в языке значения, связанного с мусульманской свадебной обрядностью.

В отличие от названных языков, в азербайджанском слово *йеңкә/йеңга/йенгә/енкә* имеет только лишь одно значение: «женщина, сопровождающая новобрачную в дом жениха» и, именуя только участницу брачного обряда, не употребляется как термин родства по браку.

Слово *йеңге* и его рефлексy в тюркских языках выступают и как почтительное обращение не только к родственнице, но и вообще к старшей по возрасту женщине. Возрастное ограничение здесь не является строгим, поскольку языки допускают называть этим словом и женщину, которая моложе по возрасту производителя речи, но состоит в браке с его старшим братом, дядей или другим старшим родственником.

В кыргызском языке с помощью слова *жеңе* можно именовать мачеху (при умершей или разведенной матери), младшую жену отца (при живой матери), жену старшего родственника по отцу, любую старшую женщину, состоящую в браке с представителем рода или племени говорящего или его земляка.

В некоторых тюркских языках слово *йеңге/жеңе* имеет звательную форму. Наиболее распространенными вокативными суффиксами выступают форманты *-й, -и, -ай, -кай, -гей, -че, -чи, -ше*:

1) кырг. *жеңей, жеңгей*, татар. диал. *йинэй, йиңкай, жыңкай*;

2) хак. *нигежи*, казах. *жеңеше*, тат. диал. *йиңәчи/жиңәчи/ жиңгәчи* и др.

в значении “невестка, жена старшего брата, тетка (жена отцова брата)”. Некоторые ученые считают эти суффиксы признаком звательного падежа (М.А. Казембек, В.А. Гордлевский и др.) [Зулпукаров, 1994 б: 210, 251].

Этимологи К. Редзи и И. Эрдеи сближают общетюркское *йеңге* с уральским термином *niga* «женщина, жена», Ю. Немет – с общеуральским *ana/anna* «женщина» [ЭСТЯ, 1989: 190]. Нам кажется более убедительной точка зрения К.З. Зулпукарова, который связывает его с китайским *shěn* «тетка (жена младшего брата отца), невестка (жена младшего брата мужа), (вежл.) вы, тетушка (к замужним женщинам среднего возраста)». Начальные согласные *й/ж/ч/с/д* в тюркских номинантах чередуются с китайским *sh* (ш). Такое чередование свойственно и другим примерам: кырг. *жээн* «племянник, сын или дочь сестры» – кит. *shēng* «племянник, сын или дочь сестры», кырг. *жең-* «побеждать, быть победителем», *жеңиш* «победа» - кит. *shēng/shèng* «победный, победоносный, победивший, победа», кырг. *жубан* «вдова, молодая женщина» – кит. *shuāng* «вдова, вдовый» и т.д., которые с большей вероятностью поддерживают правомерность сближения общетюркских и китайских слов со значением «невестка, жена старшего брата или дяди по отцу» [Введ.: 199-200, 731].

Таким образом, общетюркское *йеңге/жеңе* легко возводимо к такому пракорню, от которого, вероятно, произошла и китайская лексема со значением «невестка, жена старшего брата, жена младшего брата отца».

3.6.2. Об этимологии номинанта невестки. В.М. Иллич-Свитыч, реконструируя ностратическое слово **kalu* «свойственница», усматривает его в семито-хамитском *k.l* «невеста, невестка», в картвельском *kal* «женщина», индоевропейском *alou* «жена брата», уральском *kalu* «свойственница (сестра мужа, жена брата и под.), муж сестры», дравидском *kal* «жена брата отца, тетка», алтайском *kali(n)* «жена младшего брата или сына, муж сестры». Он приводит следующие конкретные примеры из разных языков:

1. Семито-хамитские языки: общее *kalla-tu (реконструируемое), мехри *kelon* «невеста», сокотри *kelan* «невеста», шахри *kelint*, геез *taklil* «брак», др.-еврейское *kallā*, аккад. *kallātu*, ассирийск. *kallatu*, *kallutu* и др.

2. Картвельские: грузин. *kal* «женщина, жена (в диал.)», чанск. *kale* «девушка» (при обращении).

3. Индоевропейские: латин. *glos* «золовка, жена брата», фригийск. *Gelapos* «жена брата», греч. *galus* «золовка», русс. *золовка*, шугнан., рушан. и др. иран. яз. *kelin* «невеста, сноха» [Иллич-Свитыч, 1971: 295-296; Введ.: 21-25, 722-730; Gelb, Jacobsen, 1956: 186].

4. Уральские: финн. *käly*, вепс. *kälu* «сестра мужа или жены, жена брата», эстон. *käli* «брат мужа, жена брата мужа», саам. *galo* «жена брата мужа», мордов. (мокшан.) *kel* «жена брата мужа», удмурт. *kali* «сноха», коми *kel* «жена брата», ненец. *sēl* «жены братьев (по отношению друг к другу), мужья сестер (по отношению друг к другу), сестры, вышедшие замуж за братьев; братья, женатые на сестрах». Здесь В.М. Иллич-Свитыч делает замечание: «Перенос названия на мужчину-свойственника ..., вероятно, происходил первоначально в ситуации, когда нужно было одновременно охарактеризовать родственные отношения между женами братьев и мужьями сестер в одной семье; это предполагает случаи проживания мужа в семье жены. Стадия подобного переноса названия отражена в ненецком языке» [Иллич-Свитыч, 1971: 296].

5. Дравидские: курух *khallī* «жена младшего брата отца», малто *qali* «сестра матери», *qalapo* «сын сестры», *qalapi* «дочь сестры».

6. Алтайские: а) в тюркских языках: тувин. *kelin*, караг. *kelen*, кырг., казах., каракалп. *kelin* и др.; б) в тунгусских языках: маньч. *kelī*, нанай. *kali*, ульч. *kalin*, эвенк. *kali(n)*, эвен. *kali* «свояк, муж сестры». В.М. Иллич-Свитыч считает, что в тунгусских языках произошел семантический сдвиг: «свойственница» → «свойственник» как в ряде уральских языков (см. более подробно ниже). В тунгусо-маньчжурских языках мы обнаруживаем проявление апокопы: в маньчжурском, нанайском и эвенском происходит

выпадение конечного согласного. В эвенкийском языке формы открытого и закрытого слогов функционируют параллельно, только в ульчском языке сохранен закрытый слог.

По мнению ученого, древнее значение «свойственница» (первоначально, вероятно, «женщина другого брачного класса») – одно из восстанавливаемых для ностратики названий свойства (ср. *kuda* «свойственник»). Это значение сохранено в уральских, алтайских, индоевропейских, отчасти дравидских (где название частично перенесено из кровного родственника) и семито-хамитских (с развитием «невестка» → «невеста»), для картвельских языков, вероятно, развитие «женщина-свойственница» → «женщина» ср. сарыг-югур. *kelen* «жена» [Иллич-Свитыч, 1971: 296].

Ясно, что во всех ностратических языках есть общее слово *kelin* со значением «невеста, невестка, сноха», с одной стороны, и, с другой, со значением «муж сестры, зять». В.М. Иллич-Свитыч считает первое значение изначальным, а второе – производным. Однако **факты ханью уточняют такое понимание и вносят ясность в представление о происхождении самого наименования.** В этом языке есть слог-морфема *kè* «гость, посетитель, постоялец, путешественник, чужеземец; приезжий, прохожий, иногородний, пришлый; другой, чужой; останавливаться, гостить, иметь временное пристанище, жить на чужбине». Сочетание архетипа этого слога со слогом *lin* «сдавать (в наем), давать/отдавать в наем (в аренду); снимать, брать в аренду (напрокат), арендовать, нанимать; наниматься, состоять в найме; плата за наем (за прокат), арендная плата» могло иметь в древности значение «пришлый, принятый (в семью) в аренду, представитель другого рода или семьи, находящийся в данной семье по найму». Деление вновь принятых (некровных) членов семьи по полу, по-видимому, произошло позднее.

В тюркских языках весьма распространены различные рефлексy общего для них слово *келин* «невестка» [ЭСТЯ, 1980: 16-17]:

1) *гелин* в турк., тур., гаг., кум., аз. диал. языках;

2) *галин* в аз. языке;

3) *галиин/галийн/гэлийн/кэлиин/кэлин/келйн/кэн* (диереза) в узб. диал. языке;

4) *келин* в турк. диал., крым.-тат., кар. диал., балк., каз., кырг., ног., каракалп., койб., узб. диал., уйг., сарыг-югур., лоб., алт., саг., тув., тел., др.-уйг., др.-тюрк., тат., шор. языках;

5) *килйн* в баш., тат., хак. языках;

6) *кээлин* в алт. диал. языке;

7) *келен* в койб. тат. сарыг-югур. языках;

8) *килин* в алт. диал. языке;

9) *килен* в тат., башк., койб. языках;

10) *килйн* в хак. языке;

11) *кин* в чув. языке;

12) *киниит/кийит* в якут. языке (считаем, что в примерах 11 и 12 произошло стяжение звуков в результате выкидки звукосочетания *ли* из состава слова);

13) *келин/керин/кенни* в тув. языке; по предположению А.М. Щербака, последний вариант «представляет собой вторичную основу (с аффиксом принадлежности 3-го л. ед. ч. *-и*), где конечный согласный *н* ассимилировал предыдущий неустойчивый *л*, а гласный *и*, оказавшись в безударной позиции, выпал» [Щербак, 1977: 63]; мы же усматриваем в примере *келин/керин* наличие чередования *л/р*, а в примере *келин/кенни* пермутацию *ин – ни* в результате чего начальное *н* в слогe уподобил себе звук *л* предыдущей части слова, поэтому считаем, что в трансформации слова *келин* в *кенни* не участвовал аффикс принадлежности 3-го л. ед. ч. и не произошло выпадение звука;

14) *келин/келди* в алт. языке (по мнению А.М. Щербака, «здесь имеет место прогрессивная ассимиляция: под влиянием предшествующего *л* конечный *н* переходит в *д* с присоединением аффикса принадлежности 3-го л. ед. ч. образовалась вторичная форма *келди*» [Щербак, 1977: 83]);

15) *келинь* в гаг. диал.;

16) *гелин/гелни* в гаг. языке (с метатезой во втором слоге, т.е. слог *ин* переходит в слог *ни*, допуская перестановку между гласным и согласным звуками слога);

17) *келен, хелен* в караг. языке и др.

В тюркских языках рефлексy общетюркского слова *келин* выражают значения:

1) «невеста» – аз., балк., др.-тюрк., гаг., крым.-тат., кар., турк., тур., узб. диал.;

2) «возлюбленная» – хор.;

3) «новобрачная» – турк., тур., кырг.;

4) «невестка» – алт., балк., башк., гаг., каз., каракалп., кырг., крым.-тат., кум., лобн., ног., сарыг-югур., тар., тат., тел., тур., турк., узб. диал., уйг. диал., хак. и др.;

5) «молодуха, молодница» – кырг., турк. диал., узб. диал., уйг. диал.;

6) «молодая жена» – тур. диал.;

7) «младшая невестка» – кырг.;

8) «сноха» – алт. диал., балк., башк., гаг., каз., кар. диал., каракалп., кырг., крым.-тат., кум., лоб., ног., сарыг-югур., тат., тув., тур., турк., узб., уйг. диал., хак.;

9) «жена младшего брата» – караг., кырг., койб.;

10) «жена младшего брата по отношению к жене старшего брата» – баш. диал.;

11) «жена сына или младшего брата» – кырг., тув.;

12) «молодая женщина» – алт., кырг., тур., турк.;

13) «молодуха, молодка, молодая» – алт., кырг., узб.;

14) «кукла» – аз.;

15) «свадебный» – гаг. и некот. др. [ЭСТЯ, 1980: 16-17]:

Как видим, рефлексy рассматриваемого слова отличаются многообразием значения и оформления. Однако есть начала, объединяющие

это разнообразие – звуковое и семантическое, которые позволяют реконструировать исход этих наименований в виде *келин. Он является наиболее распространенным экспонентом формы и значения рассматриваемого пракорня и встречается в большинстве языков тюркской группы, а продуктивными и типичными его семами – «невестка», «невеста» и «сноха». Другие варианты имени и его значений, на наш взгляд, вторичны и представляются производными, возникшими позднее.

Первым тюркологом, обратившим внимание на происхождение названия невестки, был В.В. Радлов, который связывал его с глагольным корнем *кел-* «прийти/приходить, приехать/приезжать, прибыть/прибывать». Сочетание глагольного корня с формантом *-н*, послужило основанием для образования слова *келин*. Он также указывал на его связь со словом *келеш* со значениями «невеста, любовница, молодая жена» в тобольском, тюменском и барабинском языках Сибири и «замужняя женщина» в татарском языке [ЭСТЯ, 1980: 17]. Это идея была поддержана Ю. Неметом, который к формам *келин* и *келеш* присовокупил финно-угорские лексемы с соответствующими значением и формой: фин. *käly* «невестка», еще шорское слово *кели* «невеста». Этимология В.В. Радлова в целом убедительна и приемлема, поскольку подкрепляется и другими фактами. В ряде тюркских языков корень *кел-* используется в названиях свадебных правил и обрядов. Например, в кумыкском языке мы встречаем слова: *гел-еш-* «свататься», *гел-еш-миш* «невеста, жених (по отношению друг к другу)», чув. *кил-* «выходить замуж», алт., каз., кырг., ног., хак. *кел-иш-* «договариваться», *келишим* «договор», кар. диал., каракалп., кырг., *кел-иш-* «приходить к соглашению» [ЭСТЯ, 1980: 17; Militarev, 2010: 216]. Однако такое понимание происхождения названия невестки не объясняет наличия в нем конечного форманта *-н*. Такой формант отсутствует в других отглагольных существительных. Его называют то показателем глагольного имени, то признаком причастия прошедшего времени на *-(и)н*, а аффикс *-иш/-еш* – признаком совместного залога, который имеет место в кырг. глаголах: *бил-*

иш- «узнать друг друга», *кең-еиш-* «советоваться», *ур-уиш-* «ругаться, драться, биться», *тут-аиш-* «соединиться», ср. плеоназм: *кең-еиш-иш* «советоваться», *тут-аиш-ыиш* «соединиться».

Эти примеры, конечно, допускают сравнение с маньч. *keli*, нан. *kali*, эвенк., *kali/kalin*, эвен. *kali*, ульч. *kelin* «муж сестры, свояк», имея семантико-фонологическую близость с ними.

Персидское (диал.) *гелин* «невеста» [ЭСТЯ, 1980: 18], тадж. *келин* «невеста» [РТС: 547] и др. не без основания сравниваются с латин. *glos* «золовка, жена брата», фриг. *gelapos* «жена брата», греч. *galus* «золовка», рус. *золовка* [Иллич-Свитыч, 1971: 412].

3.6.3. К вопросу о происхождении названия платы за невесту.

Объяснение происхождения слова *келин* только в связи с глагольным корнем *кел-* без учета его корреляции со словом *қалың* «плата за невесту» может вызвать определенные вопросы, требующие прямого ответа. Слова *келин* и *қалың* соотносительны как в формально-фонетическом, так и в содержательно-семантическом плане. Им свойствен фонетический параллелизм:

к – е – л – и – н

қ – а – л – ы – ң

Полное совпадение звукового состава и общего фонологического облика двух слов, распространенность подобных фонетических чередований (*к/қ*, *е/а*, *и/ы*) в тюркских и кыргызских однокорневых словах позволяют признать их этимологическую идентичность. А семантическая их близость еще более убеждает нас в том, что сравниваемые слова, вероятно, восходят к одной праформе и имеют общее происхождение.

Приведенные выше китайские примеры объясняют также происхождение общетюркского слова *калың* «калым, плата за невесту», этимологически связанного с прасловом *келин* и, вероятно, происшедшего из сочетания двух названных корневых морфем в результате семантического сдвига и звукового изменения (*калың* < *келин*) [ЭСТЯ, 1997: 368].

Значение «выкуп за невесту» в тюркских передается словом *къалың, представленным в различных звуковых вариантах:

А. 1) *калың* в алт., каз., каракалп., кырг., леб., телеут., турк., тур. диал., шор. языках;

2) *калуң* в лобн. языке;

3) *хылың* в тув. диал. языке;

4) *қалынк* в тур. диал.;

Б. 5) *калын* в балк., башк. диал., караим. диал., кум., тат. диал., тур. диал., сарыг-югур. языках;

6) *қалин* в кум. диал., узб. диал.;

7) *кален* в тур. диал.;

8) *галин/галым* в тур. диал.;

9) *һалын* в тат. диал.;

В. 10) *қалым* в алт., башк. диал., караим. диал., кум., ног., сарыг-югур., тат., тув.;

11) *қалим* в др.-тюрк. памятниках;

12) *халым* в хак. языке;

13) *халыым* в якут. языке;

14) *хылым* в тоф. языке;

15) *халам/хулан/хулам/калам* в чув. языке;

В этих примерах отмечаются ауслатное чередование *-ң/-н/-м* и анлаутное чередование *к/г/х/һ*, которые не мешают идентифицировать их и возвести к общему прототипу (древнейшее сочетание слогов *ке + лин*) на основании близости и сходства значений приводимых слов. Приведенные выше слова являются номинантами значений:

1) «выкуп за невесту» во всех языках (А, Б, В);

2) «приданое; подарок при обручении; деньги и вещи, отдаваемые женихом стороне невесты; деньги, посылаемые во время женитьбы за сватовство; головной убор, венец, посылаемый невесте со стороны жениха» в тур. диал. (Б);

3) «плата в известную ценность, стоимость, цена товара» в тат. диал. (А);

4) «свадебное угощение у родителей жениха» в башк. диал. (Б);

5) «пир в доме невесты за неделю до начала свадьбы, на котором передаются деньги и подарки со стороны жениха» в тат.диал. (Б);

6) «скот, даваемый стороной парня за девушку; праздник в доме родителей жениха» в башк. диал (В).

В вопросе об этимологии слова *калың/калын/калым* нет единого мнения. Одни ученые связывает его с глаголом *қал-* «оставаться» («то, что остается как замена, замещение в доме отца невесты») и с существительным-омонимом *калың* «скопление, множество, толщина» (А. Вамбери). Другие сравнивают его с существительным *қалан* «основной налог (преимущественно натурой) с земледельческого населения в пользу государства», ср. иран. *qalān* как один из налогов монгольского периода (Г. Дерфер). Третьи считают возможной признать этимологическую тождественность *калың/калын/калым* с глагольной основой *қал-* «быть взятым, полученным» с учетом тунгусо-маньчжурской основы *га-* «брать, получать, купить» (Л.С. Левитская) [ЭСТЯ, 1997: 240].

Данные сближения нам представляются недостаточно убедительными. Они не объясняют общего семантического строения ключевого слова – слова *калың*, не мотивируют возникновения конечного *-ың/-ын/-ым* и не обращают внимание на фонологический параллелизм рассматриваемых вариантов слова и слова *келин* «невеста, невестка, сноха»:

қ – а – л – ы – ң

к – а – л – ы – н

к – а – л – ы – м

к – е – л – и – н

Мы считаем, что названные четыре слова являются фонетическими вариантами одного пракорня.

С данным корнем соотносится, на наш взгляд, и иранское слово *калан* «основной налог натурой» [ЭСИЯ, I: 240] и таджикское слово *келин* «сноха, невеста», употребляемое наряду с *аруус*, *аруус шавалда* в том же значении [РТС: 547, 1034].

Итак, мы имеем все основания предположить, что в общеностратическом языке был корень *келин* со значением «принятый в семью за плату». В процессе развития языков, вероятно, произошло расщепление этого значения: «представительница чужой семьи, принятая в новую по найму» и «представитель чужой семьи, принятый в новую по найму». Во многих языках закрепилось первое значение в силу распространенности перехода женщины из родной семьи в чужую по условиям брака. Второе значение сохранилось не во всех языковых семьях: его мы встречаем в тунгусских и самодийских языках, которые относятся соответственно к алтайским и уральским языковым семьям.

Таким образом, тюркские слова *келин* «невеста» и *калың* «плата за невесту» имеют соответствия во многих ностратических языках и с большей долей вероятности могут быть возведены к древним китайским слогам.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что факты китайского языка, сохранившие первичные корни слов в исходной форме, служат основой для установления происхождения целого ряда тюркских слов.

В китайско-кыргызских лексических соответствиях мы обнаружили некоторые примеры, которые в кыргызском языке оформлены по формуле СЕСЕ, а в китайском языке представлены разнохарактерными в фонологическом отношении слогами-морфемами. Например, слово *жезде* «муж старшей сестры, муж сестры отца (старше говорящего)», на наш взгляд, включает в себя рефлексы двух древнекитайских слогов: *jiè* «брать взаймы (в кредит), занимать, одалживать, брать во временное пользование, арендовать, давать взаймы, одалживать, ссужать» и *dà* «сестра». Как известно, в древности брачные отношения между представителями различных родов и кланов могли строиться на купле-продаже (см. статью о

происхождении слов *келин* «невестка, сноха» и *калың* «плата за невестку» в кыргызском языке). Что касается звуковых соответствий в двух языках, то кыргызское инициальное *жс-* регулярно соответствует китайскому *j-*. Для аналогии приведем этимологически идентичные слова двух языков с инициалами *жс-/j-*, где лексемы кыргызского языка имеют закрытые слоги: 1) *jiá* «щека, скула, челюсть» – *жаак* «челюсть, скула»; 2) *jiā* «сжимать, сдавливать, стискивать, сжимать с двух сторон, вставлять; зажим, тиски, щипцы, клещи» – *жум-/жумуу* «жмурить (глаза), сжимать (кулак)»; *чым-* в словах: *чымчы-/чымчуу* «щипать, ущипнуть, брать щепоткой», *чымчым* «щепотка» (повтор), *чымчуур* (чуйск.) «плоскогубцы, щипцы, зажим, клещи»; 3) *jiāo* «гореть, обгореть, обгорелый, обожженный, подгорелый, черно-желтого цвета; сохнуть, подсыхать, поджариваться, подрумяниваться, пересохший, высохший, поджаренный, подрумяненный; поджигать, сжигать, опалить; сушить, подсушивать, подрумянивать, печь, жарить, поджаривать» – *жак-/жагуу* «жечь, зажигать». Ср. примеры: *от жакты* «зажег огонь», *жагуу* «зажигание, сжигание». Закрытые слоги приведенных кыргызских лексем в данном контексте поддерживают закрытый слог в слове *жезде*.

3.7. Рефлексы названий семьи и жилища в языках Евразии

В кыргызской лексикографии кратко и четко раскрыта семантика слов *үй* «дом, жилище, юрта», *үй-бүлө* «семья, семейство», *бүлө* «семья, член семьи» и *бөлө* «дети двух родных сестер» [Юдахин, II: 319; I: 167, 152; КТТС, 2001, I: 346; II: 662]. Однако до настоящего времени происхождение этих слов еще не было предметом специального лингвоэтногенетического рассмотрения.

Цель параграфа – установить этимологию кыргызских названий жилища и семьи путем сравнения с соответствующими лексическими единицами других родственных языков в контексте теории лингвоэтногенетического единства алтайских и сино-тибетских народов [Введ.: 19-20; Зулпукаров, 2014: 246-250; Зулпукаров, Амиралиев, 2019: 20-24; Зулпукаров, Амиралиев,

2017 в: 95-106]. Достижение этой цели предполагает анализ языковых фактов индуктивным способом по принципу «от частей – к целому».

Материалом исследования являются номинанты жилища и семьи в ряде родственных языков, которые рассматриваются с помощью приемов сравнительного метода и метода реконструкций.

Кыргызское сложное слово *үй-бүлө* «семья, семейство» состоит из двух частей – *үй* «дом, жилище, юрта, комната» и *бүлө* «семья, член семьи». Последнее произносится и пишется в двух равноценных вариантах *бүлө/бүлөө* [Карасаев, 1966: 127-128]. Вариант с кратким гласным более продуктивен, чем вариант с долгим гласным. Слово *үй* «дом, жилище, юрта» в разговорной спонтанной речи преобразуется в долгий гласный: *үйгө/үүгө* «домой» (дат. падеж) и имеет этимологически идентичные или близкие соответствия во всех тюркских языках. Это говорит о том, что оно относится к базисной лексике языка.

В языках тюркской группы представлены следующие рефлексы пракорня:

А. 1) *үй* – алт., др.-тюрк., каз., караим. (к.), к.калп., карач., кырг., кум., леб., лоб., ног., с.-юг., тел., тур. диал., узб. диал.; 2) *Ўй* – баш., тат.; 3) *уй* – уйг.; 4) *уй* – узб.; 5) *йу/йү/жү* – с.-юг.; 6) *өй* – др.-тюрк., лоб., тур. диал., туркм., узб. диал., уйг.; 7) *ой* в узб. диал.;

Б. 8) *еб* – др.-тюрк., койб., саг.; 9) *ев* – аз., др.-тюрк., др.-уйг., караим. (к.), к.калп., кр.-тат., тур., чаг.; 10) *эв* – тур. диал.; 11) *еп* – алт., др.-уйг.; *эп* – койб.; 12) *өп* – др.-уйг., саг.; 13) *еф* – др.-тюрк., др.-уйг., саг.; 14) *өм* (по В.В. Радлову); 15) *өв* – аз.; 16) *иб* – хак.; 17) *ип* – кач.; 18) *ив* – карим. (г., л.); 19) *ув* – алт. диал.; 20) *үв* – алт. диал., др.-тюрк.;

В. 21) *үү* – алт., бараба, каз., кырг., с.-юг.; 22) *ү* – тат. диал.; 23) *уу/үг* – шор., саг.; 24) *үг* – шор.; 25) *өг* – тув., карагас.; 26) *ух* – сойот. (по Кастрену);

Г. 27) *йив* – караим. (г., л.), ст.тур., куман.; 28) *йүв/йув* – караим. (т., л.); 29) *йев* – гаг.; 30) *йүв* – караим. (т., л.); 31) *йув* – кар. (т.) и др. [ЭСТЯ, 1974: 513].

Как видим, названия жилища в тюркских языках представлены многообразно, но объединяются вокруг нескольких общих формул: 1) Г+С; 2) С+Г; 3) С+Г+С и 4) Г, где Г – гласные, С – согласные.

Какие же значения передают названные выше слова в тюркских языках? Исследователи отмечают следующие значения, выражаемые отмеченными лексемами:

- 1) «дом» – во всех языках;
- 2) «юрта, кибитка» – алт., др.-тюрк., каз., к.калп., караг., кырг., сойот, тув., туркм., хак.;
- 3) «жилище, жилье» – аз., алт., каз., к.калп., кырг., лоб., с.-юг.;
- 4) «шатер» – др.-тюрк.;
- 5) «комната» – кырг., кум., туркм., узб.;
- 6) «квартира» – кырг., туркм., узб.;
- 7) «сакля, хата» – ног.;
- 8) «дом (как культурно-бытовое и социальное учреждение)» – кырг., узб.;
- 9) «дом, участок неба (астр.)» – др.-тюрк.;
- 10) «домохозяйство» – вост-тюрк.;
- 11) «помещение» – др.-тюрк., узб., уйг.;
- 12) «место обитания» – уйг.;
- 13) «становище, стоянка» – др.-тюрк.;
- 14) «поле на шахматной доске» – по В.В. Радлову;
- 15) «семья, домочадцы» – др.-тюрк., кырг.;
- 16) «жена, женщина, домохозяйка» – каз., кырг., тел. [ЭСТЯ, 1974: 513-514].

В силу конкретности и определенности объекта наименования первичной представляется только часть этих значений – 1-7. Все многообразие форм и значений тюркских номинантов жилища можно возвести к одному пракорню и продемонстрировать пути возникновения всех современных его рефлексов.

Идею о первичности формы *йу “жилище” поддерживают факты не только сарыг-югурского языка (йу/йу/жү “дом, жилище, жильё”), но и факты тунгусо-маньчжурских языков:

1) эвенк. *жӯ* “жилище; юрта, чум, ураса, дом; нора, логовище, берлога, гнездо”;

2) сол. *жӯх* “дом”;

3) эвен. *жӯ* “жилище; юрта, чум, ураса, дом; хозяйство, семья; нора, логово, берлога, конура; матка (животных)”;

4) нег. *жõ* “жилище, юрта, ураса, дом”;

5) ороч. *жӯ(г-)* “жилище, дом”;

6) уд. *жӯдала* “шалаш (двускатный, с двумя выходами и с двумя очагами)”;

7) ульч. *жӯх(г-)* “жилище, дом”;

8) нан. *жõ(г-)* “жилище, дом” [ССТМЯ, I: 266-267].

Сарыг-югурское йу/йу/жү “дом, жилище, жильё” представлено в трех равнозначных вариантах, последний из них фонетически сходен с тунгусо-маньчжурскими номинантами жилища, а первые два варианта – с китайским многозначным словом йу [jü] с включающим (нисходяще-восходящим) тоном, употребляемым в значениях «крыша, дом, здание; жилище, пристанище, кров; границы, рамки, пределы, рубежи, территория; просторы, ширь, пространство (вообще); окружение, окрестность, пространство, около; внешность, наружность, облик; покровительство, доброе отношение, лучшее чувство души» [Введ.: 253; Тенишев, 1976: 186]. Нет сомнения в этимологической идентичности кыргызского (үй) и китайского (йу) слов, находящихся между собою в отношениях метатезы. Метатеза звуков характерна многим кыргызско-китайским словам: кырг. *ий-* «гнуть, сгибать; склонять, подчиняться» – кит. *йи-* (с включающим/падающим тоном) «клониться к, наклоняться, склоняться к, отклоняться, уклоняться»; кырг. *ий* «выделка, дубление (кожи)» – кит. *йи* (с падающим тоном) «давить на, нажимать на, прижиматься к, подавлять»; кырг. *ий-* в словах: *ийик*

«веретено», *ийри* «кривой, извилистый», *ийрек* «зигзаг, извилина, ломаная линия; зигзагообразный, извилистый» – кит. *йи* (с включающим тоном) «петлять, идти зигзагами, извиваться, наклоняться, сгибаться, уклоняться» [Введ.: 348, 251]; кырг. *ши* «дело, работа, деяние, предприятие, место работы; происшествие, случай, беда, инцидент» – кит. *ши* (с падающим тоном) «дело, деяние, предприятие, занятие; дело, событие, случай, обстоятельство; происшествие, инцидент, неприятный случай, конфликт; работа, занятие, промысел, служба; делать, заниматься, управлять, ведать, служить, прислуживать, ухаживать за; осуществлять, постоянно практиковать; заставлять, понуждать; втыкать» [Введ.: 193-194] и т.д. (в китайском языке глагол и существительное формально не дифференцируются). Эти и многие другие аналогичные примеры, демонстрирующие распространенность метатезы в китайско-кыргызских словах, свидетельствуют о том, что общетюркский пракорень со значением «жилище» мог иметь форму открытого слога. На этой основе мы предлагаем новую модель пракорня со значением «жилище» в виде **йү* и схему его фонетико-семантического трансформирования:

1) **йү* > *үй/уй/өй/ой/үй* (метатеза с переходом слогообразующего гласного *ү* в звуки *у, ө, о*);

2) **йү* > *йү/йу/жү/зү/зө* (чередование начальных согласных *й/ж/з*);

3) **йү* > *йүв/йув/йив/йев* (переход переднерядного губного гласного в звукосочетания с конечными губно-зубными согласными);

4) **йү* > *үв/ув/ив/иб/ип/ев/эв/еп/эп/эф/өв/өм/өп* (переход гласного *ү* в согласные *-б, -в, -п, -м*; потеря начальным звуком качества краткости и приобретение им свойства обычных гласных, в одном случае – свойства долготы);

5) **йү* > *ү/үү/уу* (афереза, т.е. выпадение начального *й*- и переход обычного гласного в долгие); ср. аферезу: кырг. *суу* «вода», *сүт* «молоко», *сен* «ты» – якут. *уу* «вода», *үт* «молоко», *эн* «ты» [Зулпукаров, Амиралиев и др. 2018 б: 56];

б) *йү > *үг/өг/үх* (метатеза в сочетании с чередованием *й/з/х*).

Чередование конечных согласных (*б/в/з/й* ...) в тюркских языках не является исключительным, а вполне типичным для них фонетическим явлением и встречается во многих других случаях. Ср., например: тур. диал. *өв-/өй-/өг-* «смешивать, перемешивать» [ЭСТЯ, 1974: 515], аз., тур. *ов-* «тереть, мять. разминать», баш. *ыв-* «тереть», к.-тат. *оэ-* «тереть, растирать», с.-юг. *уз-* «молотить», хак. *уз-* «мять, измять» и т.д. [ЭСТЯ, 1974:401], узб., уйг., к.-тат., лоб., хак. *ез-*, уйг. диал. *из-*, тур. диал. *эк-*, узб. диал. *ей-*, кырг., кум., ног., к.калп., тат. *ий-*, тур. диал. *ив-, ай-* «гнуть, сгибать, нагибать» [ЭСТЯ, 1974: 331].

Таким образом, мы считаем праформой общетюркского названия жилища гипотетический корень *йү, который дошел до нас в различных фонетических и семантических трансформах, в том числе в составе кыргызского сложного слова *үй-бүлө* «семья, семейство».

Сходные с тюркскими названиями жилища и семьи лексические единицы встречаются также в индоевропейских языках: др.-греч. *ой-* (*oikos* «жилище, дом»), общеслав. сложные суффиксы *-ович/-евич* (*ов/ев* «дом, жилище» + *ич* «внутри, внутренний» в тюркских языках) и *-овна/-евна* (второй компонент этого аффикса имеет значение «девочка, девушка, женщина», сравниваемый с китайским словом *нү* [nü] «девочка, девушка, женщина») [Зулпукаров, 2014: 246-247].

Теперь перейдем к рассмотрению происхождения второй части сложного слова *үй-бүлө* «семья, семейство».

Слово *бүлө/бүлөө* «семья, член семьи» употребляется часто самостоятельно и имеет соответствия в алтайских и других языках. Поэтому мы проанализируем его происхождение в достаточно широком контексте. Оно сравнивается с фактами других тюркских языков: алт. *биле*, тел., тув. *тиле* «семья» и т.д. [ЭСТЯ, 1978: 216-217], которые идентичны со словами других алтайских языков: 1) монг. *бүл/бөле* «семья, член(ы) семьи, домочадцы, домашние; сила», хазара *бола* «сыновья родных

сестер/двоюродные братья», монг. *бола* «сыновья тетки по матери», даг. *булэ*, калм. *бөлө*, орд. *бөлө* «дети двух сестер» [ЭСТЯ, 1978: 217], бурят. *булэ* «семья, семейство; двоюродные брат и сестра (по матери)» [ЭСТЯ, 1978: 218]; 2) эвенк. *булэ* «семья» [ССТМЯ, I: 109; ЭСТЯ, 1978: 218]. Пример из бурятского языка позволяет нам связать слово *бүлө/бүлөө* «семья, член семьи» с другим кыргызским словом – *бөлө* «двоюродный брат и сестра (по матери)». Как видим, бурятскому слову *булэ* в кыргызском языке соответствуют два разных, но однокоренных слова.

В сознании древних алтайцев родство по матери, вероятно, представлялось ближе, чем родство по отцу. В условиях полигамии и беспорядочных половых сношений кровное родство членов «семьи» и рода, определялось, конечно, только по матери. Отцовство нередко оставалось неизвестным, неопределенным также у детей, рожденных во время непрерывных войн, когда воины победившей стороны в массовом порядке насиловали женщин побежденной стороны, уводили их в плен и беспощадно пользовались ими как могли. У первобытных людей, вероятно, не было понятия о грехе, гуманизме, нормах поведения и т.д. В таких условиях невозможно было выяснить, от какого мужчины рожден тот или иной ребенок. Именно поэтому значение «двоюродный брат/сестра (по матери)» получило особое наименование во многих тюркских языках.

Ученые выделяют следующие номинанты значения «дети двух сестер», в тюркских языках: 1) *bola, bola, bula, bülem, bele, bula, bulla* – тур. диал.; 2) *бүлү* – гаг.; 3) *бөле* – каз., к.калп., ног.; 4) *бөлө* – алт. диал., кырг.; 5) *бүлэ* – баш.; 6) *биле* – алт., тув. диал., як.; 7) *пөлө* – алт. диал., шор., нижнечулым.; 8) *пөле* – хак., шор.; 9) *пөлэ* – среднечулым. [Покровская: 53; ЭСТЯ, 1978: 217; Мусаев К.М.: 553-554].

К.М. Мусаев, автор раздела «Родство и свойство» в монографии «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка»,

реконструирует праформу приведенных примеров в виде *бөлө [Мусаев: 554; Ярцева, 1981: 83]. Рефлексы данного пракорня передают значения:

1) «дети двух родных сестер со стороны матери» – каз., к.калп., кырг., хак.; «дети двоюродных сестер» – кырг., тув. диал.; «дети тетки со стороны матери» – туркм. диал.;

2) «сын старшей сестры отца» – алт. диал., шор.; «ребенок тетки по отцу или матери» – тур. диал.;

3) «двоюродные братья или сестры» – алт. диал., ног., узб. диал.; «двоюродный брат» – алт. диал., баш.; «двоюродная сестра» – тур. диал. (ср. халха-монг. *бул* «двоюродный брат/двоюродная сестра по матери, дети сестер»); «сын дяди со стороны отца, дети братьев по отношению друг к другу, племянник» – тур. диал.;

4) «тетка со стороны матери или отца» – тур. диал., тетя – гаг., «жена брата или дяди» – тур. диал.; «жена старшего брата» – гаг., «обращение к пожилой или старой женщине» – гаг.;

5) «дядя со стороны матери» – тур. диал.; «дядя» – тур. диал.;

6) «жена брата или дяди» – тур. диал.;

7) «правнук» – баш. [ЭСТЯ, 1978: 217, 218; Покровская: 53].

Турецкое слово *bula* «тетка, жена дяди» вошло в славянские языки (болг. *bula, bule, bulka, buljo, bulena, bulče*; серб. *bula, bulka, bulika, bulče*), а также в албанский (*bule*) и венгерский (*bulya*) языки [ЭСТЯ, 1978: 219], обогатив их терминами родства и свойства. С данными словами, вероятно, этимологически связаны и примеры дагестанских языков: беж. *билло*, гин. *билле*, хвар. *буллу*, гунз. *булїї* «дом, комната» [Хайдаков: 79].

Производные пракорня *бөлө в языках многочисленны. Из них определенный интерес представляют ног. *бөлешер* «дети двоюродных братьев/сестер», кырг. диал. *бөлөш* «двоюродный брат или сестра по матери; (в женском табу) двоюродный брат мужа по матери (при этом имя не называется)», баш. *бүләсәр* «правнучка» (*бүлә* «правнук») [ЭСТЯ, 1978: 219;

Черемисов: 54], которые существенно дополняют состав рефлексов праформы *бөлө.

Следует отметить одну важную прагматическую особенность употребления термина *бөлө* «двоюродный брат/двоюродная сестра по матери»: он является «взаимным», им называют друг друга дети родных сестер. Именно поэтому А.П. Дульзон раскрывает смысл чулымско-тюркского названия двоюродного брата или двоюродной сестры с позиции производителя речи: «*пөләм*: сын сестры моей матери, старше меня; сын младшей сестры матери моей матери, старше меня (нижнечулымские говоры)» и «*пөләм*: дочь сестры моей матери, если я – женщина; дочь брата моей матери, моложе меня» (среднечулымские говоры) [Дульзон, 1954: 66-76]. Как видим, в языке чулымских тюрков в соответствии с устоявшейся системой родственных отношений термин *пөлө/пөлә* употребляется в нижнечулымских говорах для обозначения двоюродного брата по матери, в среднечулымских – для обозначения двоюродной сестры по матери. При этом во внимание принимаются возраст и пол говорящего [Покровская: 54].

Семантика рефлексов праформы *бөлө «двоюродный брат/двоюродная сестра по матери» покрывает обширную когнитивно-понятийную сферу в языках Евразии. Особенно многочисленны и разнообразны его фонетико-смысловые трансформы, встречающиеся в диалектах турецкого языка. Все частные значения слова трудно свести к единому знаменателю. Но ясно, что все они передают близость людей по родству и свойству, представляя их как членов определенного клана, семейства.

Мы возражаем мнению о том, что общетюркское слово *бөлө является заимствованием из монгольских языков (М. Рясенен, С. Калужинский, Л. Покровская и др.) [Покровская: 53; ЭСТЯ, 1978: 217]. Наличие лексемы *büluò/büluo* «племя, род; становище, поселение, кочевье» в китайском языке [БКРРКС: 51] свидетельствует о том, что рассматриваемое слово, вероятно, имеет не монгольское и не тюркское, а алтайско-сино-тибетское происхождение. Китайский язык объясняет и состав данного двусложного

слова, каждый слог которого соответствует отдельным лексическим единицам ханью: 1) *bù/bǔ* «кормить/кормиться, нуждаться во вскармливании; вскармливаемый; сосунок, грудной; выкармливать» [БКРРКС: 49]; 2) *lǔ/lào* «жилье, пристанище, приют» [БКРРКС: 233]. Первый слог обозначает действия кормящей матери и грудного ребенка, второй – место кормления, проживания. А общеалтайское *bø именует родство детей двух матерей-сестер и этим сближается с китайским названием рода, племени, становища. Алтайские названия семьи и двоюродных братьев и сестер по матери, дошедшие до нас в различных фонетико-семантических вариантах и трансформах, этимологически связаны с китайским сложным словом *buluo* и возводимы к единому прототипу *було «семья, род». На этом основании мы считаем, что вторая часть кыргызского слова *үй-бүлө* «семья, семейство», а также слова *бүлө* «семья, член семьи» и *бөлө* «двоюродный брат/двоюродная сестра по матери» являются рефлексам пракорня *було, распространенного в восточных диалектах ностратического протоязыка.

Изложенное позволяет сделать некоторые общие выводы.

1. Кыргызские номинанты жилища и семьи имеют этимологически идентичные соответствия в других языках – тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и китайском.

2. Эти лексические единицы языка являются сложными и состоят из отдельных, самостоятельных слов, возводимых к древнейшим пракорням.

3. Пракорни первичных названий жилища и семьи просты, односложны, имеют открытое строение и обобщают все современные рефлексы в сравниваемых языках.

В процессе сравнительного изучения названий жилища и семьи в ряде языковых семей нами получены новые результаты:

1) в рамках проблемы осуществлены обобщение и синтезирование идей, находок и выводов ученых-компаративистов;

2) с опорой на факты ханью выдвинута и обоснована новая версия происхождения общетюркских слов со значениями «дом, юрта, семья, семейство; двоюродный брат/двоюродная сестра по матери»;

3) установлено происхождение кыргызских номинантов жилища и семьи в контексте теории лингвоэтнокультурного единства алтайских и сино-тибетских народов.

3.8. О кыргызских словах «иранского» происхождения

В любом языке трудно найти слово, которое было бы собственностью только данного языка. Например, кыргызский язык не имеет слов, возникших именно на его почве. Весь словарный состав этого языка является продуктом языкотворческой деятельности предков разных народов, в том числе – тюркских.

В лексике кыргызского языка разграничивается два крупных пласта слов: 1) межтюркская (общетюркская) лексика; 2) заимствованная лексика: а) слова, заимствованные из русского языка или через этот язык; б) слова иранского происхождения; в) слова китайского происхождения; г) слова, вошедшие в кыргызский язык из монгольских языков; д) слова санскритского (индийского) происхождения, вошедшие в словарный состав языка вместе с буддизмом; е) арабские слова, заимствованные в результате принятия кыргызами ислама и т.д. [Азыркы кыргыз адабий тили: 154-166; Абдувалиев, 2016: 66-85]. Лексические заимствования в языке возникли в результате контактов предков кыргызов с другими народами, вошли в их жизнь вместе с обозначаемыми материальными, культурными, экономическими, правовыми и прочими ценностями и обогатили их языковое мышление, коммуникативно-речевой потенциал, нормы жизнедеятельности, подняв соответственно своих носителей на новую ступень социокультурного развития.

В трудах по кыргызской лексикологии отмечается наличие в языке целого ряда слов иранского происхождения: 1) слова, связанные с торговлей

и коммерцией; 2) термины бахчеводства; 3) термины садоводства; 4) слова, связанные с земледелием; 5) строительные термины; 6) лексика, связанная с профессией; 7) мифологическая лексика; 8) названия частей тела человека и животных; 9) наименования орудий труда и предметов быта; 10) названия дней недели, месяцев, времен года; 11) названия болезней и лекарственных средств; 12) кулинарная терминология; 13) наименования природных явлений; 14) религиозные названия; 15) названия абстрактных понятий; 16) названия-эпитеты; 17) гидронимы и др., что свидетельствует о многовековых контактах кыргызов с соседними ираноязычными народами – таджиками, афганцами, бартангцами, ишкашимцами, персами и т.д. [Азыркы кыргыз адабий тили: 160-161; Абдувалиев, 2016: 72-75].

Среди слов, обычно относимых кыргызскими лингвистами к лексике иранского происхождения, нередко встречаются слова, источниками которых на самом деле являются совершенно другие языки – индийские, монгольские, арабский, китайский и т.д., что и послужило основанием для выбора темы настоящего параграфа. Предметом исследования, следовательно, являются некоторые кыргызские слова, обычно приписываемые к иранским заимствованиям, но являющиеся в действительности китаизмами. Цель раздела – внести уточнение в этимологию семи употребительных слов кыргызского языка. Факты сравниваемых языков рассматриваются под углом зрения синологии и ностратики [Введ.: 21-104; Зулпукаров, Амираниев, 2017 а: 26-36; Зулпукаров, Амираниев, 2017 г: 108-118; Зулпукаров, Амираниев, 2016 а: 307-312; Зулпукаров, Амираниев, 2018 в: 48-54].

В кыргызской лексикологии принято считать, что ряд торгово-экономических терминов языка заимствован из иранских языков: *арзан* «дешевый, дешево, дешевизна», *баа* «цена, оценка, ценность», *зыян* «вред, ущерб», *чекене* «розничный», *дукөн* «магазин», *базар* «рынок», *соода* «торговля», *соодагер* «торговец, купец», *пайда* «выгода», *пул* «деньги» и др. [Абдувалиев, 2016: 73-74; Азыркы кыргыз адабий тили: 160]. Отнесение этих слов к иранским заимствованиям недостаточно мотивировано и потому

вызывает возражение со стороны отдельных лингвистов [Введ.: 49, 55, 56]. Мы приведем отдельные аргументы в пользу поддержки мнения тех языковедов, которые считают многие из этих слов неиранскими или, по крайней мере, ностратическими.

Слово *арзан* «дешево, дешевый, дешевизна» многофункционально. В одном контексте оно употребляется как наречие, в другом – как прилагательное, в третьем – как существительное. Полифункциональность слова заставила ученых обратиться к фактам китайского языка, в котором части речи не дифференцируются, приобретают конкретные значения только в контексте. По нашему мнению, слово *арзан* сложное и состоит из двух китайских слогов: кит. *ěr* «близкий, ближний, ближайший» [Введ.: 125] + кит. 1) *xiàn/xiàn* [сянь/суань] (диал.) «нести поражение; попадать в ловушку; рухнуть (о позиции); совершать промах (проступок, ошибку), нести ущерб; наносить ущерб, вредить, губить, запутывать, вовлекать в, ловить в (ловушку); западня, ловушка; проступок, ошибка, промах»; 2) *jiǎn/xiǎn* [дзянь/сянь] «уменьшать(ся), убавлять(ся), снижать(ся), сокращать(ся); уменьшенный, сокращенный, вычитать, отнимать, минус; портить, вредить, убивать, выводить из строя»; *qīǎn* [цянь/тсянь] «терпеть урон (ущерб), быть притесненным, подпруга» [Введ.: 718-719]. Корень *ěr* «близкий, ближний, ближайший» представлен в виде глагольного суффикса в кыргызском языке с алломорфами *-ар, -ер, -ор, -өр*, передающего значение сомнительного будущего времени: *кел-ер-мин* «наверное, я приду/приеду» (где *кел-* «прийти/приехать», *-ер* признак будущего сомнительного, *-мин* «я»), *бар-ар-сың* «ты, наверное, пойдешь/поедешь» (где *бар-* «пойти/поехать», *-ар* признак сомнительного будущего, *-сың* «ты»). С этим суффиксом сходен корень *эр* в слове *эртең* «завтра». Вполне можно допустить, что оно сложное и состоит из *эр* «будущее, ближайшее» и *таң* «утро, рассвет». Гласный звук второго слова подвергся прогрессивной ассимиляции, в результате чего произошел переход *эр + таң* в *эртең*. Что касается второго компонента данного сложного слова, то он, вероятно, соответствует китайскому слову

dàn «утро, рассвет, на рассвете, рано утром, утренний, день, дневная пора, днем, рассветать» [Введ.: 98]. Их сочетание могло образовать слово *er + tan*, к которому восходит кыргызское наречие *эртең/эртеге* «завтра». А чередование *-н/-ң/-г* – распространенное явление в финальной части тюркских слов. Ср. в других языках: *эртен* в тур. диал., кум., кар.-балк., ног., алт. диал., тув., *эртан* в узб. диал., *иртен* в хак., шор., бар., *иртан* в тат., баш., *эртең* в кырг., каз., ног., каракалп., алт. языках в значении «утро, утром, наутро, поутру, рано утром; завтра, завтра утром» [ЭСТЯ, 1974: 305-306].

Мы не согласны с мнением о том, что кыргызское слово *зыян* «ущерб, вред, урон, убыток» (ср. *зыянына* «в ущерб себя», *зыян тартты* «понес убыток») является заимствованием из иранских языков [Юдахин, I, 1965: 294; Абдувалиев, 2016: 73], поскольку его происхождение явно мотивируют выше приведенные примеры китайского языка (*jīān/xiān* [дзянь/сянь], *xiàn/xiàn* [сянь/суань], *qiān* [цянь/тсянь]). В китайском языке отмечается инициальное чередование *x- /j- /q-*, передаваемое кыргызским звуком *з-*.

Другой коммерческий термин – слово *соода* «торговля». Об его иранском происхождении пишут многие лингвисты-кыргызоведы [Юдахин, II, 1965: 154; Азыркы кыргыз адабий тили: 160; Абдувалиев, 2016: 74]. Ханью дает основание для разбивки данного слова на два слога. В нем слог *соо-* в слове *соода* «торговля, купля-продажа» соответствует китайскому слогу *suǒ* «излишек, остаток, с лишним», а слог *-да* является эквивалентом китайского слога *dé* «получать, добывать, обретать». Сочетание *suǒ + dé* привело к образованию сложного слова *suǒdé* «доход», которое на почве кыргызского языка приобрело форму *соода*. А производное слово *соодагер* «торговец» имеет в своем составе субъектный суффикс *-гер/-кер/-гар/-кар*, часто встречающийся в языках Евразии (кырг. *иш* «работа» – *ишкер* «работник, предприниматель», тадж. *зар* «золото» – *заргар* «ювелир» и др.).

Слово *баа* «цена, стоимость, ценность, оценка» тоже считается иранским [Азыркы кыргыз адабий тили: 160; Юдахин, I, 1965:88; Сапоев,

Авезматов: 73]. Такого мнения придерживаются ученые, не знакомые с фактами ханью. В этом языке имеется многозначное слово *bǎo* «драгоценность, драгоценный камень, самоцвет, алмаз, бриллиант; драгоценный, украшенный самоцветами, алмазный; сокровище, богатство, ценность, роскошь, диво; богатый, ценный, роскошный, дивный, чудесный; монета, деньги, регалия; драгоценный, дорогой, бесценный, редчайший, редкий, редкостный, чудесный, наилучший, великолепный, прекрасный, роскошный, благородный; высоко ценить, уважать, придавать, большое значение, считать драгоценностью, беречь, чтить, преклоняться» [Введ.: 332]. В реальной речи из этой семантической парадигмы говорящее лицо выбирает только ту сему, которая соответствует потребности сообщения и которая вызывает адекватное понимание в сознании слушающего. Во многих случаях смысловым эквивалентом данного слова выступает кыргызское слово *баа* «цена, стоимость, ценность, оценка» со своими производными: *баала/баалоо* «ценить, оценивать, уважать, уважительно относиться, признавать ценность, считать ценным», *баалуу* «ценный, драгоценный, роскошный, бесценный, дорогой, наилучший, редчайший» и т.д. Таким образом, мы принимаем этимологическую идентичность китайского и кыргызского слов, являющихся номинантами цены и ценности (*bǎo* = *баа*) и обладающих разным семантическим объемом.

Предположение об этимологической идентичности кыргызско-китайских слов *соода* = *suǒdè*, *баа* = *bǎo* подтверждается не только сходством и близостью их означающих и означаемых в двух языках, но и возможностью возведения их типичных эпитетов-определений к ханью. В кыргызском рекламном дискурсе в качестве продуктивных атрибутов слов *соода* и *баа* используется сочетание *дүң жана чекене* «оптовый и розничный», компоненты которых имеют соответствия в китайском языке. Поэтому в Кыргызстане часто можно встретить вывески: *дүң жана чекене баа* «оптовая и розничная цена» и *дүң жана чекене соода* «оптовая и розничная торговля».

В рассматриваемом словосочетании определение *дүң* «оптом, оптовый» фонетически и семантически легко сближается с китайскими словами: *tún* «складывать в амбары, скупать; придерживать (товар), запасать», *dùn/tún* «амбар, закрома», *dǔn* «скупка, скупать, оптовая покупка, покупать оптом (партиями)» и *dūn/dùn* «тонна» (ср. франц. *tonne* «тонна», рус. *тонна*) [Введ.: 99]. Многообразие семантики и звучания китайских слогов позволяет заключить об их первичности относительно кыргызского термина. Кроме того, опыт китайцев в сфере торговли значительно превышает соответствующие навыки бывших кочевников.

В кыргызском словосочетании *дүң жана чекене баа* «оптовая и розничная цена» использован союз *жана* «и», который связывает между собою два прилагательных и соотносится со словами *жан* (балк., каз., каракалп.) / *чан* (саг., тув., хак.) / *йан* (аз., алт., баш., гаг., кар., кум., лоб., ног., сал., сарыг-юг., тат., тел., тур., уйг.) / *йон* (узб.) / *йаан* (турк., узб. диал., уйг. диал., халадж.) в значениях «бок, боковая сторона; бедро; место, находящееся рядом; край, около, рядом с; карман; вновь, снова, опять, также, и, еще» [ЭСТЯ, 1989: 113-115] в тюркских языках и с китайским слогом *yán*, выражающим семы «идти (вниз) по течению, идти вдоль/по краю; прилегать к, примыкать к, граничить вплотную с, продолжать традицию, сохранить в силе, следовать за; вдоль, по, согласно, в соответствии с, в зависимости от; берег, край воды» (ср. *yánlù* «по дороге, по пути, вдоль дороги, всю дорогу, придорожный»), конкретизирующие близость, параллелизм и последовательную связь действий [Введ.: 525]. Почти все эти значения передает кыргызский связанный корень *жан-*, отдельно не употребляемый и встречающийся только в составе целого ряда производных слов:

1) *жан-* «около, возле, у, подле, рядом с, вместе с» (*жан-ым-да-сың* «ты рядом со мной/возле меня», *жан-ың-да-мын* «я рядом с тобой» и т.д.);

2) *жан-а* «и, также, с (со), совместно с, вместе с, параллельно с; только что, недавно; еще, а также, вместе с тем»;

3) *жан-да* со значениями «быть рядом, находиться близко к, идти рядом, действовать вместе, приблизиться к, близко подойти к; быть вместе, в близких отношениях с; сопровождать (с лестью, выражая подчиненность, выполняя роль охраны); морально и физически поддерживать, находясь в пути рядом»; ср. *жандоо* «быть около, быть/находиться рядом (в походе, поездке, путешествии и т.д.)», *жандап жүрүү* «идти сопровождая, идти рядом с», *аялын жандап* «сопровождая жену», *чоң жолго жандап жүрүү* «ездить вдоль большой дороги/шоссе», *жээк жандап/бойлон баруу* «идти по берегу/вдоль берега»;

4) *жан-аш* со значениями «находиться рядом, идти вместе, стоять близко к; приблизиться к, быть в хороших отношениях с»;

5) *жан-акы/жан-агы/жан-атан* со значениями «чуть раньше, только что; недавно»;

6) *жан-дат* со значениями «заставить быть рядом, заставить идти вместе с; заставить сопровождать, заставить находиться вместе с»;

7) *жан-дооч* со значениями «сопровожающий, помощник; находящийся рядом в качестве поддерживающего, помощника; сопровождающие новобрачных или участников игры «Догони девушку!»; послелог (грамм.)» и т.д. [Введ.: 233; Юдахин, I, 1965: 228; КТТС, 2011, I: 496-499].

Как видим, кыргызский язык как язык агглютинативный обладает сложной системой производных с дополнительными значениями. Но значения дериватов кыргызского корня *жан-* не слишком удалены от общего значения «(быть) рядом, (действовать) параллельно», которое может выступать архетипом семантики и китайского слога *yán*. Считаем, что этот архетип слов *yán* и *жан*, единый в древности по звучанию и значению, в процессе развития языков получил разветвленную функционально-смысловую систему, максимально удовлетворяющую потребности общения своих носителей.

Теперь покажем китайские соответствия кыргызского прилагательного *чекене* «розничный, частичный, незначительный». На торговых вывесках доминирует первое значение. Начальную часть слова (*чек-/чеке-*) мы сравниваем с китайскими слогами *jì* «межа, граница, предел, стык» и *jiè* «граница, рубеж, межа; граничить, ограничивать, разделять, отделяться», которые лишились конечного *-к* в результате действия открытого слога в ханью [Яхонтов, 1965: 28]. В кыргызских эквивалентах конечное *-к* сохранено: *чек* «предел, граница, рубеж, межа», *чеке* «край, сторона», *чектүү* «ограниченный», *жик* «стык», *жөөк* «гряда», *жээк* «берег» и т.д.; ср. аналогичные примеры: кит. *bù/bǔ* «кормить» – кырг. *бак* «кормить», *bì* «закрывать, закрытый, замок» – кырг. *бек* «закрыто, прочно», кит. *suǒ/sù* «сжимать» – кырг. *сык* «жать, сжимать» и т.д. Конечный слог *-не* слова *чекене* мы сравниваем с китайским слогом *ná* «брать, получать, покупать, владеть, держать», значение которого легко может быть связано с коммерческой деятельностью людей. Согласно закону сингармонизма переднерядные гласные первых двух слогов (*чеке-*) подвергли ассимиляции гласный слога *на*, преобразовав его в звук *е*.

Как видим, все компоненты словосочетания *дүң жана чекене баа* «оптовая и розничная цена» по происхождению являются тюрко-ханьюйскими, а не иранскими.

Слово *маң* «гашиш; растерявшийся, опешивший, проявляющий нерешительность» (*маң тартып* «закурив гашиш», *башы маң* «голова не соображает») тоже возводится к иранскому источнику [Введ.: 516; Юдахин, П, 1965: 17; Сапоев, Аvezматов: 29]. Об иранском происхождении узб. *банг*, каз. *маң*, каракалп. *мэң/бэң*, уйг. диал. *бең/бэң*, аз. *бэң*, тур. *benk* пишут и другие ученые (Л.З. Будагов, Л.С. Левитская и др.). В этих языках оно обозначает: 1) индийская конопля (узб.); 2) белена (аз., каз.); 3) род наркотика из индийской конопли (уйг.); 4) наркотическое средство из конопляных семян (каракалп.); 5) гашиш (тур., турк., кырг., уйг. диал.); 6) растерявшийся, опешивший, проявляющий нерешительность (кырг.).

Действительно, в персидском языке имеется слово *банг* «индийская конопля, белена, гашиш», которое Л.С. Левитская сравнивает с первой частью сложных слов – каз. *меңдувана*, каракалп. *мэңдувана* «белена» (где, по ее мнению, *дувана* «юродивый»), тадж. *бангидевона* «дурман вонючий, гашиш сумасшедшего» [ЭСТЯ, 2003: 54]. По-видимому, авторам идеи об иранском происхождении слова не было известно значение китайского слога *méng* «дурманящий, пьянящий, одурманенный, опьяненный; сонное зелье, дурман» [Введ.: 308], который мы обнаруживаем и в составе кыргызского слова *меңдубана* [Введ.: 55-56]. В ханью есть слова *dúwù* «яд, токсин, отравы» и *nà* «брать, получать», сочетание которых могло образовать источник второй части данного кыргызского слова, т.е. *dúwù* + *nà* = *дубана*. Ядовитость денотата этого слова всем хорошо известна. Иначе говоря, *мең* «дурманящий» + *дуву* «яд» + *на* «брать, получать», то есть семантический архетип слова китайский. В ханью оно могло иметь значение «трава, из которой получают дурманящее ядовитое вещество».

В кыргызском языке имеется слово *алоо* «пламя», которое мы сравниваем с китайской корневой морфемой *lìào* «огонь, пламя, (сигнальный) костер, светильник, факел; ожог». Кыргызское слово служит основой для образования многочисленных дериватов: *алоолоо* «пылать, гореть, полыхать, пламенеть, гореть пламенем, становиться красным, разгораться, бурно вырываться (о пламени)», *алоолотуу* «развести костер, большой огонь» и т.д. Кыргызское и китайское слова сопоставимы с таджикским словом *алов* «пламя» [РТС: 731] и на этом только основании не можем считать их иранскими по происхождению [Юдахин, I, 1965: 52]. Мы можем говорить о межэтническом характере приведенных выше трех – кыргызского, китайского и таджикского – слов.

Словарный фонд кыргызского языка состоит из двух крупных пластов – межтюркского и заимствованного. Часть общетюркских и заимствованных слов с некоторой долей вероятности возводима к ностратическому праязыку.

Предки кыргызов контактировались с различными народами, испытывая и принимая их культурно-цивилизационное и когнитивно-языковое влияние.

В работе проанализировано происхождение только 7 слов, считающихся обычно иранскими, и показано, что они этимологически связаны с китайским языком (ханью) или являются ностратическими корнями.

Этимологические экскурсы, содержащиеся в данном параграфе, дополнительно подтверждают обоснованность гипотезы о лингвоэтногенетическом единстве алтайских и сино-тибетских народов [Зулпукаров, Амиралиев, 2018 в: 48-54; Зулпукаров, Амиралиев, 2018 г: 54-63] и позволяют нам поддержать точку зрения лингвистов-компаративистов, которые весьма широко представляют состав ностратических языков [Долгопольский, 1964 а: 53-63; Долгопольский, 1967: 95-112; Иллич-Свитыч, П, 1976: 3-60; Старостин Г.С. и др., 2016: 253-383].

3.9. Этимология названий автомойки и авторемонтной мастерской в кыргызском языке

В настоящем параграфе рассматриваются неологизмы кыргызского языка, возникшие в результате научно-технического прогресса и в процессе развития обслуживания автотранспортных средств. Они, конечно, никакого отношения не имеют к базовой лексике языка. Но в них в качестве первоэлементов используются слова, являющиеся, по всей вероятности, самыми древними и возводимыми к архаическому состоянию языков. Мы ставим своей целью проанализировать составляющие двух терминов, используемых в сфере автомобильного сервиса и бизнеса.

Название автомойки, например, имеется во всех современных языках и является сравнительно новым лексическим образованием. В рекламном дискурсе Кыргызстана слова *автомойка* и *унаа жуучу жай* даются одновременно, поскольку она двуязычная страна, жители которой повсеместно свободно пользуются русским и кыргызским языками. Считаем, что кыргызское название автомойки возникло в результате калькирования

русского термина путем его перевода на кыргызский язык и, имея сложный состав, включает в себя три слова [Амиралиев, Караева и др., 2019: 251].

В последнем толковом словаре кыргызского языка и в разделе «Лексикология» солидного академического издания по теории кыргызского языка отсутствует информация о данном термине [Азыркы кыргыз адабий тили, 2009: 928; КТТС, 2011, II: 891], что и послужило основанием для выбора темы и предмета изучения данного параграфа. Следовательно, актуальность вопроса состоит в неизученности происхождения и употребления терминосочетания *унаа жуучу жай* «автомойка» в этом языке.

Цель параграфа – установить этимологию слов кыргызского языка, составляющих содержание номинанта автомойки.

Первым компонентом терминосочетания является название транспортного средства, представленное в кыргызском языке фонетически варьируемым словом *улоо/ылоо/илек/унаа* «рабочий скот, тягло, тягловая сила; верховая лошадь; транспорт». Многовариантность произношения слова свидетельствует о недостаточной обработанности и нормированности языка. В термине использован последний вариант. Данное кыргызское слово находит соответствия в других тюркских языках: *улаг* в тур., туркм., уйг., сарыг-югур., сагай., тувин., шор., койб., качин. яз., *улау* в каз., каракалп., *улаа* в лебедин., *улав* в узб., *лав* в каз., каракалп., чув., *улак* в аз. (*улак арба* «телега»), в тат. диал., лобнор., куман., чаг., тур. диал., *олаг* в сарыг-югур., *олак* в узб. диал., *ылав* в башк., *ула* в алт., *унаа* в телеут., алт., *унага* в куман. языках. Эти примеры имеют значения «вьючное животное» в аз., уйг., сарыг-югур., лобнор., «рабочий скот, тягло, тягловая сила» в узб., «всякое домашнее животное, служащее для перевозки тяжестей, для навьючивания и для возки телеги, саней» в кырг., чаг., уйг. (таранч. диал.), «животное как средство передвижения (лошадь, верблюд)» в туркм., «верховое животное» в узб., «осел» в азерб., «верховое животное или подвода, выставяемые в порядке общественной повинности» в кырг., «транспорт, предоставляемый населением должностным лицам, прибывшим по служебным делам» в каз.,

«лошадь, конь» в узб. диал., «курьер, скороход (разносчик, почтальон, курьер)» в тур., «подвода» в каз., каракалп., тат., башк., сарыг-югур., алт., саг., чув., кырг. яз., «воз» в чув., «лошадь с телегой» в тат. (казан.), «обоз» в балк., «телега» в тат. диал., «животное» в уйг. диал. и т.д. [ЭСТЯ, 1974: 588-589]. Обычно эти примеры связываются с глаголом *ула-* «соединять, связывать, удлинять, продлевать». Ср. монг. *улари* «переменять, сменять, переводить, перемещать, сменяться», маньч. *ула-* «передавать, доставлять через кого-либо», тур. *улаш-* «достигать, доходить». В слове *улаг* усматривается аффикс *-г* (В. Котвич, Б.Я. Владимирцов, Г. Рамstedт, М. Рясенен, А.М. Щербак и др.). Д. Шинор считает начальное *у* протетическим, вторичным, принимая во внимание венгерское *ло* «лошадь, лошак». Это мнение заслуживает того, чтобы его развить [Введ.: 288; Скаличка, 1967: 176]. Мы согласны с мнением о том, что формант *улоо/улак/лав/лук* соотносится с китайскими слогами *lò/liù* «мул, лошак», *lǐ* «осел», *liù* «белая лошадь с черной гривой». А китайское слогосочетание *liùtiú* «(двугорбый) верблюд, верблюды (вьючный верблюд)» сравнивается с кыргызским словосочетанием *улоо төө* «вьючный верблюд» [Введ.: 298-299, 364]. Известно, что китайский дифтонг во многих других случаях соответствует кыргызским долгим гласным или словам с конечными *-к* [Акматалиев и др.: 11-12].

Таким образом, первый компонент терминосочетания имеет соответствия во всех тюркских, венгерском и китайском языках и возводим к пракорню **луо*. Из современных рефлексов этого пракорня кыргызский язык выбрал менее распространенный вариант – *унаа* «транспорт».

Второй компонент термина *жуучу* «моющий» передает процессуальное значение. Корень *жуу-* имеет этимологически идентичные соответствия в других языках: *йув-* в турк., караим., ног., уйг., узб., сарыг-югур., тур. диал.; *йыв-* в башк.; *йуг-/йог-/йуй-* в тур. диал., уйг. диал.; *йу-* в тур., аз., тат., уйг. диал., сарыг-югур., салар., лобн.; *йуу-* в халадж.; *жув-* в кумык., карач.-балк., каз., каракалп., кырг. диал.; *жу-* в уйг. диал.; *чуг-* в хак.,

тув.; чу- в тофалар., которые имеют общее значение «мыть, стирать» и, вероятно, являются рефлексам пракорня *йуу- (по М. Рясенену) [ЭСТЯ, 1989: 238] или, по другому мнению, пракорня *йу- [Введ.: 216]. Мы сравниваем тюркские названия процесса мытья и стирки с китайскими слогами уй [йу] «совершать омовение, купаться; очищаться в; летать зигзагами, порхать вверх и вниз; мыть, обмывать, купать, содержать в чистоте; купание, ванны» (yùshì «ванная»), zhuó [жуо] «мыть, полоскать, омываться, промываться; смывать позор, обелять себя (от позора), пить», обнаруживая в них тоже инициальное чередование у-/zh- [Введ.: 215], соответствующее чередованию й-/ж-/ч- в тюркских языках.

К этому корню присоединяется субъектный суффикс -чу, являющийся одним из членов алломорфов -чы, -чи, -чу, -чү и участвующий в образовании существительных с субъектным значением и причастий настоящего и прошедшего времен со значением длительности. Этот суффикс многофункционален [Грамм. кырг. лит. яз., ч. I: 116]. Его мы встречаем в составе существительных со значением деятеля (*иш* «работа» – *ишчи* «работник», *жумуш* «работа, служба» – *жумушчу* «рабочий, служащий», *кой* «овца» – *койчу* «пастух» и т.д.), причастий длительного (многократного) прошедшего времени (*бар-* «идти» – *барчу* «ходил/ходила», *айт-* «сказать» – *айтчу* «говорил/говорила», *жат-* «лечь» – *жатчу* «ложился/ложились», *кел-* «прийти» – *келчу* «приходил/приходила», *сүй-* «любить» – *сүйчу* «любил/любила» и др.), а также причастий, образованных от основы имени действия на -оо, -өө, -уу, -үү (*сүйүү* «любить/любовь» – *сүйүүчү* «любивший/любящий; тот, который любил/любит»; *иштөө* «работать/работа» – *иштөөчү* «работавший/работающий; тот, который работал/работает», *ойноо* «играть/игра» – *ойноочу* «игравший, играющий; тот, который играл/играет» и др.), совмещающих в себе контекстуально дифференцируемые значения прошедшего и настоящего времени и иногда субстантивированных (*окуу* «учиться/учеба» – *окуучу* «ученик; тот, который учился/учится; учащийся», *жазуу* «писать/письмо» – *жазуучу* «писатель; тот,

который писал/пишет; пишуший и др.») [Грамм. кырг. лит. яз., ч. I: 308-309]. Этот суффикс имеет соответствия в других тюркских языках. Ср. употребление аффикса *-шы/-ши* в составе причастий каракалпакского языка: *жазув* «писать, писание» – *жазувши* «писатель»; *билме* «не знать» – *билмевши* «не знающий»; *жибермек* «послать» – *жибермекши* «намеревающийся послать», *болмак* «быть» – *болмакшы* «намеревающийся быть/стать» и т.д. [Баскаков, 1952: 435-436].

Приведенные кыргызские (*-чы, -чи, -чу, -чү*) и каракалпакские (*-шы, -ши*) суффиксы этимологически связаны с китайскими, имея сходное с ними звучание и значение. Например, в ханью продуктивно функционирует суффикс *-zhù/-zhu [жу]*, произносимый вариативно – с ударением (тоном) и без ударения, который участвует в передаче постоянного и длительного действия в прошедшем времени (в гуанчжоуском диалекте) или перехода действия в устойчивое результативное состояние (в общелитературном языке) [Введ.: 535-536]. С данным суффиксом с субъектным значением этимологически связан суффикс *zhi/shì/shī/shi/chì*, который встречается в составе существительных, обозначающих профессию: *nǎng* «хлеб, лепешка» – *nǎngzhi* «хлебопек» [Введ.: 343]; *zhàn* «война, бой, сражение, схватка; военный, полевой, боевой; соревнование, борьба; состязание, игра, полемика, пари, заклад; вести войну (бой, сражение), воевать, сражаться, биться», *zhàng* «оружие; бой, сражение, военные действия, война» – *zhànshì/zhànshi* «солдат (рядовой) действующей армии, боец, борец»; *liè* «казнь, разорваться» – *lièchì* «павший герой, павшие»; *yī* «медицина, лекарство, лечебное дело» – *yīshī* «врач, доктор»; *qín* «китайский музыкальный инструмент» – *qínshī* «мастер игры на цине» [Введ.: 217]; ср. кырг. *комузчу* «комузист», где *комуз* – название инструмента и т.д. Таким образом, тюрко-ханьюйский субъектный суффикс, вероятно, имеет идентичное происхождение и возводим к одной праформе. Следовательно, слово *жуучу* «моющий» в составе терминосочетания имеет глубокую диахроническую и семантическую мотивацию.

Что касается третьего компонента термина, то его происхождение в некоторой степени является спорным. В лингвистической литературе существует две точки зрения относительно этимологии существительного *жай* «место». Одни ученые относят его к словам, заимствованным тюркскими языками из иранских языков [Сапоев, Аvezматов: 50], другие считают данное слово тюрко-сино-тибетским, обнаруживая различные его рефлексy в современных языках с локативным значением [Зулпукаров, Амиралиев, 2018 а: 45; Зулпукаров, Амиралиев, 2018 б: 56; Зулпукаров, Амиралиев, 2018 в: 50].

Мы считаем, что кыргызское многозначное слово *жай* «место, местоположение, местонахождение, местожительство, место рождения, рабочее место, работа, служба, хозяйство, позиция, ситуация, обстоятельство, удобство, возможность, покой, спокойствие; жилье, жилище, квартира; кровать, постель, ночлег, место ночевки, могила, кладбище ...» [Введ.: 216, 466-467; Зулпукаров, Амиралиев, 2018 в: 49-51], которое этимологически и функционально связано с китайскими слогами *zhài/zhè* [жай/же] «жилище, квартира, резиденция, усадьба; могила, кладбище; участок земли, земельная площадь; жить в (доме, квартире), обосноваться/обитать/поселиться в, занимать место, основать, заложить», *zhāi* «дом, кабинет, общежитие, магазин». Для данных примеров китайского и кыргызского языков можно реконструировать праформу в виде *жай «место, помещение».

Таким образом, мы имеем все основания считать, что третий компонент кыргызского названия автомойки имеет китайско-тюркское происхождение.

Терминологическое сочетание *унаа жуучу жай* «автомойка» легко преобразуется в другое, если произвести субституцию слова *жуучу* словом *оңдоочу*, что приводит к получению другого аналогичного развернутого термина, а именно: *унаа оңдоочу жай* «авторемонтная мастерская». Сразу отметим, что конечный компонент словосочетания в данном случае приобрело новое значение – «мастерская». Далее нас интересует происхождение только интерпозиционного компонента терминосочетания, а

происхождение препозитивного и постпозитивного его компонентов было рассмотрено выше.

В слове *оңдоочу* «ремонтирующий» ключевым является корень *оң*, происхождение которого было предметом специального изучения с точки зрения тюркологии и синологии [Введ.: 32-33]. Данный корень является межтюркским и представлен во многих языках соответствующей группы. Приведем некоторые примеры: 1) *оң* – алт., каз., кар.к., к.калп., кр.-тат., кум., ног., с.-юг., тув., тур., турк., узб. диал., хак.; 2) *оң* – узб.; 3) *он* – кар. л.т., лоб., тур. диал.; 4) *уон* – узб. диал.; 5) *ун* – с.-юг., б) *уң* – баш., леб., сой., с.-юг., тат.; 7) *уңа* – як.; 8) *өн* – узб. диал. (*өнжай*- «улучшаться»); 9) *йон* – узб. диал.; 10) *өң* – др.-тюрк.; 11) *әң* – узб. диал.

Как видим, названия правоты и правильности в сравниваемых языках односложны, в целом сходны, звуковые различия в них не противоречат фонетическим закономерностям языков, могут быть возведены к прототипу *оң. Они, имея адъективное содержание, представляют собою целостное единство с точки зрения семантики:

1) «правый» – алт., баш., др.-тюрк., каз., кар., к.калп., к.балк., к.-тат., кырг., лоб., с.-юг., тув., узб., уйг., хак., як.; «направо» – др.-тюрк., кырг.; «правая сторона» – др.-тюрк., кум. диал., с.-юг., уйг.; «на правой стороне» – кум.; «правая рука» – к.балк.; «правая нога» – тур. диал.;

2) «правильный» – во многих языках; «правдивый, истинный» – др.-тюрк.; «верный, справедливый» – с.-юг.; «право» – бал.;

3) «благо, добро, добрый» – др.-тюрк.; «хороший» – тур. диал.; «благополучие» – бал.; «благополучный» – кырг., турк.; «судьба, счастье, удел, доля» – др.-тюрк.; «удачный, удачливый, успешный» – алт., к.калп., кырг., ног., хак.; «успешный» – узб.; «подходящий, соответствующий» – к.калп., кырг., узб.; «удобный» – узб.; «попутный» – алт.;

4) «обильный урожай, урожайный, изобилие, обильный, много» – тур. диал.; «выгода, выгодный, правильность» – тур. диал.; «на пользу» – турк.;

5) «развитие, рост» – тур. диал.;

6) «южный» – алт., каз., кырг., як. (в зависимости от рельефа, местонахождения и ориентаций людей);

7) «долго не засевавшееся поле; пустой, свободный, незанятый; недостаточно взошедший посев (вследствие запущенности)» - тур. диал.;

8) «на правом боку (в постели)» – кырг.;

9) «возможность» – бал.

Общетюрские названия правоты и правильности не единичны и имеют соответствия в других алтайских языках: 1) тунг.-маньчж.: эвенк. *ан/ан-/һан-* «правый (о руке, ноге)», *аңнидā* «правая сторона», *аңнидāлā* «справа (двигаться)», *анңу* «правый», *анңу-* «поставить с правой стороны», *анти* «правый», *антикй* «вправо, направо», солон. *ангида* «правый»; эвен. *āнгъх/āнгъв/āнгив/āнгах/ангиг/ангидан/āнгов* «правый»; *āнгида* «правая сторона, правый в упряжке», *āнгич* «справа, с правой стороны», *āнтики* «направо, вправо»; нег. *анңидā* «правая сторона, правый»; орош. *āнжи* «правый, направо»; ульч. *анжи* «правый, правая сторона»; орок. *āнжē* «правый, правая сторона»; нан. *āнчи* «правой (рукой)», *āңгиа* «правая рука» [ССТМЯ, I: 40-41]; 2) монгольские: монг. *ону-*, *но-*, калм. *онхэ* «удаваться, попадать (в цель)»; *ону-/онох/нох* «попадать (в цель), быть должным, причитаться (в качестве доли, пая), правильно догадываться или предполагать, находить ответ, проникать (умом), решать (задачу, проблему), понимать»; монг. *өн/өң* «плодородный, изобильный; плодородие, изобилие» [ЭСМЯ, II: 213]. Конечно, семантически факты монгольских языков несколько отдалены от тюркских примеров, но существенно их дополняют и конкретизируют в плане процессуализации первичного адъективного смысла. Необходимо отметить, что кыргызский корень также передает процессуальное значение, нередко выступая номинантами движения и действия в правильном и удобном направлении. Приведем глагольные трансформы рассматриваемого корня, предстваленные в современных тюркских языках: 1) *оң-* – др.-тюрк., др.-уйг., каз., к.калп., к.балк., кырг., ног.,

тур., турк.; 2) *оң*- – узб.; 3) *он*- – кар.г., тур.; 4) *уң*- – баш., тат.; 5) *ун*- – тур. диал.; 6) *ән*- – чув.; 7) *өн*- – др.-тюрк.

Эти корни с участием последующих словоизменительных и словообразовательных аффиксов выступают носителями правильных действий и движений:

1) «быть удачным, удачливым» – баш., к.калп., кырг., ног., узб., уйг.; «быть успешным, выгореть» – узб.; «удаваться, подходить» – к.балк., тат., узб., чув.; «быть годным, удобным, полезным» – к.балк.;

2) «налаживаться» – к.калп., кырг., турк.; «ладиться, спориться» – чув.; «везти (кому-либо в чем-либо)» – баш., каз., кырг., ног., тат.; «выгадывать» – баш., тат.; «обретать счастье, успех» – тур. диал.; «хорошо жить, жить в достатке» – тур. диал.; «найти покой, мир» – тур. диал.; «процветать, пользоваться успехом» – кар.г.; «побеждать» – кар.; «добиваться желаемого» – тур. диал.; «становиться человеком» – тур. диал.; «оправляться, поправить свои дела, стать на ноги» – узб.; «выздоровливать, излечиваться, поправляться» – др.-тюрк., к.-балк., тур.; «оставаться в живых» – тур. диал.; «выживать (о детях)» – чув.; «исцеляться (о ране)» – тур. диал.; «улучшаться, исправляться» – др.-тюрк., кырг.;

3) «хорошо уродиться (о посеве)» – баш., ног., тат., тур. диал., чув.; «изобиловать (об урожае)» – тур. диал.; «обрести изобилие» – тур. диал.; «богатеть» – тур. диал.; «выгадывать» – баш., тат.;

4) «терпеть, обходиться» – турк.;

5) «настраиваться (о музыкальном инструменте)» – чув.

Пракорень *оң в процессе своего функционирования и семантического развития стал дифференцированно выражать именное и глагольное значения. Именной рефлекс пракорня выступает в качестве носителя адъективных, субстантивных, адвербиальных значений: а) «правый, правильный, правдивый истинный, справедливый» и др.; б) «благо, добро, право, выгода, развитие, рост» и т.д.; в) «направо, правильно, удобно, успешно, на правой стороне, на пользу» и др. Первичной была, по всей вероятности, адъективная

сема. На такую мысль наталкивает многообразие и продуктивность определительных номинантов в языках. Пракорень *оң получает трансформы *оң/оң/уң/өң/эң/уңа/он/ун/ён/ён/ён/уон*. Чередование и наращивание основы путем появления протетического (*ён/уон* в узбекских говорах) и эпитетического (як. *уңа*) звуков подчиняются общим закономерностям фонетических изменений в тюркских языках. Примером безаффиксального употребления глагольной трансформы служил кыргызское императивное междометие *оң!* – обращение, требующее от кобылы (в некоторых местах и коровы) правильного и удобного для доения положения.

В данном случае мы имеем дело со сложной корреляцией двух трансформ одного пракорня – именной и процессуальной. Процессуальная трансформация менее самостоятельна, чем именная, служит исходной основой образования разнообразных словоизменительных и словообразовательных форм. Иногда их называют омоформной парой [ЭСТЯ, 1974: 458].

Видим, что семантический потенциал рассматриваемого пракорня огромен. Он открывает позицию для многообразного и разнонаправленного варьирования своего смыслового содержания и разбиения своей семантики. Семантическое разветвление корня происходит в ракурсах: 1) частей речи – предметности и процессуальности, адъективности и адвербиальности; 2) в аспекте стилистики – стандартности и просторечности, нейтральности и эмоциональной оценочности, денотативности и коннотативности; 3) в плане отвлеченности и конкретности; 4) в пространственной и временной ориентированности; 5) в аспекте первичности и вторичности и т.д.

Говоря о первичности и производности значений корня *оң мы имеем основание констатировать, что не все его значения искони принадлежат ему. Для него первично адъективное значение, а другие значения возникли, вероятно, в результате и под действием метафорического переноса.

Значения направления в пространстве непосредственно зависят от рельефа местности, от местоположения и ориентации производителей речи. Прав Э.В. Севортян, который пишет: «при ориентации на восток правая

сторона соответствует югу (алт., каз., кырг., як.), при ориентации на юг правая сторона соответствуют западу (тур.) [ЭСТЯ, 1974: 458].

Значения «добро, благо, счастье, судьба; развитие, рост, возможность» абстрактны. Они требуют для своего осознания и формулирования более высокой степени мышления, поэтому считаемих вторичными, возникшими для именованя позитивных отвлеченных понятий. Подобные понятия, конечно, были чужды для когнитивно-речевого мышления древних носителей тюркских языков.

Что касается фонетического облика пракорня, то о нем можем судить только по продуктивности и непродуктивности вариантов современных рефлексов. Как для именной, так и для глагольной парадигмы продуктивна форма *оң*, поэтому мы берем ее как исход всех ныне встречающихся рефлексов. В памятниках древнетюркской письменности встречаются параллельно *оң/оң/-өң/өң-* и другие варианты:

- 1) *оң* «удел, доля»; *биликсиз оңы – өкүнч ол* «удел надежды – раскаяние»;
- 2) *оң* «правый, правосторонний, правдивый»; *оң елиг* «правая рука»; *терсли – оңлы едгули – айыглы ики түрлүг қылынч қылсар* «если совершат два разных деяния: превратное и правдивое, хорошее и скверное»;
- 3) *оң* «легкий, удобный»; *оң ыш* «легкое дело»;
- 4) *оң-* «улучшаться, исправляться»; *оңгали көңүлтә ... сагынып* «задумав в душе исправиться»;
- 5) *оңа* «легкий, подвижный, выносливый»; *жүрүгүдә согургуда оңа ер ерди* «в походе, в холод он был выносливым мужем»;
- 6) *он-* «выздоровливать, поправляться»; *ер кәки онар тишиси нең онмаз ерти* «из них самцы (= петухи) поправились, самки (= курицы) совсем не выздоравливали»;
- 7) *оңай* «легкий, непринужденный; верный, определенный; легко, непринужденно, верно» *кылынчы көни ерди кылкы оңай* «его действия были справедливы, его поведение непринужденное»; *оңай ерпалди ыш* «верное

дело испорчено»; *оңай тогурур* «легко рожать будет»; *айытмак оңгай болдытерси жуваб* «спрашивать легко, другое дело – отвечать»;

8) *оңал-/оңул-* «выздоровливать, излечиваться, поправляться»; *бахыллык оталар оңалмас иг ол* «скудость – неизлечимая болезнь»; *иши оңулты* «дело поправилось»;

9) *оңар-* «поправлять, улучшать, исправлять»; *кеңәшсә оңарур киши өз иши* «человек, если будет советоваться, поправит свои дела»;

10) *оңару* «направо»; *үч йольюңарула тегзинип* «трижды повернувшись направо»;

11) *оңдын, оңдун* «правый, правосторонний»; (поверье) *одңдын/оңдун каш тебрәсәр өгсүкз болур* «если будет дергаться (= двигаться) правая бровь, то останется сиротой»;

12) *оңдынкы* «правый»; *оңдынкы тизин чөкитип* «согнув свое правое крыло»;

13) *өңәд-* «поправляться, выздоравливать»; *иглиг ерсә өңәдур* «если заболит – поправится»;

14) *өңәт-* «исцелять, излечивать»; *инчсиз болмакы галкуй ээлиги өңәтүр* «беспокойство (беспокойное состояние) и все болезни от ветра излечивают»;

15) *оңди* «правило, закон»; *буйаңлыг турур бу ажун өңдиси саранга сөкүши акы өгдиси* «таков закон этого мира: жадному – брань, щедрому – хвала»; *өңди ур-* «издавать, устанавливать закон» [ДТС: 676]

Приведенные из древнетюркских языков примеры свидетельствуют о том, что два варианта пракорня с гласными *o* и *ө* существовали параллельно. При этом вариант с переднерядым гласным встречался значительно реже, чем вариант с заднерядным. Ср. также примеры: др.-тюрк. *өң* «направо», узб. диал. *әң* «правый» и др. [ЭСТЯ, 1974: 458].

Вариант *он-* «выздоровливать, поправляться» [ДТС: 367], встречающийся в памятниках древнетюркский письменности, имеет соответствия и в современных языках – турецком языке и галисийском

диалекте каракалпакского [ЭСТЯ, 1974: 457]. Наличие чередования конечных согласных *-н/-н* является характерной чертой рефлексов пракорня *оң «правый».

Ко вторичным образованиям относятся варианты с конечным *-н* с протетическими *у, й*, с начальными гласными *у, ө, о, ай*. Э.С. Севортян пишет о варианте с долгим *өө*, встречающемся «в немногих языках», не указывая при этом эти языки.

Древнетюркские производные от глагольной основы, приведенные выше, имеют аналогичные соответствия в современных языках.

1) каз., к.калп., турк., уйг. *оңай*, узб. *оңай*, алт., кырг., лоб., *оңой*, баш., тат. *уңай*, тат. диал. *ыңай*, хак. *оой* «легкий, легко; нетрудный, нетрудно; удобный, удобно»;

2) каз. *оңқай*, к.калп. *оңақай* «правша»;

3) тур. диал. *онармак/овармак/онурмак/уңармак/огармак/ оңгармак* «чинить, исправлять, исцелять, успешно выполнять, улучшать»; к.калп. *оңгар-* «исправлять, налаживать»; кырг. *оңор-* «налаживать, делать лучше»;

4) к.калп., тур. диал., турк. *оңал-*, тур. диал. *уңгул-*, тур. *онал-*, тат. диал., тур. *унал-*, кырг. *оңол-* «поправляться, выздоравливать»;

5) кырг. *оңо-* «исправлять, налаживать», тур. диал. *она-* «одобрять, соглашаться; хотеть» [ЭСТЯ, 1974: 460].

Общетюркский корень *оң* послужил основой образования слова *оңдоочу* в составе кыргызского названия авторемонтной мастерской и приобрел терминологическую функцию.

Исходя из вышеизложенного, сделаем некоторые выводы.

Во-первых, под влиянием технического прогресса и высокоразвитых языков в кыргызском языке появились собственные названия автомайки и авторемонтной мастерской, имеющие трехчленную структуру.

Во-вторых, эти неологизмы точно передают назначение и специфику работы обозначаемых бизнес пунктов.

В-третьих, термины прочно закрепились в соответствующей сфере и известны всем носителям кыргызского языка. Они повсеместно используются параллельно с русским наименованием, не имея другого варианта.

3.10. Китайско-кыргызское *zhèr/жер* и его семантико-звуковое варьирование

Известно, что в древнекитайском языке было много слогов с конечным *-p*. В процессе его исторического развития происходит выпадение этого звука в финальной части слога и превращение закрытого слога в открытый [Яхонтов, 1965: 27; Румянцев: 19; Введ.: 496-511].

Необходимо отметить, что не во всех случаях конечный звук *-p* выпадает в китайских слогах, а сохраняется. В этом случае кыргызско-китайские общие слова проявляют сходство и в финальной части. Например, кыргызский корень с чередующимися начальными согласными *жер-/йер-* в словах: *бу жерде/буйерде/биерде* «здесь, тут» (форма с начальным *й-* употребляется в интерпозиции в составе сложных слов, форма с начальным *ж-* – в самостоятельных словах) имеет аналог в китайском языке в виде слога *zhèr* [жер] «здесь, тут, в этом месте». Сравнимые слова двух языков имеют общий фонетический облик и близкое значение. Значение китайского слога абстрактное, эгоцентрическое и отражает позицию говорящего лица. Кыргызское же слово *жер* полисеманлично и содержит в себя многочисленные значения: «точка, орган человека, линия, земля, почва, грунт, участок, могила, кладбище, место, местность, территория/область владения и пользования, сторона, там (+где, куда, откуда), берег, земная поверхность, плоскость, пространство (в противоположность небу), населенный пункт, село, район, область, край, страна, государство, регион, суша (в противоположность водному пространству), Земля, реальность, здравый смысл, бренный мир, этот свет». В этом списке представлены наиболее продуктивные значения данного слова. На конкретных примерах

проиллюстрируем некоторые из этих значений: *чеккен жерим кычышып жатат* «чешется там, где был сделан укол», *морьяктарга жер көрүндү* «морьякам виднелся берег», *сиз кызматка кетип бараткан жерде мен туулганмын* «я родился там, куда вы едете на работу» и т.д. По происхождению с кыргызским словом *жер* связано китайское *zhèr* «здесь, тут, в этом месте». Следует отметить прономинальный характер китайского слога: его значение эгоцентричное, отражает позицию и видение говорящего. Именно говорящее лицо определяет местонахождение предмета и место происшествя события. По значению этот слог очень напоминает местоименное значение кыргызского слова *жер* в сложноподчиненных предложениях с придаточным места. Правда, в традиционной синтаксисе кыргызского языка конструкции с «прономинативом» *жер* определяются как простые предложения с осложненной структурой [Мусаева, 1987: 52].

Сравнивая семантику кыргызского и китайского слов, мы приходим к выводу о том, что кыргызское слово полисеманлично и только на периферии своей семантической парадигмы соотносится с китайским слогом, имеющим узкое и конкретное значение. Корреляция этих двух лексем, восходящих к одному протокорню, для наглядности может быть представлена в виде схемы.

Семы	Кырг. язык	Кит. язык
«точка»	+	-
«орган человека»	+	-
«линия»	+	-
«земля»	+	-
«почва»	+	-
«участок»	+	-
«могила»	+	-
«место»	+	-

«сторона»	+	-
«там (+где, куда, откуда)»	+	+
«берег»	+	-
«земная поверхность»	+	-
«пространство (в противоположность небу)»	+	-
«населенный пункт»	+	-
«государство»	+	-
«суша»	+	-
«Земля»	+	-
«здравый смысл»	+	-
«ЭТОТ СВЕТ»	+	-

Содержание таблицы свидетельствует о том, что кыргызское слово *жер*, в отличие от китайского *zhèr*, представляет собою лексическую единицу с разветвленной семантической парадигмой. Семантика китайского слова соотносится только с одним членом этой парадигмы, являющейся подпарадигмой в системе трансформ пракорня в тюркских языках. [ЭСТЯ, 1989: 293]

Пракорень **йер/жер* объективируется отдельными трансформами во всех тюркских языках. Его рефлексy варьируются в соответствии с действующими в языках закономерностями. Ср., например: 1) *йер* – аз., гаг., кар., кум., ног., салар., с.-юг., тат., тур., турк., узб., уйг. диал., чаг., халадж.; 2) *йәр* – алт., лоб., телеут., уйг. диал., чаг.; 3) *йә/йе/йээ/же/жээ/йээр/жээр* – уйг. диал.; 4) *йәй* – лоб.; 5) *йей* – уйг. диал.; 6) *йир* – баш., тат. диал.; 7) *жер* – бал., каз., к.калп., кырг., узб. диал.; 8) *зер* – бал.; 9) *дер* – алт.; 10) *чер* – тув., тоф.; 11) *чәр* – шор.; 12) *чир* – хак.; 13) *шер* – хак. диал.; 14) *сир* – як.

Из конкретных трансформ названий земли в тюркских языках наиболее продуктивен вариант *йер*, поэтому его можем считать архетипом значения «земля». Так считают и другие алтаисты и тюркологи (М. Рясенен, Э.В.

Севортян, Л.С. Левитская) [ЭСТЯ, 1989: 192], в противовес предположению А.М. Щербака, восстанавливающего праформу общетюркского номинанта земли в виде *vär [Щербак, 1981: 183].

В тюркских языках рефлексy архетипа *йер передают значения:

1) «земля» – во всех языках; «страна, край» – алт., караим., кырг., хак. диал., тув., хак.; «территория» – турк.;

2) «место, местность» – аз., алт., баш., гаг., караим., каз., к.калп., кырг., кум., тат., тоф., тув., тур., турк., узб., уйг., лоб., сал., хак., халадж., чув., як.;

3) «пространство» – аз. диал.; «расстояние» – каз., к.калп.;

4) «почва, грунт» – аз., кырг., кум., ног., турк., узб., уйг. диал., хак., халадж., як.;

5) «пахотная земля» – як.; «земельный участок» – аз., кырг.; «поле» – кырг., тур. диал., як.; «владения» – хак., як.; «поместье» – кум., як.;

6) «пол (земляной)» – кырг., ног., уйг. диал., як.;

7) «постель» – аз., кум., турк.;

8) «должность» – турк.; «звание, чин» – халадж.

Некоторые из этой системы значений являются производными (5-8)

Считаем, что корень *йер имеет соответствия в алтайских и других языках, например, а) тунгусо-маньчжурские языки: эвенк. *жэркэ/жаарка/жаарко/жааркэ/жоорко/нэркэ* «земля, мир, вселенная; земля (утоптанная вокруг чума); мусор на земле у палатки, в палатке – от веток» [ССТМЯ, II: 255], ульч. *жэри* «край, грань, ребро», нан. *жэри* «край, грань, ребро; склон (горы), поля (шляпы)», маньч. *жэрин/жэрэн* «край, грань, ребро» [ССТМЯ, II: 285]; б) монгольские языки: п.-монг. *jirtindčü* «мир, свет, вселенная», монг. *эртөнц* «мир, свет, вселенная», бур. *юртэмсэ* «мир, вселенная»; в) тибет. *jigrtен* «мир, вселенная» [ССТМЯ, II: 255]; г) индоевропейские: хет. *erha-* «граница, край», *arha-* «граница, область, вовне, прочь», *arahza-* «вокруг, вне, за пределами», *arahzena-* «живущий вокруг, по соседству, за пределами», латыш. *āra* «граница, край, предел, область», литов. *oras* «воздух, погода» и др [Гамкрелидзе, Иванов, II: 743]. Как видим,

в некоторых случаях происходит выпадение инициального согласного, называемое афerezой, и эпентеза (в тибетской форме). Монголоведы Г.Д. Санжеев, М.Н. Орловская, З.В. Шевернина с некоторыми сомнениями признают родство с вышеназванными тюркскими номинантами земли следующие монгольские слова: х.-монг. *зэрэг*, бур. *зэргэ*, калм. *зэрг*, даг. *джэргэ/джэрэг* «ряд, степень, уровень; сорт, разряд; чин, ранг, звание», монгол. *джиэргэ* «группа, толпа, стадо». В качестве их лексических параллелей они приводят кырг. *жерге* «ряд, строй», маньч. *джэрги* «ряд, порядок, степень» [ЭСМЯ, II: 69]. Развивая эту мысль, можем сопоставить данные примеры с фактами всех тунгусо-маньчжурских языков: солон. *джэрги* «ряд, степень», нег. *джэгги/джэйги* «ряд, строй», нан., ульч. *джэрги* «ряд, строй, колонна», маньч. *джэрги* «ряд, порядок, степень; класс, сорт; комплект (платья); пара, чин, достоинство, похвальная отметка (в послужном списке); однорядный, однородный, равный, подобный» [ССТМЯ, II: 285]. Полисемия общетюркского корня *йер не совсем «сопротивляется» данному сравнению с фактами, имеющими слишком отдаленную смысловую связь.

Необходимо отметить, что корень *йер открывает позицию для широкой агглютинации. Приведем отдельные примеры на образование глагольных слов: *йерсин-/жерсин-* «поселяться, усваиваться, привыкать (к местности); приживаться, акклиматизироваться» (баш., каз., к.калп., кырг.); *йер-/йери-//жер-/жеру-* «иметь/питать отвращение, чувствовать брезгливость, брезговать» – каз., к.калп., кырг., тур., як.; «пренебрегать» – як.; «не одобрять, порицать, ругать» – тур. диал.; «чуждаться» – к.калп., кырг.; «отвыкать» – к.калп.; сущ. *йерик/жерик* «изменение вкусовых ощущений у беременной женщины» – алт., барабин., каз., к.калп., кырг., тур. и т.д. [ЭСТЯ, 1989: 192]. Все это говорит о том, что варианты пракорня *йер широко представлены в тюркских языках как в исходной, так и производной форме.

Китайское *zhèr*, как и его тюркские эквиваленты, сохранило в своей финальной части конечный звук *-r*, но его варианты в виде открытых слогов продолжают передавать все семантическое многообразие своего архетипа. В

данном случае речь идет о фонетических дериватах пракорня *жер, которыми являются в ханью 1) *zhèr*, 2) *zhài/zhè/zhāi*, 3) *zài* (с чередующейся инициальной *zh/z*), а в кыргызском – *жер* и *жай*. Второй вариант кыргызского номинанта функционально идентичен с китайскими однокорневыми слогами (см. параграф 3.9). Варианты общетюркского пракорня а) *ÿä/ÿe/ÿээ/же/жээ*; б) *ÿей/ÿйй*, оформленные в виде открытого слога (а) и полукрытого слога (б), встречаются в восточно-тюркских языках – в уйгурских диалектах и лобнорском, находящихся под сильным влиянием ханью. Звуковые чередования в инициальной части слов подчинены общим правилам морфонологии сравниваемых языков.

Все данные рефлексии древнего *жер выступают в качестве экспонентов значения места.

Мы считаем, что одним из важнейших способов передачи локативности и локализованности в ханью является группа слогов, имеющих общее происхождение:

1) *zài* «жить, существовать, быть/остаться в живых, быть дома, быть налицо; обитать в, жить в, находиться в, проживать в, быть расположенным в, занимать место/пункт в/на; входить в (компетенцию), зависеть от, решаться, быть/будучи на месте, (находясь) в положении, быть в числе, являться, быть; там, где»; *zàizài* «повсюду, везде, повсеместно, везде и повсюду»;

2) *zhài/zhè* «жилище, квартира, резиденция, усадьба; могила, кладбище; участок земли, земельная площадь; жить в (доме, квартире), обосноваться/обитать/поселиться в, занимать место, основать, заложить»;

3) *zhāi* «дом, кабинет, общежитие, магазин».

Вторые два слога допускают взаимозамену. Их семантика более субстантивирована, чем смысловой объем первого слога, и менее субстантивирована, чем значение третьего слога. В содержании слога *zài* преобладает значение бытийности и расположенности, значение бытия и существования в пространстве. В графическом изображении названных

словом использовано четыре иероглифа. Что является общим для всех этих слов? Все они имеют константное значение «место пребывания предмета», которое в реальном речевом употреблении варьируется и приобретает конкретное значение. **Каждый слог имеет свою парадигму семантики**, т.е. множество сем с общим и частными признаками. В речи в соответствии с ситуацией и потребностью общения из этого множества значений выбирается и употребляется самое подходящее.

Такой концентрированности мы не находим в их кыргызском эквиваленте. Кыргызский язык имеет слово *жай* «место, местоположение, местонахождение, местожительство, жилье, жилище, могила, кладбище ... », которое этимологически и функционально связано с китайскими слогами, приведенными выше. Соответствия $z = ж$, $zh = ж$ мы находим и в других примерах: 1) *zài* «ноша, груз, нагрузка» = *жук* «груз, выюк, ноша, нагрузка»; *zàn* «сопровождать, сопровождение» = *жандоо* «сопровождать, сопровождение»; 2) *zhūǎng* «толстый, грузный» = *жоон* «толстый, грузный»; *zhǎng* «ладонь, лапа» – *жаң* «жест (движение рукой)» и т.д. Финальные соответствия в виде *ai = ай* и *e = ай* также находят аналогию: 1) *cǎi* «выбирать, избирать» = *сайлоо/шайлоо* «выбирать, выборы»; 2) *chāi/chè* «разлагать на части, разбирать, разрывать, проращать (о зерне)» = *чайлоо* «буyno проращать, разрастись (о зерне), дружно покрыться зеленью или всходами (о земле)».

Таким образом, этимологическая связь между китайскими и кыргызскими номинантами значения «место пребывания предмета» налицо и не вызывает никаких сомнений.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что в сравниваемых языках сохранился пракорень *zhèr/жер*, который на базе китайского языка имеет прономинативное (местоименное) значение, а на базе кыргызского языка получил качество многозначности. Под воздействием закона компрессии и открытого слога китайское *zhèr* преобразуется в полисемантические открытые

слоги *zhài/zhè/zhāi/zài*, состав значений которых почти идентичен смысловой системе кыргызских слов *жер/жай*.

3.11. Истоки семантического строения некоторых слов, словосочетаний и предложений кыргызского языка

С точки зрения ханью многие корневые морфемы тюркских языков оказываются производными, состоящими из древнейших слогов.

Необходимо отметить, что не все кыргызские слова с конечным *-л* являются первичными, производными. Материалы ханью позволяют нам уточнить исход некоторых подобных корней.

Кыргызское слово *кул* «слуга, раб» имеет эквивалент в китайском языке в виде *kūlì* «чернорабочий, слуга, носильщик; не щадить сил в работе, надрываться в тяжелом труде». Смыслово-формальная общность двух сравниваемых слов налицо. Мы здесь первичной считаем китайскую лексему на том основании, что китайский язык мотивирует семантическую структуру слова, поскольку оно состоит из двух взаимосогласованных самостоятельных слогов: 1) *kū* «тяжелый, мучительный, жалкий, бедный; мучиться, страдать, горечь, страдание, мучение, несчастье» и 2) *lì* «подчиняться, принадлежать; зависимый, подчиненный; слуга, раб». Эта двусложная лексема на кыргызской почве лишилась конечного гласного звука, подвергаясь сокращению и превращаясь в закрытый слог. Под данную закономерность можно подвести все общетюркские трансформы названия раба с конечным согласным *-л*: 1) *кул* – аз., алт., бал., бар., др.-тюрк., др.-уйг., каз., кар. к.г.т., к.калп., кач., к.-тат., койб., коман., кум., леб., лоб., ног., саг., с.-юг., тат. диал., тур., турк., узб., уйг., чаг.; 2) *кул* – баш., тат.; 3) *гул* – тур. диал., кырг. (в сложных словах-антропонимах, например, *Токтогул* букв. «стой + раб»); 4) *хул* – тоф., хак.; 5) *көле* – тур.; 6) *кулут* – як. [ЭСТЯ, 1997: 261].

Наиболее продуктивный является форма *кул*. Поэтому архетип этих трансформ можно восстановить в виде **кул* «раб» (А.М. Щербак). Только в турецком языке представлена форма *көле* «раб» [БРТС: 469], по составу

слогов соответствующая китайской лексеме. Рефлексы пракорня *кул «раб» в современных языках передают значения: 1) «раб, невольник» – во всех языках, кроме тоф.; 2) «слуга» – алт., каз., кар.т.г., кач., кырг., койб., коман., к.-тат., леб., саг., тур. диал., уйг. диал.; «батрак» – тоф.; «работник» – кар.т.г.; 3) «мужик, крестьянин» – кар.т.г.; 4) «раб божий, человек (как низкое существо)» – др.-тюрк., кырг.; 5) «вассал» – др.-тюрк. (по Г. Дёрферу); 6) «валет» – тув., як.

В якутском слове *кулут* «раб, слуга, валет» вторая часть (-*ут*) считается заимствованием из монгольских языков и признаком множественности [ЭСТЯ, 1997: 120]. Значение «валет», передаваемое якутским словом *кулут* и тувинским словом *кул*, имеет семантический аналог в монгольском языке, где *боол* «раб, холоп, невольник, валет (в картах)». О происхождении общетюркского названия раба существует несколько гипотез.

1. Слово *кул* этимологически связано общетюркской лексемой *кулақ* «ухо» (А. Вамбери). Сразу скажем, что такое предположение не имеет ни семантического, ни деривационного основания. Гипотетический корень **кул-* «слушать, слушание» никак не мог быть архетипом названия раба.

2. Высказывалось также мнение о том, что пракорень *кул «раб» по происхождению связан с существительным *қол* «рука» и с глаголом *қыл* «делать» (А.Н. Бернштам). При этом приводится аналогия: в русском языке название раба соотносится с глагольным номинантом работы: *раб, работать, работа*, где общий корень объединяет производное существительное с дериватами – глаголом и существительным, обозначающими действия и деятельность денотата-субъекта, выраженного исходной формой корня. И эта идея признана учеными (Г. Дерфером, Л.С. Левитской и др.) необоснованной с точки зрения этимологии.

3. Другая гипотеза предложена и обоснована нами [Введ.: 46; Зулпукаров, Амиралиев и др., 2018 а: 53;]. Мы считаем данный корень общеевразийским и возводим его к китайскому архетипу. Из тюркских

языков только турецкий сохранил архиформу в виде *көле* «раб», не подвергаясь апокопе.

4. В европейском и американском лингвоэтнокультурном пространстве встречается лексема *кули* «носильщик, наемный рабочий». Ее происхождение точно не определено. Одни языковеды связывают ее с тамильским языком, другие – с бенгальским [СИС: 624; <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary>]. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой она имеет китайское происхождение.

Происхождение существительного *кул* «раб» не исключительно, не автономно, а имеет целый ряд аналогов. Приведем отдельные примеры, которые весьма сходны с данным словом по своему звуковому облику и мотивируются китайскими исходными слогами. Например, слово *йыл* «год». Оно общетюркское название года и представлено в следующих звучаниях: 1) *йыл* – аз., алт., баш., гаг., др.-тюрк., др.-уйг., кар., кр.-тат., кум. диал., леб., ног., с.-юг., тат., тел., тоб., тур., турк., узб. диал., халаж., чаг.; 2) *жыл* – к.-балк., кырг., тат. диал., узб. диал., як.; 3) *жил* – узб. диал., уйг.; 4) *жыл* – бал., каз., к.калп.; 5) *йил* – аз., диал., кум., лоб., уз., уйг., сал., с.-юг., чаг.; 6) *зыл* – бал. (*ж-/з-*); 7) *дыл* – алт., кач., койб., саг. (*ж-/д-*); 8) *чыл* – койб., саг., хак., шор. (*ж-/ч-*); 9) *шыл* – хак. диал. (*ж-/ш-*); 10) *сыл* – як. (*ж-/с-*); 11) *иль* – тур. диал. (с афerezой); 12) *ыл* – тур. диал. (с афerezой); 13) *ийил* – вост.-тюрк. (с протезой) [ЭСТЯ, 1989: 275; ССТМЯ, II: 257].

Соответствия согласных в анлауте закономерны: ср., например, номинанты значений «приятный запах, аромат, мускус» в языках: кырг. *жыпар*, тур. диал. *йыпар*, як. *сыбар/сымар* и др. Выпадение начального согласного тоже не является исключительным явлением. Опереднение интерконсонантного гласного *ы* > *и* происходит по влиянию среднеязычного *й*-. Эти слова выражают значения: 1) «год» – во всех языках; «год в двенадцатилетнем животном цикле» – кырг., узб., с.-юг.; 2) «год жизни» – тур. диал., кырг.; «возраст» – др.-уйг.; 3) «новый урожай» – уйг. диал. [ЭСТЯ, 1989: 275].

Эти примеры мы сравниваем с 1) монгольскими: бур. *жэл*, даг. *жил*, калм. *жил*, могор. *жир*, х.-монг. *жил* «год» [ЭСМЯ, II: 74] и тунгусо-маньчжурскими: сол. *жил* «год» [ЭСМЯ, II: 257]. Последнее, скорее, – заимствование из монгольских языков.

Кыргызское *жол* «дорога, путь, трасса, дистанция, расстояние, след, колея, полоса, выход, проход» можно сравнить с китайскими лексемами: 1) *zhù/zhuó* «след, колея, путь, наследие, дело, деяние, образец, пример»; 2) *zhé/chè* «колея, след колес, путь, дорога, образец, выход, столб, класс рифм». Здесь мы имеем дело с чередованием в китайских инициалах в виде *zh-/ch-*, соответствующих кыргызскому начальному *ж-*. Различны финали: кит. *-ú/-uó/-é/-è* = кырг. *-ол*. Последнее можно было бы объяснить как соответствие кыргызского закрытого слога китайскому открытому и признать первичным более развернутую, то есть кыргызскую форму (*жу/жуо/же/че* из *жол*), если бы в китайском языке отсутствовали примеры, которые значительно дополняют и поясняют эти сравнения:

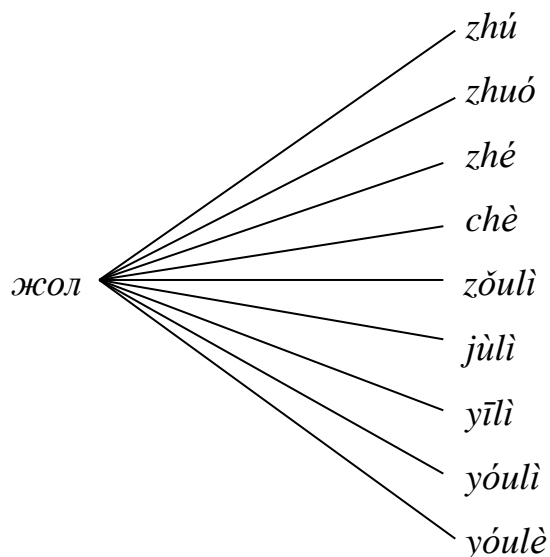
1) кит. *zǒulù* «идти по дороге, путешествовать», состоящее из слогов: *zǒu* «ходить (пешком), идти, прохаживаться, двигаться» и *lù* «дорога, наземный, по суше, сухим путем»;

2) кит. *jùlì* «расстояние, дистанция, просвет, пробел, дальность действия, дальнобойность, досягаемость», состоящее из слогов: *jù* «крупный, огромный, громадный» и *lì* «расстояние, на расстоянии, расходиться, удаляться, раздвигать, удалять»;

3) кит. *yǐlì* «весь путь, тот же путь, вместе, по пути, с хода, по ходу»;

4) кит. *yóulì* «путешествовать, странствовать», *yóulè* «гулять, развлекаться, веселиться», которые, вероятно, состоят из слогов: *yóu* «гулять, прогуливаться, совершать экскурсию, обходить, объезжать, скитаться, бродить, кочевать, блуждать, путешествовать», с одной стороны, и, с другой, *lì* «расстояние, на расстоянии» и *lè* «радость, веселье, удовольствие; радоваться, веселиться, жить в радости; радовать, веселить; радостный, весело».

Инициали этих слогов *z-*, *j-* и *y-* соотносятся с инициалами *zh-* и *ch-* первых двух слогов как чередующиеся и могут быть отождествлены с кыргызским начальным *ж-* в слове *жол*. Корреляцию приведенных корней можно представить схематически в следующем виде:

Китайские односложные (4) и двусложные (5) лексемы объединяются общим значением «путь, быть в пути, движение в пути», которое свойственно и их кыргызскому аналогу. Мы допускаем предположение: кыргызское *жол*, вероятно, производное и состоит из двух частей: первая часть – слог *жол-*, сравнимый с китайскими односложными лексемами, и вторая часть – инициаль *-л*, сравнимая с *-lù*, *-lì* и *-lè* в китайских двусложных лексемах, лишившихся конечных гласных в результате действия апокопы [КРС, 2008: 235, 746-748]. Соответственно мы можем говорить о том, что все общетюркские лексемы – эквиваленты данного кыргызского слова возникли под действием правил диерезы на конце слова. Приведем список названий дороги в тюркских языках: 1) *йол* – аз., алт., вост.-тюрк., др.-тюрк., др.-уйг., гаг., кар., кр.-тат., кум. диал., леб., ног., тат., тур., узб. диал., уйг., чаг.; 2) *йол* – узб.; 3) *йул* – баш., с.-юг., тат.; 4) *жол* – к.балк., кырг., узб. диал.; 5) *жул* – тат. диал.; 6) *жол* – бал., каз., к.калп.; 7) *зол* – бал.; 8) *дьол* – алт.; 9) *чол* – тоф., тув., хак.; 10) *шол* – кыз.; 11) *йоол* – турк., хор.; 12) *йуол* – халадж.; 13) *еуол* – як. (протеза); 14) *сьул* – чув. [ЭСТЯ,1989: 293]

Ученые-тюркологи восстанавливают праформу этих слов двойко: *йоол (Г. Дёрфер) и *воол (А.М. Щербак), выделяя долготу межконсонантного согласного на первый план, хотя форма с долгим гласным представлена только в трех языках – туркменском, хорасанском и халаджском. Мы же представляем праформу в виде *йол с учетом продуктивности данного рефлекса в языках. Рефлексы пракорня содержат богатую систему модифицированных значений:

1) «дорога, путь» – во всех языках; «улица» – аз., алт., др.-тюрк., кр.-тат. чаг., халадж., як.;

2) «направление» – баш., диал., каз., кырг., кум., турк.;

3) «поездка» – кырг., ног., турк.; «путешествие, нахождение в пути, дорога» – др.-тюрк.; «рейс» – кум., ног., турк., узб.;

4) «ход, скорость» – тур.; «ход., выход» – аз., тур.; «проход» – кырг., тур., чув.; «русло» – чув.; «проток, канал» – турк., тур.;

5) «полоса» – алт., каз., к.калп., кырг., ног., тел., тур., узб.; «линия» – алт., каз., к.калп., кырг., ног., тел., турк.; «строка» – алт., каз., к.калп., кырг., ног., тат., узб., уйг.;

6) «путь (достижения чего-либо)» – башк., кырг., кум., ног., тат., тур., турк.; «путь (способ существования)» – др.-тюрк.; «верная дорога» – кырг., др.-тюрк.; «прием» – каз., кырг., кум., ног., турк., узб.; «способ» – аз., алт., баш., кырг., кум., ног., тат., турк.; «средство» – аз., баш., тат., тур.; «выход (из положения)» – аз., кырг., кум.; «обычай, правило, распорядок» – алт., каз., кырг.; «порядок, правила, система» – тур.; «образ (действия)» – аз., алт., др.-тюрк., кырг., к.-тат., тел., тур.; «манера» – аз., тур.;

7) «убеждение» – аз.; «позволение, разрешение» – к.калп., кырг.;

8) «судьба» – алт., др.-тюрк., кырг., к.-тат., кар., с.-юг., тув., тур.диал., чаг.; «счастье» – с.-юг., тоф., тув.; «доля» – тув.; «удача» – тоф.;

9) «раз» – аз., алт., др.-тюрк., др.-уйг., каз., кырг., к.-тат., леб., тат.диал., тур., уйг., халадж., чаг.;

10) «подарок» – кырг.; «денежный подарок, даваемый на свадьбе со стороны парня стороне девушки» – тур. диал. и т.д. [ЭСТЯ, 1989: 293]

Общeturкское *йол сравнивается с монгольским *зол «счастье, счастливая поездка, удача» (М. Рясенен, Г. Рамстедт, Э.В. Севортян). Развивая эту идею, мы попытаемся связать общeturкские слова с монгольскими. При этом принимаются во внимание значения слова *жол* под №8. Видим, что тюрко-монгольские слова семантически пересекаются: бур., х.-монг. *зол* «счастье, удача». От этого слова образованы:

1) бур. *зольбо*, калм. *зольвң*, х.-монг. *золбин* «бездомный, бродячий; отбившийся от стада (о животных)»; они сравниваются с др.-тюрк. *жол/јол* «дорога, путь», як. *дьол* «счастье»;

2) калм. *золчн* «путешественник» (<кырг. *жолчу* «проводник, человек, (нов. зн.) занимающийся ремонтом дорог; мастер по ремонту дорог»);

3) бур., х.-монг. *золго-*, бао. *жолгэ-*, калм. *золһ-*, монгол. *жиорго-* «встречать/встретиться» (др.-тюрк. *жолгыр-* «набрести, встретить», кырг., *жолук-* «встречаться, повидаться»);

4) калм. *золһ-*, х.-монг. *золго* «приветствовать, желать кому-либо счастья»; мнгр. *жиорго* «благодарить» [ЭСМЯ, II: 232].

Ясно, что монгольские рефлексы пракорня имеют более узкое значение, чем тюркские, и отражают группу переносных употреблений пракорня. Ср. также: др.-тюрк. *ат йол* «слава, удача», кырг. *ак жол* «счастливого пути, удачной поездки, счастливого путешествия», *жолу болду* «ему повезло», *жолуң узарсын* «желаю тебе удачи и всякого благополучия», турк. *йоол болсун* «счастливого пути»; кырг. *жолдуу* «счастливый, удачливый», каз. *жоллы*, ног. *йоллы* «счастливый».

Таким образом, тюрко-монгольские корни с конечным *-л* этимологически связаны с китайскими двусложными словами: *zǒulì*, *jùlì*, *yǐlì*, *yóulì*, *yóulè* и возникли под действием правил апокопы, которые привели к падению конечного гласного.

Кыргызские слова *кул* и *жол* близки по фонетическому облику к слову *чал* «старик, седой, пожилой мужчина, седой старик», которое тоже с точки зрения китайского языка является производным и, вероятно, состоит из двух первичных корней: *jiù* «старый, древний, в древности, встарь; ветхий, подержанный, изношенный; устаревший, бывший, прошлый, пожилой человек, старик, стародавняя дружба, традиция» и *lǎo* «старый, почтенный, уважаемый». Сочетание этих двух слогов могло образовать синтагму *jiù + lǎo* сплеонастическим значением. Выпадение конечного дифтонга привело к возникновению краткого слова *чал/чол/шал* «старик» в тюркских языках. Аналогично происхождение кыргызских слов *бал/нал* «ворожба, гадание, гадальный» и *бейил/нейил* «нрав, характер», которые соответственно связаны с китайскими двусложными *fǎlì* «чудотворство, чары, колдовская сила» и *fěilǐ* «неприличный, неприличие; непозволительный, непозволительность» и образованы в результате падения конечного гласного и некоторого смыслового переноса. Они, конечно, не являются арабскими, как считают лексикографы Кыргызстана [Юдахин, I, 1985: 102, 123].

Исходя из вышеизложенного, можно считать, что многие кыргызские слова, понимаемые обычно как непроеизводные, восходят к китайским сложным словам и семантически мотивируются первичными слогами ханью.

В кыргызском языке имеется немало словосочетаний, которые материально и семантически соотносятся с китайскими выражениями или реконструируемыми образованиями. Приведем и прокомментируем отдельные примеры.

В кыргызском фольклоре часто встречается номинант сказочного красноречивого мудреца *Жээренче чечен*, в котором первая часть является антропонимом, а вторая часть – названием в значении «красноречивый мудрец». На самом деле антропоним и номинант носителя красноречия этимологически идентичны и представляют собой специфичный плеоназм. В китайском языке есть слова *zhé* «мудрый, мудрость» и *zhéren* «мудрец, мыслитель». Последнее в древнекитайском языке произносилось в виде

жерен, а в современном – в виде *жежен*, потому что древнекитайское *p* в процессе развития языка превратилось в современное *ж*.

Второй слог в слове *Жээрэн* можно связать с современным китайским словом *rén* [жень].

Трансформация древнего звука *p* в звук *ж* встречается и в других китайско-кыргызских общих словах:

1) кырг. *ыраң* «здоровый, цвет (лица), краска, зеленая трава,» и кит. *róng/rǒng* «нежный (о растительности), мягкий; полевой цветок, краса»;

2) кырг. *араа* «пила», *орок* «серп» – кит. *ruì* «острый, отточенный, острое, оружие (вообще), секира, алебарда»;

3) кырг. *жүн* «шерсть, волосы (на голове человека), перо птицы» – кит. *róng* «мягкая шерсть, пух на теле животного (птицы)»;

4) кырг. *жан* «душа, человек, любимый человек» – кит. *rén* «человеколюбие, гуманность; гуманист, филантроп; добродетельный» и др.

На этом основании считаем, что кыргызские слова *жээрэнче* и *чечен* идентичны по происхождению и представляют собой повтор слов, отражающих два этапа в развитии ханью: первое слово сохранило древнейший фонетический облик слова, а второе – трансформацию, возникшую после преобразования звука *p* в звук *ж* [Введ.: 315-316, 320].

Что касается форманта *-че* «как, словно, как будто», то его можно сравнить с китайскими: 1) *zhé* «равняться, соответствовать, по цене, по паритету (курсу), сообразно, соразмерно, соответственно»; 2) *rú* [жу] «походить на, быть похожим на, быть схожим с, уподобляться; быть таким же, как; соответствовать, отвечать, сообразовываться с; равняться, равно; похоже, кажется, как будто, будто, словно, наподобие; подобно тому как; соответственно, согласно, по, или, либо»; 3) *ruò* [жуо] «быть схожим с, уподобляться, похоже, как будто, кажется, пожалуй, приблизительно, примерно, наподобие; подобно тому как; как если бы, будто, или, либо, или-или, либо-либо» (китайский язык позволяет связать происхождение названных кыргызских суффиксов с происхождением разделительного союза

же «или, либо»); 4) *chā/chà* «сравнительно, более или менее, довольно, относительно, в некоторой мере, до известной степени, в общем, примерно, как будто, может быть, почти, чуть не, вот-вот» [Введ.: 666].

В кыргызской рыночной рекламе часто встречается словосочетание *ыңгайлуу жана оңтойлуу баалар* “удобные и приемлемые цены”. Корень *ың-* «удобный, гибкий, подходящий» соответствует китайскому слогу *hēng/héng* «поклоняться, угождать», корень *оң-* «правильный, приемлемый, удобный» – китайскому *hǒng* «присматривать, ухаживать (за больным), заниматься (с детьми), тешить; восхищать, очаровывать, обольщать, умилять, приводить в восторг». Выпадение начального *h-* произошло в связи с тем, что кыргыз не может артикулировать соответствующий звук в заимствованных словах. Ср. арабские слова: *Хасан – Асан* (антропоним), *харам – арам* «нечистый, запрещенный» и т.д. Союз *жана* «и, также, недавно», вероятно, этимологически связан с китайским слогом *yán* «прилегать к, примыкать к, граничить вплотную с, продолжать традицию, блюсти, сохранить в силе, следовать за; вдоль, по, согласно, в соответствии с, в зависимости от; берег, край воды; идти (вниз) по течению, идти вдоль/по краю»; ср. также *yánlù* «по дороге, по пути, вдоль дороги, всю дорогу, придорожный».

В словах-определениях важную функцию выполняет суффикс *-луу*, вносящий в содержание слова значение обладания. Этот суффикс очень напоминает китайский слог *lì* «подчиняться, зависимый, подчиненный». Что касается суффиксов *-той* и *-гай*, находящихся между корневыми морфемами и адъективным суффиксом *-луу*, то они этимологически соотносятся с китайскими слогами: *dào/tiáo* «подходить, быть соответствующим, гармонировать» и *gāi* (модальное слово) «быть должным, необходимо, следует, возможно, вероятно, надо полагать; стоять, быть достойным, годиться; заслуживающий, соответствующий». Хотя в словарях китайского языка мы не находим подобных слов, с большей долей вероятности мы можем утверждать о семантической мотивированности полиморфемных слов кыргызского языка приведенными выше китайскими слогами.

В рекламном дискурсе часто встречаются вывески: *дүң жана чекене соода* «оптовая и розничная торговля», *майда манты* «мелкие манты», *унаа жуучу жай* «автомойка» и др., которые легко мотивируются китайскими слогами (этимологию словосочетания *дүң жана чекене соода* см. § 3.8).

Словосочетание *майда манты* «мелкие манты» этимологически связано со слогами: *mǎo* «маленький, мелкий, мельчайший, ничтожный, тонкий, нежный, тончайший» + *dā* «пачка, связка, стопка, ряд, полоса, прядь» + *mántou* «хлебец, приготовленный на пару, пампушка, паровые пирожки». Здесь слоги *mēn* «томить, тушить (в посуде на медленном огне)» / *mèn* «закрывать наглухо, плотно закрытый» / *mèn/mēn* «томить, тушить (на огне), томлённый, тушённый; отпаривать, отмачивать; душный, спертый, душно» и *tóu* (словообразовательный суффикс, обозначающий предметы округлой формы), сочетаясь между собой, образовали название известного у нас блюда в качестве главного слова в определительном словосочетании.

Кыргызское словосочетание *опоң-чычаң* обозначает детскую забаву: жердь, положенная поперек бревна, на концы которой садятся дети и качаются вверх-вниз. Его строение объясняется по-китайски: *pián* «парный, двойной, вместе» и *chíchěng* «мчаться верхом на коне, скакать во весь опор».

Приведенные и проанализированные выше примеры, имеющие общее этимологическое строение, не являются исключительными и специально подобранными образованиями, а обнаруживают много аналогов в тюркских и китайском языках, что свидетельствует о явных этногенетических и социокультурных связях древних тюрков и ханзу [Зулпукаров, Зулпукарова, 2014: 16-25].

Сравнивая предложения кыргызского и китайского языков, мы установили в них ряд общих типологических свойств и отдельные этимологические связи.

В настоящей работе приведем и проанализируем некоторые кыргызские предложения, составляющие которых идентичны с китайскими корневыми морфемами по происхождению. Например, предложение *Айланайын, эжеке!*

«вы милая/любимая, старшая сестра» (букв. «чтобы я кружился вокруг вас, старшая сестра»). Ключевые единицы данной фразы имеют материально-идентичные эквиваленты в ханью. Кыргызские слова *айлан-/айлануу* «двигаться вокруг, кружиться, вращаться, вертеться, превращаться, выразить готовность стать жертвой ради адресата», *айланайын* «ты милый/милая; ты любимый/любимая», *айлана* «окружность, окрестность» соотносятся с китайскими слогами: *ài* «любить, быть влюбленным, быть привязанным, расположенным; пристраститься к, дорожить; нравиться; любовь, страсть, привязанность; любимый, дорогой, милый; доброта, милость, благодеяние, великодушие, милосердие, сострадание, гуманность» + *lán* «щит, загородка, перила, ограда, изгородь; преграждать, отделять, отрезать, отгороженное место, хлев, загон для скота», что свидетельствует о том, что предки ханзу и тюрков имели общее ласкательное выражение, обозначающее готовность адресанта оградить любимого человека-адресата от беды, несчастья. Об отдельности второго слога в кыргызском примере свидетельствует наличие метатезы в казахском его эквиваленте: *айнал-* «двигаться вокруг, кружиться, вертеться». Что касается кыргызского суффикса *-йын*, то его можно разложить на две части: *йы-н*. Первая половина данного суффикса допускает сравнение с китайским личным местоимением *yí* вежл. «я (младший), товарищ, друг, ровный, довольный, радостный, рядовой, ровнять, радоваться», *yí* «вы, тетушка (вежливо в обращении с женщинами), тетя, тетка (сестра матери), второстепенная жена отца, матушка», содержащим также вокативное значение. Ключевой его слог *yí* имеет материальное соответствие в кыргызском и других тюркских языках. Кыргызские глагольные суффиксы, реализуемые в алломорфах *-йын, -йин, -йун, -йүн* (ед.) и (в говорах) *-йык, -йик, -йук, -йүк* (мн.), содержат в себе современное значение «субъект речи (говорящий)» и «реципиент (слушатель) речи», предполагают наличие производителя и получателя информации, их совместное присутствие в акте речи. Выбор того или иного варианта зависит от качества гласного конечного слога. Видно, что в них формант *-н* является

признаком ед.ч., формант *-к* – признаком мн. ч. Общими для этих двух аффиксов являются звукосочетания *йы-, йи-, йу-, йү-*, которые и очень напоминают китайский слог *у́*, совмещающий в свою семантику «я» и «вы» и содержащий оттенок уважительного отношения к собеседнику. И кыргызские суффиксы передают значение соучастия, согласования действия и договоренности между говорящим и слушающим, просьбы, согласия слушателя на ожидаемое действие говорящего: *барайын* «пойду-ка я, схожу-ка я», *келейин* «приду-ка я, приеду-ка я» – *барайык* «пойдем-ка мы, сходим-ка мы», *келейик* «придем-ка мы, приедем-ка мы». Во мн. ч. содержится призыв к совместному действию, в ед. ч. освидетельствование ожидаемого действия. Суффикс *-йык/-йик* в знач. I л. мн. ч. встречается «в громадном большинстве тюркских языков» [Севортян, 1956: 19]. В литературном кыргызском языке I л. мн. ч. выражается суффиксом *-лы/-лык, -ли/-лик, -лу/-лук, -лү/-лүк*: *баралы/баралык* «пойдем-ка мы, поедем-ка мы», *келели/келелик* «придем-ка мы, приедем-ка мы». Этот аффикс имеет инклюзивное значение, включая в свою семантику «я и ты», «я и вы», т.е. значения I и II л.

В вокативной части предложения слово *эже* «старшая сестра (независимо от степени родства: родная, двоюродная и т.д.), вежливое обращение к любой старшей женщине, мать (устар.)» этимологически соотносится с китайским вариантным наименованием *zǐ/jiě* «старшая сестра (независимо от степени родства), сестрица, вежливое обращение к девушке, жене». В кыргызском номинанте отмечается наличие протетического гласного. Суффиксальная часть обращения – общетюркская продуктивная морфема, часто встречающаяся в формулах речевого этикета при обращении прежде всего к адресату мужского пола. Ср. кыргызское *-ке* в словах: *байке* «старший двоюродный брат (по отношению к младшему и к младшей двоюродной сестре), старший брат, уважаемый старший мужчина (при обращении)», *аке* «старший брат, отец», *Чыке* «уважаемый Чингиз Торокулович!» (в данном слове мы обнаруживаем действие закона компрессии), которое легко сравнивается с китайскими слогами: *gē* «старший

брат», *gēge* «старший брат» (повтор) и *kè* «гость, посетитель, иногородний, другой», совмещение которых, вероятно, образовало общетюркский суффикс *-ке*, присоединяемый преимущественно к названиям лиц мужского пола.

Кыргызское предложение *Баянсулуу жакшы кыз эле* «Баянсулуу была хорошей девушкой» имеет этимологическое строение, мотивированное первичными китайскими слогами. Имя фольклорной героини, весьма распространенное в кипчакско-тюркских языках, с точки зрения китайского языка состоит из четырех корневых морфем. Первая часть имени употребляется как отдельное слово: *баян* «рассказ, повествование». Его структура прозрачна с точки зрения китайского языка, где *bǎo* «драгоценность, сокровища, ценность, реликвия; ценная вещь, клад; драгоценный, ценный» и *yǎn* «слово, говорить», сложение которых, вероятно, образовало слово *bǎo + yǎn > баян*. Ср. также *bǎojiàn* «народное сказание». В слове *сулуу* «красивый, прекрасный, прелестный» два слога, которые имеют прямые соответствия в ханью: *xìu* [сю] «цветок, цветущий, прекрасный, прелестный, изящный» + *lì* «красивый, прекрасный, прелестный, изящный; прелесть, красота». Ср. слово *xìulì* «прекрасный, очаровательный; красота, прелесть», образованное в результате сложения двух синонимичных слогов. В кыргызских эквивалентах под влиянием закона сингорманизма произошла ассимиляция гласных звуков [Введ.: 309, 369; Зулпукаров, Амиралиев, 2017 ж: 255-261].

Китайское слово *yōushì* «преимущество, перевес, превосходство, доминирование, преобладание» по значению и звуковому облику очень напоминает кыргызское *жакшы* «хорошо, хороший, лучше, лучший, превосходно, превосходный, знатный»; *жакшысыңбы?* «хорошо ли ты себя чувствуешь? как ты поживаешь?», *эл/журт жакшысы* «достойный из людей, превосходнейший из людей; глава, начальник».

Кыргызское слово *кыз* «девочка, девушка, дочь, незамужняя женщина, женщина» допускает сравнение с китайским слогом *gū* «девушка, дочь, незамужняя женщина, женщина, женская половина дома; женский, дамский».

Конечному $-ī$ в китайском языке соответствует кыргызский $-з$ [Введ.: 27]. Это не единичный случай. В современном китайском языке есть другие аналоги: слог *kiī* «смотреть, наблюдать, подглядывать, подсматривать, подстергать, следить, шпионить». В древнем китайском языке эти значения передавались слогом закрытого типа *kas* «оглянуться, посмотреть». Мы видим, что конечный согласный перешел в $-ī$. Древнекитайское *kas* мы сравниваем с кыргызским словом *көз* «глаз, глаза». Этот факт свидетельствует о том, что кыргызское слово сохранило древнейший звуковой облик слова. В кыргызском языке есть и рефлексы китайского *giī* [гуэй]: *кудагый* «сватья (мать невесты, жениха или их пожилая родственница)», ср. *куда* «сват (отец невесты, жениха или их пожилой родственник)»; антропоним *Каныкей* (букв.) «дочь хана или жена хана» (имя жены эпического героя Манаса), где *-кей* напоминает китайское *giī*.

Таким образом, мы имеем финальные соответствия: кит. $-iī$ = кырг. $-өз/ыз$.

Кыргызское *эле* – служебный глагол для обозначения прошедшего времени: *мен айткан элем* «я говорил», *сен айткан элең* «ты говорил» и т.д., который сходен с китайским служебным слогом *le* (частица со значением «что-то случилось и возникла новая ситуация»). Отличие сравниваемых служебных слов состоит в наличии протетического гласного в кыргызском эквиваленте.

Сказанное позволяет заключить, что конструктивно-семантическая структура кыргызской фразы *Баянсулуу жакшы кыз эле* в своем исходе мотивируется китайскими слогами. Правда, в подобных предложениях между подлежащим и предикатом в китайском языке вставляется служебная частица *shí* «быть, являться», которая напоминает кыргызские указательные местоимения *ушу/ушул*, *шу/шул* (в говорах) «это, этот, эта».

Теперь рассмотрим составляющие предложения *Мă chī cǎo* «Лошадь ест траву» с точки зрения кыргызской лексикологии и фонетики. Каждое из слов-слогов является членом парадигмы и выбрано говорящим для

выражения мысли. Фраза и ее составляющие прозрачны и отдаленно напоминают кыргызские речевые произведения. Слог *тй* «лошадь» сходен с кыргызским междометием *ма-ма*, употребляемым для зова лошадей. *Ма-ма* употребляется в речи взрослых в значении «лошадь» при обращении к маленьким детям. Это пример междометного именованья. Слог *chī* с процессуальным значением созвучен с глаголами *же* «ешь» и *ич* «ешь (жидкую пищу), выпивай», а объектное наименование *сǎо* – с существительным *чөп* «трава». Фраза же в целом переводится так: *Am чөп жейт*. Здесь объект препозитивен относительно глагола-предиката. Если в китайском языке действие, процессуальность, протекание действия в момент речи заключены в слоге-морфеме, то в кыргызском действие – в корневых морфемах *же* «ешь, есть; кушай, кушать» и *ич* «ешь (жидкую пищу), выпивай», продолжительность действия передается деепричастным суффиксом *-й* (*жей* «едя, кушая») и *-е* (*иче* «едя жидкую пищу, выпивая»), субъект действия (3-е лицо) – лично-глагольным суффиксом *-т* «он, она». Последнее очень напоминает китайский прономинатив *та* «он, она».

Слова *chī* «ест» и *же* «ешь», *жейт* «ест» тоже созвучны и напоминают казахское *же/жейди*, узбекское и уйгурское *йе/йейди* «ест» и даже русское *йе* (*йем* «кушаю», *йешь* «кушаешь» и т.д.). Отметим, что китайскому *ch* в кыргызском языке часто соответствует звук *ж*: значение «враг, противник» по-китайски *chóu*, по-кыргызски *жоо*, значение «отвечать, откликаться, отзываться» по-китайски *chóu*, по-кыргызски *жооп*, значение «толстый, пузатый» в ханью *chǐn*, в кыргызском *жоон*, значение «цыпленок, птенец» по-китайски *chí*, по-кыргызски *жөжө/чөжө*, в некоторых южных и узбекских говорах *жижи* «младенец» и т.д. Глагол *ич*- «есть (жидкую пищу), пить» представляет метатезу относительно китайского *chī* и тюркского *же-/йе-* «есть, кушать». В нем гласный предшествует согласному, в последних же согласные – гласным. Семантический объем корня *же-/йе-* шире значения корня *ич*-. Но эти корни часто образуют сложные слова: *жеп-ич* и *ичип-же* (с интерфиксами *-п* и *-ип*) «жить за чужой счет, есть не стесняясь, кушать

вдоволь; брать подношение, получать взятку». Узость значения *ич-* (в отличие от *же-*) проявляется в том, что он употребляется при приеме жидкой пищи и напитка.

Объект представлен в ханью слогом *сǎо* «трава», который по звуковому облику сходен с кыргызским *чөп* «трава». Китайское *с* соответствует кыргызскому *ч* в целом ряде примеров: значение «брать в щепотку, щепотка» в ханью *сиб̄/сиò*, в кыргызском *чымчуу/чымчым*, значение «запутать, запутаться» по-китайски *сиò*, по-кыргызски *чатышуу/чатыштыруу* и т.д. Кыргызское *чөп* «трава» фонетически сходно с другим китайским слогом. В ханью есть слово *chǎo* «трава», которое может заменить слог *сǎо* «трава», образующий с ним одну семантическую парадигму. Китайским дифтонгам соответствуют звуко сочетания кыргызского языка (*ао=өп, ио=ым, ио=ат*). В китайской и кыргызской фразах только порядок слов разный: объект в ханью занимает постпозицию относительно глагола [Яхонтов, 1957: 61], а в кыргызском – препозицию.

Таким образом, мы имеем все основания считать, что китайская фраза *тǎ chī сǎо* имеет прямые соответствия в кыргызском языке, что свидетельствует о возможном отдаленном генетическом родстве сравниваемых языков. В парадигмах каждой из частей предложения и парадигмосинтагме всего предложения мы имеем дело с материально и семантически сходными эквивалентами в двух языках.

Выше нами приведено и проанализировано три предложения: два из них на кыргызском, одно на китайском. Все слова, использованные в них, имеют этимологически идентичные эквиваленты в обоих языках. Считаем, что эти соответствия являются не случайными, а подчиняющимися определенным закономерностям.

Выводы по III главе

На основе анализа этимологического материала по языкам евразийского лингвоэтнокультурного пространства и с учетом достижений ностратики можно сделать некоторые общие выводы.

1. Ностратика является направлением в компаративистике, которое объясняет происхождение общих корней ряда языковых семей Евразии и Северной Африки.

2. Этимологически идентичные корневые и аффиксальные морфемы сравниваемых языков выявляются на основании общих и регулярно соответствующих звуковых закономерностей в единстве семантической тождественности соответствующих лексико-грамматических единиц языка.

3. Накопленный и проанализированный в работе лингвистический материал позволяет высказать гипотезу о том, что семантика слов в праязыке не была четкой, однозначной и многообразной как в современных языках, а передавала примитивные, приблизительные, не совсем конкретно выражаемые смысловые архетипы, которые в процессе развития мышления, ориентиров сознания, способов действий и социальной организации первобытного общества, вероятно, начинают модифицироваться, трансформироваться, видоизменяться, расширяться и разветвляться в соответствии с потребностями коммуникации.

4. В трансформировании первичных корней важнейшую роль, по-видимому, играли фонетико-фонологические процессы, разновидности и типы которых именуются терминами: метатеза, чередование (субституция), диереза (афереза, синкопа, апокопа), эпитеза, эпентеза, протеза, дифтонгизация, дедифтонгизация, ассимиляция, диссимиляция и т.д.

5. В преобразовании звучания однокоренных слов в родственных языках и увеличении их расхождений принимали активное участие такие фонетические закономерности, как палатализация (в славянских языках),

тенденция к открытому слогу и рифмовке (сино-тибетские языки) и сингармонизм (алтайские и уральские языки).

6. Из названных выше фонетических процессов наиболее продуктивно действовала метатеза. Пермутация звуков в структуре пракорней, вероятно, происходила еще до дивергенции первичного языка. Об этом свидетельствует тот факт, что их метатетические рефлексы встречаются в различных современных языках, возводимых к ностратическому праязыку. Иначе говоря, перестановка звуков в архетипах сравниваемых корней была древнейшим фонетическим явлением, действовавшим в архаичное время. Она совершенно меняет облик слова, превращая инициальный звук в финальный и, наоборот, финальный звук в инициальный.

7. Семантическая модификация пракорня была универсальной, разнонаправленной и шла по нескольким направлениям. В расширении семантики первичного корня существенную роль играли тропы: метафора, метонимия, литота, синекдоха, гипербола, эвфемизм, дисфемизм и др. Немаловажное значение имел многоаспектный процесс перехода слов из состава одной части речи в другой. Иногда одно и то же слово может выполнять функции разных частей речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Собранный в нашей картотеке лингвистический материал, его анализ и описание позволяют сделать **некоторые выводы**, которые важны как для теории, так и для практики языкознания.

1. В современном языкознании лингвогенетика занимает одно из центральных мест. В ней синтезируются идеи диахронического и синхронического подходов. Лингвогенетика базируется на четырех взаимосвязанных и дополняющих друг друга приемах: 1) формально-семантическое отождествление языковых фактов, 2) реконструирование соответствующих протоформ (архетипов), 3) хронологизация и периодизация выделяемых и описываемых архетипов и их рефлексов и 4) локализация сравниваемых явлений и их распределение по языковым семьям, подсемьям и группам, которые вместо составляют сравнительно-исторический метод исследования.

2. Характер нашей работы не противопоставляет сравнительное изучение языков их типологическому или ареальному рассмотрению. Мы анализируем факты языков **в аспекте ностратики**, которая открывает позицию для комплексного исследования аффиксов и корней языков Евразии с учетом генеалогии, типологии и географии распространения одновременно. Потому что ностратические языки включают в себя языки и языковые семьи имеющие отдаленную генетическую связь, совершенно гетерогенную структуру и разные ареалы существования и функционирования.

3. Объективная основа генетического отождествления лингвистических фактов базируется **на возможности генетической сравнимости отдельных явлений и их совокупностей в рамках единого протоязыка и его ответвлений**, т.е. групп близкородственных языков. Изучая факты кыргызского языка в сравнении с китайскими в широком контексте, мы находим немалое число генетически идентичных морфем – корневых и аффиксальных, которые являются величинами, возводимыми к единый

праформе, и в процессе развития претерпели те или иные формально-смысловые изменения. Билингвальные генетически тождественные единицы не являются фактами только сравниваемых языков – кыргызского и ханью, но разными своими сторонами и, прежде всего, в формальном и семантическом отношении связаны со сходными явлениями в других языковых семьях.

4. Конечно, не все генетически идентичные факты языков возводятся прямо к исходной праформе. Среди них много таких единиц, которые появились в том или ином языке или языковой группе в результате контактов этносов и представляют собой заимствования. Иногда исконность и заимствованность морфем трудно бывает разграничивать. Мы особо выделяем явные заимствования, а факты, вызывающие сомнения, мы рассматриваем в рамках ностратики, обращая внимание только на особенности их фонетико-смыслового освоения конкретным языком. Нами обнаружено свыше 720 общих морфем в двух языках. Некоторая часть может существовать на правах заимствований, а большинство этих примеров претендует на то, чтобы мы признали их этимологически идентичными.

5. Следует отметить, что многочисленные корни и аффиксы ханью и кыргызского языка обнаруживают материально-структурную близость, которая является признаком, позволяющим нам говорить об отдаленном генетическом родстве двух языков и в то же время вызывающим сомнение относительно генетической тождественности этих морфем. Такое сомнение, по-видимому, связано с тем, что отдельные общности возникают в результате простого субстанциального сходства, действия факторов языковой конвергенции и ограниченности фонетического материала в древних (первобытно-общинных) языках мира. Это касается прежде всего сходства звуко-, образо- и психоподражательных слов, названий объемных предметов и вещей, названия матери, связанного с детским лепетом, и т.д.

Мы, актуализируя известное положение о том, «чем меньше степень родства между двумя языками, тем больше вероятность случайного

совпадения в звукотипе сопоставительного материала» [Общее яз.: 13-14; Принципы описания языков мира: 22], старались доказать, что **любое совпадение морфем двух языков этимологически мотивировано**, что семантическое строение кыргызских двусложных и даже трехсложных слов расчленяется на части, структурируется и убедительно объясняется с позиции китайских слогов. Факты ханью помогают установить «атомы» кыргызских слов и их семантики.

6. При генетическом отождествлении слов сравниваемых языков мы принимали во внимание регулярность межъязыковых звуковых соответствий. Звукосоответствия в родственных языках должны носить закономерный характер. В кыргызско-китайских генетически тождественных словах мы устанавливаем типичные соответствия «губные согласные – губные согласные», «заднеязычные согласные – заднеязычные согласные», «носовые согласные – носовые согласные», «губные гласные – губные согласные», «долгие гласные – дифтонги» и другие, имеющие аналоги как в пределах сравниваемых языков, так и в других языковых семьях. Такие соответствия иногда нарушаются специфическими правилами и законами отдельных языков или группы языков.

7. Сравнительный анализ этимологически тождественных слов двух языков опирается на различные методы исследования – главным образом на **сравнительно-исторический метод**. Но поскольку периоды их совместного существования не установлены наукой и не совсем известны, мы будем говорить о них только в рамках ностратики и относим примерно к той же эпохе, когда в прототипе ханью были распространены и типичными закрытые слоги с конечными *-m*, *-s*, *-k*, *-n*, *-p* и т.д. Сравнительно-исторический метод используется в тесной связи с методами реконструкции, аналогии, моделирования, формализации, описания, обобщения, анализа и синтеза.

8. В работе основное внимание уделяется изменениям, происходившим **в финальных частях корневых морфем**. Фонетические трансформации

встречаются в начале, середине и конце слова. Однако наиболее значительные видоизменения межъязыковых идентичных по происхождению слов связаны с их конечной частью. Именно падение конечных согласных в древнем ханью и их сохранение в отдаленно-родственных языках, например, в алтайских, настолько увеличило фонологические расхождения родственных слов, что эти слова с точки зрения современной исторической фонологии не находят оснований для сближения и выступают как совершенно разные по внешнему облику слова. В ханью место исчезнувших финальных согласных занимают нулевой «звук», дифтонг, элемент дифтонга, трифтонг. Как отмечает С.Е. Яхонтов, параллельно с падением конечных согласных и увеличением числа открытых слогов и омонимов дифференцирующую функцию начинают выполнять ударения, т.е. тоновые различия слов (от трех до восьми типов в разных диалектах) [Яхонтов, 1965: 26-29]. Звуковой облик древних слов подвергается трансформациям не только под действием апокопы, но и других процессов – ассимиляции, чередования, эпитезы, эпентезы, метатезы и т.д.

9. Сущность метатезы состоит в пермутации звуков в слове. Перестановка начального и конечного согласных местами в односложном слове доводит трансформы одного и того же слова и их варианты до неузнаваемости: **kes* > *sek* (*kas/kos/kus/ kez/koz.../sak/sok/suk/zek/zok...*), **kop/pok* (*kep/kup/kap/kab /kub/kuu... /pak/pek/puk/bak/bek/boo...*) и т.д. Занятие финальным звуком позиции инициального сильно видоизменяет фонетическую модель рефлексов пракорня, а типы чередований в них еще больше увеличивают число их различий. Нередко метатеза обуславливает возникновение и других фонетических явлений в словах – протезы, эпентезы, диерезы и т.д.

10. К архетипам, реконструируемым на основе современных и частично древних форм корней, мы приписываем примерные, приблизительные и вероятные значения, которые могли бы быть означаемыми первичных элементарных частиц-слов, которые еще не обладали способностью

дифференцироваться по критериям конкретности и отвлеченности, единичности и множественности, субстантивности и процессуальности, адъективности и адвербиальности, субъектности и объектности и по другим категориям, являющимся признаками лексико-грамматических единиц высокоразвитых языков.

В работе показаны современные рефлексы пракорней в составе сложных, по-разному агглютинированных, многокомпонентных, обработанных в процессе многовекового опыта людей, стандартизированных и нормированных номинантов, этимологические связи которых друг с другом совершенно затемнены и удалены от нашего понимания, но допускают воссоздание путей постепенного разветвления, расчленения, обогащения и приобретения тех свойств, которые удовлетворяют потребности высокоразвитого мышления у современного человека и многофункциональной точной оперативной коммуникации.

11. Сравнивая кыргызско-китайские этимологически тождественные слова, мы исходили из того соображения, что каждый из этих языков через промежуточные подсемьи языков «сходится» друг с другом на уровне ностратики. Поэтому слова, общие для этих языков, в 3-й главе рассматриваются на фоне алтаистики и ностратики.

12. В работе не использована иероглифика. Китайские примеры подаются в латинской транслитерации или (иногда) в русской транскрипции.

В процессе сравнительного анализа лексических единиц кыргызского и китайского языков в контексте алтаистики и ностратики нами получены некоторые **новые научные результаты**, вносящие новое в теорию и практику компаративистики.

1. Аргументировано положение о необходимости включения ханью в состав ностратической макросемьи языков. Приведено достаточное число аргументов в пользу такой идеи.

2. В предварительном порядке обсуждены вопросы объединения алтайских и сино-тибетских языков как восточных ветвей ностратических

языков. Выявлены причины пренебрежительного отношения сиологов к сравнительно-историческому методу исследования, рассматривающих изолирующие языки исключительно в типологическом аспекте.

3. Предложено новое понимание состава заимствованной лексики кыргызского языка. Показано, что ряд кыргызских слов, считавшихся заимствованными из западных языков (иранских, семитских и т.д.), вошел в словарный фонд языка из ханью.

4. Выявлен производный характер некоторой части кыргызских слов, которые до настоящего времени относились к исходным корневым морфемам и считались первичными.

5. Продемонстрирована роль апокопы в компрессии языкового знака, в упрощении и сокращении объема лексемы, в возникновении тонового ударения в китайском языке, в увеличении звуковых расхождений между древними и современными формами слова.

6. Преобразованию финальных частей слов в сравниваемых языках способствуют также действия правил сингармонизма, чередования, эпитезы, метатезы и других фонетических процессов. В работе описаны основные типы и модели фонетических преобразований в однокорневых словах сравниваемых языков. Показаны интерпретирующие, интегрирующие, абстрагирующие и обобщающие возможности фонетических формул кыргызского языка относительно китайских соответствий.

7. Сформулировано и обосновано положение о примитивном первобытно-общинном характере ностратического протоязыка, об относительной приблизительности, неточности и нечеткости реконструируемых пракорней, их общих, частных значений, о путях их трансформирования и семантического членения, о «деревобразном» формально-смысловом развитии.

8. В соответствии с фонетическими и семантическими закономерностями языков осуществлена реконструкция некоторых пракорней из базовой лексики языка, установлены связь и единство

пракорней с предполагаемыми и реально существующими их вариантами и трансформами в языках Евразии; указаны основные пути расширения и разветвления семантики пракорней на примерах сравниваемых языков. В ряде случаев реконструируемые нами праформы отличаются от своих аналогов, предложенных другими компаративистами.

9. С позиции тюркологии высказано и обосновано положение об естественном стремлении китайского языка к экономии артикуляционно-акустических усилий участников речевого общения и к благозвучию речи за счет увеличения числа открытых слогов и комбинации тоновых различий.

10. Дополнительно аргументирован вывод о том, что многие аффиксы кыргызского языка имеют китайское происхождение – падежные, залоговые, лично-посессивные и другие.

11. Показано, что в китайско-кыргызских звуковых, корневых и семантических соответствиях есть факты перекрещивания (метатеза, хиазм звуков, слоговой хиазм и др.).

12. Обнаружены и введены в орбиту сравнения русско (славяно)-китайские лексические соответствия, которые существенно дополняют уже известную нам систему общих корней.

В перспективе намечается 1) подготовка собранного и проанализированного по теме материала к изданию в виде отдельной книги; 2) публикация фрагментов исследования в форме статей в журналах и сборниках; 3) руководство квалификационными и магистерскими работами в рамках проблематики синологии, алтаистики и ностратики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдувалиев, И.А. Лексикология современного кыргызского языка [Текст] / И.А. Абдувалиев. – Бишкек: Бийиктик, 2016. – 140 с.
2. Абдувалиев, И. Кыргыз-кытай салыштырма тил илиминин башаты тууралуу учкай сөз [Текст] / И.А. Абдувалиев // ОшМУнун жарчысы (проф. К. Зулпукаровдун 70 жылдык юбилейине карата). Атайын чыгарылыш. – Ош: Билим, 2017. – №5 саны. – С. 379-383.
3. Абдувалиев, И.А. Об исходных положениях кыргызско-китайской компаративистики [Текст] / И.А. Абдувалиев // Вестник Ошского государственного университета. – Ош: Билим, 2017. – С. 279-283.
4. Абдуллаев, С.Н., Акмембетова, А.Е. Культурологическая компетенция как важная составляющая в формировании коммуникативной компетенции нерусских учащихся [Текст] / С.Н. Абдуллаев, А.Е. Акмембетова // ОшМУнун жарчысы (проф. К. Зулпукаровдун 70 жылдык юбилейине карата). Атайын чыгарылыш. Ош: Билим, 2017. – №5 саны. – С. 8-12.
5. Абдуллаева, Ф.Э. Семантическое пространство терминов родства на примере концепта «мать» в китайском, русском, азербайджанском и телеутском языках [Текст] / Ф.Э. Абдуллаева // Journal of Endangered Languages (JofEL). – Кемерово: КемГУ, 2018. – Ч. 8, Вып. 12. – С. 1-8.
6. Азыркы кыргыз адабий тили: Фонетика, Лексикология, Лексикография, Фразеология, Морфология, Синтаксис, Стилистика, Текст таануу, Лингвопоэтика [Текст] / Редакция жамаат: Б. Орузбаева ж.б. – Бишкек: АВРАСИЯ ПРЕСС, 2009. – 928 б.
7. Акматалиев, А.Т., Зулпукаров, А.К., Абдурахманова, Н.А. К дискуссии по вопросу о происхождении каракитаев и названия их государства [Текст] / А.Т. Акматалиев, А.К. Зулпукаров, Н.А. Абдурахманова // Роль гуманитарных и социально-экономических наук в развитии общества. – Белгород: ОсОО “Агентство перспективных научных исследований”, 2019. – С. 9-12.

8. Акматова, Д.А., Сейитбекова, С.С., Амиралиев, С.М. К вопросу о тюрко-китайских словах с идентичным происхождением [Текст] / Д.А. Акматова, С.С. Сейитбекова, С.М. Амиралиев // Материалы XXIV международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий». – Белгород: ИП Ткачева Е.П., 2017. – №3, часть 5. – С. 15-21.
9. Алексахин, А.Н. Диалект хакка (китайский язык). Фонология, морфология, синтаксис [Текст] / А.Н. Алексахин // Изд. 2-е, доп. – М.: Вост. книга, 2013. – 88 с.
10. Алексахин, А.Н. Китайские фонологические системы в межцивилизационном контакте Востока и Запада [Текст] / А.Н. Алексахин. – М.: ВКН, 2015. – 464 с.
11. Амиралиев, С.М. О некоторых словарных общностях тюркских и китайского языков [Текст] / С.М. Амиралиев // ОшМУнун жарчысы (проф. К. Зулпукаровдун 70 жылдык юбилейине карата). Атайын чыгарылыш. – Ош: Билим, 2017. – №5 саны. – С. 34-38.
12. Амиралиев, С.М. О некоторых общетюркских словах, соотносительных с китайскими [Текст] / С.М. Амиралиев // Актуальные проблемы татарской филологии. Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 185-191.
13. Амиралиев, С.М., Кожоева, Г.Ж. Роль сингармонизма в увеличении фонетических расхождений этимологически тождественных слов (на материале китайского и кыргызского языков) [Текст] / С.М. Амиралиев, Г.Ж. Кожоева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: ГРАМОТА, 2018. – №8 (86), Ч. 2. – С. 292-297.
14. Амиралиев, С.М., Камардинова, У.Н., Караева, Н.О. О происхождении ключевого номинанта концепта «вода» в тюркских языках [Текст] / С.М. Амиралиев, У.Н. Камардинова, Н.О. Караева // Евразийский союз ученых (ЕСУ) Ежемесячный научный журнал. – Санкт-Петербург, 2019. – №3 (60), 9 часть. – С. 18-20.

15. Амиралиев, С.М., Караева, Н.О., Камардинова, У.Н. Об этимологии названия автомойки в кыргызском языке [Текст] / С.М. Амиралиев, Н.О. Караева, У.Н. Камардинова // Филология: научные исследования. – Москва: ОсОО “НБ-Медиа”, 2019. – №6. – С. 251-256.
16. Амиралиев, С.М., Караева, Н.О., Сапарбаева, А.А. О кыргызских словах «иранского» происхождения [Текст] / С.М. Амиралиев, Н.О. Караева, А.А. Сапарбаева // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск: ОсОО “Мир науки, культуры, образования”, 2020. – №1 (80). – С. 377-380.
17. Амиралиев, С.М., Сапарбаева, А.А., Кайымова, П.М. Рефлексы пракорня *deng «равный» в языках Евразии [Текст] / С.М. Амиралиев, А.А. Сапарбаева, П.М. Кайымова // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск: ОсОО “Мир науки, культуры, образования”, 2020. – №1 (80). – С. 380-383.
18. Амиралиев, С.М. О характере перестановки звуков в этимологически идентичных словах китайского и кыргызского языков [Текст] / С.М. Амиралиев // ОшМУнун жарчысы: педагогика, психология жана филологиялык илимдер. – Ош: Билим, 2020. – 4-серия, 1-бөлүм. – С. 52-61.
19. Андронов, М.С. Дравидийские языки [Текст] / М.С. Андронов. – М.: Наука, 1965. – 193 с.
20. Андронов, М.С. Сравнительная грамматика дравидийских языков [Текст] / М.С. Андронов. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. – 466 с.
21. Апаева, С.Х. Средства выражения грамматических (синтаксических) отношений в русском и китайском языках [Текст] / С.Х. Апаева // Автореф: дис... канд. филол. наук. – Б., 2015. – 22 с.
22. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова // Изд. 2-е, стереотип. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 606 с.
23. Бабакаев, В.Д. Ассамский язык [Текст] / В.Д. Бабакаев. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 171 с.

- 24.** Бархударов, А.С. Санскритские универсалии современного хинди [Текст] / А.С. Бархударов // Языковые универсалии и лингвистическая типология. – Москва: Наука, 1969. – С. 322-331.
- 25.** Баскаков, Н.А. Каракалпакский язык [Текст] / Н.А. Баскаков // Фонетика и морфология. – Москва: Академии наук СССР, 1952. – Часть 1. – 543 с.
- 26.** Баскаков, Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение [Текст] / Н.А. Баскаков. – М.: Наука, 1981. – 134 с.
- 27.** Баскаков, Н.А. Тюркизмы – социальная терминология в «Слове о полку Игореве» [Текст] / Н.А. Баскаков // Turcologica. К 70-летию академика А.Н. Коконова. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. – С. 225-234.
- 28.** Бертагаев, Т.А. Об анлауте и некоторых этимологических наблюдениях в алтайских языках [Текст] / Т.А. Бертагаев // Структура и история тюркских языков. – М.: Наука, 1971. – С. 301-309.
- 29.** Бийгелдиева, К.А. Особенности речевого этикета в кыргызском и китайском языках [Текст]: автореф: дис... канд. филол. наук / К.А. Бийгелдиева. – Б., 2017. – 22 с.
- 30.** Благова, Г.Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении [Текст] / Г.Ф. Благова. – М.: Наука, 1982. – 304 с.
- 31.** Благонравова, Ю.Л. К Проблемам родства и сродства тайских языков [Текст] / Ю.Л. Благонравова // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. – М.: Наука, 1983. – С. 80-91.
- 32.** Бокарев, Е.А. Цезские (дидойские) языки Дагестана [Текст] / Е.А. Бокарев. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 291 с.
- 33.** Бокарев, Е.А. Сравнительно-историческая фонетика восточнокавказских языков [Текст] / Е.А. Бокарев. – М.: Наука, 1981. – С. 67-68.
- 34.** Буранов, Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков [Текст] / Дж. Буранов. – М.: Высш. шк., 1983. – 267 с.
- 35.** Бурлак, С.А., Старостин, С.А. Сравнительно-историческое языкознание [Текст] / С.А. Бурлак, С.А. Старостин. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 432 с.

36. Бурсье, Э. Основы романского языкознания [Текст] / Э. Бурсье // Пер. с франц. Т.В. и Е.В. Вентцель. – М.: Изд. ИЛ, 1952. – 672 с.
37. Бюлер, К. Теория языка [Текст] / К. Бюлер. – М.: Наука, 2000. – 475 с.
38. Вертроградова, В.В. Праkritы [Текст] / В.В. Вертроградова. – М.: Наука, 1978. – 218 с.
39. Воробьев-Десятовский, В.С. Развитие личных местоимений в индоарийских языках [Текст] / В.С. Воробьев-Десятовский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 168 с.
40. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков [Текст] / В.Г. Гак. – Л.: Наука, 1977. – 311 с.
41. Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры [Текст] / Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов // Книга 1. – Тбилиси: Изд. Тбилис. ун-та, 1984. – 428 с.; Книга 2. – Тбилиси: Изд. Тбилис. ун-та, 1984. – С. 439-1328.
42. Ганиев, Ф.А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке [Текст] / Ф.А. Ганиев: автореф. дис. д-ра филол. наук. – Казань, 1977. – 35 с.
43. Грамматика кыргызского литературного языка. Часть I. Фонетика и морфология [Текст] / под.ред. О.В. Захаровой. – Фрунзе: Илим, 1987. – 402 с.
44. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология [Текст] / Л.Н. Харитонов, Н.Д. Дьячковский, С.А. Иванов, Е.И. Коркина, Н.Е. Петров, П.А. Слепцов. – М.: Наука, 1982. – Том 1. – 496 с.
45. Гранде, Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков [Текст] / Б.М. Гранде. – М.: Наука, 1972. – 417 с.
46. Гринберг, Дж., Осгуд, Ч., Дженкинс, Дж. Меморандум о языковых универсалиях [Текст] / Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс // Новое в лингвистике. Вып.V. Языковые универсалии. – М.: Прогресс, 1970. – С. 31-44.

- 47.** Гулыга, Е.В. Автосемантия и синсемантия [Текст] / Е.В. Гулыга // Тез. докл. 4-ой науч. сессии по герман. языкознанию. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1964. – С. 5-6.
- 48.** Гухман, М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант [Текст] / М.М. Гухман. – М.: Наука, 1981. – 249 с.
- 49.** Дербишева, З.К. Функциональная грамматика русского и кыргызского языков [Текст] / З.К. Дербишева. – Бишкек: Кыргыз.-рос. славян. ун-т, 2003. – 156 с.
- 50.** Дербишева, З.К. Кыргызский этнос в зеркале языка [Текст] / З.К. Дербишева. – Бишкек: Б. и., 2012. – 414 с.
- 51.** Дешериев, Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблема происхождения и исторического развития горских кавказских народов [Текст] / Ю.Д. Дешериев. – Грозный: Чечено-ингуш. кн. изд-во, 1963. – 555 с.
- 52.** Долгопольский, А.Б. Гипотеза древнейшего родства языковых семей Евразии с вероятностной точки зрения [Текст] / А.Б. Долгопольский // Вопр. языкознания. – М.: ИРЯ, 1964. - №2. – С. 53-63.
- 53.** Долгопольский, А.Б. Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии. Проблемы фонетических соответствий [Текст] / А.Б. Долгопольский. – М.: Наука, 1964. - 22 с.
- 54.** Долгопольский, А.Б. В поисках далекого родства [Текст] / А.Б. Долгопольский. – Москва: Русская речь, 1967. – №6. – С. 95-112.
- 55.** Долгопольский, А.Б. Ностратические корни с сочетанием латерального и звонкого ларингала [Текст] / А.Б. Долгопольский // Этимология 1970. – М.: Наука, 1972. – С. 356-369.
- 56.** Долгопольский, А.Б. Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков [Текст] / А.Б. Долгопольский. – М.: Наука, 1973. – 398 с. [Dolgopolsky A. B. Comparative-Historical Phonology of Cushitic Languages. Moscow, 1973. – P. 8-12 (in Russian)].

57. Дульзон, А.П. Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причулымья [Текст] / А.П. Дульзон // Ученые записки Томск. гос. пед. ин-та. Том XI. – Томск, 1954. – 94 с.
58. Дульзон, А.П. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения [Текст] / А.П. Дульзон // Топонимика Востока: Новые исследования. – М.: Наука, 1964. – С. 14-17.
59. Дыбо, А.В. Об этимологических параллелях в грамматике алтайских языков [Текст] / А.В. Дыбо // Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской языковой семьи. – Бишкек, 2017. – С. 751-761.
60. Дыйканов, К. Имя существительное в кыргызском языке [Текст] / К. Дыйканов. – Фрунзе: Изд-во АН Кырг. ССР, 1955. – 104 с.
61. Дыренкова, Н.П. Грамматика шорского языка [Текст] / Н.П. Дыренкова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 307 с.
62. Дыренкова, Н.П. Тофаларский язык [Текст] / Н.П. Дыренкова // Тюркологические исследования. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1963. – С. 5-23.
63. Дьяконов, И.М. Языки древней Передней Азии [Текст] / И.М. Дьяконов. – М.: Наука, 1967. – 492 с.
64. Дьяконов, О.В. Нескучная японская грамматика [Текст] / О.В. Дьяконов. – М.: Эксмо-Пресс, 2018. – 304 с.
65. Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие [Текст] / Ред. В.Н. Ярцева, Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1969. – 331 с.
66. Есперсен, О. Философия грамматики [Текст] / О. Есперсен: пер. с англ. – М.: Изд. ин. лит-ры, 1958. – 371 с.
67. Жирмунский, В.М. История немецкого языка [Текст] / В.М. Жирмунский. – М.: Высш.шк., 1965. – 408 с.
68. Жукова, Н.И., Замотаева, Л.С., Перлова, Ю.В. Шведская грамматика в таблицах и схемах [Текст] / Н.И. Жукова, Л.С. Замотаева, Ю.В. Перлова. – Санкт-Петербург: Каро, 2013. – 128 с.

- 69.** Жумалиев, С.С. «Манас» эпосундагы айрым сөздөрдүн этимологиясы жана семантикасы [Текст] / С.С. Жумалиев. – Бишкек: Адем басма, 2014. – 129 б.
- 70.** Завадовский, Ю.Н. Берберский язык [Текст] / Ю.Н. Завадовский. – М.: Наука, 1967. – 171 с.
- 71.** Захарова, О.В. Сопоставительная грамматика русского и кыргызского языков. Морфология [Текст] / О.В. Захарова. – Фрунзе: Мектеп, 1965. – 159 с.
- 72.** Захарьин, Б.А., Эдельман, Д.И. Язык кашмири [Текст] / Б.А. Захарьин, Д.И. Эдельман. – М.: Наука, 1971. – 213 с.
- 73.** Зограф, И.Т. Официальный веньянь [Текст] / И.Т. Зограф // Изд. стереотип. – М.: ЛКИ, 2016. – 344 с.
- 74.** Зограф, И.Т. Среднекитайский язык. Опыт структурно-типологического описания [Текст] / И.Т. Зограф // Изд. 2-е. – М.: ЛКИ, 2010. – 258 с.
- 75.** Зулпукаров, К.З. Гипотеза древнейшего родства языковых семей Северной Евразии и некоторые проблемы ностратических этимологий [Текст] / К.З. Зулпукаров // Внедрение новых технологий в учебный процесс как средство повышения качества обучения. Сборник научных трудов. – Ош, 1994 а. – №5. – 120-123 с.
- 76.** Зулпукаров, К.З. Падежная грамматика: теория и прагматика [Текст] / К.З. Зулпукаров. – СПб.; Ош: БИ., 1994 б. – 317 с.
- 77.** Зулпукаров, К.З. На пути к созданию активной билингвальной грамматики [Текст] / К.З. Зулпукаров // Рус.яз. и лит. в шк. Кыргызстана. – Бишкек, 2003. – №4. – С. 58-62. – Рец. на кн.: Дербишева З.К. Функциональная грамматика русского и кыргызского языков.
- 78.** Зулпукаров, К.З. Слово как средоточие лингвоэтнокультурных концептов [Текст] / К.З. Зулпукаров // Вестник Кыргызского национального университета. Спец. выпуск. – Бишкек, 2014. – С. 246-250.
- 79.** Зулпукаров, К.З. Заметки по ностратике и этимологии названия невестки в ностратических языках [Текст] / К.З. Зулпукаров // Язык, культура, этнос. Выпуск 12. – Бишкек-Санкт-Петербург, 2017. – С. 172-175.

- 80.** Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М., Зулпукарова, А.К. Личные местоимения дагестанских языков в сравнении с ностратическими [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев, А.К. Зулпукарова // Вестн. Дагест. гос. ун-та. Сер. 2. Гум. науки. – Махачкала, 2016. – Том 31. Вып.4. – С. 43-49.
- 81.** Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. Протеза в кыргызско-китайских лексических соответствиях [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Материалы между-народной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», 17-18 ноября 2016 года, г. Москва. – М.: Издательство РУДН, 2016 а. – С. 307-312.
- 82.** Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. Судьба пракорня **kes/sek* в ностратических языках [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – Махачкала, 2016 б. – Том. 31. Вып. 3. – С. 54-59.
- 83.** Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. Диереза в китайско-кыргызских лексических соответствиях [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // ЖамУнун жарчысы, №2 (35) саны. – Жалал-Абад: “ЖАМУнун басмаканасы”. – 2017 а. – С. 26-36.
- 84.** Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. О мотивированности семантики лексико-грамматических единиц в языке [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Узбекистонда хорижий тиллар илмий методик электрон журнал, www.journal.fledu.uz, №2 / (16). – Ташкент, Иностранные языки в Узбекистане, 2017 б. – С. 74-92
- 85.** Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. Истоки семантического строения некоторых слов, словосочетаний и предложений кыргызского языка [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Вестник Ошского государственного университета. – Ош, 2017 в. – №5. – С. 95-106.
- 86.** Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. Метатеза как один из путей возникновения звуковых расхождений в китайском и кыргызском языках [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Языки в лингвоэтнокультурном пространстве Кыргызстана. – Ош, 2017 г. – С. 108-118.

- 87.** Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. Смысловое строение кыргызских словосочетаний с точки зрения китайского языка [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Языки в диалоге культур: Матер. междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию профессора М.Дж. Тагаева 10 октября 2017 года. – Бишкек, изд-во КРСУ, 2017 д. – С. 329-333.
- 88.** Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М., Сейитбекова, С.С. О китайско-русских лексических соответствиях [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев, С.С. Сейитбекова // Материалы XXIV международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий». – Белгород: ИП Ткачева Е.П., 2017. – №3, часть 5. – С. 78-91.
- 89.** Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. Семантическая структура некоторых слов кыргызского языка, мотивированная китайскими слогами [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Актуальные проблемы татарской филологии: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием. 15 декабря 2017 г. / Отв. ред. И.Ф. Зарипова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017 ж. – С. 255-261.
- 90.** Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. Выпадение конечного *-p* в китайских слогах с точки зрения фонетической структуры кыргызского слова (статья первая) [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Филология (профессор И. Абдувалиевдин 70 жылдыгына арналган илимий-практикалык конференциянын материалдары). / Түз.: Ж. Султангазиева. – Б.: Улуу Тоолор, 2017 з. – С. 98-106.
- 91.** Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М., Караева, Н.О. Алишер Навои и вопросы сопоставительного языкознания [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев, Н.О. Караева // Творческое наследие Алишера Навои и современность сборник докладов международной научно-практической конференции. – Москва: ОсОО “4 Принт”. – 2018. – С. 52-56.
- 92.** Зулпукаров, К.З., Амиралиев С.М. Константы и переменные в кыргызско-китайских общих морфемах [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Новая парадигма социально-гуманитарного знания. Сборник

научных турдов. – Белгород: ОсОО “Агентство перспективных научных исследований”, 2018 а. – Часть I. – С. 44-50.

93. Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. Корреляция морфем и их алломорфов в родственных языках [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Новая парадигма социально-гуманитарного знания. Сборник научных турдов. – Белгород: ОсОО “Агентство перспективных научных исследований”, 2018 б. – С. 50-57.

94. Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. Китайско-кыргызское *zhèr/жер* и его семантико-звуковое варьирование [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Актуальные направления гуманитарных и социально-экономических исследований. – Белгород: ОсОО “Агентство перспективных научных исследований”, 2018 в. – Ч. I. – С. 48-54.

95. Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. Проблема экономии артикуляционных усилий говорящего и судьба конечного *-p* в этимологически идентичных словах китайского и кыргызского языков [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Актуальные направления гуманитарных и социально-экономических исследований. – Белгород: ОсОО “Агентство перспективных научных исследований”, 2018 г. – Ч. I. – С. 54-63.

96. Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. Роль апокопы в сокращении объема языкового знака в отдаленно-родственных языках (на примере кыргызского и китайского языков) [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Евразийский союз ученых (ЕСУ) Ежемесячный научный журнал. – Москва, ООО “Логика+”, 2018 д. – №3 (48), 5 часть. – С. 69-73.

97. Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. О происхождении некоторых сино-тибетских слов, оформленных по фонетической модели “САСЫ” [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // ОшМУнун жарчысы. Атайын чыгарылыш. – Ош, 2018 ж. – №1 саны. – С. 247-251.

98. Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. Фонетическая трансформация китайских слогов под модель СЫСА кыргызского языка [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Наука, новые технологии и инновации. –

Бишкек: ОО "Общественная Академия ученых Кыргызской Республики", 2018 з. – №.2. – С. 257-259.

99. Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М., Зулпукарова А.К. Сравнительная характеристика названий руки в дагестанских и алтайских языках [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев, А.К. Зулпукарова // Вестн. Дагест. гос. ун-та. Сер. 2. Гум. науки. – Махачкала, 2018 а. – Том 33, Вып. 2. – С. 50-57.

100. Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М., Камардинова, У.Н. О происхождении гидронимов в ностратических языках [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев, У.Н. Камардинова // Вестн. Дагест. гос. ун-та. Сер. 2. Гум. науки. – Махачкала, 2018 б. – Том 33, Вып. 3. – С. 52-60.

101. Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М., Караева, Н.О. Об этимологии названий хижины и золота в тюркских и китайском языках [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев, Н.О. Караева // Современные гуманитарные исследования. – Москва: «Спутник +», 2019. – №6 (91). – С. 29-31.

102. Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. Пракорень **kes/*sek* и его рефлексы в ностратических языках [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Материалы Первого Международного алтаистического форума: «Тюрко-монгольский мир большого Алтая: историко-культурное наследие и современность». – Барнаул: АлтГУ, 2019. – С. 20-24.

103. Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. Этимология кыргызско-китайских лексем модели “САС” [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Актуальные вопросы преподавания государственного языка: проблемы и пути их решения. Материалы научной конференции. – Фаргона: ФерГУ, 2020 а. – С. 132-138.

104. Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. Роль выпадения звуков в экономии артикуляционных усилий производителя речи [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Актуальные вопросы преподавания государственного языка: проблемы и пути их решения. Материалы научной конференции. – Фаргона: ФерГУ, 2020 б. – С. 141-147.

- 105.** Зулпукаров, К.З., Амиралиев, С.М. и др. Reflexes of the most ancient root **er* “male” in Eurasian languages [Текст] / К. Zulpukarov, S. Amiraliev, and others // Open Journal of Modern Linguistics. – California: Scientific Research Publishing Inc. (Wuhan), 2021. – P. 104-119.
- 106.** Зулпукаров, К.З., Атакулова, М.А., Калмурзаева, А.А., Айылчиева, Д.Т., Джусупова, А.А. Инвариантность в прономинальной и провербиальной парадигмах языка [Текст] / К.З. Зулпукаров, М.А. Атакулова, А.А. Калмурзаева, Д.Т. Айылчиева, А.А. Джусупова. – Бишкек: Бийиктик+, 2016. – 728 с.
- 107.** Зулпукаров, К.З., Зулпукарова, А.К. О «перекрещивании» семантики языковых единиц в процессе их развития [Текст] / К.З. Зулпукаров, А.К. Зулпукарова // Актуальные вопросы современных филологических исследований. – Ош, Б. и., 1995. – С. 102-105.
- 108.** Зулпукаров, К.З., Зулпукарова, А.К. Ностратические личные местоимения: реконструкция праосновы и образование форм не-единственного числа [Текст] / К.З. Зулпукаров, А.К. Зулпукарова // Мамлекеттик тил: окулушу жана изилдениши. – Ош: Б. и., 1996. – II бөлүк. – С. 315-317.
- 109.** Зулпукаров, К.З., Зулпукарова, А.К. Об этногенетических и социокультурных связях ханзу и кыргызов по данным языка [Текст] / К.З. Зулпукаров, А.К. Зулпукарова // Вестник Ошского государственного университета. – Ош, 2014. – №2. – С. 16-25.
- 110.** Зулпукаров, К.З., Зулпукарова, А.К. О генезисе и развитии личных местоимений в ностратических языках [Текст] / К.З. Зулпукаров, А.К. Зулпукарова // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», 17-18 ноября 2016 года. – М.: РУДН, 2016 а. – С. 284-293.
- 111.** Зулпукаров, К.З., Зулпукарова, А.К. О происхождении и развитии личных местоимений в ностратических языках [Текст] / К.З. Зулпукаров,

А.К. Зулпукарова // Вестн. Ошск. гос. ун-та. – Ош, 2016 б. – №3. – Вып. 2. – С. 19-27.

112. Зулпукарова, А.К. Системность и асистемность в лично-прономинальной парадигме языка [Текст] / А.К. Зулпукарова. – Ош: Ошская областная типография, 2018. – 259 с.

113. Зулпукарова, А.К. Явления асистемности в лично-прономинальной парадигме языка [Текст] / А.К. Зулпукарова: автореф. дис. ... канд. филол.н. – Бишкек, 2019. – 23 с.

114. Иванов, А.И., Поливанов, Е.Д. Грамматика современного китайского языка [Текст] / А.И. Иванов, Е.Д. Поливанов // Изд. 3-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.

115. Илиуф, Х.М. Тюрко-китайские лексические параллели [Текст] / Х.М. Илиуф // Вестник Семейского юридического института. – Семей: Б. и., 2013. – С. 65-74.

116. Иллич-Свитыч, В.М. Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения [Текст] / В.М. Иллич-Свитыч // Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков (Тезисы докладов). – М.: Наука, 1964. – С. 25-26.

117. Иллич-Свитыч, В.М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидийский, картвельский, семито-хамитский) [Текст] / В.М. Иллич-Свитыч // Этимология. 1965. – М.: Наука, 1967. – С. 321-373.

118. Иллич-Свитыч, В.М. Соответствия смычных в ностратических языках [Текст] / В.М. Иллич-Свитыч // Этимология. 1966. – М.: Наука, 1968 а. – С. 304-355.

119. Иллич-Свитыч, В.М. Опыт сравнения ностратических языков [Текст] / В.М. Иллич-Свитыч // Славянское языкознание: Докл. сов. делегации VI Междунар. съезда славистов. – М.: Наука, 1968 б. – С. 407-426.

120. Иллич-Свитыч, В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский,

алтайский) [Текст] / В.М. Иллич-Свитыч // Введение. Сравнительный словарь, в 3 томах / Под ред. В.А. Дыбо. – М.: Наука, 1971-1984. – [Том I.] (b–Қ). – 1971. – 412 с.+ [Том II.] (1–ǰ). – 1976. – 483 с. + [Том III.] (p–q). – 1984. – 136 с.

121. Иллич-Свитыч, В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский) [Текст] / В.М. Иллич-Свитыч // Введение. Сравнительный словарь. – 2-е испр. – М.: Наука, 2003. – 408 с.

122. Ильиш, Б.А. Современный английский язык [Текст] / Б.А. Ильиш: теоретический курс. – М.: Изд. ИЛ, 1948. – 2-е изд. – 273 с.

123. Исаев, Д. Жер-суу аттарынын сыры [Текст] / Д. Исаев. – Фрунзе: Мектеп, 1977. – 152 б.

124. Камбаралиева, У.Д. Темпоральная категоризация в концептуальной картине мира (на материале русского и кыргызского языков) [Текст] / У.Д. Камбаралиева. – Б.: Avgasyapress, 2013. – 490 с.

125. Карасаев, Х.К. Кыргыз тилинин орфографиялык сөздүгү [Текст] / Х.К. Карасаев. – Фрунзе: «Кыргыз энциклопедиясы», 1966. – 763 б.

126. Карасаев, Х.К. Накыл сөздөр [Текст] / Х.К. Карасаев: Тил казынасынан баян, Кыргызстан. – Фрунзе: «Кыргыз энциклопедиясы», 1982. – 368 б.

127. Карасаев, Х.К. Өздөштүрүлгөн сөздөр. Заимствованные слова [Текст] / Х.К. Карасаев. – Фрунзе: «Кыргыз энциклопедиясы», 1986. – 312 б.

128. Карасаев, Х.К. Кыргыз тилинин орфографиялык сөздүгү. Толукталып 2-басылышы [Текст] / Х.К. Карасаев. – Б.: «Бийиктик плюс», 2015. – 640 б.

129. Катенина, Т.Е. Язык маратхи [Текст] / Т.Е. Катенина. – М.: ИВЛ, 1963. – 184 с.

130. Ким, Ч.Л. Гидронимический ареал *-кан* в средней Сибири [Текст] / Ч.Л. Ким // Топонимика Востока: Новые исследования. – М.: Наука, 1964. – С.146-149.

131. Климов, Г.А. Типологические исследования в СССР: 20-40-е годы [Текст] / Г.А. Климов. – М.: Наука, 1981. – 111 с.

- 132.** Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, ЛО, 1972. – 285 с.
- 133.** Кодухов, В.И. Общее языкознание [Текст] / В.И. Кодухов. – Изд. 3-е. – М.: «Либроком», 2013. – 303 с.
- 134.** Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте [Текст] / В.В. Колесов. – СПб: Петербург, Востоковедение, 2006. – 624 с.
- 135.** Котвич, В.Л. Исследование по алтайским языкам [Текст] / В.Л. Котвич. – М.: Изд. иностр. лит., 1962. – 371 с.
- 136.** Краузе, В. Тохарский язык [Текст] / В. Краузе // Тохарские языки. – М.: Б. и., 1958. – С. 42-49.
- 137.** Крейнович, Е.А. Об одной тюркско-палеоазиатской языковой параллели [Текст] / Е.А. Крейнович // TURCOLOGICA. К 70-летию акад. А.Н. Кононова. – Л.: Наука, ЛО, 1976. – С. 94-100.
- 138.** Кузнецова, А.И., Ефремова, Т.Ф. Словарь морфем русского языка [Текст] / А.И. Кузнецова, Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 1986. – 1136 с.
- 139.** Куркина, Л.В. Из наблюдений над некоторыми названиями дорог и тропинок в славянских языках [Текст] / Л.В. Куркина // Этимология 1968. – М.: Наука, 1971. – С. 91-95 (102).
- 140.** Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику [Текст] / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 412 с.
- 141.** Левитская, Л.С. Историческая морфология чувашского языка [Текст] / Л.С. Левитская. – М.: Наука, 1976. – 206 с.
- 142.** Леонтьев, А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка [Текст] / А.А. Леонтьев. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 139 с.
- 143.** Макаев, Э.М. Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика [Текст] / Э.М. Макаев // Вопр. языкознания. – М.: Академия наук СССР, 1964. – №1. – С. 8-15.
- 144.** Маковский, М.М. Системность и асистемность в языке: опыт исследования антиномии в лексике и семантике [Текст] / М.М. Маковский. – Изд. 3-е. – М.: Либроком, 2014. – 216 с.

145. Мамырханова, Ж.Т. Историческое изучение и синхронный анализ языка казахов Китая [Текст] / Ж.Т. Мамырханова // Диссертация по PhD. – Алматы: ҚазАқпарат, 2015. – 126 с.
146. Мартиросов, А.Г. К генезису личных и указательных местоимений в картвельских языках [Текст] / А.Г. Мартиросов // Вопр. языкознания. – М.: Академия наук СССР, 1968. – № 3. – С. 41-46.
147. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков [Текст] / А. Мейе. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1938. – 511 с.
148. Мельников, Г.П. Язык как система и языковые универсалии [Текст] / Г.П. Мельников // Языковые универсалии и лингвистическая типология. – М.: Наука, 1969. – С. 34-35.
149. Мельничук, А.С. Корень *kes- и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков [Текст] / А.С. Мельничук // Этимология. 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. – М.: Наука, 1968. – С. 195-240.
150. Менгес, К.Г. Тюркское *idi* «господин», некоторые его рефлексy в тюркских языках и параллели в других языковых семьях [Текст] / К.Г. Менгес // Филология. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1987. – С. 101-110.
151. Мещанинов, И.И. Глагол [Текст] / И.И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1982. – 272 с.
152. Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи [Текст] / И.И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1978. – 387 с.
153. Мещанинов, И.И. Эргативная конструкция предложения в языках различных типов [Текст] / И.И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1967. – 248 с.
154. Мечковская, Н.Б. Общее языкознание: структурная и социальная типология языков [Текст] / Н.Б. Мечковская // Изд. 7-е. – М.: Флинта, 2009. – 312 с.
155. Мурзаев, Э.М. Центральноазиатские топонимические миниатюры [Текст] / Э.М. Мурзаев // Топонимика Востока: Новые исследования. – М.: Наука, 1964. – С. 3-13.

- 156.** Мусаев, К.М. Родство и свойство [Текст] / К.М. Мусаев // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М.: Наука, 2006. – С. 536-561.
- 157.** Мусаев, С.Ж. Трансформационные отношения в синтаксисе [Текст] / С.Ж. Мусаев // Изв. АН Кыргыз. ССР. Обществ. науки. – Фрунзе, 1987. – № 1. – С. 51-56.
- 158.** Мусаев, С.Ж. Вопросы кыргызского языкознания [Текст] / С.Ж. Мусаев. – Бишкек: КГУ им. И. Арабаева, 2010. – 756 с.
- 159.** Мусаев, С.Ж. Түркүн пикир түрмөктөрү [Текст] / С.Ж. Мусаев. – Бишкек: И. Арабаев атындагы КМУ, 2014. – 268 с.
- 160.** Мыркин, В.Я. Типология личного местоимения и вопросы реконструкции в индоевропейском аспекте [Текст] / В.Я. Мыркин // Вопр. языкознания. – М.: Наука, 1964. – № 5. – С. 78-86.
- 161.** Нафиков, Ш.В., Сулейманова, Д.Д. Кыпчакские и иноязычные (баскские) лексические параллели в группе названий лиц [Текст] / Ш.В. Нафиков, Д.Д. Сулейманова // Вестник Ошского государственного университета. Специальный выпуск. – Ош: ОшГУ, 2017. – С. 188-191.
- 162.** Общее языкознание. Методы лингвистических исследований [Текст] / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – Москва: Наука, 1973. – 313 с.
- 163.** Одри, Ж. Индоевропейский язык [Текст] / Ж. Одри // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI. Новое в современной индоевропеистике. – М.: Прогресс, 1988. – С. 24-121.
- 164.** Опыт историко-типологического исследования иранских языков [Текст] / В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман и др. // Эволюция грамматических категорий. – М.: Наука, 1975. – Том II. – 415 с.
- 165.** Оранский, И.М. Иранские языки в историческом освещении [Текст] / И.М. Оранский. – М.: Наука, 1979. – 411 с.
- 166.** Орузбаева, Б.О. Сөз: (сөздүн түзүлүшү) [Текст] / Б.О. Орузбаева. – Бишкек: Илим, 1994. – 259 б.

- 167.** Өмүралиев, Ч. Бурут тамга – төрөн тил [Текст] / Ч. Өмүралиев. – Б.: Кыргыз жер, 2012. – С. 151-156 (288 б.).
- 168.** Пахалина, Т.Н. Памирские языки [Текст] / Т.Н. Пахалина. – М.: Наука, 1969. – 172 с.
- 169.** Пашков, Б. Предисловие // Рамстедт, Г. Грамматика корейского языка [Текст] / Г. Рамстедт. – М.: Иностр. литература, 1951. – С. 5-15
- 170.** Побидько, З.В. Явление метатезы в системе лексико-фонетической вариантности слова [Текст] / З.В. Побидько: автореф. дис.... канд. филол. наук. – Псков, 2005. – 22 с.
- 171.** Покровская, Л.А. Термины родства в тюркских языках [Текст] / Л.А. Покровская // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 11-81.
- 172.** Поливанов, Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком [Текст] / Е.Д. Поливанов. – Ташкент: Узгосизд, 1933/1934. – 271 с.
- 173.** Поливанов, Е.Д. Статьи по общему языкознанию [Текст] / Е.Д. Поливанов. – М.: Наука, 1968. – 312 с.
- 174.** Порхомовский, В.Я., Столбова, О.В. Чадские языки. Языки Азии и Африки [Текст] / В.Я. Порхомовский, О.В. Столбова. – М.: Наука, 1991. – Т. IV, кн. 2. – С. 323-386 [Porkhomovsky, V.Ya., Stolbova, O.V. Chadic Languages. Languages of Asia and Africa. V. IV (2). Moscow, 1991. - P. 323-386 (in Russian)].
- 175.** Принципы описания языков мира [Текст] / В.Н. Ярцева, Б.А. Серебренников // Коллективная монография / Отв. ред. В.Н. Ярцева, Б.А. Серебренников. – Москва: Наука, 1976. – 340 с.
- 176.** Прокош, Э. Сравнительная грамматика германских языков [Текст] / Э. Прокош. – М.: Изд-воиностр. лит., 1954. – 380 с.
- 177.** Рамишвили, Г.В. Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания [Текст] / Г.В. Рамишвили // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 5-33. (397 с.)

- 178.** Рамstedт, Г.И. Введение в алтайское языкознание [Текст] / Г.И. Рамstedт // Морфология. – М.: Изд. иностр. лит., 1957. – 254 с.
- 179.** Рамstedт, Г.И. Грамматика корейского языка [Текст] / И. Рамstedт. – М.: Иностранная литература, 1951. – С. 5-15.
- 180.** Реформатский, А.А. Число и грамматика [Текст] / А.А. Реформатский // Вопросы грамматики. Сб. статей к 75-летию акад. И.И. Мещанинова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 387-400.
- 181.** Решетов, В.В. Основы фонетики и грамматики узбекского языка [Текст] / В.В. Решетов. – 2-ое изд. – Ташкент: Учитель, 1965. – 243 с.
- 182.** Румянцев, М.К. По поводу эризации в китайском языке [Текст] / М.К. Румянцев // Разыскания по общему и китайскому языкознанию / Ред. С.Е. Яхонтов. – М.: Наука, 1980. – С. 16-25.
- 183.** Рыскулова, Б.А. Кытай жана орус тилдериндеги этиштин грамматикалык категориялары [Текст] / Б.А. Рыскулова: филол. и. к. дис. автореф. – Б., 2018. – 21 б.
- 184.** Саввина, В.Х. О типах топонимов Ирана [Текст] / В.Х. Саввина // Топонимика Востока: Новые исследования. – М.: Наука, 1964. – С. 149-176.
- 185.** Савченко, А.Н. Славянские и балтийские местоимения в отношении к местоимениям других индоевропейских языков [Текст] / А.Н. Савченко // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – М.: АЛМАВЕСТ, 1962. – №3. – С. 73-81.
- 186.** Садыков, Т. Основы кыргызской фонологии и морфонологии [Текст] / Т. Садыков. – Бишкек: Илим, 1992. – 155 с.
- 187.** Самойленко, С.Ф. Из истории восточнославянских местоимений [Текст] / С.Ф. Самойленко: автореф. дис. д-ра. филол. наук. – Л., 1959. – 46 с.
- 188.** Санжеев, Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков [Текст] / Г.Д. Санжеев. – М.: Наука, 1953. – Часть I. – 371 с.
- 189.** Сапоев, Р., Аvezматов, Ш. Арабско-персидские слова в узбекском языке [Текст] / Р. Сапоев, Ш. Аvezматов. – Ташкент: Укитувчи, 1996. – 192 с.

- 190.** Сводеш, М. Лингвистические связи Америки и Евразии [Текст] / М. Сводеш // Этимология 1964. – М.: Наука, 1965. – С. 272.
- 191.** Севортян, Э.В. Категория сказуемости [Текст] / Э.В. Севортян // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть II. Морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 19-35.
- 192.** Серебренников, Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков [Текст] / Б.А. Серебренников, Н.З. Гаджиева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1986. – 301 с.
- 193.** Силантьева Л.Г. Китайские и уйгурские заимствования в ваханском языке [Текст] / Л.Г. Силантьева // Научное обозрение. Педагогические науки. – Москва: “Академия естествознания”, 2019. – №2 (часть 1). – С. 91-93.
- 194.** Скаличка, В. К вопросу о типологии [Текст] / В. Скаличка // Вопр. языкознания. – М.: Изд-во АН СССР, 1966. – №4. – С. 22-29.
- 195.** Скаличка, В. Асимметричный дуализм языковых единиц (1935) [Текст] / В. Скаличка // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 119-140.
- 196.** Скаличка, В. О грамматике венгерского языка (1935) [Текст] / В. Скаличка // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 141-194.
- 197.** Смирнова, М.А. Язык хауса [Текст] / М.А. Смирнова. – М.: Вост. лит-ры, 1960. – 183 с.
- 198.** Соколовская, Н.К. Некоторые семантические универсалии в системе личных местоимений [Текст] / Н.К. Соколовская // Теория и типология местоимений. – М.: Наука, 1980. – С. 84-103.
- 199.** Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование [Текст] / В.М. Солнцев. – Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 1977. – 341 с.
- 200.** Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология [Текст] / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1988. – 560 с.
- 201.** Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика [Текст] / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2001. – 822 с.

- 202.** Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка [Текст] / Под ред. Э.Р. Тенишева и А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. – 912 с.
- 203.** Старостин, Г.С., Дыбо, А.В., Милитарев, А.Ю., Пейрос, И.И. К истокам языкового разнообразия [Текст] / Г.С. Старостин, А.В. Дыбо, А.Ю. Милитарев, И.И. Пейрос. – М.: Изд. дом «Дело», 2016. – 584 с.
- 204.** Старостин, С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка [Текст] / С.А. Старостин. – М.: Наука, 1991. – 298 с.
- 205.** Старостин, С.А. Труды по языкознанию [Текст] / С.А. Старостин. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 928 с.
- 206.** Стеблин-Каменский, М.И. История скандинавских языков [Текст] / М.И. Стеблин-Каменский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 378 с.
- 207.** Столбова, О.В. Chadic Data Base [Текст] / О.В. Столбова. Научная электронная библиотека. Электронный ресурс: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37352605>.
- 208.** Сулайманова, Л.С. Народные географические термины в топонимии Кыргызстана [Текст] / Л.С. Сулайманова. – Бишкек: КРСУ, 2009. – 199 с.
- 209.** Сулейменов, О.О. Тюрки до истории [Текст] / О.О. Сулейменов. – Алмата: Атамұра, 2002. – С. 27.
- 210.** Султаналиев, И.Ш. Язык «Дивану лугат-ит тюрки» М. Кашгари [Текст] / И.Ш. Султаналиев. – Бишкек: «Бийиктик», 2015. – 232 с.
- 211.** Сыромятников, Н.А. О метатезе в ностратических языках [Текст] / Н.А. Сыромятников // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. – М.: Наука, 1977. – С. 178-183.
- 212.** Сыромятников, Н.А. Закономерности развития личных местоимений в новояпонском языке [Текст] / Н.А. Сыромятников // Теория и типология местоимений. – М.: Наука, 1980. – С. 104-127.

- 213.** Тагаев, М.Дж. Образ мира в языковом сознании кыргызов через призму телесного кода культуры [Текст] / М.Дж. Тагаев // Языки в диалоге культур. – Бишкек: КРСУ, 2017. – С. 127-136.
- 214.** Тенишев, Э.Р. Строй саларского языка [Текст] / Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1975. – 575 с.
- 215.** Тенишев, Э.Р. Строй сарыг-югурского языка [Текст] / Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1976. – 411 с.
- 216.** Токтоналиев, К., Жумалиев, Ж. Байыркы кыргыз тили [Текст] / К. Токтоналиев, Ж. Жумалиев. – Б.: Бийиктик плюс, 2017. – 352 б.
- 217.** Топоров, В.Н. Еще раз об И.Е. *BUDH- (:bheudh-) [Текст] / В.Н. Топоров // Этимология. – М.: Языки славянских культур, 1996. – С. 135-153.
- 218.** Трубецкой, Н.С. Избранные труды по филологии [Текст] / Н.С. Трубецкой. – М.: Прогресс, 1987. – 560 с.
- 219.** Турганбаев, Н.О. Кыргыз жана өзбек тилдериндеги имитативдердин фоносемантикасы [Текст] / Н.О. Турганбаев: автореф: дис... канд. филол. наук. – Б., 2008. – 22 б.
- 220.** Ульманн, С. Семантические универсалии [Текст] / С. Ульманн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии. – М.: Прогресс, 1970. – С. 250-299.
- 221.** Уринбаев, Н.А. Пособие по сопоставительной грамматике (морфология) русского и каракалпакского языков [Текст] / Н.А. Уринбаев. – Нукус: Каракалп. госиздат., 1960. – 178 с.
- 222.** Успенский, Б.А. Структурная типология языков [Текст] / Б.А. Успенский. – М.: Наука, 1965. – 287 с.
- 223.** Успенский, Б.А. Проблема универсалий в языкознании [Текст] / Б.А. Успенский // Новое в зарубежном языкознании. Вып. V. Языковые универсалии. – М.: Прогресс, 1970. – С. 5-30.
- 224.** Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева [Текст] / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. -

576 с.; – М.: Прогресс, 1986. – Т. 2. - 672 с.; – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3. - 832 с.; – М.: Прогресс, 1987. – Т. 4. - 864 с.

225. Фролова, М.Г. Китайский язык. Справочник по грамматике [Текст] / М.Г. Фролова. – Изд. 5-е. – М.: Живой язык, 2017. – 224 с.

226. Хабичев, М.А. Именное словообразование и формообразование в куманских языках [Текст] / М.А. Хабичев. – М.: Наука, 1989. – 217 с.

227. Хёнигсвальд, Г. Существуют ли универсалии языковых изменений? [Текст] / Г. Хёнигсвальд // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии. – М.: Прогресс, 1970. – С. 77-105.

228. Хижиңхун. Хейлунжаңдагы кыргыздар жана алардын тил өзгөчөлүктөрү [Текст] / Хижиңхун // Акматов – 70: Профессор Т.К. Акматовдун 70 жылдыгына арналган илимий конференциянын материалдары. – Бишкек: Б. и., 2005. – С. 50-63.

229. Хоккет, Ч.Ф. Проблема языковых универсалий [Текст] / Ч.Ф. Хоккет // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии. – М.: Прогресс, 1970. – С. 45-77.

230. Черемисов, К.М. Бурят-монгольско-русский словарь [Текст] / К.М. Черемисов. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1951. – 381 с.

231. Чонбашев, К.С. Сопоставительная грамматика русского и кыргызского языков. Синтаксис простого предложения [Текст] / К.С. Чонбашев. – Фрунзе: Мектеп, 1980. – 188 с.

232. Шанский, Н.М. Этимологический словарь русского языка [Текст]: I том. Выпуск 2 / Н.М. Шанский. – Москва: Издательство Московского университета, 1965. – 270 с.

233. Шафи́ков, С.Г. Лингвистическая типология и языковые универсалии. – М.: Флинта, 2018 – 142 с.

234. Шутова, Е.И. Вопросы теории синтаксиса [Текст]: На основе сопоставления китайского и русского языков / Е.И. Шутова. – М.: Наука, 1984. – 261 с.

- 235.** Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
- 236.** Щербак, А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков [Текст] / А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1970. – 204 с.
- 237.** Щербак, А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (имя) [Текст] / А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1977. – 191 с.
- 238.** Щербак, А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (глагол) [Текст] / А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1981. – 183 с.
- 239.** Эдельман, Д.И. Дардские языки [Текст] / Д.И. Эдельман. – М.: Наука, 1965. – 203 с.
- 240.** Эдельман, Д.И. Язык кашмири [Текст] / Д.И. Эдельман. – М.: Наука, 1971. – 213 с.
- 241.** Элчиев, Ж.Э., Кожоева, Г.Ж. О теориях глоттогенеза [Текст] / Ж.Э. Элчиев, Г.Ж. Кожоева // Новые технологии в социально-гуманитарных науках и образовании: современное состояние, проблемы, перспективы и развития. Сб. науч. трудов. – Белгород: ОсОО “Агентство перспективных научных исследований”, 2018. – С. 81-87.
- 242.** Юдахин, К.К. Кыргызско-русский словарь [Текст] / К.К. Юдахин. 1 книга: А-К. – Фрунзе: Гл. ред. Кыргызской советской энциклопедии, 1985. – 503 с.; [Текст] / К.К. Юдахин. 2 книга: Л-Я. – Фрунзе: Гл. ред. Кыргызской советской энциклопедии, 1985. – 474 с.
- 243.** Юдахин, К.К. Кыргызско-русский словарь [Текст] / К.К. Юдахин. – Москва: Советская энциклопедия, 1965. – 974 с.
- 244.** Юнусалиев, Б.М. Кыргызская лексикология [Текст] / Б.М. Юнусалиев. – Фрунзе: Кыргызучпедгиз, 1959. – Ч.1. – 248 с.
- 245.** Языки мира: тюркские языки [Текст] / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – Бишкек: Кыргызстан, 1997. – 543 с.
- 246.** Языки народов СССР: В 5 томах. Том I. Индоевропейские языки [Текст] / отв. ред. В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1966. – 659 с.; Том II. Тюркские языки [Текст] / отв. ред. Н.А. Баскаков. – М.: Наука, 1966. – 531 с.;

Том III. Финно-угорские и самодийские языки [Текст] / отв. ред. В.И. Лыткин и К.Е. Майтинская. – М.: Наука, 1966. – 465 с.; Том IV. Иберийско-кавказские языки [Текст] / отв. ред. Е.А. Бокарев и К.Е. Ломтатидзе. – М.: Наука, 1967. – 712 с.; Том V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки [Текст] / отв. ред. П.Я. Скорик. – М.: Наука, 1967. – 524 с.

247. Языковые универсалии и лингвистическая типология [Текст] / Ред. И.Ф. Вардуль. – М.: Наука, 1969 – 342 с.

248. Якобсон, Р.О. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание [Текст] / Р.О. Якобсон // Новое в лингвистике. Том III. – М.: Прогресс, 1963. – С. 89-112.

249. Яковлев, Н.Ф. Ашхамаф, Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка [Текст] / Н.Ф. Яковлев, Д.А. Ашхамаф. – М.; Л.: Б. и., 1941. – 464 с.

250. Ярцева, В.Н. Контрастивная грамматика [Текст] / В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 111 с.

251. Яхонтов, С.Е. Древнекитайский язык [Текст] / С.Е. Яхонтов. – М., 1965. – 115 с.

252. Яхонтов, С.Е. Категория глагола в китайском языке [Текст] / С.Е. Яхонтов. – Л.: Наука, 1957. – 181 с.

253. Яхонтов, С.Е. Некоторые признаки изолирующего типа языков [Текст] / С.Е. Яхонтов // Проблемы лингвистической типологии и структуры языков. – Л.: Наука, 1977. – 31 с.

254. Appleyard, D.A. Comparative Dictionary of the Agaw Languages [Text] / D.A. Appleyard. – Köln: Rudiger Koppe, 2006. – P. 56.

255. Beeston, A.F., Ghul, M.A., Muller, W.W., Ryckmans, J. Sabaic Dictionary [Text] / A.F. Beeston, M.A. Ghul, W.W. Muller, J. Ryckmans. – Louvain-la-Neuve, 1982.

256. Böhtlingk, O. Über die Sprache den Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch [Text] / O. Böhtlingk. – SPb: WP, 1851. – 223 p.

- 257.** Bomhard, Allan, R. *Reconstructing Proto-Nostratic: Comparative Phonology, Morphology and Vocabulary* [Text] / Allan, R. Bomhard. – Leiden/Boston: Brill, 2008.
- 258.** Czermak, W. *Die Lokalvorstellung und ihre Bedeutung für den grammatischen Aufbau afrikanischer Sprachen* [Text] / W. Czermak // *Festschrift Meinhof*. – Hamburg: WP, 1927. – P. 33-38.
- 259.** Diakonoff, I., Kogan, L. *Semitic Terms of Kinship and Social Sphere*. Ibrishimow D., Leger R., Seibert U. (eds.). [Text] / I. Diakonoff, L. Kogan. *Von Ägypten zum Tschadsee. Eine linguistische Reise durch Afrika*. – Würzburg: WP, 2001. – P. 147-159.
- 260.** Forchheimer, P. *The category of person in language* [Text] / P. Forchheimer. – Berlin: De Gruyter, 1953. – 142 p.
- 261.** Gelb, I.J., Jacobsen, Th., Landsberger, B., Oppenheim, A.L. (eds.). *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago* [Text] / I.J. Gelb, Th. Jacobsen, B. Landsberger, A.L. Oppenheim. Vol. V *Glückstadt*. – Chicago: The Oriental Institute, 1999. – 441 p.
- 262.** Hoftijzer, J., Jongeling, K. *Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions*. Leiden [Text] / J. Hoftijzer, K. Hoftijzer. – New York: Brill, 2004. – 1269 p.
- 263.** Jungraithmayr, H., Holubova, M. *The Ngas Language (Shik Ngas)* [Text] / H. Jungraithmayr, M. Holubova. – Berlin: Reimer, Dietrich, 2016. – P. 45-46.
- 264.** Kiessling, R., Mous, M. *The Lexical Reconstruction of West-Rift Southern Cushitic* [Text] / R. Kiessling, M. Mous. – Köln: Rudiger Koppe Verlag: 2003. – P. 29 (358 p.).
- 265.** Kotwicz, W. *Les pronoms dans les langues altaïques* [Text] / W. Kotwicz. – Krakow: WP, 1936. – 78 p.
- 266.** Leslau, W. *Comparative Dictionary of Ge'ez* [Text] / W. Leslau. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1987. – 866 p.
- 267.** Luling, V. *Somali-English Dictionary* [Text] / V. Luling. – Wheaton: Dunwoody Press, 1987. – 605 p.

- 268.** Militarev, A. The Significance of Etymology for the Interpretation of Ancient Writings [Text] / A. Militarev: From the Jewish Bible to the New Testament. The Jewish Conundrum in World History. Appendix 2. – Boston: Academic Studies Press, 2010. P. 212-257.
- 269.** Militarev, A., Kogan, L. Semitic Etymological Dictionary [Text] / A. Militarev, L. Kogan. Vol II. – Münster: Ugarit-Verlag, 2005. – P. 13.
- 270.** Olmo, Lete del G., Sanmartin, J.A. Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition [Text] / Lete del G. Olmo, J.A. Sanmartin. Vol I. – Leiden: Brill, 2015. – P. 88.
- 271.** Pedersen, H. Turkische lautgesetze [Text] / H. Pedersen // Zetschrft der Deutschen Morgen ländischen Gesellschaft. 1913. BL. 57. – P. 535-561.
- 272.** Sasse, H.J. The Consonant Phonemes of Proto-East-Cushitic. Afroasiatic Linguistics [Text] / H.J. Sasse. – Los Angeles: Ariel Bloch, Berkeley, 1979. – 7(1). – P. 167.
- 273.** Stolbova, O. Elements of Chadic Diachronic Morphology – The Verbalizer ‘alef. Ibrizimow D. (ed.) [Text] / O. Stolbova // Journal of the Institute of Oriental Studies RAS. – Moscow: Institute of Oriental Studies, 2020. – 294 p.
- 274.** Topics in Chadic Linguistics IX. Papers from 8th Biennial Colloquium on the Chadic Languages [Text] / Gian Claudio Batic. – Koln: Brill, 2018. – P. 57-63.
- 275.** Stolbova, O. Velar prefixes in Chadic. Frankfurter Afrikanistische Blatter [Text] / O. Stolbova. – Moscow: Institute of Oriental Studies, 2015. – 22. – P. 93-111.
- 276.** Vergary, M., Vergari, R.A. Basic Saho-English-Italian Dictionary. Eritrea [Text] / M. Vergary, R.A. Vergari. – Asmara: Sabur Printing Services, 2003.–91 p.
- 277.** Wilson, D. A Concatenative Analysis Of Diachronic Afro-Asiatic Morphology [Text] / D. Wilson // Presented to the Faculties of the University of Pennsylvania in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 2020 – 331 p.
- 278.** Wundt, W. Völkerpsychologie. Bd. I. Die Sprache [Text] / W. Wundt. T.1. Aufl. 4. – Stuttgart: WP, 1921. – 316 p.

Список сокращенных трудов

1. БКРРКС – Большой китайско-русский и русско-китайский словарь [Текст] / Сост. О.В. Левина. – М.: Дом славянской книги, 2009. – 960 с.
2. БРКС – Баранова, З.И., Котов, А.В. Большой русско-китайский словарь [Текст] / З.И. Баранова, А.В. Котов // Изд. 6-е, стереотип. – М.: Живой язык, 2008. – 568 с.
3. БРТС – Большой русско-турецкий словарь: 100 000 слов и словосочетаний [Текст] / В.Г. Щербинин. – 4-е изд., стереотип. – М.: Живой язык, 2006. – 680 с.
4. БЭС – Большой энциклопедический словарь: языкознание [Текст] / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: БРЭ, 2000. – 685 с.
5. Введ. – Зулпукаров, К.З. Введение в китайско-кыргызское сравнительное языкознание [Текст] / К.З. Зулпукаров. – Бишкек: Бийиктик плюс, 2016. – 768 с.
6. ДТС – Древнетюркский словарь [Текст] / Н.А. Никитина, Н.П. Рычкова. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
7. КРС, 2001 – Китайско-русский словарь [Текст] / З. И. Баранова, В. Е. Гладцков, В. А. Жаворонков, Б. Г. Мудров. – М.: Русский язык, 2001. – 1418 с.
8. КРС, 2008 – Китайско-русский словарь. – Исправленное издание [Текст] / Сост. Чжу Имин, Яот Иэнь и др. – М.: Вече, 2008. – 1280 с.
9. КТС – Кыргыз тилинин сөздүгү [Текст] / А.А. Акматалиевдин жалпы редакциясы астында. – Бишкек: Avrasyapress, 2011. – 1618 с.
10. КТТС – Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү [Текст] / А.А. Акматалиевдин жалпы редакциясы астында: 1-том. – Бишкек: Avrasyapress, 2011. – 880 б.; 2-том. – Бишкек: Avrasyapress, 2011. – 891 б.
11. РКС – Русско-корейский словарь: около 30 000 слов [Текст] / сост. Д.М. Усатов, Ю.Н. Мазур, В.М. Моздыков. 2-е изд. – М.: Государственное изд. иностранных и национальных словарей, 1952. – 1056 с.

12. РТС – Русско-таджикский словарь: свыше 75200 слов [Текст] / С.Д. Арзуманов, Х.А. Ахрори, М. Бегбуди и др. / под ред. М.С. Асимова. – М.: Рус. яз., 1985. – 1280 с.
13. СИС – Словарь иностранных слов [Текст] / Л.Н. Комарова // Изд. 16-е, испр. – М.: Русский язык, 1988. – 624 с.
14. СРЯ – Словарь русского языка [Текст] / Гл. ред. А. П. Евгеньева // Изд. 2-е, испр. и доп. Том III. – М.: Русский язык, 1983. – 750 с.
15. СССДЯ – Хайдаков, С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков [Текст] / С.М. Хайдаков. – М.: Наука, 1973. – 179 с.
16. ССТМЯ, I – Цинциус, В.И. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / В.И. Цинциус. Том I. – Л.: Наука, 1975.–672 с.
17. ССТМЯ, II – Цинциус, В.И. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / В.И. Цинциус. Том II. – Л.:Наука,1977.–472 с.
18. УРС – Узбекско-русский словарь: около 17000 слов [Текст] / Т.Н. Кары-Ниязов, А.К. Боровков. – Ташкент: УзФАН СССР, 1941. – 736 с.
19. ЭСИЯ, I – Расторгуева, В.С., Эдельман, Д.И. Этимологический словарь иранских языков [Текст] / В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. Том I. – М.: Вост. лит., 2000. – 327 с.
20. ЭСИЯ, II – Расторгуева, В.С., Эдельман, Д.И. Этимологический словарь иранских языков [Текст] / В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. Том II. – М.: Вост. лит., 2003. – 502 с.
21. ЭСМЯ, I – Санжеев, Г.Д., Орловская, М.Н., Шевернина, Э.В. Этимологический словарь монгольских языков [Текст] / Г.Д. Санжеев, М.Н. Орловская, Э.В. Шевернина. Том I. А-Е. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2015. – 224 с.
22. ЭСМЯ, II – Санжеев, Г.Д., Орловская, М.Н., Шевернина, Э.В. Этимологический словарь монгольских языков [Текст] / Г.Д. Санжеев, М.Н. Орловская, Э.В. Шевернина. Том II. G-Р. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. – 232 с.

- 23.** ЭСМЯ III – Санжеев, Г.Д., Орловская, М.Н., Шевернина, З.В. Этимологический словарь монгольских языков [Текст] / Г.Д. Санжеев, М.Н. Орловская, Э.В. Шевернина. Том III. Q-Z. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2018. – 239 с.
- 24.** ЭСТЯ, 1974 – Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные) [Текст] / Э.В. Севортян. – Москва: Наука, 1974. – 768 с.
- 25.** ЭСТЯ, 1978 – Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» [Текст] / Э.В. Севортян // АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1978. – 349 с.
- 26.** ЭСТЯ, 1980 – Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д» [Текст] / Э.В. Севортян // Ред. Н.З. Гаджиева. М.: Наука, 1980. – 395 с.
- 27.** ЭСТЯ, 1989 – Севортян, Э.В., Левитская, Л.С. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» [Текст] / Э.В. Севортян. – М.: Наука, 1989. – 293 с.
- 28.** ЭСТЯ, 1997 – Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ» [Текст] / Э.В. Севортян. – М.: Языки русской культуры, 1997 (или 2000). – 368 с.
- 29.** ЭСТЯ, 2003 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» [Текст] / Отв. ред. А.В. Дыбо. – М.: Восточная литература РАН, 2003. – 446 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Принятые сокращения названий языков по алфавиту

ав. – аварский, авест. – авестийский, агул. – агульский, аз. – азербайджанский, аз.диал. – азербайджанские диалекты, алб. – албанский, алт. – алтайский, алт.диал. – алтайские диалекты, англ. – английский, анд. – андийский, араб. – арабский, арин. – аринский, арм. – армянский, арч. – арчинский, ассам. – ассамский, балк. – балкарский, бао. – баоаньский, бар. – барабинский, баск. – баскский, баш. – башкирский, баш. диал. – башкирские диалекты, беж. – бежитинский, бел. – бельгийский, белорус. – белорусский, берб. – берберский, болг. – болгарский, браг. – брагуи, бур. – бурятский, валл. – валлийский, венг. – венгерский, вепс. – вепсский, вост.-тюрк. – восточно-тюркский, гаг. – гагаузский, галис. – галисийский, герм. – германские, гин. – гинухский, гол. – голландский, горно-мар. – горномарийский, гот. – готский, греч. – греческий, гунз. – гунзибский, даг. – дагестанские, дагур. – дагурский, дагур.диал. – дагурские диалекты, дат. – датский, диал. – диалект (диалекты), диалектный, др.-англ. – древнеанглийский, др.-инд. – древнеиндийский, др.-ирл. – древнеирландский, др.-исл. – древнеисландский, др.-перс. – древнеперсидский, др.-прус. – древнепруссский, др.-тюрк. – древнетюркский (древне-тюркский), др.-уйг. – древнеуйгурский (древне-уйгурский), др.-яп. – древнеяпонский, дунс. – дунсянский, и.-е. – индоевропейские, индоир. – индоиранский, ирл. – ирландский, исланд. – исландский, исп. – испанский, итал. – итальянский, каз. – казахский, каз.диал. – казахские диалекты, калм. – калмыцкий, кан. – каннада, караг. (карагас.) – карагасский, кар. (караим.) – караимский, кар.г.,к.,т. – караимский (галичский, крымский и тракайский диалекты), кариб. – карибский, к.калп. (каракалп.) – каракалпакский, к.балк. – карачаево-балкарский, карач. – карачаевский, каталон. – каталонский, кач. – качинский, кин. – кинее, кырг. – кыргызский, кырг.диал. – кыргызские диалекты, кит. – китайский, койб. – койбальский, коман. – команский, кор. – корейский, кот. – котский, крыз. – крызский, к.-тат. (кр.-тат., крым.-тат.) – крымско-татарский, кум. (куман.) – куманский, кум. диал. – куманские диалекты, кум. (кумык.) – кумыкский, кыз. – язык кызыл, лак. – лакский, лат. (латин.) – латинский, латыш. – латышский, леб. – лебединский, лез. – лезгинский, лит. (литов.) – литовский, лоб. (лобнор.) – лобнорский, луг.-вост.-мар. – лугово-восточно-марийский, мал. – малайалам, малай. – малайский, мальт. – мальтийский, маньч. – маньчжурский, мог. – могольский, могор. – могорский, мок.-морд. – мокша-мордовский, монг. – монгольский(ие), монгор. – монгорский, нан. – нанайский, нег. – негидальский, нем. – немецкий, нен. – ненецкий, н.-луж. – нижнелужицкий, новоперс. – новоперсидский, ног. – ногайский, общемонг. – общемонгольский, общеслав. – общеславянский, общетюрк. – общетюркский, орок. – орокский, ороч. – орочский, осет. (осетин.) – осетинский, осм.тур. – османский турецкий, перс. – персидский, пехл. –

пехлевийский, п.-монг. – письменно-монгольский, польск. – польский, португ. – португальский, рум. – румынский, рус. – русский, рут. – рутульский, саг. – сагайский, сал. (салар.) – саларский, с.-юг. (сарыг-юг., сарыг-югур.) – сарыг-югурский, сер.-хор. – сербохорватский, серб. – сербский, скиф. – скифский, слав. – славянские, словац. – словацкий, совр. яп. – современный японский, сойот. – сойотский, сол. (солон.) – солонский, с.-хор. – славенско-хорватский, ср.-лат. – средне-латинский, ср.-монг. – средне-монгольский, ср.-перс. – среднеперсидский, таб. – табасаранский, там. – тамилский, тат. – татарский, тат.диал. – татарские диалекты, тел. – телеутский, тел. – телугу, тоб. – тобольский, тоф. (тофалар.) – тофаларский, тув. – тувинский, тув.диал. – тувинские диалекты, тунг.-маньч. – тунгусо-маньчжурские, тур. – турецкий, тур.диал. – турецкие диалекты, турк. (туркм.) – туркменский, турк.диал. – туркменские диалекты, тюрк. – тюркские, уд. – удинский, узб. – узбекский, узб.диал. – узбекские диалекты, уйг. – уйгурский, уйг. диал. – уйгурские диалекты, укр. – украинский, ульч. – ульчский, ур. – уральские, устар. – устаревший, устн. – устный, фин. – финский, фр. – французский, хак. (хакас.) – хакасский, хак.диал. – хакасские диалекты, халадж. – халаджский, х.-монг. (хал.-монг., халха-монг.) – халха-монгольский, хат. – хаттский, хвар. – хваршинский, хет. – хеттский, хор. – хорватский, цах. – цахурский, цез. – цезский, чаг. – чагатайский, чеш. – чешский, чув. – чувашский, швед. – шведский, шор. – шорский, эвенк. – эвенкийский, эвен. – эвенский, егип. – египетский, эрзя-морд. – эрзя-мордовский, эст. – эстонский, южн. – южный диалект, як. (якут.) – якутский.

2. Список сокращений названий языков по группам

I. Иберийско-кавказские языки (кавк. яз.)

1. Картвельские языки (картв. яз.)

зан. – занский	сван. – сванский
груз. – грузинский	чан. – чанский

2. Абхазско-адыгские (северо-западные) языки (ААЯ)

абх./абхаз. – абхазский	каб. – кабардинский
абаз. – абазинский	убых. – убыхский
адыг. – адыгейский	

3. Нахско-дагестанские (северо-восточные) языки (нах.-даг. яз.)

1) Нахские языки (нах. яз.)

бацб. – бацбийский	чеч. – чеченский
инг. – ингушский	

2) Дагестанские языки (даг. яз.)

а) авар. – аварский	ахв. – ахвахский
анд. – андийский	багв. – багвалинский
ботл. – болтлихский	тинд. – тиндинский
годоб. – годоберинский	чам./чамал. – чамалинский
карат. – каратинский	

б) бежит. – бежитинский	дарг. – даргинский
гунз. – гунзибский	лак. – лакский
в) агул. – агульский	рут. – рутульский
арч. – арчинский	табас. – табасаранский
будух. – будухский	удин. – удинский
крыз. – крызский	хинал. – хиналугский
лезг. – лезгинский	цахур. – цахурский

II. Уральские языки (урал. яз.)

1. Финно-угорские языки

1) Прибалтийско-финские языки

веп. – вепсский	лив. – ливский
вод. – водский	саам. – саамский
ижор. – ижорский	фин. – финский
карел. – карельский	эст. – эстонский

2) Волжские языки

эрз. – эрзянский (эрзя-мордовский)
 мок. – мокшанский (мокша-мордовский)
 гор.-мар. – горномарийский
 луг.-мар. – луговомарийский

3) Пермские языки

удм. – удмуртский
 коми-зыр. – коми-зырянский
 коми-перм. – коми-пермяцкий

4) Обско-угорские языки

хант. – хантыйский	манс. – мансийский
--------------------	--------------------

2. Самодийские языки

нен. – ненецкий	сельк. – селькупский
нган. – нганасанский	энец. – энецкий

III. Алтайские языки (алт. яз.)

1. Тюркские языки (тюрк. яз.)

аз./азерб. – азербайджанский
 алт. – алтайский
 бар./бараба – барабинский
 башк. – башкирский
 божн. – божнурди
 гаг. – гагаузский
 долг. – долганский
 др.-тюрк. – древнетюркский
 каз. – казахский
 кар.-балк. – карачаево-балкарский
 караим. – караимский
 каракалп./к.калп. – каракалпакский
 крым. – крымчакский (крымско-татарский)
 кумык. – кумыкский

кырг. – кыргызский
ног. – ногайский
салар. – саларский
сарыг-юг. – сарыг-югурский
тув. – тувинский
тур. – турецкий
турк. – туркменский
узб. – узбекский
уйг. – уйгурский
урум. – урумский
хак. – хакасский
хал. – халаджский
чув. – чувашский
чул. – чулымский
як./якут. – якутский

2. Монгольские языки (монг. яз.)

баоан. – баоаньский
бурят. – бурятский
дагур. – дагурский
дунсян. – дунсянский
калм. – калмыцкий
класс.монг. – классический монгольский
монг. – монгольский
халха-монг. – халха-монгольский
монгор. – монгорский

3. Тунгусо-маньчжурские языки (тунг.-маньч. яз.)

маньчж. – маньчжурский	удэг. – удэгейский
нан. – нанайский	ульч. – ульчский
нег. – негидальский	эвенк. – эвенкийский
орок. – орокский	эвен. – эвенский
ороч. – орочский	

4. Кор. – корейский, яп. – японский

IV. Палеоазиатские языки (палеоаз. яз.)

1. Чукотско-камчатские языки

алют. – алюторский	коряк. – корякский
ит. – ительменский	чук. – чукотский
кер. – керекский	чук.-камч. – чукотско-камчатские

2. Эскимосско-алеутские языки (эск.-ал.яз.)

эск./эским. – эскимосский
алеут. – алеутский

3. Нивх. – нивхский, юкагир. – юкагирский,
кет. – кетский

V. Индоевропейские языки (и.-е. яз./индоевр. яз.)

1. Алб. – албанский
2. Арм. – армянский
3. Балтийско-славянские языки (балт. яз., слав.яз.)
  - а) прус. – прусский (мертвый) лит. – литовский
латыш. – латышский
  - б) белор. – белорусский серб. – сербский
болг. – болгарский слов. – словинский
луж. – лужицкий словац. – словацкий
пол. – польский укр. – украинский
рус. – русский чеш. – чешский
4. Германские языки (герм.яз.)
  - анг. – английский нем. – немецкий
  - голл. – голландский норв. – норвежский
  - гот. – готский (мертвый) фарер. – фарерский
  - дат. – датский фриз. – фризский
  - др.-в.-нем. – древневерхненемецкий швейц. – швейцарский
  - исл. – исландский швед. – шведский
5. Греч. – греческий
6. Романские языки (ром. яз.)
  - галис. – галисийский порт. – португальский
  - ит. – итальянский пров. – провансальский
  - исп. – испанский рет. ром. – ретороманский
  - кат. – каталанский рум. – румынский
  - лат. – латынь/латынский сард. – сардинский
  - молд. – молдавский фр. – французский
7. Кельтские языки (кельт.яз.)
  - брет. – бретонский ирл. – ирландский
  - валл. – валлийский кельт. – кельтский(мертвый)
  - гэл. – гэльский
8. Индоарийские языки (инд. яз.)
  - асс. – ассами, ассамский неп. – непали
  - бенг. – бенгали, бенгальский пан. – панджаби
  - вед. – ведийский санскр. – санскрит (мертвый)
  - гуд. – гуджарати синг. – сингальский
  - мар. – маратхи цыг. – цыганский
  - (урду, хинди, ория, пали и др. без сокращения)
9. Иранские языки (ир. яз.)
  - авест. – авестийский (мертвый) перс. – персидский
  - афг. – афганский руш. – рушанский
  - бакт. – бактрийский (мертвый) сарык. – сарыкольский
  - барт. – бартангский семн. – семнанский
  - белудж. – белуджский согд. – согдийский (мертвый)
  - вах. – ваханский ср.-перс. – среднеперсидский

др.-перс. – древнеперсидский
ишк. – ишкашимский
курд. – курдский
маз. – мазандеранский
мунд. – мунджанский
осет. – осетинский
орош. – орошорский

тадж. – таджикский
тал. – талышский
тат. – татский
хуф. – хуфский
ягноб. – ягнобский
язг. – язгулямский

10. Дардские языки (дард. яз.)

башк. – башкарский, кашм. – кашмири; названия прочих языков (ашкун, вайгали, гавар, дамели, калаша, кати, кховар, майан, прасун, пхалури, торвали, шина, шумашти и др.) даются без сокращения.

VI. Сино-тибетские языки

а) кит. – китайский
б) бирм. – бирманский
в) вьет. – вьетнамский
г) дунг. – дунганский
д) др. кит. – древнекитайский

е) пек. д. – пекинский диалект
ё) ср. кит. – среднекитайский
ж) тай. – тайский
з) тибет. – тибетский

VII. Дравидийские языки

др.-тамил. – древнетамильский
др. канн. – древняя каннада
канн. – каннада

тамил. – тамильский
тел. – телугу
мал. – малаялам

VIII. Семито-хамитские (афразийские) языки

1. Семитские языки

аккад. – аккадский (мёртвый)
амхар. – амхарский
ассир. – ассирийский (мёртвый)
арам. – арамейский
араб. – арабский
вав. – вавилонский (мёртвый)
др.-евр. – древнееврейский
др.-арам. – древнеарамейский
ивр. – иврит
сир. – сирийский
угар. – угаритский

2. Др. - егип. – древнеегипетский

егип. – египетский
копт. – коптский

3. Берберо-ливийские языки

таш. – ташельхит (шилх, гат, зенага и др. без сокращения)

4. Чадские языки

5. Кушитские языки

бед. – бедауйе; прочие названия даются без сокращения: сахо, сомали, оромо,сидамо, хамир, кафа и др.